

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ
СТАВРОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ
И ПРИРОДНО-ЛАНДШАФТНЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК ИМ. Г. Н. ПРОЗРИТЕЛЕВА И Г. К. ПРАВЕ

ЧЕТВЕРТЫЕ ПРОЗРИТЕЛЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ
21-22 НОЯБРЯ 2007 Г.

*Министерство культуры Ставропольского края
Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный
музей-заповедник имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве*

Ставрополь – 2008

ББК

Научное издание

Печатается: по решению ученого совета Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве

Прозрителевские чтения: Сборник материалов научно-практической конференции. Выпуск 4 (научное издание)/ под редакцией кандидата исторических наук С.Н. Савенко. Ставрополь: «Вестник Кавказа», 2008. - с.

Материалы сборника посвящены краеведческой тематике и музейному делу, представляют культурное и природное наследие, историческое прошлое и настоящее, социально-культурную жизнь города, края, региона

© Ставропольский государственный музей-заповедник им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве

© Авторы

НАЙТИ СОХРАНИТЬ

СОДЕРЖАНИЕ

Савенко С.Н. От редактора

ЭТАПЫ И ДАТЫ В ИСТОРИИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ КРАЯ И РЕГИОНА

Горошинская И.А. Из истории села Татарка (образование и развитие, административное управление)

Охонько Н.А. Основание, учреждение или образование? (К проблеме определения времени происхождения некоторых населенных пунктов Ставрополья)

Саматоева В.В., Чесняк М.Г. К истории города Михайловска

Смирнова И.В. Основание и развитие Изобильного

РАЗВИТИЕ СТРУКТУР, ФОРМ И МЕТОДОВ УПРАВЛЕНИЯ В КРАЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Андрющенко Т.Н. Развитие землепользования, хозяйственной жизни и системы управления в селе Татарка в конце XVIII – XIX веке

Анкушин А.А. Административно-территориальное устройство кочующих народов Ставропольской (Кавказской) губернии (туркмены, ногайцы, калмыки).

Гочияева Р.К. Изменения в административном управлении Кавминвод в середине XIX века

ОТРАЖЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ИСТОРИИ КРАЯ В НАУЧНОМ И ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

Василенко И.В. История Ставропольской губернии на страницах «Ставропольских губернских ведомостей» второй половины XIX – начала XX вв.

Савенко С.Н. «Аланское государство» – дороссийский социально-политический феномен на Северном Кавказе

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Дронов А.В. Из истории изучения каменного века Ставрополья

Прокопенко Ю.А. Формирование в Ставрополе в конце XIX века системы по фиксации и сохранению археологических находок из памятников региона

Отюцкий И.В. Археологические таблицы Г.Н. Прозрителева за 1907 год (к 100-летию исследований В.А. Городцова на месте развалин г. Маджара)

Швырева А.К. Остеологические исследования на месте развалин г. Маджара за 1907 г.

Штайн К. Э., Петренко Д.И. [А.М. Дирр — этнограф, антрополог, лингвист, кавказовед](#)

Гордиенко А.Б. [Роль больших семей в повседневной жизни сельского населения Ставрополя в первой половине XX в. \(по материалам устных источников\)](#)

ИСТОРИЧЕСКОЕ И ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

Антонова Е.Е. [Историко-краеведческая деятельность северокавказских статистических комитетов](#)

Боровцова А. Е. [Влияние государственной власти на становление и развитие библиотечного дела на Ставрополье \(конец XIX – начало XX вв.\)](#)

Василенко И.В. [Периодическая печать в социокультурной жизни города \(по материалам газет «Северный Кавказ» и «Северокавказская газета»\)](#)

Волкова С.М. [А.Е. Богачкова. К 75-летию автора «Истории Изобильненского района»](#)

Денисенко М.Ю. [Милосердная и благотворительная деятельность Русской православной церкви в Ставропольском крае в конце XX – начале XXI вв.](#)

Капустина Н.И. [Общество друзей воздушного флота на Ставрополье в годы НЭПА](#)

Карагодин Е.В. [Вклад представителей ставропольской интеллигенции в развитие позитивных межнациональных отношений на Северном Кавказе \(вторая половина XIX – начало XX вв.\)](#)

Колесникова М.Е. [Новая биографика как одно из направлений изучения локальной истории](#)

Колосовская Т.А. [Казачьи переселенцы на Кавказских укрепленных линиях в отражении военных историков XIX – начала XX вв.](#)

Кущев С.Ю. [Система ретрансляции милитаристского идеала у горских народов Северного Кавказа \(феном исторической памяти\)](#)

Мешечко Н.В. [Вилор Алексеевич Бочарников – педагог, краевед, почетный житель с. Московского Изобильненского района](#)

Наумова Т.С. [Пространство и жизненный мир города Ставрополя в произведениях И.Д. Сургучева](#)

Ногина Е.В. [«Новая» буржуазия в системе официальной политики власти 1920-х годов](#)

Охонько Я.Н. [Создание системы судопроизводства на Северном Кавказе на начальном этапе интеграции \(XVIII в.\)](#)

Раснянская Н.А. [Благотворительность и роль местного самоуправления в развитии городов в XIX веке \(на примере г. Ставрополя\)](#)

Смирнова И.В. Изобильный начала XX века в коллекции рисунков старожила города Салинки Татьяны Тарасовны

Состин Д.И. Деятельность российских политических партий на Ставрополье в начале XX века. Опыт. Уроки истории

Ткаченко Д.С. Повседневная жизнь Кавказской армии по воспоминаниям очевидцев, собранным Г.Н. Прозрителевым

Шкарупа И.Ф. Сохраним историю потомкам

ИСТОРИЯ МУЗЕЙНОГО И АРХИВНОГО ДЕЛА

Колосовская Т.А. Об издательской деятельности архивных учреждений Кавказа во второй половине XIX в. (по материалам Кавказской археографической комиссии)

ИЗУЧЕНИЕ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ

Барабанова Е. Г. Монеты городов Боспорского царства в нумизматическом собрании Ставропольского государственного музея-заповедника. Роль Е.А. Пахомова в изучении данных монет

Бармина Т.Б. Опыт исследования эпистолярных источников на примере коллекции писем из фонда Зинаиды Яковлевны Ивановой (фонды СГМЗ им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе)

Данилевич В.Г. Типовые образцы в гербарии В.И. Липского из коллекции СГМЗ им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе

Данилевич В.Г. Гербарий СГМЗ об истории сельскохозяйственной опытной станции

Доронин И.В. Новые поступления в зоологическую коллекцию Ставропольского государственного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе

Лычагина Н.Л. О коллекции коммерческих документов ставропольских купцов Третьяковых из фондов СГМЗ

Лазарчева З.В. Политические репрессии в документальной коллекции музея истории Изобильненского района

Мешечко Н.В. Документальная коллекция «Воины-интернационалисты» музея истории Изобильненского района

Хирьянова Н.Г. Значение архивов в комплектовании документальных фондов Музея истории Изобильненского района

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ, СОХРАНЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ

Бурков С.Б. Туристско-рекреационные возможности объектов культурного наследия как фактор развития национальных культурных традиций и

[краеведческого движения на Северном Кавказе в современных условиях](#)

[Гайденко А.В., Данилевич В.Г. Историческая справка об урочище Корыта в эколого-эстетическом аспекте](#)

[Дзыбов Д.С. Этноботанический и историко-хозяйственный очерк городища Адиюх в Карачаево-Черкесии](#)

[Драчева О.Н. Святыня Татарского леса \(135 лет Святому колодцу\)](#)

[Проконова Т.В. Оценка масштабов почвообразующей деятельности дождевых червей в биотопах Ставропольской возвышенности](#)

[Швырева А.К. Экспедиция по спасению уникальной палеонтологической находки – скелета южного слона Archidiskodon meridionalis \(Nesti\)](#)

РАБОТЫ СТУДЕНТОВ И ШКОЛЬНИКОВ

[Дорофеева К. В. Особенности «стиля модерн» в архитектуре города Ставрополя](#)

[Измайлова К. Влияние масонства на развитие Ставрополя](#)

[Кондрина К. Путеводитель по музеям города Минеральные Воды \(тезисы\)](#)

[Кушеев С.Ю. Образ кавказца как «другого» в глазах европейцев в первой половине XIX в. \(на примере путевых заметок Яна Потоцкого и госпожи Адель Оммер де Гелль\)](#)

[Левшакова В.В. Роль Ставропольского губернского Общества сельского хозяйства в развитии животноводства и крестьянского хозяйства на Ставрополье](#)

[Любимова Л.С. Из истории деятельности профсоюзов на Ставрополье](#)

[Потоцкая И. Основные типы жилищ поселка Султановского \(конец XIX-началоXX века\)](#)

[Список сокращений](#)

ОТ РЕДАКТОРА

Музейно-краеведческие Прозрителевские чтения из года в год становятся все более популярной и авторитетной конференцией. 21-22 ноября 2007 года состоялись вот уже Четвертые чтения памяти одного из основателей музея Григория Николаевича Позрителева (1849-1933). Как и предыдущие конференции данные Чтения посвящались важным знаменательным датам в истории Ставрополья и всего Северного Кавказа, в данном случае – 230-летию Азово-Моздокской линии (1777) и 160-летию Ставропольской губернии (1847). В качестве приоритетной темы была избрана: «Формирование и развитие административной системы Ставропольского края в XVIII – XX веках в отражении музейных и архивных собраний». Доклады, связанные с данной проблематикой, заслушивались и обсуждались на пленарных заседаниях. Они опубликованы в разделах: «Этапы и даты в истории административных образований края и региона», «Развитие структур, форм и методов управления в крае в исторической перспективе», «Отражение административной истории края в научном и общественном сознании».

Традиционно работали и секции. Причем, если на Первых Прозрителевских чтениях они разделялись по отраслям знаний, на Вторых – по видам источников и материалов, на Третьих – по возрастным и образовательным категориям исследователей, то на нынешней конференции – по аспектам проблематики и тематической направленности докладов и сообщений. Выделялась и отдельная секция учащихся. В соответствии с данным разделением построена и структура сборника материалов конференции, предлагаемого на суд читателя. В нем находятся материалы, отражающие проблемы региональной археологии и этнографии, различные аспекты исторического и литературного краеведения, истории музейного и архивного дела, изучения музейных коллекций, вопросы сохранения и использования историко-культурного и природного наследия.

В работе пленарных и секционных заседаний в общей сложности приняло участие более 70 сотрудников музеев, работников образовательных учреждений, ученых краеведов-общественников, студентов и учащихся. В сборнике представлено краткое содержание 57 докладов 54 исследователей (часть из них по 2-3 доклада), выступавших индивидуально или в соавторстве. Примечательно то, что 17 авторов являются сотрудниками Ставропольского государственного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе, 5 из которых посвятили свои работы изучению музейных коллекций и 4 – актуальной проблематике сохранения и использования

историко-культурного и природного наследия региона. Из около 20 прозвучавших выступлений студентов и учащихся для публикации отобраны наиболее интересные и выполненные на достаточной высоком исследовательском уровне материалы. Реальными соавторами этих сообщений следует считать и их научно-творческих наставников – учителей и преподавателей учебных заведений, хотя фамилии не всех из них отражаются в представленных материалах.

Особенностью данного сборника материалов конференций является и то, что по решению Ученого Совета музея в него был включен ряд докладов, прозвучавших на Третьих Прозрителевских чтениях, но не опубликованных по различным объективным и субъективным причинам.

Надеюсь, что сборник найдет заинтересованного читателя, будет востребован, интересен и полезен, как и предыдущие издания материалов Прозрителевских чтений.

Савенко С.Н.

– заместитель директора
СГМЗ им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе
по научной работе,
кандидат исторических наук

ЭТАПЫ И ДАТЫ В ИСТОРИИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ КРАЯ И РЕГИОНА

Горошинская И.А.,
г. Ставрополь,
Специалист инспекции
Федеральной налоговой службы РФ
по Промышленному району

Из истории села ТАТАРКА (ОБРАЗОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ, АДМИНИСТРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ)

В октябре 1783 года шло массовое переселение крестьян Курской губернии в район Ставропольской крепости. Это были однодворцы, пожелавшие поселиться на Азово-Моздокской линии. Так появилось селение в двенадцати верстах от крепости Ставропольской при слиянии речек Мамайки и Мутнянки, которое назвали Надеждой.

Жителям вновь образованного села было предоставлено право, пользоваться землей, без всякого расчета в таком количестве, какое они сами в состоянии были обработать. Но люди искали земли еще более пригодные для хлебопашества, и в 1794 году крестьяне села Надежды в количестве четырехсот человек самовольно переселились особыми хуторами в урочище реки Татарки. Рядом проходила большая дорога «...идущая из городов Георгиевска и Ставрополя к укреплениям по реке Кубани расположенным» (1). Построили хорошие, прочные дома, водяные мельницы, занялись хлебопашеством и разведением скота, посадили тутовые сады. Проходивших по «большому тракту» военных, местные жители обеспечивали хлебом, сухарями и другим продовольствием.

Прожив, таким образом, более 20 лет решили они получить свой особый от села Надежды земельный надел, дабы не нести двойное отбывание повинностей. В 1815 году крестьяне татарских хуторов Максим Антонович Ерёмин и Иван Абрамович Комаров пишут прошение в Кавказскую казенную палату о разрешении «...отчислить их особым селением от Надежды под названием Ерёмино-Алексеевка, и устроить здесь каменную церковь» (2). Однако общественное правление села Надежды было категорически против того, чтобы отделить хутора, так как земля эта была очень удобной для земледелия и скотоводства. Поверенный от однодворцев села Надежды Гаврила Дехтерев, 25 сентября 1816 года пишет прошение

главнокомандующему на Кавказе генерал-лейтенанту Алексею Петровичу Ермолову «...приказать переселить всех их, как издревле принадлежащих к одному обществу, обратно в селение Надеждино, и заставить участвовать в исправлении всех повинностей наравне с настоящими его жителями ...а производство об отчислении от села Надеждина, живущих на хуторах, остановить и совершенно уничтожить» (3). Дело рассматривалось в Ставропольском нижнем земском суде, однако так и не увенчалось успехом в пользу хуторян. Но хуторяне категорически не желали покидать обжитых земель, и стойчески писали прошение за прошением, пока не добились своего. Со второй половины 1829 года «... Татарские хутора, заключающие в себе 437 ревизских душ» (4) были отчислены от селения Надежды особым отселком, сохранив и свое название.

По хозяйственным спискам жителей Татарских хуторов, представленных в управление Кавказской области можно судить об их благосостоянии. В каждой семье проживало от 4 до 12 человек, держали большое хозяйство: от 2-х до 35 коров и от 5 до 40 голов овец. А в приусадебных садах росло от 20 до 150 фруктовых и тутовых деревьев (5).

В 1835 году (в других источниках в 1833 году) (6), село Татарское было переименовано в станицу и причислено к Кубанскому казачьему полку. Жители станиц, принадлежавших к казачьему сословию, были в более выгодном положении, нежели государственные крестьяне, так как освобождались от уплаты податей, рекрутской повинности и других видов налогообложения. Да и общественный статус казаков был выше, чем у государственных крестьян, обедневшие казаки всегда чувствовали ощутимую поддержку со стороны военного ведомства.

И только в 1870 году, по Высочайшему повелению, казаки станицы Татарской снова были обращены в гражданское ведомство. В соответствии с «Правилами об отчислении тринадцати станиц казачьего войска в гражданское состояние» от 30 декабря 1869 года офицеры этих станиц и их семейства были отнесены к дворянскому сословию Ставропольской губернии. На этот момент село Татарское входило в состав Михайловской волости.

Волостное правление состояло из старшины, старост всех селений, входивших в волость, сборщиков податей и писаря.

На заседании Ставропольского губернского по крестьянским делам присутствия 20 декабря 1878 года обсуждался вопрос об учреждении правлений во всех селениях губернии численностью не менее 300 ревизских душ мужского пола. Для того чтобы проверить на практике такое нововведение, губернское присутствие ограничилось образованием волостей

только в близлежащих к городу Ставрополю селениях: Надежде, Татарском, Старомарьевском, Спицевском, чтобы иметь возможность «проследить за ходом дел в этих волостях».

Так в селе Татарском появилось волостное правление, куда входили: хутор Карягинский первый находился в 4-х верстах от волостного правления при речке Карягиной, в нем было 4 двора; хутор Карягинский второй находился в 6-ти верстах от волостного правления при речке Карягиной, в нем было 5 дворов; хутор Егорлыкский при речке Егорлык в 5-ти верстах от волостного правления, в нем было 5 дворов; хутор Темный на речке Темной в 7-ми верстах от волостного правления с 2-мя дворами; хутор крестьянина Полянского при речке Татарке в 2-х верстах от волостного правления – 1 двор, при котором находились водяная мукомольная мельница и саманный жилой дом; хутор крестьянина Давида Карягина при речке Татарке в $\frac{1}{4}$ версте от волостного правления – 1 двор, а при нем каменный дом и водяная мукомольная мельница; хутор Кузьминов при речке Егорлык в 6-ти верстах от волостного правления с 5-тью дворами. Также в 8 верстах от волостного правления находилась казенная Карягинская почтовая станция» (7). Волостного старшину избирали сроком на три года. Одними из первых старост села были: И. Карягин, С. Щелканов, Бородин.

Дома в селе строили в основном деревянные, а крыли соломой. Церковь в честь Казанской Божьей Матери, здания волостного правления и хлебного магазина были деревянными, а вот сельская тюрьма каменной. Была в Татарке кузница, питейный двор, одна ветряная и тринадцать водяных мельниц.

Сельское общество имело «...в общественном пользовании земли удобной – 11306,20 десятин и не удобной 3017,80 десятин, в том числе пахотной 5933 десятины» (8). В частной собственности у крестьян земли не было.

По статистическим сведениям за 1916 год в Татарской волости проживало 5674 человека, причем в отличие от других волостей преобладало мужское население – 3075 человек. К этому времени в селе появились и частные хозяйства, из 793 наличных хозяйств было 7 частных, на которые приходилось 76 лошадей, 405 голов крупного рогатого скота из которых 99 волов и 77 коров. На остальные 786 хозяйств приходилось 6817 овец; 4100 крупного рогатого скота (волол, быков, коров); 1835 лошадей и 2 верблюда (9).

В 1878 году в селе Татарском были открыты два одноклассных училища. Занятия начинались в декабре, после всех полевых работ, а заканчивались в апреле – перед посевными работами, ибо каждый ученик в

своей семье был, прежде всего, помощником. Продолжительность курса обучения – 3 года. До 1897 года учащихся мальчиков было больше, чем девочек. Да оно и понятно: в большинстве семей считалось, что грамота девочке ни к чему. Например, в церковно-приходском училище обучалось 25 мальчиков и только 5 девочек, а в училище министерства просвещения 28 мальчиков, девочек - 7.

До 1913 года сведения о школах в Ставропольской губернии носили общий, справочный характер. А вот уже с января 1913 года, в соответствии с "Положением о земских учреждениях в губерниях Астраханской, Оренбургской и Ставропольской" были введены земские учреждения, куда вошли школы, библиотеки, больницы, тогда-то и была принята отделом народного образования программа текущей школьной статистики.

С 1906 года и до начала революции 1917 года попечителем Татарских училищ был местный крестьянин Никифор Миронович Маслов, который заботился обо всех хозяйственных нуждах. В 1914 году в отчете инспектору народных училищ заведующая Татарским Александровским (так называлось первое училище) училищем Мария Васильевна Никитина сообщает, что площадь здания училища - 11 квадратных сажений, число парт – 28, освещение – керосиновое. О состоянии здоровья учащихся не упоминается, так как фельдшера и аптеки в селе Татарском не было. В ученической библиотеке хранилось 179 книг на сумму 71 рубль 24 копейки.

Местный священник Алексей Красовский преподавал Закон Божий, его жалование составляло 100 рублей в год, а Мария Васильевна Никитина была не только заведующей училищем, но и единственной учительницей, которая преподавала русский язык, арифметику, церковно-славянский и чистописание. Её жалование составляло 400 рублей в год (10).

Благосостояние земского учителя (как и теперешнего) оставляло желать лучшего, часто задерживали жалованье, не всегда было достаточно дров, чтобы отапливать квартиру, которая чаще всего была в одном здании с училищем, поэтому учителя долго на одном месте не засиживались. Уже в 1916 году учительницей в первом училище была Елизавета Алексеевна Миллер, а во втором – Аделаида Ивановна Сипягина, ну а количество учащихся к этому времени увеличилось. В первом училище обучалось 30 мальчиков и что самое замечательное - 22 девочки, во втором 22 мальчика и 21 девочка (11).

Все приведенные данные о Татарке, взяты из документов. Не найден пока документ, подтверждающий, что на территории села Татарки была коммуна, организованная молодежью в 1921 году, в октябре месяце, правда, продержалась она всего 23 дня, а распалась из-за голода.

Село Татарка пережило все метаморфозы старины и истории. Это и зажиточные казачьи хутора, и преддверие революции, затем коммуна, колхоз, тяготы войны и очень трудные послевоенные годы, постепенный подъем сельского хозяйства. Строительство молочно-товарных ферм, овцекомплекса, самого большого в крае, выращивание садов, в которых ветви гнулись под тяжестью урожая, строительство новой школы, совхозной конторы, клуба. Почти все жители села и хуторов были заняты работой на месте.

А потом... 1990-е годы пронесли над судьбами людей и села как ураган. Обветшала школа, в которой не было капитального ремонта вот уже 35 лет, поля заросли бурьяном, сады выкорчевали, здание конторы перепродавалось из рук в руки, а теперь это пристанище бомжей.

Не хочется ставить точку на такой пессимистической ноте. Надежда еще есть. Вырастет молодое поколение, и, возможно, возродит былое: завалит золотым зерном пустующие тока, зацветут вновь посаженные сады и речки потекут по очищенным руслам, а пока... мы живем потому, что рядом город, дающий хоть какие-то рабочие места.

Использованная литература и источники:

1. ГАСК, Ф-87, Оп.1, Д.720, л. 13об.
2. ГАСК, Ф-87, Оп.1, Д.720, л. 14.
3. ГАСК, Ф-87, Оп.1, Д.720, л.1.
4. ГАСК, Ф-79, Оп.1, Д.496, л.66.
5. ГАСК, Ф-79, Оп.1, Д.496, лл.35-38.
6. ГАСК, Ф-1253, Оп.1, Д.1644 (карта).
7. ГАСК, Ф-299, Оп.1, Д. 1772, лл.14об, 74-81.
8. ГАСК, Ф-299, Оп.1, Д.1772, лл.74, 74 об.
9. ГАСК, Ф-80, Оп.2, Д. 2, лл.16об, 24об, 25, 33об, 34.
10. ГАСК, Ф-15, Оп.2, Д. 3391 лл.54-55об.
11. ГАСК, Ф-311, Оп. 1, Д. 397, лл.14, 15, 15об.
12. Твалчрелидзе А.И. Ставропольская губерния в статистическом, географическом, историческом и сельскохозяйственном отношениях.
13. История сел и станиц Шпаковского района. - Шпаковское, 1997.

НАЙТИ ◆ СОХРАНИТЬ

Охонько Н.А.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник
им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве,
директор

**ОСНОВАНИЕ, УЧРЕЖДЕНИЕ ИЛИ ОБРАЗОВАНИЕ?
(К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВРЕМЕНИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ НЕКОТОРЫХ
НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ СТАВРОПОЛЬЯ)**

В последнее время мы наблюдаем рост интереса населения и руководства муниципальных образований к своей истории. Давность происхождения того или иного населенного пункта становится элементом престижа и предметом гордости за свою малую родину. На этом фоне определяется желание докопаться до исторических корней возникновения села или города и, если для этого есть повод, предельно увеличить его возраст. Такое стремление не всегда бывает обоснованным. В отличие от поселений внутренних губерний России или от старинных горских поселений, населенные пункты Ставрополья возникали не спонтанно, их создание являлось результатом государственной переселенческой политики. За исключением единичных "Найденовок", "Дурноселовок" и "Привольных", все населенные пункты Ставропольской губернии образовывались на основании официальных решений властей. Поэтому при желании время основания каждого поселения можно подтвердить тем или иным документальным источником.

Начался этот процесс с устройства Азово-Моздокской линии, когда решением высшего уровня – императорским указом от 24 апреля 1777 г. было объявлено о создании 10 крепостей со станицами между Моздоком и Азовом (1). На практике одна из крепостей – Андреевская, была упразднена, а остальные были построены и дали начало семи существующим поныне поселениям Ставрополья.

В 1960-1970-е годы дату основания этих поселений: г. Новопавловска, г. Георгиевска, с. Александровского, с. Северного, г. Ставрополя, с. Московского и с. Донского, принято было отсчитывать с 1777 г. В частности, основание Ставрополя установлено с точностью до дня его закладки – 22 октября (ст. стиля). 1777 год отмечается во всех вышеперечисленных населенных пунктах как дата их основания.

Однако в 1777 г. на Азово-Моздокской линии были заложены не все крепости и станицы при них. В конце этого года на Кубани произошло восстание ногайцев, не желавших подчиняться России. Для урегулирования

этого вопроса был сформирован Кубанский военный корпус под командованием А.В. Суворова. Знаменитый полководец с присущим ему размахом не только усмирил восставших, но и в короткий срок построил вдоль правого берега Кубани оборонительную линию. В результате правый фланг Азово-Моздокской линии оказался в тылу, и работы по устройству крепостей Московской и Донской в 1777 г. не были начаты.

Так как русско-турецкая граница по Азово-Моздокской линии была закреплена международным договором (2), и правый берег Кубани не являлся российской территорией, то Турция оспорила данный вопрос. Кубанская линия была оставлена, и для прикрытия правого фланга границы летом 1780 г. были заложены Московская и Донская крепости, давшие начало современным одноименным селам (3). В связи с этим возникает вопрос, с какого момента вести отсчет основанию этих поселений. Для того чтобы ответить на данный вопрос, мы предлагаем использовать два термина. По нашему мнению, 24 апреля 1777 г. был принят официальный акт *учреждения* крепостей, давших начало семи населенным пунктам, в том числе селам Московскому и Донскому. Объективные обстоятельства не позволили заложить эти крепости сразу. Это событие, которое лучше сформулировать как *основание* указанных поселений, произошло два года спустя, летом 1780 г. Как в прошлом, так и сейчас, первичным и главным актом создания какого-либо населенного пункта (или юридического лица) является организационный этап, который завершается принятием решения уполномоченного на то органа власти (другого юридического лица или лиц). Практические действия по устройству поселения могут быть начаты не сразу, а в зависимости от обстоятельств. Все это позволяет сделать заключение, что отсчет основания поселения начинается с его *учреждения*. Данный вывод подтверждается не только юридическим обоснованием, но и применяемой терминологией. Наиболее близким синонимом глаголу "учредить" является глагол "организовать". Термин "основание" ближе всего соответствует слову "фундамент", так как отражает стадию практических действий.

С учетом вышесказанного отсчет времени создания сел Московского и Донского правомерно вести с 1777 г. Организационный этап по созданию Азово-Моздокской линии, начавшийся сразу после заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора, продолжался без малого три года и завершился утверждением императрицей Екатериной II доклада Астраханского, Новороссийского и Азовского генерал-губернатора князя Потемкина "Об *учреждении* линии от Моздока до Азова" (здесь и далее курсив мой – Н.О.). Представляется, что и органы управления других поселений, заложенных в цепи Азово-Моздокской линии, правомочны

принять официальное решение о происхождении своих исторических населенных пунктов, взяв за точку отсчета 24 апреля 1777 г.

Учитывая, что появление населенного пункта может заключать в себе некий процесс, растянутый во времени и включающий в себя как минимум два этапа – *учреждение и основание*, то для обозначения этого процесса требуется объединяющий термин. Его можно выразить глаголом "*образовать*". В словаре В.И. Даля это понятие раскрывается через синонимический ряд глаголов "устанавливать, учреждать, основывать, создавать, сводя в единое целое" (4). Таким образом, значение этого слова объединяет в себе всю совокупность действий по созданию населенного пункта – от замысла и решения, до их практического воплощения.

Образование населенных пунктов на Кавказской линии часто сопровождалось их переносом на другое место. Так, к примеру, произошло со станицей Марьинской. Она была создана в 1777 г. как укрепленный пункт в цепи Азово-Моздокской линии. В 1826 г. крепость была оставлена, а казачья станица переведена на р. Малку, где проходила граница с горами. Предлагаемый нами набор терминов для определения времени создания населенного пункта позволяет заключить, что *учреждена* станица была 24 апреля 1777 г., а *основана* на новом месте в 1826 г. *Образование* же станицы можно отнести к 1777 г.

Ситуация со ст. Марьинской относится к примерам "чистого эксперимента". На прежнем месте ее создания сегодня ничего, кроме руин крепости не осталось. Станица не оставила здесь метрополии, сохранив при переносе свое исконное название. Сложнее обстоит дело с такими станицами, как Горячеводская, Суворовская, Беломечетская и др., которые были основаны на новых местах казаками, переселенными с Азово-Моздокской линии.

Здесь следует учесть следующие обстоятельства. Эти новые поселения основывались лишь частью населения метрополии, а иногда одно поселение закладывали выходцы из нескольких населенных пунктов, а несколько поселений могло быть основано переселенцами из одной метрополии. При этом новый населенный пункт получал другое название.

Переселение на новые места происходило не вдруг. Этому также предшествовала организационная работа и издание правового акта. Так обстояло дело с переводом казаков с Азово-Моздокской линии, оказавшейся в начале XIX в. в тылу новой границы. Произошло это по инициативе главноначальствующего на Кавказе А.П. Ермолова. На основе его предложений, выработанных 11 марта 1821 г., Комитет министров 11 декабря 1823 г. утвердил положение "О наделении землями казаков, на

Кавказской линии поселенных" (6). Согласно этому правовому акту хоперские и волжские казаки с Азово-Моздокской линии переселялись в предгорья, где основывались новые станицы. Процесс переселения осуществлялся постепенно и завершился лишь в конце 1820-х годов. В результате возникают такие новые станицы, как уже упомянутая Марьинская, Старопавловская, Горячеводская, Бекешевская, Ессентукская, Карантинная (Суворовская), Беломечетская, Баталпашинская и др.

1823 год для этих станиц можно считать актом их учреждения, а основание на новом месте происходило на протяжении ряда последующих лет. Дату образования этих поселений может установить орган управления по своему усмотрению, взяв за точку отсчета или акт учреждения, или непосредственное основание станицы. Так поступила администрация ст. Лысогорской. Эта станица была названа среди вновь учреждаемых в 1823 г. Задолго до этого здесь существовал сторожевой пост. Однако юридический статус как станица она получила лишь в на основании именного указа от 6 ноября 1860 г. "Об учреждении в 1861 году семи новых станиц в Кавказском линейном казачьем войске" (6). Изучив вопрос, администрация станицы сочла верным вести свою родословную от первого официального упоминания в правовом акте 1823 г. Данное решение получило закрепление в официальном документе Лысогорского муниципального образования. Хотя можно рассматривать вопрос и об образовании этой станицы в 1821 г., так как А.П. Ермолов, внося свои предложения на рассмотрение правительствующих инстанций, упоминает, что уже выслал из Георгиевска до 100 дворов казаков "основать станицу при Лысогорском посту" (7, с. 607).

В свете обсуждаемой проблемы интересно выглядит ситуация с образованием г. Пятигорска. В очерке об этом городе в последнем научном издании "Истории городов и сел Ставрополя" осторожно говорится, что Пятигорск "берет начало от крепости Константиногорской, основанной в 1780 г. на Азово-Моздокской линии" (8, с.104). В недавно изданном "Энциклопедическом словаре Ставропольского края" образование г. Пятигорска излагается следующим образом: "В 1780 г. на Азово-Моздокской оборонительной линии вблизи "горячих вод" была заложена Константиногорская крепость – в 4 верстах от г. Машук. В 1812-1816 гг. построено Горячеводское поселение, в 1830 г. преобразованное в город и названное Пятигорском" (9, с.294).

1780 год считается официальной датой образования г. Пятигорска и ежегодно отмечается как городской праздник. Однако по этому поводу возникает целый ряд вопросов. Так, до сих пор не найден документ об учреждении крепости Константиногорской. Имеется лишь источник,

говорящий о целесообразности строительства этой крепости, датируемый 1780 годом (10, с. 13). Точная дата закладки крепости неизвестна, а ее строительство предположительно было завершено в 1783 г. (11, с.7). Территория крепости изначально располагалась в стороне от г. Пятигорска, на расстоянии нескольких верст, и вошла в его черту позже, вследствие расширения городской территории.

Основным сомнением в отношении принятой сегодня точки зрения на время основания этого города заключается, однако, в следующем. Пятигорск был официально образован как субъект Кавказской области на основании нескольких правительственных постановлений, главным из которых является высочайше утвержденное положение Комитета министров "Об учреждении при Кавказских минеральных водах *нового* города Пятигорска, и о переводе туда Присутственных мест из города Георгиевска" (12). Вследствие того, что город образовывался как "новый", для него архитектором Бернардацци был разработан план, за который автор был награжден следующим чином. Вместе с планом было официально утверждено и название города (13). То есть образование города Пятигорска носит классический характер, и следует задуматься, насколько обоснованно относить дату его основания к 1780 году. В современных границах Пятигорска с указанного времени и до 1830 г. существовали такие самостоятельные административные единицы как сама крепость Константиногорская со слободкой, Горячеводское поселение (с 1812 г.) и станица Горячеводская (учреждена в 1823 г.). Территория же собственно Пятигорска, именуемая "Горячими водами", иногда "Константиногорскими водами" (14), использовалась для лечения, а не для проживания. Здесь, под присмотром гарнизона крепости вначале ставились временные палатки, ногайские и калмыцкие юрты, затем постепенно стали появляться стационарные строения для обслуживания посетителей вод. Из рапорта гражданского губернатора М. Л. Малинского от 14 февраля 1810 мы узнаем, что приезжающие на лечение могли найти жилье за высокую плату лишь в домах "коих несколько выстроено по большей части отставными военнослужившими при кр. Константиногорской" (15). Первое деревянное здание на курорте было построено лишь в 1812 г. Примерно с этого времени непосредственно у лечебных источников возникает первый курортный поселок, называемый Горячеводским. Строго говоря, Пятигорск получает свое основание именно с этого поселения. При А.П. Ермолове для этой территории начинают составляться первые планы. Все это подготовило учреждение здесь в 1830 г. города. В этом году с принятием правительственного акта об учреждении города закончилась предыстория Пятигорска, и началась его официальная история.

В результате мы имеем ситуацию, когда вначале произошло растянутое во времени *основание*, с неясной первоначальной датой, а в 1830 г. правительством страны был принят официальный акт, учреждавший город. Таким образом, фактической и юридической датой образования этого населенного пункта следует считать 1830 год.

Пример Пятигорска наглядно демонстрирует, сколь сложной может быть затрагиваемая проблема, и насколько существенным может быть расхождение между общепринятым мнением по вопросу о времени основания населенного пункта и научно аргументированными, юридически подкрепленными данными.

Использованная литература и источники:

1. ПСЗ, собр. 1, т. 20, № 14.607.
2. ПСЗ, собр. 1, т. 20, № 14.164.
3. Бочарников В.А. К вопросу о дате основания крепости Московской и крепости Донской (по материалам ЦГАДА, ЦГВИА и др.). Рукопись, научная библиотека СГМЗ, инв. № 30250.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Электронная версия. – "БИЗНЕСОФТ", 2004.
5. ПСЗ, собр. 1, т. 38, № 29.682.
6. ПСЗ, собр. 2, т. 35, отд. 2, № 36285.
7. АКАК, т. 6, ч. 2. - Тифлис, 1875.
8. История городов и сел Ставрополя. Краткие очерки. – Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 2002.
9. Энциклопедический словарь Ставропольского края. – Ставрополь, 2006.
10. Боглачев С.В. Архитектура старого пятигорска. Издание 2-е, исправленное и дополненное. – Пятигорск: Издательство "Снег", 2007.
11. Фоменко В.А. Константиногорская крепость: исторический очерк / Под ред. и с предисл. канд. ист. наук Клычникова Ю.Ю. – Пятигорск, 2002.
12. ПСЗ, собр. 2, т. 5, № 3662.
13. РГИА, ф. 1263, оп. 1 д. 647, л.л. 197-199.
14. АКАК, т. 6, ч. 2. – Тифлис. – 1875, с. 592.
15. АКАК, т. 4 – Тифлис. 1870, с. 919.

НАЙТИ ♦ СОХРАНИТЬ

Саматоева В.В.,
г. Ставрополь,
Северо-Кавказский технический университет,
гуманитарный факультет, студентка
Чесняк М.Г.,
г. Ставрополь,
доцент, кандидат педагогических наук

К ИСТОРИИ ГОРОДА МИХАЙЛОВСКА

В год 230-летия создания Азово-Моздокской линии, имевшей важное стратегическое значение в формировании границ российского государства, представляет интерес исследование не только история постройки оборонительных укреплений, но и возникновения, связанных с ними поселений мирных жителей.

В начале октября 1784 г. к Ставропольской крепости из Михайловской слободы Курской губернии прибыл переселенческий обоз государственных крестьян-однодворцев, в основном бывших служивых людей. Старики из обоза обратились к подполковнику хоперских казаков Устинову Конону Тимофеевичу, который, видя горестное положение голодных и оборванных переселенцев, на свой страх и риск указал на северо-восток. Так в девяти верстах от Ставропольской крепости в балке речки Чла было положено начало станице Михайловской.

Если в 1784 г. переселенческий обоз состоял примерно из полутора тысяч крестьян, то 1784 г. – 1544 человека; 1790 г. – 2552 человека; 1897 г. – 7940 человек; 1909 г. – 12452 человека; 1979 г. – 45754 человека; 2005 г. – 63969 человек.

Изменялся национальный состав Михайловска. В 1897 г. в ходе переписи выявлено «623 души иногородних россиян», а в 1909 г. – 930. Сегодня здесь проживают русские и армяне, цыгане, украинцы, представители других национальностей.

Постепенно менялась площадь, занимаемая поселением. Так, к 1790 г. земельная площадь крестьян Михайловки составляла 27406 десятин. После столыпинской аграрной реформы только земельные наделы крестьян составили 35924 десятин. А к 1979 г. площадь селения, протянувшегося вдоль русла реки Чла-Ташла, достигла около 2500 гектаров. Сегодня территория города Михайловска составляет 2,4 тыс. кв. км.

Представляет интерес исследование названия станицы и ее административного статуса. Н.Г.Завгородний («Неиссякаемая живучесть») о

возникновении названия станицы пишет следующее. «Помолились богу, поклонились земле, застолбили и дали новому селу название Михайловское, в честь своей родной слободы Михайловской, чтобы душа переселенца меньше тосковала по родимой сторонущке». Но это лишь одна из версий. Бытует мнение, что станица названа Михайловской, в честь царя Михаила Федоровича Романова. Среди жителей распространена легенда о том, что первоначально селение называлось Члавское (по имени речки Чла, протекающей через село). В.Г. Гниловской пишет в книге «Занимательное краеведение», что «некий чиновник, ведавший переселенческим делом в Ставропольской губернии, «использовал» свое служебное положение и назвал село именем своего сына Михаила – Михайловское».

В 1790 г. Михайловское являлось административным центром казачьего полка. С этого времени духовным центром Михайловского была церковь, находившаяся на базарной площади. Через площадь проходила грунтовая дорога (тракт, а в народе «шлях») из крепости Ставропольской в крепость Донскую.

В ходе Кавказской войны пограничная линия передвинулась к югу. В верховьях Кубани возникли новые укрепления – казачьи станицы. Ставрополь потерял свое военное значение, а оставшиеся в тылу 12 станиц, в том числе и Михайловская, были обращены в гражданское состояние и включены в состав Ставропольской губернии. В 1827 г. в Ставропольском округе Кавказской области была образована волость с центром в Михайловском.

С 1 января 1833 г. селение было причислено к Ставропольскому казачьему полку Кавказского линейного войска с названием станица Михайловская, где разместился штаб Ставропольского казачьего полка.

С 1 января 1890 г. станица Михайловская была переименована в село Михайловское.

С 1 июля 1924 г. Ставропольская губерния была преобразована в округ, а уезды – в районы. Округ вошел в состав Северо-Кавказского края с центром в г. Ростове-на-Дону. Село Михайловское вошло в Ставропольский район. 1 июня 1937 г. образовался Михайловский район: 41 населенный пункт, 9 сел, 3 станицы, 22 хутора, 1 город.

В 1963 г. село Михайловское было переименовано в Шпаковское в честь героя Гражданской войны Ф.Г.Шпака.

В 1999 г. село Шпаковское получило статус города, с названием Михайловск. Город является административный центр Шпаковского района Ставропольского края.

В этом году городу Михайловску исполняется 223 года. В нем работают завод автомобильных деталей «Цитрон», завод строительных материалов и деталей «Стройкон – 2», завод металлоконструкций, ремонтный завод. В городе 11 общеобразовательных школ, музыкальная и художественная школы, филиал Московского лингвистического университета, 2 дома культуры, кинотеатр, библиотеки.

Использованная литература и источники:

1. Беликов Г. Град Креста. – Ставрополь: Ставропольское кн. изд-во, 2005.
2. Завгородний Н.Г. Неиссякаемая живучесть (записки краеведа). – с. Шпаковское, 1994.
3. Край наш Ставрополье: очерки истории – Ставрополь: Шат Гора, 1999.
4. История городов и сел Ставрополья. Краткие очерки. – Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 2002.
5. Энциклопедический словарь Ставропольского края/ Главный редактор Шаповалов В.А. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006.

Смирнова И.В.,
г. Изобильный,
Музей истории Изобильненского района,
директор

ОСНОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ИЗОБИЛЬНОГО

На северо-западе Ставрополя находится один из красивейших городов Юга России – Изобильный, прошедший большой и интересный путь от маленького степного хуторка до крупного районного центра.

17 февраля 1897 года газета «Северный Кавказ» писала: «Открылась железнодорожная ветка Владикавказской железной дороги. По ней будут перевозить арестантов до села Петровского». Строительство её от станции Кавказская началось ещё в 1893 году. В 1895 году появился небольшой разъезд с железнодорожной будкой. Новая станция получила название Изобильная по названию ближайшего хутора, ныне станции Староизобильной.

Предприимчивые купцы понимали большую выгоду поселения в хлебных местах, да еще и при железной дороге. Поэтому, не скупясь, арендовали 80 десятин земли у Тищенского общества. Назвали посёлок Изобильно - Тищенским.

Буквально за три месяца появилось множество лавок, зерновых ссыпок, заезжих дворов и питейных заведений. Купцам требовались рабочие руки и потянулись сюда переселенцы из центральной России и Малороссии, Ставрополя и Кропоткина, Ростова и Новочеркасска.

С 1898 года по 1920 год посёлок Изобильно - Тищенский входил в состав Безопасненской волости Ставропольского уезда Ставропольской губернии.

Наибольшее развитие здесь получили мукомольное и маслособойное производство. К 1905 году в Изобильно – Тищенском насчитывалось около сорока ссыпок, два маслозавода, двадцать три лавки, две лесные биржы, харчевня, лимонадный завод, аптека. Действовала одноклассная церковно – приходская школа.

С 30 апреля 1920 года с образованием Тищенской волости посёлок Изобильно - Тищенский стал относиться к Тищенской волости Ставропольского уезда Ставропольской губернии.

На основании Постановления Президиума Всероссийского Центрального исполнительного комитета от 2 июня 1924 года из бывшей

Ставропольской губернии был образован округ и районы. В связи с районированием был образован Московский район с центром в селе Московском. Теперь поселок Изобильно-Тищенский относился к Московскому району Ставропольского округа.

В Постановлении Президиума ВЦИК, опубликованном в газете «Власть Советов» 13 апреля 1929 г. имеются сведения о перенесении центра Московского района Ставропольского округа Северо-Кавказского края из села Московского в поселок Изобильно – Тищенский и переименовании Московского района в Изобильно – Тищенский район. Село стало называться Изобильно-Тищенское Изобильно-Тищенского района Ставропольского округа, а в связи с ликвидацией округов в 1930 году Ставропольского края.

На основании постановления ВЦИК от 23 января 1935 года Изобильно-Тищенский район переименован в Изобильненский район.

Нелёгким испытанием для изобильненцев стала Великая Отечественная война. Фашистская оккупация, продолжавшаяся 173 дня, нанесла немалый урон: сожгли новое здание школы, взорвали мельницу, клуб, вокзал, вывели из строя путевое хозяйство станции, уничтожили оставшуюся сельскохозяйственную технику. Горел элеватор, горела пшеница, мука.

После освобождения начинается восстановление разрушенного хозяйства. Стремительно развивается село в послевоенные годы: 1948 г.- построен ремонтно-механический завод, 1954 г.- дала первый ток Новотроицкая ГЭС, 1957 г.- закончено строительство головных сооружений газопровода Ставрополь-Москва, 1959 г.- введён в эксплуатацию элеватор, 1965 г. – вступил в строй консервный завод.

9 октября 1965 года Указом Президиума Верховного Совета РСФСР село Изобильное было преобразовано в город Изобильный. На административной карте Ставрополя появился новый город, статус которого во многом обеспечивала газовая отрасль, развивавшаяся здесь бурными темпами. На улице Колхозной вырос городок газовиков, где жили работники Изобильненского районного управления. Здесь начинался нулевой километр газопровода Ставрополь - Москва. Газовики много сделали для промышленного развития Изобильного. Населенный пункт стал быстро газифицироваться, на природный газ переводились предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции. Газовики много строили в те годы: жилые дома, поликлиника, районная больница, кинотеатр «Факел», гостиница «Голубые огни», магазины и множество других объектов. На улицах Изобильного появилось асфальтовое покрытие, тротуары.

В 1966 году в городе Изобильном начал работу завод «Атлант» производственного объединения «Эльбрус» - одно из крупнейших

предприятий министерства электронной промышленности. В 1969 году выдает первую продукцию сахарный завод – единственный на Ставрополье.

Постановлением Совета министров РСФСР от 19 декабря 1986 г. был создан агропромышленный комбинат «Изобильное», объединявший более 40 предприятий с численностью работающих более 18 тысяч.

Летом 1973 г. Изобильненский городской Совет объявил конкурс на лучшее изображение герба города Изобильного. Многие местные художники с энтузиазмом приняли в нем участие. Борис Иванович Беспалов, заведующий художественной мастерской, представил на конкурс десять различных по компоновке вариантов. Художественный совет конкурса отдал предпочтение одному из этих вариантов, и он стал официальным гербом города, закрепленным решением городского совета 20 июня 1973 г.

На красно – синем геральдическом щите шестерня – символ развивающейся индустрии Изобильного, золотые колосья – традиционный символ высоких урожаев на окрестных полях, факел символизирует развитую газовую промышленность. 1895 – год основания и название города – Изобильный.

Даже маститые художники отмечали удачную компоновку в сочетании с глубоким содержанием герба. С тех пор при въезде в город, на витринах, вымпелах и т.п. начертан наш герб.

5 октября 1995 года торжественно отметили 100-летие Изобильного. К юбилею были реконструированы и построены новые здания и учреждения: Дворец бракосочетания, кино-концертный зал «Факел», коммерческий банк «Лангепас», перестроен Дом культуры.

Сегодня Изобильный – красивый, утопающий в зелени и цветах город, с парком и скверами, школами и детскими садами. Здесь проживают почти 39 тысяч человек. Неоднократно Изобильный входит в число призеров Всероссийского конкурса на звание «Самый благоустроенный город России» среди малых городов.

Использованная литература и источники:

1. Богачкова А.Е. История Изобильненского района. Ставрополь, 1994
2. Фонды ГУК «Музей истории Изобильненского района» г. Изобильный: Фонд 1 ед.хр.2 – Изобильненский район, Фонд 1 ед.хр. 9 – Изобильненский район. Город Изобильный, Фонд 11 ед.хр. 10 – Беспалов Б.И.

РАЗВИТИЕ СТРУКТУР, ФОРМ И МЕТОДОВ УПРАВЛЕНИЯ В КРАЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Андрющенко Т.Н.,

с. Татарка,

Историко-краеведческий музей с.Татарка –
филиал СГМЗ им. Г.Н. Прозрителева и Г.К.Праве,
заведующая

РАЗВИТИЕ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ, ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ И СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В СЕЛЕ ТАТАРКА В КОНЦЕ XVIII – XIX в.

Сооружение Азово – Моздокской оборонительной линии обусловило в дальнейшем возникновение городов и сел на всей этой территории. Раздача земель государственным крестьянам на Кавказской линии была определена Сенатом на основании указов от 22 декабря 1782 года, 24 июня и 18 декабря 1784 года, согласно которым предполагалось их «раздавать желающим под поселения без различия рода и звания» (конечно, кроме крепостных). Указом 18 декабря 1784 года это положение узаконивалось окончательно. Уже к 1784 году в будущей Кавказской губернии насчитывалось 14 казенных селений.

Одно из первых казенных сел, основано в 1783 году однодворцами из курского наместничества, было расположено в лощине по речкам Мамайке и Мутнянке, первоначально называлось Мамайским, впоследствии было переименовано в Надеждинское (1).

Жители могли пользоваться землей без всякого расчета в таком количестве, какое они сами в состоянии были обрабатывать. Отсутствие в селении хорошей питьевой воды и основные занятия - земледелие и скотоводство, заставили их осваивать земли с наличием ручьев и рек. Таким образом, переселенцы заняли земли к реке Кубани на 30 верст от села до границы слияния рек Татарки и Егорлыка.

При возникновении первых земельных споров по указу Астраханского губернского правления генеральный землемер Аксютин в 1802 -1803 годах, обошел границы только одной окружной межей, поставил межевые знаки и сочинил межевые планы с показанием в них примерного количества земли в каждом селении (2). В это время Татарские хутора относились к селу Надеждинскому и всеми имеющимися землями пользовались сообща.

Согласно «Списку о числе душ и хозяйственного обзаведения ставропольского округа татарских хуторов просящих отчисления от селения

Надежды, которому они принадлежат» от 31 марта 1828 года в них проживало: 437 ревизских душ, 319 женского пола и 405 вновь родившихся (в том числе - 202 мужского пола и 203 женского). В наличии 171 домов, 8 мельниц. Скота: лошадей – 236 голов, крупного рогатого скота -1793, овец – 2290. Деревьев - фруктовых -7206, тутовых – 428 (в количестве: 50 деревьев у Николая Ефимова; по 30 – у Петра Филиппова, Игната Смагина, Сергея Щелканова; по 20 – у Антона Бридихина, Степана Максимова, Александра Березуева, Пахома Дюкарева; от 6 до 1 деревьев у других жителей; в добровольном обществе «Тутовый сад» всего 160 деревьев).

12 сентября 1829 года прошение крестьян было удовлетворено, о чем сообщает Кавказская казенная палата: «Татарские хутора, заключающие в себя 437 ревизских душ особым от селения Надежды отселком со второй сего года половины отчислены » (3).

Шелковые коконы были той южной культурой, в выращивании которых было заинтересовано правительство. Указом от 8 ноября 1797 года определялись различные поощрения лиц, занимающихся шелководством. Наряду с поощрительными мерами применялись и меры принуждения местного населения к развитию шелководства. В 90 годах XVIII века было установлено посадить по 10 тутовых деревьев, в противном случае за каждое непосаженое дерево накладывался штраф по 10 копеек. В целях же поощрения в развитии шелководства правительственные власти устанавливали даже определенную сумму вознаграждения (за 1 пуд шелка - 50 рублей, за 20 фунтов – 25 рублей, за 10 фунтов – 10 рублей с оставлением части шелка владельцам). Следует отметить, что шелководство в Предкавказье все же сделало в первой половине 19 века заметные шаги, а к середине 19 века стало заметно падать, не смотря на все старания правительства и местных властей (4).

Особое значение правительство придавало хлебопашеству. В своем ордере от 5 декабря 1777 года Г.А.Потемкин писал о том, чтобы по окончании строительства крепостей «хлебопашество стараться всеусильно размножать... потому всем по той линии состоящим полкам, батальонам и казакам раздать достаточные земли не только на выгон и для лесов, но и для хлебопашества» (5).

Занятие хлебопашеством на новом месте требовало от крестьян коренной ломки привычных методов и навыков ведения хозяйства, так как иными были климат и почвы, требовавшие новых сроков посевов и уборки, иных методов обработки земли. Непригодными для подъема целины оказались привычные орудия труда, соха не могла поднять тучный чернозем. Более приспособленным для тяжелой вспашки оказался украинский плуг.

Лошадей пришлось заменить волами, их впрягали по четыре – восемь пар. Редко какая семья имела такое количество скота, поэтому стала распространяться супруга – объединение нескольких хозяйств в целях совместной вспашки.

До конца XIX века в селе применялась залежно – переложная система земледелия, когда после ряда лет вспашки земля на несколько лет оставалась под залежь или «толоку» - пастьбу скота. «В первый год вспаханная земля дает обильный урожай, во второй гораздо меньше, а в третий иногда не возвращает земледельцу посева, но, отдохнув года три или два, эта же самая земля дает обильный плод, а потому здешние крестьяне, употребляя в продолжение двух или трех лет какой – либо участок для посевов, оставляют его такое же время без употребления и образуют в выгон для скота. При обилии земли в здешних краях всегда можно найти для посевов свежую землю», - писал в 1850 году в «Военно – статистическом описании Ставропольской губернии» капитан Забудский. При такой системе по целине или толокам, обычно сначала сеяли – просо, лен и бахчевые, затем эти поля занимали под озимую пшеницу, на третий год на этом поле сеяли яровые – пшеницу, ячмень или овес, а на четвертый год там сеяли гречиху, горох, чечевицу, кукурузу или же оставляли поля на отдых.

Сначала представители горцев совершали мелкие нападения на одиночных людей или на небольшие группы с целью захвата их в плен, но когда стало ясно, что предпринимается целая система заселения края, грозящая их самобытности, они стали стремиться уничтожить новую линию. Лидеры горцев прекрасно понимали разницу между занятием страны военной силой и истинным завоеванием ее, то есть заселением. Они говорили: «Укрепление – это камень, брошенный в поле: дождь и ветер снесут его; станица - это растение, которое впитывается в землю корнями и понемногу застилает и схватывает все поле» (6).

В сложном положении оказывались крестьянские селения, возникавшие вслед за казачьими станицами. Крестьянские села и хутора не имели никаких защитных сооружений и оружия. Горцы пользовались этим, их отряды из-за Кубани, Малки и Терека предпочитали, пройдя линию казачьих постов и станиц, обрушиваться на безоружных крестьян. Известный кавказский историк И.В. Бентковский справедливо писал: «В то время весь Северный Кавказ по правую сторону Кубани и левую Терека был более похож на обширнейший военный лагерь, чем на край, предназначенный для развития колонизации и мерам гражданской жизни. Все население жило как на войне» (7).

Сохранились документы от 19 октября 1843 года – прошение казака Ивана Дехтерева из станицы Татарской «о дозволении за взятие в плен горскими хищниками жены его вступить в новое супружество» (8).

В июне 1832 года был опубликован царский указ о создании Кавказского линейного казачьего войска. Следующий указ от 2 декабря 1832 года значительно усиливал новое войско за счет причисления к нему 31 казенного селения Кавказской области. Первым наказным атаманом Кавказского линейного казачьего войска был назначен Петр Семенович Верзилин.

Для формирования одного казачьего полка требовалось 6000 душ мужского пола, способных содержать 600 казаков. В состав 1-го Ставропольского полка вошло село Татарское, имеющее 685 душ мужского пола и поставляющее 60 казаков (9). Почти 40 лет жители этого села служили сначала в Кавказском линейном, а затем в Кубанском войске. В 1870 году по высочайшему указу станица была переведена в гражданское ведомство.

Кроме кордонной службы и участия в составе Российской армии в тех или иных войнах, казаки осуществляли вспомогательные повинности: почтовую (выставление постов на тракте, конвоирование почты, выделение лошадей курьерам и чиновникам); постоянную (безвозмездное предоставление жилья квартирующим войскам, выделение им своих пастбищ и сенокосов); подводную (перевозка военных грузов на своих подводах) (10).

Основной единицей административного устройства крестьян и казаков была община – «сельское общество». Высшим ее органом был сход, на который собирались взрослые мужчины. Управление делами общины осуществляли выборные лица. Административно – территориальными единицами внутри общины были сотни и десятки. Крестьянская община была наделена функциями местного самоуправления, в еще большей степени это относилось к казачьей общине. Основными функциями ее были: правовая, административная, судебная, финансовая и фискальная. Казачья община, кроме того, была наделена военными функциями.

Переселенцы, которые проживали в селе, но не были членами общины, назывались «иногородними». Они не имели никаких прав, не получали земельного надела, не могли выступать на сходе. Чтобы стать членом общины на Кавказе, надо было иметь документы с прежнего места жительства, свидетельствующие об отсутствии долгов. Предоставить такие документы могли не все. Вот и ширился в селах слой обездолженных иногородних крестьян, которые нанимались в батраки к зажиточным старожилам. После отмены крепостного права количество их возросло: в

1873 году из общего численного состава 1443 жителей – коренных 687 мужчин, 730 женщин; иногородних 9 мужчин и 17 женщин (11). В 1898 году из 3280 жителей – коренных 1445 мужчин, 1447 женщин; иногородних 177 мужчин и 163 женщины (12).

В селении Татарском имелось 12746 десятин, в том числе неудобной 2935 или 23%. Душевой надел на ревизскую душу 17,5, а на наличную 13,8 десятин (13). В 1883 году это селение Ставропольской губернии, Ставропольского уезда, относилось к первому стану (становая квартира находилась в селении Михайловском.) Осуществлялось волостное правление. Сельское правление помещалось в общественном доме, имеющем 5 комнат и стоящем 3500 рублей. В правлении находились пожарные инструменты, состоящие из насосов и 2 бочек с водой. Содержание 3 троек лошадей обходилось обществу 1300 рублей в год. Призывной участок (для отбывания воинской повинности) находился в селении Старомарьевском. Судебный следователь судебно – следственного участка находился в городе Ставрополе. В Казанской церкви села Татарского служил священник Павел Виноградов. Она входила в состав 1 Благочинного округа Ставропольской Епархии. Причтовой земли 378 десятин. Имелись церковно – приходская школа, помещавшаяся в церковном здании и два министерских училища (14). Согласно карте Ставропольской губернии 1893 года селение располагалось на самой ее границе (15).

Использованная литература и источники:

1. Твалчрелидзе А. И. Ставропольская губерния в статистическом, географическом, историческом и сельскохозяйственном отношении. – Ставрополь, 1897.
2. История сел и станиц Шпаковского района. – с. Шпаковское, 1897.
3. ГАСК, Ф -79, оп.1, д.49.
4. Чекунов С.А. Переселенцы (Очерки заселения и освоения Предкавказья русским и украинским казачеством в конце XVIII – первой половине XIX в.) – Пятигорск, 1994.
5. Край наш Ставрополье. – Ставрополь, 1999.
6. Потто В.А. Два века Терского казачества (1577 -1801).- Ставрополь, 1991.- т.1,2.
7. Край наш Ставрополье. – Ставрополь: Шат Гора, 1999.
8. ГАСК, Ф -135, оп.2, д.837.
9. Завгородний Н.Г. Неиссякаемая живучесть(записки краеведа). –с. Шпаковское, 1994.
10. Губенко О.В. Терское казачье войско в XV – XXI в.в. (Влияние государства на социально – экономические аспекты казачьей жизни) – Научное издание. - 2007.
11. Ставропольская губерния. Список населенных мест по сведениям 1873г. – Ставрополь, 1874.
12. Памятная книга Ставропольской губернии на 1898г. – Ставрополь, 1898.
13. Памятная книга Ставропольской губернии на 1883г.- Ставрополь, 1883.

14. Михайлов Н. Т. Справочник по Ставропольской Епархии. 1910.
15. Статистико – географический путеводитель по Ставропольской губернии. – Ставрополь, 1893.

Анкушин А.А.,
г. Ставрополь,
Государственный архив Ставропольского края,
заведующий сектором научной публикации документов

**АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО КОЧУЮЩИХ
НАРОДОВ СТАВРОПОЛЬСКОЙ (КАВКАЗСКОЙ) ГУБЕРНИИ
(ТУРКМЕНЫ, НОГАЙЦЫ, КАЛМЫКИ)**

Со времен позднего средневековья в степях Центрального Предкавказья селились ногайцы и туркмены - кочевники-скотоводы, принадлежавшие к магометанскому вероисповеданию, а также калмыки (самоназвание - хальмг), называемые в источниках идолопоклонниками и ламаитами.

Старожилами северокавказских, в частности, ставропольских, степей считаются ногайцы. Этноним «ногайцы» происходит от имени одного из виднейших военачальников Золотой Орды хана Ногая, образовавшего из ряда крупных племен, кочевавших в Поволжье, на Северном Кавказе и в Приазовье, Ногайскую Орду. После распада Золотой Орды она доминировала на территории южнорусской степи. К середине XVI столетия, вследствие княжеских междоусобиц, Орда распалась на Большую и Малую. Малая Орда кочевала по Предкавказью, в том числе и по землям, принадлежавшим в настоящее время Ставрополю.

В I - начале II тысячелетия н. э. предки калмыков - ойраты, обитавшие в Центральной Азии. С конца XIV в. ойраты - самостоятельная политическая сила под названием «дервен орд». Созданное ими государство представляло объединение сложных по этническому составу феодальных образований типа удельных княжеств. В конце XVI века ойраты активно продвинулись на восток России. В процессе миграции и заселения современной территории обитания формировалась калмыцкая народность. К середине XVII века калмыки заняли территорию от Урала на восток до севера Ставропольского плато, от реки Кума и северо-западного побережья Каспийского моря на юго-западе до нижнего течения рек Хопер и Медведица на севере и верховье реки Самарка на северо-востоке (1, с.24).

В первой половине XVII века ногайцы стали испытывать давление со стороны калмыков. В связи с этим они вынуждены были уйти в притеречные степи Северного Кавказа и на Кубань (2, с. 12).

К 1653 году относятся первые упоминания о появлении на Северном Кавказе туркмен. И.В. Бентковский указывал, что в 1653 году из

Мангышлакских степей Хивинского ханства большая группа туркмен, состоявшая из 1665 семейств, двинулась вдоль берега Каспийского моря на север. Форсировав реки Эмбу, Урал и Волгу, они вошли в пределы северо-западного Прикаспия, где кочевали калмыки. Туркмены делились на три рода: чавдуров, игдыров и соин - аджиев (соинаджи). В это время они были данниками калмыков (3, с.24).

Со второй половины XVII века до начала 70-х годов XVIII века калмыки находились под началом ханов, управлявших самостийно. При ханах были особые советы (суды) - Зарго, состоявшие из 8 назначаемых зайсангов (выборных судей – *прим. автора*). Советы рассматривали дела на основе духовных законов и обычаев. Однако окончательные решения по ним принимались ханами. С 1762 года по грамоте Екатерины II калмыки получили право назначать в состав Зарго от наместника ханства не более трех зайсангов, а остальных пять – из зайсангов других калмыцких владельцев. Дела стали решаться большинством голосов членов Зарго (4, с. 676).

С образованием Кавказского наместничества в 1785 году туркмены были отнесены к Кизлярскому уезду Кавказской области. По распоряжению наместника Кавказского П.С. Потемкина в 1789 году туркменам были отведены земли от Кизляра вверх по Куме, Ергеням и Манычу. На карте, составленной академиком Петербургской Академии наук П.С. Палласом в 1793 – 1794 годах, отмечены места кочевья туркмен, занимавшие пространство между Тереком и Кумой до побережья Каспийского моря (3, с.48).

Одним из первых народов, у которого была введена система приставств, стали ногайцы, относимые к так называемым кочующим внутренним инородцам, находившиеся в ведении Кавказского генерал-губернатора, а с 1802 года - государственной коллегии иностранных дел. Непосредственное же управление ими возлагалось на Главного пристава и подчиненных ему частных приставов, назначаемых русской администрацией, которые в своей деятельности руководствовались Инструкцией от 28 мая 1802 года.

Первым законодательным актом, надолго определившим границы кочевий калмыков, ногайцев и туркмен, стало «Положение об отводе земель калмыкам и другим народам, кочующим в губерниях Астраханской и Кавказской», утвержденное 19 мая 1806 года. В нем, в частности, отмечалось: «Для общего кочевья калмыцкого народа определяется степь от реки Волга на запад лежащая, ограничивающаяся с одной стороны дачами помещичьими, казачьими и казенных поселян, с другой - Каспийским морем

и рекой Кума до селения Владимировки и селений Чупурникова и Цацы, в Саратовской губернии лежащих». Но положение фактически не действовало. По положению 14 февраля 1845 года были переданы Кавказскому линейному казачьему войску. 400 тысяч десятин, которыми магометане пользовались, отошли в разные периоды времени в казачье, казенное и частное ведомство (5).

Указом от 10 марта 1825 года административное устройство кочевников-магометан приведено в соответствие с этническими особенностями населения - большая часть территории кочующих народов из Астраханской губернии переведена в состав Кавказской области и одновременно образовано Главное приставство магометанских кочующих народов (6). 6 февраля 1827 года высочайше утвержден Устав для управления кочующими инородцами, согласно которому они были разделены на 5 приставств, так же были расширены компетенция и функции Главного и частных приставов. Уставом определено, что по полицейской и хозяйственной части всеми инородцами в губернии управляет Главный пристав кочующих народов Ставропольской губернии, который являлся одновременно членом Областного совета и подчинялся общему Областному управлению (7). В особенную обязанность ему вменялось собрание сведений о законах и обычаях подведомственных им народов, их обнародование и хранение. Главный пристав назначался правителем области, утверждался министром внутренних дел. Ему подчинялись частные приставы и их помощники для управления едишкульскими, едисанскими и джембулуковскими ногайцами, туркменами и караногайцами, а с 1860 года - калмыками Большедербетовского улуса (2, с.19-20). В обязанность частных приставов вменялось производство следствия по уголовным делам, надзор за исполнением решений окружного суда (8, с.76-77).

Магометанские народы, входившие в состав приставства, ежегодно избирали из своей среды старшин, голову, аксакалов и десятников. Дела второстепенной важности разбирались собственными судами: маслагатом (светским судом) и шариатом (судом духовным).

С 1841 года все кочующие племена - ногайцы, калмыки и туркмены - были переданы под попечительство Министерства государственных имуществ. А непосредственное управление ими продолжали приставы, назначаемые русской администрацией (8, с.80).

В 1848 году в Ставропольской губернии кочевали калмыки, ногайские и туркменские племена. В это время кочующих инородцев насчитывалось 110163 человека обоего пола, большую часть составляли ногайцы - 88402 человека.

Поскольку в 1852 году бештавокумские ногайцы обратились с прошением о переходе в казачье сословие и причислении их к Волжской бригаде, из-за постоянных набегов закубанских ногайцев, которое было удовлетворено (9).

13 мая 1853 года было высочайше утверждено «Положение о размежевании земель Кавказского линейного казачьего войска и магометанских народов, обитающих в Ставропольской губернии», для чего была создана особая межевая комиссия. На основании §69 положения, поскольку достоверно не было установлено ни количество земель магометанских народов, ни число аулов, ни численность населения, комиссии надлежало «обойти круговую формальною межею (так в тексте документа – *прим. автора*), всю в беспорном пользовании состоящую у них землю», «произвести землям сим подробнейшую экономическую съемку» и «по составлении таким съемкам планов и карт исчислить количество состоящей в их пользовании земли». Положением предусматривалось после определения количества земли для оседлых аулов оставшуюся землю предоставить в нераздельное пользование магометан-кочевникам. Между тем, межевая комиссия выполнила лишь работу по размежеванию земель Кавказского линейного казачьего войска, для магометанских народов не сделала ничего и прекратила работу. Из сведений, собранных межевой комиссией, свидетельствует, что караногайцы, едишкульцы и туркмены пользовались землей для кочевий совместно, так как степи между ними не были разделены (10).

В 1854 году для управления туркменским народом была учреждена Летняя Ставка в урочище Красные Копани, служившая резиденцией туркменского пристава, а в 1860 году - Зимняя Ставка в урочище Джелань, где размещался помощник пристава (3, с.57).

Кочевье магометанских народов к 1858 году объединились в 5 приставств: Ачикулакское, Джембулуковско-Едисанское, Калаусо-Саблинское и Бештаво-Кумское, Караногай-Едишкульское и Трухменское.

В 1859 году в Ставропольской губернии началась эмиграция кочевников в Турцию. Вследствие этого наместник Кавказский разрешил с 1 января 1861 года упразднить обезлюдевшие Калаусо-Джембулуковское и Калаусо-Саблинское приставства, освободившиеся земли передать Ставропольской палате государственных имуществ.

В 1860 году 123 семьи астраханских туркмен переселились в Ставропольскую губернию и были причислены к Ставропольскому обществу туркмен (11).

В 1862 году в целях обеспечения безопасности, удобства кочевания едишкульских ногайцев и удобства управления приставами были переданы из Караногайского в Ачикулакское приставство.

К 1873 году в Ставропольскую губернию входило ведомство главного пристава кочующих народов, состоявшее из Большедербетовского калмыцкого улуса и 3 приставств: трухмянского, караногайского народа и ачикулак-джембулуковских, эдисанских и эдишкульских народов.

По карте Ставропольской губернии за 1886 год границами Большедербетовского улуса служили: на севере - озеро Маныч и земли области Войска Донского; на западе - река Большой Егорлык с русскими селениями: Новоманычским, Баранниковым, Новоегорлыкским, Березовским, Красной поляной, Журавским; на юге - правый приток Большого Егорлыка Большой Гок и села: Рассыпное, Бурукшун, Большая и Малая Джалга; на востоке - реки Яшалтинская балка, Заха-Джалга, села: Яшанта, Хагинское и Гахинское (12, с.28).

На основании высочайше утвержденного 21 марта 1888 года мнения Государственного Совета о преобразовании Кубанской и Терской областей Караногайское приставство было передано из Ставропольской губернии в Терскую область (3, с.55).

По данным первой всеобщей переписи населения 1897 года, численность жителей на территории кочующих народов составляла 47780 человек, а плотность населения на ней была 2,56 человека на кв. версту, тогда как по губернии в целом плотность населения с городами была 16,54 человека, без городов - 14,97. Ногайцы тогда составляли 2,25% населения губернии, из них 81% проживал на территории кочующих народов, а 19% - в Александровском уезде. Туркмены составляли 1,71% населения губернии и 99,41% из них жили на территории кочующих народов. Калмыков было 1,24% населения, 87,8% из которых жили в Большедербетовском улусе (13, с.4-5).

В 1906 году в туркменской степи, на балке Кучерли, был образован аул Сабан, с отводом ему 40950 десятин удобной и 2640 десятин неудобной земли (14), а в 1908 году к северу от него, от балки Кучерли до балки Каменной и границ надела села Рагули, был основан аул Антуста с наделом 13230 десятин удобной и 410 неудобной земли (15).

На территории Джембойлуковского приставства к 1910 году только эдисанцы поголовно осели на земельных отводах. Джембойлуковцы и едишкульцы в силу действия системы смешанного землепользования с караногайцами Терской области не могли считаться полностью оседлым

народом. После окончания и утверждения в 1910 году разграничительных работ особой междуведомственной комиссии инородческим управлением был намечен ряд участков в едишкульско-джембойлуковской степи для образования постоянных аулов. Из-за безводности степи в местах, предназначенных под аулы, в первую очередь были устроены артезианские скважины. По мере их устройства туда стали стягиваться джембойлуковцы и едишкульцы, с 1910 по 1915годы были населены аулы: Абдул-Газы, Абрам-Тюбе, Биссикли, Кая-Сулу, Кунай, Махмуд-Мектеб, Иргаклы, Токуй-Мектеб, Учъ-Тюбе, Эмангой (16).

В Туркменском приставстве в 1913 году также учреждается ряд постоянных аулов: Бойчора (Байчора) в районе села Родниковского, в 10 верстах от села Арзгир; Кума, 1-й и 2-й Мусса-Аджи и Шангрик (Шангрык, Шаганрык, Шанглык) (17).

28 августа 1917 года управление государственным земельным фондом Министерства земледелия распорядилось эти земли, общей площадью 193311 десятин, передать в ведение губернского управления государственными имуществами для дальнейшего использования на общих основаниях (18).

Постановлением Ставропольского Общегубернского Народного Собрания от 3 января 1918 года в г. Ставрополе был организован Инородческий Совет Ставропольской губернии.

По переписи 1920 года в Ставропольской губернии находились две территории кочующих народов: Ачикулакский район в составе Свято-Крестовского уезда с центром в Ачикулакской ставке и Туркменский район Благодарненского уезда с райцентром в Летней Ставке.

Туркменский уезд был создан в 1917 году, после ликвидации Туркменского приставства. 3 апреля 1920 года приказом губревкома уезд был преобразован в район с подчинением Благодарненскому уезду (3, с.65).

После установления Советской власти основная часть калмыцкой степи до образования автономной области входила в состав Астраханской губернии на правах уезда, подразделявшегося на улусы, аймаки и хотоны. Между тем ни в территориальном, ни в правовом отношении калмыцкая степь не соответствовала статусу уезда. Ее скорее можно было рассматривать как округ, поскольку улус как административная единица не соответствовал волости, а приближался к уезду.

До образования автономной области во внутреннем устройстве калмыцкой степи и в ее внешних границах изменений не происходило, кроме временного образования в мае 1918 года Элистинского округа, а затем

Элистинского уезда. В калмыцкой степи были образованы улусные, аймачные и сельские Советы.

4 ноября 1920 года, после тщательного рассмотрения, комиссия ВЦИК приняла проект постановления о границах автономной области, который 2 ноября 1920 года предварительно рассматривался на заседании Совнаркома РСФСР. 25 ноября 1920 года этот проект без существенных изменений был утвержден и одновременно принято постановление ВЦИК и СНК РСФСР о границах автономной области калмыцкого народа (19, с.100).

Установление точных границ между Калмыцкой автономной областью и соседними губерниями и областями продолжалось длительное время и было закончено в конце 1920-х - начале 1930-х годов.

Использованная литература и источники:

1. Эрднеев У.Э. Калмыки. - Элиста, 1970.
2. Авксентьев А.В. О некоторых этнических группах Ставрополя (армяне, греки, немцы, ногайцы, туркмены) //У этнической карты Ставрополя. Малые этнические группы. Вып. 1. – Ставрополь: Фонд культуры, 1994.
3. Курбанов А.В. Ставропольские туркмены: историко-этнографические очерки. - СПб, 1995.
4. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / Под. ред. А.Берже. – Тифлис, 1869. Т.III.
5. ГАСК, Ф.101. Оп.4. Д.1870. Л.10 – 11
6. ПСЗ. Т.I. СПб., 1830.
7. Учреждение управления Кавказского и Закавказского края. - СПб., 1876.
8. Свечникова Л.Г. Обычай в правовой системе (на материалах правового развития народов Северного Кавказа в XIX в.) - Ставрополь, 2002.
9. ГАСК, Ф.101. Оп.1. Д.2599. Л.1 - 7
10. ГАСК, Ф.101. Оп.4. Д.1870. Л.12 - 13
11. ГАСК, Ф.101. Оп.1. Д.4053. Л.1, 31
12. Львовский Н. Калмыки Большедербетовского улуса Ставропольской губернии. - Казань, 1894.
13. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. - LXVII. Ставропольская губерния. - /Под ред. Н.А.Тройницкого. - Центральный стат. ком. Министерства внутренних дел. - СПб., 1905.
14. Ф.101. Оп. 4. Д.3131. Л.19
15. Ф.249. Оп.2. Д.1835. Л.232, 236
16. Ф.299. Оп.1. Д.1800. Л.3-4
17. Ф.249. Оп.1. Д.57. Л.39, 105, 122
18. Ф.249. Оп.1. Д.67. Л.5, 5 об.
19. Очерки истории Калмыцкой АССР. Эпоха социализма. - М.: Наука, 1970.

Гочияева Р.К.,
г. Кисловодск,
Кисловодский историко-краеведческий
музей «Крепость»,
старший научный сотрудник

ИЗМЕНЕНИЯ В АДМИНИСТРАТИВНОМ УПРАВЛЕНИИ КАВМИНВОД В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

Региональные проблемы играют важную роль в развитии государства, особенно на этапах значительных политических, социальных, экономических и иных перемен. Каждое из движущих направлений в той или иной мере связано с изменением базы: административной, экономической, правовой, культурной и т.д.

Первые органы управления на Кавказских Минеральных Водах были сформированы в результате подписания императором Александром I Указа от 24 апреля 1803 г. Основным документом определяющим статус Вод и их ведомственное подчинение Вод стал «Рескрипт Александра I инспектору Кавказской линии, астраханскому военному губернатору и главнокомандующему в Грузии князю П.Д. Цицианову о признании государственного значения Кавказских Минеральных Вод и необходимости их устройства». По рескрипту Воды подчинялись инспектору Кавказской линии, астраханскому военному губернатору и главнокомандующему в Грузии кн. П.Д. Цицианову, Министерству внутренних дел и Государственной медицинской коллегии. (1, с.24 – 25) Важное значение имеют императорские указы об основании и развитии Пятигорской, Кисловодской, Железноводской и Ессентукской группы курортов: от 13 февраля и 7 марта 1803 «Высочайшие повеления князю Цицианову» - легли в основание Кисловодска (2, с.53-54). В 1816 г. вводятся новые формы управления: утверждена должность главного смотрителя на Кавказских Минеральных Водах, а в 1823 г. создана Строительная комиссия, которая подчинена лично Командиру Кавказского Отдельного корпуса А.П. Ермолову (3, с.22-23).

Административные преобразования 60-90-х годов XIX века на Кавказских Минеральных Водах значительно отличались от реформ, проводимых в центральных районах России, и являлись составной частью процессов происходивших в это время на Северном Кавказе.

Реформа административных учреждений центральной России обуславливалась, прежде всего, ликвидацией крепостнических отношений.

Важным фактором, повлиявшим на развитие реформ в стране, стало окончание Крымской войны.

События, происходившие на Северном Кавказе и оказывающие влияние на судьбу Кавказских Минеральных Вод, убедили правительство страны обратить внимание на курорты. В завершающей стадии находилась Кавказская война. Начался процесс массового проникновения на Северный Кавказ, в том числе на территорию Кавказских Минеральных Вод, буржуазных элементов.

Кавказские Минеральные Воды имели собственные причины в связи, с которыми требовалось скорейшее преобразование администрации. Во второй половине 50-х г. XIX в. резко сократилось посещение курортов Кавказской группы. Объяснялось это отсутствием изученности лечебных свойств минеральных вод, гидротехнических исследований. Сказывались недостатки естественных и искусственных путей сообщений, слабая популяризация отечественных курортов и плохое бытовое обслуживание. Курорты в середине XIX в. служили лишь лечебницей и местом отдыха для Кавказской армии и естественно, что на бытовые условия приезжающих обращалось мало внимания (4, с.811). Организация быта больных на Кавказских Минеральных Водах шла медленно. В адрес руководства курортов поступали многочисленные жалобы и заявления. Аналогичными были и свидетельства врачей: курорты не обустроены (5, с.63).

Административные изменения во второй половине XIX века на Кавказских Минеральных водах связаны с деятельностью М.С. Воронцова - одним из крупных направлений в его деятельности является реформирование Кавказских Минеральных Вод, которое и явилось базой для дальнейших административных изменений на Водах.

М.С. Воронцов, назначенный в 1844 наместником Кавказским, нашел, что Строительная комиссия и директор, ведающий хозяйственной частью Минеральных Вод, «не соответствует своей цели и что оно было причиной больших беспорядков для прекращения коих приняты им надлежащие меры» (6).

М.С. Воронцовым был представлен проект особого положения о Дирекции Кавказских Минеральных Вод и штате управления ими. (3, с.31). 29 мая 1847 года Николай I утвердил Положение об управлении Кавказскими Минеральными Водами (7, с. 156)

Для того, чтобы выяснить какие изменения следуют в управлении Вод необходимо обратиться непосредственно к «Положению об управлении Кавказскими Минеральными Водами» Основными пунктами документа были: 1.Общее управление Кавказскими Минеральными Водами по всем

частям именовался Дирекцией Кавказских Минеральных Вод. При управлении учреждался особый комитет из врачей под названием Медицинского Комитета на Кавказских Минеральных Водах; 2. Дирекция и Медицинский Комитет постоянно находились в Пятигорске Ставропольской губернии. Они подчиняются общему надзору Командующего войсками в Кавказской губернии и состояли в ведомстве и под началом Наместника Кавказского; 3. В Положении оговаривались права и обязанности Дирекции Кавказских Минеральных Вод; 4. Ведомству Дирекции вод принадлежали существующие на тот момент источники, и те, что будут открыты в будущем на территории Ставропольской губернии: в Пятигорске, станице Эссентукской, Кисловодской, Железноводской, при Кумагорской и Горькосоленой, около станицы Александрийской; 5. В обязанности Дирекции входило обеспечение всевозможного улучшения состояния Вод и возведение их на тот уровень благоустройства, на котором они вполне соответствовали заботе правительства и ожиданиям публики; 6. В состав Дирекции вошли: Управляющий Кавказскими Минеральными водами, четыре члена и канцелярия.

По «Положению» Управляющего Водами назначался из военных генералов. Он заведовал всеми частями и, управляя ими, пользуется правами Военного губернатора. «Положение» более подробно обозначало и структуру Дирекции Вод. Она состояла из трех частей: врачебного, строительного, хозяйственного. Во главе каждой из них стоял начальник который входил в состав Дирекции (8, с.42-43). Врачебной частью ведал главный врач минеральных вод. Ему в помощники назначались четыре особых врача. Надзор за врачом поручался Управляющему водами. Строительный отдел Дирекции возглавлял начальник из инженерного штаба или обер-офицеров. Дирекция по истечении каждого года представляла Наместнику Кавказскому, через командующего войсками на линии, управляющего гражданской частью в Ставропольской губернии подробный отчет об управлении водами, постройках, денежных суммах и пр.

Управление Кавказских Минеральных Вод имело тройственное подчинение: **Командующему войсками на Кавказской линии, Управляющему гражданской частью в Ставропольской губернии, Наместнику кавказскому.**

Особо оговаривались состав и функции Медицинского комитета при Водах. Он состоял из непременных и почетных членов. Непременными были врачи при Водах и инспектор Ставропольской врачебной управы, почетные

же назначались из лиц, которые получили известность в результате своих медицинских исследований (9, с.152).

Проект изменения управления Кавказскими Минеральными Водами разработанный М.С. Воронцовым рассматривался и в Министерстве внутренних дел. Министерство признавало неудовлетворительность руководства на Кавказских Минеральных Водах

К концу 1840-х годов обнаружилось разногласия в управлении Кавказскими Минеральными Водами. Затруднения и беспорядки возникли в составлении и представлении денежных и технических отчетов. Государственное Казначейство окончательно прекратило выдачу сумм на устройство Минеральных Вод. Несовместимыми оказались органы, утвержденные первым Кавказским Наместником и функции Министерства Внутренних Дел. Это положение вызвало необходимость продолжения реформирования управления курортами, но уже в более крупном масштабе - предлагалось ввести одно общее Управление всеми минеральными водами Кавказа и Закавказья. Это объяснялось еще и тем, что помимо источников Пятигорья внимания к себе требовали и другие известные источники на Кавказе. Все минеральные вода по проекту Воронцова должны были быть подчинены общему медицинскому Управлению на Кавказе, а непосредственное управление Кавказскими Минеральными Водами возлагалось бы на местную администрацию из 20 человек (10, с. 21-22,37-38).

В 1854 г. М.С. Воронцов оставляет пост Наместника Кавказа. Несмотря на все недостатки в управлении Водами, Воронцовский период оставил заметный след в истории развития Кавказских Минеральных Вод. Наместник **изъял их из Министерства Внутренних Дел; учредил Дирекции Кавказских Минеральных Вод; осуществлял благоустройство курортов; содействовал проведению геологических исследований, химических анализов и т.д.**

Использованная литература и источники:

1. Рескрипт Александра I инспектору Кавказской линии, астраханскому военному губернатору и главнокомандующему в Грузии князю П.Д. Цицианову о признании государственного значения Кавказских Минеральных Вод и необходимости их устройства – Пятигорск в исторических документах 1803-1917 гг. – Ставрополь: Ставропольское кн. изд – во, 1985.
2. Махлевич Я.Л. Мезонин у Нарзана. - Ставрополь: Ставропольское кн. изд-во, 1983
3. Краснокутская Л.И., Михайленко В.И. Управление курортами Кавминвод (1803-2003): страницы истории. Научное издание. [Текст]/Л.И. Краснокутская, В.И. Михайленко.- Пятигорск: Вестник Кавказа, 2004
4. Баталин Ф.Ф, Пятигорский край и Кавказские Минеральные Воды .СПб,1861
5. Смирнов С. А. Эссентукские щелочные воды. - СПб,1873

6. О передаче Кавказских Минеральных Вод на содержание контрагенту Н.Н. Новосельскому на основании утвержденных правил .-Из журнала Кавказского Комитета. СПб, 1861г. РГИА ф.1268 оп.26 ед.хр.24 ,лл . 153-156
7. Рапорт наместника Кавказского М.С. Воронцова Николаю I – о состоянии Кавказских Минеральных вод: Пятигорск в исторических документах 1803-1917 гг. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1985
8. Рапорт наместника Кавказского М.С. Воронцова Николаю I – о состоянии Кавказских Минеральных вод - Пятигорск в исторических документах 1803-1917 гг. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1985
9. Из журнала Кавказского Комитета – о реорганизации управления Кавказскими Минеральными Водами: Пятигорск в исторических документах 1803-1917 гг. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1985
10. Кавказские Минеральные Воды (путеводитель). Сост. М. Милютин. 1879
Кавказские Минеральные Воды: Пятигорск, Железноводск, Ессентуки, Кисловодск. К 100 – летнему юбилею 1803 – 1903 г. - СПб ,1904

ОТРАЖЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ИСТОРИИ КРАЯ В НАУЧНОМ И ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

Василенко И.В.

г. Ставрополь,

Ставропольский государственный университет,

аспирант

ИСТОРИЯ СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ НА СТРАНИЦАХ «СТАВРОПОЛЬСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ» ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Для освещения «провинциальной истории», общественной и культурной жизни края ценным источником является периодическая печать. Как самостоятельный вид исторических источников, она представлена «...долговременными изданиями периодического характера, функциями которых являются организация (структурирование) общественного мнения, осуществление идеологического воздействия государства, информационное обслуживание экономической деятельности в сфере частного предпринимательства, установление обратной связи в системе управления» (1, с.451).

На Северном Кавказе первым печатным периодическим изданием стали «Ставропольские губернские ведомости» (СВГ), выходявшие с 1 января 1850 г. по 1917 г. Газета состояла из двух частей: официальная часть и неофициальная часть. Выходили ведомости с разной периодичностью, от 1 до 6 раз в неделю. Первоначально они были еженедельными, а с 1901 г. стали выпускаться 2 раза в неделю. Библиограф Б.М. Городецкий в своем «Очерке развития русской периодической печати на Северном Кавказе» писал, что «Ставропольские губернские ведомости» стремились приблизиться к типу общелитературной газеты и что в них с момента возникновения «стали появляться статьи общественного характера и очень ценный материал по истории края и его экономической жизни» (2, с.44).

Программа «Ведомостей» определялась правительственными указаниями. «Ставропольские губернские ведомости» выражали официальную точку зрения, выступая проводниками правительственной политики и идеологии. В официальной части «Ведомостей» публиковались официальные документы (правительственные и губернские): распоряжения, разные объявления и корреспонденции. В неофициальной части, издавшейся самостоятельно и

выходившей иногда даже чаще чем официальная, помещались исторические описания, рассказы, очерки, этнографические заметки, сведения из жизни горожан, народных гуляний, торговые и ярмарочные известия и т.д. На страницах неофициальной части публиковались материалы представителей местной интеллигенции, чиновников, сотрудников статистических комитетов, губернской ученой архивной комиссии.

Административная история губернии также отражена на страницах «Ставропольских губернских ведомостей», материалы которых являются очень интересным и специфическим историческим источником. Выпуск официальной газеты на Ставрополье привел к сокращению переписки и быстрому распространению указов и распоряжений по областному правлению, чем была значительно облегчена работа чиновников. Теперь любой житель губернии мог узнать о работе правительства и местного аппарата власти.

Из рубрик «Указы императора», «Производство в чин», «о вызове наследников» и другим официального отдела можно проследить за работой губернатора и его администрации. Например, «*Производство в чин Высочайшим приказом по гражданскому ведомству, от 10 декабря 1904 г. за № 93, состоящий по главному горному управлению с откомандированием в Ставропольскую губернию для производства гидравлических работ горный инженер Агеев произведен, за выслугу лет, в коллежские асессоры, со старшинством с 15 июля 1903 г., а также кто уволен, назначен на службу*» (СГВ № 2 за 1905 г.). Или «*По ведомству Государственного Контроля Перемещен: Высочайшим приказом по гражданскому ведомству, от 27 декабря 1904 г. за № 96, ст. ревизор Оренбургской контрольной палаты, коллежский советник Остоумов – на такую же должность в Ставропольскую контрольную палату*» (СГВ № 5 за 1905 г.).

На страницах официального отдела «Ставропольских губернских ведомостей» сообщалось также о награждении чиновников за службу: «*Высочайшая награда Государь император, в 3-й день февраля с.г., в воздание усердной и безпорочной службы в продолжении 12 лет сряду в одной и той же должности не ниже VIII класса, Высочайше соизволил пожаловать помощника Ставропольского полицеймейстера, губернского секретаря Сафронова орденом Св. Анны 3 степени*» (СГВ №11 за 1905 г.).

В рубрике «О розыске лиц» давались объявления с описанием тех людей, которых искало воинское ведомство или полицейские, а также крестьян, которых разыскивали помещики. «*О розыске лиц Ставропольское уездное по воинской повинности присутствие разыскивает Ставропольского мещанина Григория Яковлева Ворона, подлежащего приему на военную службу за призыв 1904 г.*» (СГВ № 11 за 1905 г.).

На страницах газеты печатались списки приехавших и выехавших по г. Ставрополю. Например, «*Приехавшие в г. Ставрополь с 3-го по 9-го число марта из Тифлиса, Кавказского Саперного батальона капитан Вакунин*» и «*Выехавшие из г. Ставрополя Генерал-майор Белгарт, в урочище Белый-Ключ. Майор Сумиловский, в Варшаву*» (СГВ № 11 за 1850 г.).

Также в официальном отделе ведомостей помещались казенные объявления. Например, объявление следующего содержания: «*Торги от Войскового Правления Кавказского Линейного Казачьего Войска, расположенного в г. Ставрополе, объявляется, что в нем будет производиться торг 15 февраля настоящего 1850 г., с узаконенного чрез три дня переторжского, на отдачу в оброчное содержание земли 17 участков, лежащих в Моздоко-Кизлярском уезде ...*» (СГВ № 4 за 1850 г.) и другие.

В неофициальной части «Ставропольских губернских ведомостей» содержится много интересного материала касающегося истории города Ставрополя и Ставропольской губернии. Так, например, в статье М. Крюкова «Города Ставропольской губернии. Губернский город Ставрополь» нам стало известно, что 1824 г. в городе Ставрополе проживало 5 тыс. человек обоего пола. А вот на конец 1849 г. автор сообщает об увеличении жителей губернского города до 13.974 человек, по отчетам полиции. Среди них: духовенства – 112 человек, служащих (военного и гражданского ведомств) – 1948 человек, почетных граждан – 31 чел., купечества – 711 чел., иностранцев – 24 человека, казаков – 98 человек, крестьян – 1016 чел., воспитывающихся в разных заведениях – 551 чел. Автор считал, что эти данные не отражают количества детей из некоторых сословий, поэтому Михаил Крюков предполагает, что приблизительно жителей города 14 тыс. человек (3).

В другой статье «Топографический очерк Ставропольской губернии» М. Крюков описал границы губернии на 1853 году: «*Собственно Ставропольскою губернию, в административном отношении, называется пространство, ограничивающееся к северу землею войска Донского и Астраханскою губернию к югу реками Кубанью и Терекком, к западу землею войска Черноморского, к востоку Каспийским морем. На всем этом протяжении лежат уезды – Ставропольский, Пятигорский и Кизлярский*» (4).

После буржуазных реформ Александра II в газете «Ставропольские губернские ведомости» стали появляться статьи про избирательные права граждан. Так в № 2 за 1878 г. появилась статья «Распределение граждан г. Ставрополя по избирательному цензу» (к сожалению, автор не указан) следующего содержания: «*В Ставрополе как оказывается, по списку лиц, имеющих право быть избирателями, 3168; в том числе: 1-го разряда 29, 2-го – 171 и 3-го – 2968 ...*». Автор в статье распределяет количество избирателей

по сословиям и званиям, делает подсчеты, кто заплатил налоги, кто не заплатил (тот не имеет права голосовать). Подводя итоги своей работы у него получилось «...на момент составления списка число избирателей с 3168 упало до 755 ...», но его не оставляет надежда на то, что «конечно, когда дело дойдет до выборов, число неплательщиков может (и должно бы) уменьшиться ...»(СГВ № 2 за 1878 г.).

После выхода Манифеста 17 октября 1905 г. в столице и в губерниях Российской империи стали учреждаться Государственные Думы. А на страницах официальных газет появились рубрики – «губернские новости», где печатались статьи, содержащие материал о новом выборном органе страны. «Ставропольские губернские ведомости» поместили об этом следующую информацию. В № 33, в неофициальной части ведомостей, содержится материал об учреждении и председателе; о членах и секретарях Государственной Думы, а уже в следующем номере – «Положения о выборах в Государственную Думу, а также Росписание числа членов Государственной Думы по губерниям, областям и городам и Росписание числа губернских выборщиков (СГВ № 34 за 1905 г.):

41. Ставропольская

	Число выборщиков	В том числе		
		От съезда уполномочен ных от волостей	От съезда земледельцев	От съезда городских избирателей
Ставропольский	9	4	2	3
Александровский	9	7	1	1
Медвеженский	13	10	1	2
Благодарнинский	10	8	1	1
Прасковейский	6	4	1	1
итого	47	33	6	8

Также на протяжении всего выхода «СГВ» мы находим приложения к номерам с росписью доходов и расходов города Ставрополя. Например, в приложении к № 15 за 1878 г. помещена: «Роспись губернского города Ставрополя на 1878 г. (Часть первая – росписание расходов, часть вторая – росписание доходов)» (СГВ № 15 за 1878 г.)

Издававшиеся первоначально как орган административно-управленческого аппарата на местах Ведомости со временем превратились в средство массовой информации, активизировавшее культурную и общественную жизнь провинции, оставив для потомков много важной, интересной информации об истории Ставропольской губернии и ее городов, поселков и деревень, которую сегодня исследователи рассматривают как исторический источник.

Использованная литература и источники:

1. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие /И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998.
2. Городецкий Б.М. Очерк развития русской периодической печати на Северном Кавказе. – Екатеринодар, 1914.
3. Ставропольские губернские ведомости за 1850. - № 8-9.
4. Крюков М. «Топографический очерк Ставропольской губернии» // Ставропольские губернские ведомости за 1853, № 47.

Савенко С.Н.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник
им. Г.Н.Прозрителева и Г.К.Праве,
заместитель директора по научной работе,
кандидат исторических наук

«АЛАНСКОЕ ГОСУДАРСТВО» - ДОРОССИЙСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Нынешняя конференция посвящена важным и знаменательным датам в истории становления и развития российской государственности на Северном Кавказе. Но не теряет актуальности и давняя тема объективного изучения древних и средневековых социально-политических образований в регионе. Понятно, что стереотип недавнего прошлого о том, что до вхождения в состав России местные народы не имели своей государственности, требует сегодня существенных уточнений. Но не следует допускать и другую крайность, полагая, что в отдельные периоды истории местное общество создавало государственные системы значительно более развитые, чем исторические формы российской государственности.

Есть основания полагать, что какие-то предполитические («потестарные») образования складывались на Северном Кавказе еще в древности (например, общество носителей майкопской культуры, «дольменная цивилизация», кобанская культурно-историческая общность и другие). Письменная традиция сохранила указание на существование в Предкавказье ряда «царств», городов-государств, владений и т.п., начиная со «Скифского царства» VII в. до н.э., Синдского и Боспорского царств, образовавшихся в V в. до н.э., и заканчивая позднесредневековой Кабардой и политическими образованиями на территории Прикаспийского и горного Дагестана. Особое место в этом ряду принадлежит «Аланскому государству», в границах которого в период его расцвета находились центральные районы, часть западных и восточных территорий региона. В определенной мере это государство может считаться ранним историческим прототипом российской политической системы в регионе, так как и оно объединяло в общих границах полиэтничное и поликультурное население.

В истории изучения Аланского политического образования также выделяется несколько примечательных дат. Примерно 230-235 лет назад, в последней трети XVIII столетия, термин «аланское» или «овское царство» вошел в научную литературу на основании данных византийский, арабских,

грузинских и некоторых других источников (Вахушти Багратиони и другие авторы). 120 лет назад в 1887 году завершилось издание капитального трехтомного труда известного кавказоведа В.Ф. Миллера «Осетинские этюды» (1), в котором рассматривались и вопросы аланской государственности. В 1947 г. появилась в печати работа Б.В. Скитского «Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 года». 45 лет прошло со времени публикации первой капитальной монографии В.А. Кузнецова «Аланские племена Северного Кавказа» (1962), предваряющей целую серию книг и обобщающих статей по различным, в том числе и социально-политическим, вопросам аланской истории (2,3 и другие). С 1987 года можно вести современный этап исследования проблем аланской государственности. Тогда вышли 2-е издание «Истории Северо-Осетинской АССР» с большими сюжетами по истории Алании и одна из обобщающих статей В.А. Кузнецова о Нижне-Архызском городище как раннефеодальном городе Алании, вылившаяся позже в очередную монографию кавказоведа. В изучение проблем классовообразования и аланской государственности были активно вовлечены: М.К. Джигоев, С.Н. Савенко, Ф.Х. Гутнов. Тема приобрела еще большую полемичность в связи с изданием серии книг балкарского историка И.М. Мизиева, выступавшего за коренной пересмотр этнокультурных постулатов истории алан.

В последние годы история аланской государственности продолжала разрабатываться кавказоведами. И завершающийся 2007 год ознаменовался публикацией первой части крупной обобщающей монографии Ф.Х. Гутнова о «Горском феодализме», в которой вновь характеризуется государственность алан (4). Следует сказать и об ученике Ф.Х. Гутнова М.М. Кодзаеве, подготовившем к печати монографию «Верховная власть алан в I-X вв.» (5).

Несмотря на изучение рассматриваемой проблематики в течение многих десятилетий она далеко не исчерпана и не утратила дискуссионности. За указанный период было высказано немало отличных, порой, полярных позиций об Аланском государстве, его социально-политическом типе, степени развития, характерных признаках, этапах эволюции, факторах развития и т.д. Конечно, далеко не все из этих высказываний возможно подробно проанализировать в рамках одного доклада. Мы остановимся лишь на некоторых наиболее общих положениях и аспектах.

Уже Г.А. Кокиев (1926 г.) дискутировал с дореволюционными учеными В.Б. Пфаффом (в ранней работе 1870 г. этот исследователь также полагал, что государства в собственном смысле слова у алан не было – б, с.12) и В.Ф. Миллером и пришел к выводу, что в Алании «...ни о каком государстве

и царе не могло быть и речи...» (7,с.31). Социально-политический характер Алании назывался проблемой в монографии З.Н. Ванеева 1959 г. (8, с.128-162). Обзоры мнений ученых о государстве у алан (порой с неточностями) приводились в работах В.А. Кузнецова (1971), М.К. Джиева (1982) и некоторых других.

Особенно разнообразна общая терминология, применявшаяся в отношении к аланскому государству в отечественной и зарубежной историографии. Кроме более распространенных терминов: «царство», «монархия», «держава», «государственное образование», использовались и более специфичные определения: «аланское раннефеодальное объединение» (9, с.78; 10, с.201), «племенной союз с чертами государственного устройства» (11,с.665;12.с.28;13.с.133;14,с.119), «раннефеодальная раздробленная монархия» (15, с.14), «Аланское княжество» (16,с.57). В.Б. Скитский в работе 1947 г. высказывался за «дофеодальный» характер аланской монархии, а З.Н. Ванеев (1959) считал, что царство представляет собой «раннегосударственное образование, предшествующее рабовладельческому государству (в древности) и феодальному (в средние века в Европе)». Последние мнения фактически совпадали с концепцией дофеодального Киевского государства С.В. Юшкова (17, с.75-76), отстаиваемое позднее И.Я. Фрояновым (См., например: 18, с.44-57) и его сторонниками.

Разнобой продолжался до конца советского периода развития отечественной историографии. И даже в одних и тех же обобщающих трудах аланское государство называлось, то «раннефеодальным», то «варварским» (19, сравни с.111 и 113).

Некоторые основания для терминологического разнообразия содержатся уже в письменных источниках. Так, арабские авторы X в. говорят: Ибн-Русте - «о владениях царя алан», ал-Масуди – о «царстве Алан» и «стране алан». Византийские авторы, в частности, император Константин Багрянородный, свидетельствуют о «земле Аланской», а правителя ее называют «эксусиократором» - «властодержцем». Термин, которым назван аланский правитель в письме византийского патриарха Николая Мистика начала X века архиепископу Алании Петру, переводится как «князь». В хазарских источниках речь идет о «царе алан» и «царстве алан». Об аланских «мепе» - «царях» с XI века говорят грузинские летописи. Некоторые армянские источники этого времени упоминают «князя сарматов», который также связывается с Аланией.

На решении рассматриваемой научной задачи отражались и общетеоретические проблемы выработки единых подходов к классификации исторических типов государства вообще (20, с.28). Проблема находилась в

прямой зависимости от установления формационного уровня развития аланского общества. Уже в дореволюционных работах (В.Б. Пфафф, А.Н. Кодзаев и другие) был поставлен вопрос о феодализме в Алании. Большая часть советских исследователей признавала оформление феодальных отношений на Северном Кавказе в конце эпохи раннего средневековья, но степень развития их оценивалась по-разному. Чаще всего общественный строй Алании назывался «раннефеодальным»: Г.А. Кокиев (1926), Б.Е. Деген-Ковалевский (1935), Е.И. Крупнов (1947), Л.И. Лавров (1957), Б.В. Скитский (1947,1959), Т.М. Минаева (1965), А.Х. Магомедов (1968,1970,1974), Е.П. Алексеева (1971), В.А. Кузнецов (1970,1971,1984,1987 и другие), З.Ш. Дидебулидзе (1974,1980,1983), В.Б. Виноградов (1974), М.В. Бибиков (1981) и другие. В работах применялись термины с иной смысловой нагрузкой: «генезис феодализма», «процесс феодализации», «феодализационные отношения»: З.Н. Ванеев (1956, 1959), В.А. Кузнецов (1961), И.М. Чеченов (1969) и другие. Подобным образом чаще характеризовалось общественное развитие алан второй половины I тысячелетия н.э. К связанным с Аланией адыгам и населению раннесредневековой Балкарии.Л.И. Лавров (1957,1967) и Г.И. Ионе (1967) применяли определение «полупатриархальные-полуфеодальные отношения». Такой термин встречался и в работах В.А. Кузнецова (1971) и М.В. Бибикова (1981). Кроме указанных вариантов социальный строй Алании назывался: «алдарским», (Б.В. Скитский, 1947), «обществом удельного типа» Н.В. Анфимов, 1957), «военно-аристократическим укладом» (А.Р. Чочиев, 1985), «данническими отношениями» (Б.В. Скитский, 1947; А.Р. Чочиев, 1985). В.К. Гарданов (1960) говорил только о чертах раннего феодализма в обществе алан. При этом Т.М. Минаева (1965), В.А. Кузнецов (1970-1971) и некоторые другие авторы указывали, что для X-XIII вв. применимо говорить о переходе алан к стадии развитого феодализма. С этой точкой зрения соотносились высказывания ученых о периоде феодальной раздробленности в Алании, т.к. феодальная раздробленность по общей периодизации феодальной формации выходила за пределы раннефеодальной стадии. Многие авторы четко не осознавали этого обстоятельства, а З.Ш. Дидебулидзе настаивала на том, что раздробленность была присуща и политическим структурам раннефеодального общества, называя ее «раннефеодальной» или «раннеклассовой политической раздробленностью» (15,с.14).

Приведенные определения следует рассматривать на фоне общеисторических дискуссий о моделях феодализма, «азиатском» способе производства, закономерностях классовобразования, «военной демократии» и

т.д., проходивших в советской науке в середине и второй половине XX в. В связи с тем, что Алания периода ее формирования и расцвета находилась на границе гор и степи и включала в себя сообщества полукочевого и горского населения, к проблеме оценки ее социального развития имели отношения исследования в области «кочевого» и «горского феодализма».

В историографии изучения общественного строя Алании в разное время проводилось сравнение с известными типами социально-политических структур, и оговаривались особенности социального развития. В Алании видели: общественно-политический строй типа древнерусского «полюдья» (Б.В. Скитский, 1947); государственное образование менее развитое, чем ранние государства – германские и политические объединения славянских племен – моравов, чехов, поляков, восточных славян V-IX вв. (З.Н. Ванеев, 1959); общество «феодалное типа позднейшего кабардинского» (Е.И. Крупнов, 1946).

Из комплекса особенностей кавказоведами называлось сохранение пережитков общественных институтов патриархально-родового строя. В обстоятельных исследованиях этого аспекта З.Н. Ванеевым (1956, 1959) говорилось о сохранении в Алании: родовой общины, патриархальной расширенной семьи, пережитков родовых отношений и институтов, прочных позиций родовой верхушки, патриархального рабства, общинно-родового типа поселений, традиционных обычаев и норм поведения. Данный перечень можно дополнить из работ других авторов. В.Б. Пфаф указывал на родовое и феодально-родовое противоборство, Е.П. Алексеева, В.А. Кузнецов и другие затрагивали вопросы первобытных форм религиозных верований, родовой структуры аланских кладбищ и т.п.

К числу важных особенностей общественного строя Алании относились экономическая, социально-политическая, духовно-религиозная, локально-зональная и иная неравномерность развития. Наиболее развернутый перечень показателей неравномерности социальной эволюции Алании содержится в работах В.А. Кузнецова: социально-экономическая многоукладность, переплетение феодальных и патриархальных черт, сочетание догосударственных и государственных элементов, зональная и локальная неравномерность, смешение христианства с язычеством. Вопрос о зонально-локальных различиях социального развития районов Алании пытался рассматривать еще В.Б. Пфафф (1871), поставив общественный уровень гор и плоскости в зависимость от степени влияния Грузии (плоскостные районы Предкавказья определялись как менее развитые по отношению к горам). Более обстоятельно тема зональных различий общественных структур плоскости и гор разрабатывалась в советском

кавказоведении – Е.Н. Кушева (1953), И.М. Чеченов (1969 и другие), А.М. Магомедов (1974), В.Б. Виноградов (1981 и другие) и другие исследователи. Оригинальным по постановке было положение о сопряжении кочевничества и оседлости в процессе развития социальных отношений в среде алан, выдвинутое А.Р. Чочиевым (21).

Собственную позицию в отношении аланского общества высказал вот уже почти 20 лет назад и я. Работая над изучением позднеаланских катакомбных погребальных памятников X-XII вв. Центрального Кавказа, я пришел к выводу о том, что общественную систему поздней Алании следует характеризовать как **переходную с чертами раннего феодализма и признаками социальной нестабильности**, а достоверных данных для определения раннегосударственного аланского образования как **раннефеодального, переходящего к развитой стадии феодализма** мне выявить не удалось (22,с.22-23).

В связи со всем вышесказанным разнообразно решались и более частные вопросы характеристики признаков, черт, периодизации эволюции государства и социальной системы Алании и т.п. В целом следует признать, что в советский период вопрос о характере и уровне развития аланского государства и общества не имел общего решения и оставался открытым. Спектр определений варьировал от признания отсутствия сложившегося государства у алан до констатации развитого феодального типа аланской государственности.

После отхода отечественной историографии от строгих принципов марксистско-ленинской теории классов и государства и внедрения плюрализма подходов в начале 1990-х годов общая научная атмосфера продолжительное время не способствовала преодолению нечеткости и неоднозначности в определении характера и уровня аланской государственности.

Одним из основных разработчиков рассматриваемой тематики на современном этапе следует считать Ф.Х. Гутнова, посвятившего ей целую серию обобщающих работ. Кроме указанных трудов, необходимо назвать монографии и статьи 1993,1995, 2000-2001 гг. (23,24,25 и другие). Конечно, характеристики аланской государственности приводятся в работах последних лет В.А. Кузнецова, В.Б. Ковалевской и ряда других ученых. Но они не рассматривали указанные вопросы специально и, в основном, остались на своих ранее высказанных точках зрения. Некоторые интересные уточнения социальной терминологии, хронологии развития аланского государства и христианской церкви сделаны С.Н. Малаховым (26, с.376-388 и другие). Патетические ноты в отношении высокого уровня развития «Аланской

державы» не раз мелькали в это время в карачаевской, балкарской, осетинской и иной региональной публицистике

Ф.Х. Гутнов формировался и развивался как советский историк и сохранил основы «истматовского» подхода к изучаемым процессам и явлениям и сейчас. Им была предложена одна из последних периодизаций формирования государства у алан из 4-х этапов в течение I тысячелетия н.э. как процесс перехода от военной демократии к раннеклассовому обществу (20, с.55-56). В сравнении с уже существовавшими периодизациями эволюции аланского общества и государства она является более детализованной и растянутой во времени. Автор, как и его некоторые предшественники (Б.В. Скитский, Н.В. Анфимов, В.А. Кузнецов в работе 1987 г.) связывает этап военной демократии с первой половиной I тысячелетия н.э.. Советские исследователи, которые ставили знак равенства между понятиями «военная демократия» и «классообразование» и не заметили работ (или не обратили внимание), в которых «военная демократия» считалась не единственно возможной формой и не последней стадией организации общества, находящегося на пути к классовому обществу (27, с.87-97; 28, с.66-74), неоправданно доводили этот этап до VIII-IX вв.н.э. (Е.П. Алексеева, В.А. Кузнецов, М.К. Джигоев и другие). Но в содержании первого этапа периодизации Ф.Х. Гутнова не нашли отражения результаты существенного сдвига, произошедшего в начале 2000-х годов в характеристике социально-культурного строя ранней Алании II-IV вв.н.э., уровень которого определяется теперь как значительно более высокий (29, с. 474;30, с.488-489). В Алании того периода были свои «цари», другие знатные и должностные лица, системы огромных городищ, относимых ранее к средневековью, обширные могильники с нередкими богатыми захоронениями и т.п.

Алания конца X в. н.э. предстает в работах Ф.Х. Гутнова как сильное государство с единоличной властью, именуемой в источниках «царской», имеющее крупное социально- структурированное конное войско, прочные позиции и авторитет в международных отношениях с соседями (Хазария, Византия, государства Закавказья, Киевская Русь) на юго-востоке Европы и границе ее с Азией. При этом делаются оговорки об относительной неразвитости и своеобразии социально-политической системы. Ученый отмечает, что до сих пор аланское общество этого времени продолжает считаться специалистами раннефеодальным, хотя никому еще не удалось доказать существование в нем именно феодальных методов эксплуатации. А распространенные в Алании наряду с данью, «добровольные дары» могли быть не формой эксплуатации, а ранней разновидностью уплаты налогов.

Термин «раннефеодальный» допускается потому, что общество алан уже не было родовым и не являлось рабовладельческим. Ф.Х. Гутнов признает неразвитость существовавшего в Алании государственного аппарата, своеобразной компенсацией которой считается система «полюдья» - объезд подвластных территорий по определенному маршруту (развитие идеи Б.В. Скитского). Аланское общество рассматриваемого периода является уже разделенными на классы-сословия, а государство на отдельные территории, управляемые местными должностными лицами (4, с.271-277). Ученому пока не удалось существенно дополнить характеристику государственного устройства Алании X-XIII вв., хотя определенные новые подходы и идеи были реализованы и в этой области. Но следует указать, что не все из предложенных выводов и умозаключений и сегодня могут приниматься безоговорочно.

Объективная оценка общего уровня и элементов политической системы Алании затруднялась и затрудняется отсутствием или недостаточностью в имеющихся в нашем распоряжении источниках данных о наличии в ней многих важных признаков государства, таких как: общегосударственные органы управления и сбора налогов, государственные законы, система денежного обращения, достаточно высокий уровень экономической и городской жизни, внутренние коммуникации, складывавшаяся единая этносоциальная общность, общегосударственная религия и религиозная организация, общность культуры и другие. Многие из этих признаков рассматривались пока в основном в виде предположений, версий, гипотез. Недостаточное отражение пока нашла тема полиэтничности населения Аланского государства, поставленная в советский период.

Таким образом, один из исторических предшественников, а в чем-то и прототипов российской государственности на Северном Кавказе – средневековая Алания, вполне заслуживает и по-прежнему требует к себе пристального внимания со стороны объективной науки.

Использованная литература и источники:

1. Миллер Всеволод. Осетинские этюды. – Владикавказ, 1992: Репринт Вс. Миллер. Осетинские этюды. Выпуск.1-3. – М.: Ученые записки Московского университета, 1881-1882, 1887.
2. Кузнецов В.А. Алания в X-XIII вв. – Орджоникидзе: Ир, 1971.
3. Кузнецов В.А. Очерки истории алан. – Орджоникидзе: Ир, 1984.
4. Гутнов Ф.Х. Горский феодализм. Часть I. – Владикавказ: Ир, 2007.
5. Во время подготовки статьи к печати монография была издана – Кодзаев М.М. Верховная власть алан в I-X вв. - Владикавказ: СОИГСИ им. В.И. Абаева, 2008.
6. Пфафф В.Б. Материалы по истории осетин // ССКГ. Вып.IV. – Тифлис: Издательство Кавказского горского управления, 1870.

7. Кокиев Г.А. Очерки по истории Осетии. Ч. I. – Владикавказ: Осетинский НИИ краеведения, 1926.
8. Ванеев З.Н. Средневековая Алания. – Сталинир, 1959.
9. История Кабардино-Балкарской АССР. – М.: Наука, 1967. Т. I.
10. Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа. – Л.: ЛГУ, 1979.
11. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа в IX- первой четверти XIII в. (гл.4, §5)// Очерки истории СССР. Период феодализма. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. Ч. I.
12. Ванеев З.Н. Народное предание и происхождении осетин (к проблеме общественного строя Овского царства). – Сталинир: Госиздат Юго-Осетии, 1956.
13. Новосельцев А.П. К истории аланских городов // МАДИСО. Т.2. –Орджоникидзе: СОНИИ, 1969.
14. Виноградов В.Б. Аланы в Европе//ВИ. 1974. № 8.
15. Дидебулидзе З.Ш. Культурные взаимосвязи народов Грузии и Центрального Предкавказья. – Тбилиси: Мецниереба, 1983.
16. Лавров Л.И. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // КЭС. – М.: Наука, 1969. Т. IV.
17. Юшков С.В. К вопросу о политических формах русского феодального государства до XIX в. // ВИ. 1950. № 1.
18. Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. – Л.: ЛГУ, 1980.
19. История Северо-Осетинской АССР. 2-е издание. Т.1. – Орджоникидзе: Ир, 1987.
20. Гутнов Ф.Х. Формирование классов и государства у алан// Проблемы этнографии осетин. Выпуск 2. Владикавказ: СОНИИИФЭ, 1992.
21. Чочиев А.Р. Очерки истории социальной культуры осетин. – Цхинвали: Иристон, 1985.
22. Савенко С.Н. Характеристика социального развития аланского общества по материалам катакомбных могильников X-XII вв. // Автореферат дисс., канд ист.наук. – М.: МГУ, 1989.
23. Гутнов Ф.Х. Эволюция верховной власти у алан в период военной демократии// Кавказ и цивилизации Востока в древности и средневековье. – Владикавказ: СОНИИИФЭ, 1993.
24. Гутнов Ф.Х. Аристократия алан. - Владикавказ: Ир, 1995.
25. Гутнов Ф.Х. Политогенез и генезис феодализма на Северном Кавказе // Вестник Института цивилизации. Вып.3. – Владикавказ, 2000.
26. Малахов С.Н. Алано-византийские заметки // Аланы: история и культура. – Владикавказ: СОИГСИ, 1995.
27. Хазанов А.М. «Военная демократия» и эпоха классовобразования // ВИ. 1968. №12.
28. Хмельницкий В.М. О понятии «военная демократия» // СЭ. 1973. № 4.
29. Габуев Т.А. Кому принадлежали курганы у села Брут? // Три четверти века. Д.В. Деопику – друзья и ученики. – М.: Памятники исторической мысли, 2007.
30. Малашев В.Ю. Культурная ситуация в Центральных районах Северного Кавказа во II-IV вв.н.э.// Три четверти века. Д.В. Деопику – друзья и ученики. – М.: Памятники исторической мысли, 2007.

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Дронов А.В.,

г. Санкт-Петербург,

Институт истории материальной культуры РАН,

стажер отдела палеолита

Из истории изучения каменного века Ставрополя

Географическое положение Кавказского перешейка (равнинного Предкавказья и Кавказской горной страны) определило его роль в геологическом и историческом прошлом как гигантского сухопутного «моста», соединяющего Русскую равнину с Ближним Востоком. Современные археологические исследования дают основание полагать, что изначальная история России теснейшим образом связана с Кавказом, через который древнейшие люди впервые проникли на территорию Русской равнины.

Археологическое изучение Ставрополя ведется уже почти 150 лет. За это время открыто множество памятников от эпохи бронзы до периода средневековья, которые характеризуют интенсивность и «пестроту» этнокультурных процессов в регионе. Предшествующие этапы истории освещены гораздо хуже. В настоящее время достоверные свидетельства обитания человека на Ставрополье в эпоху камня в широком хронологическом диапазоне (палеолит-мезолит-неолит) пока концентрируются лишь «булавочными уколами» в отдельных пунктах центральных и восточных районов края. Они оставляют археологическую карту каменного века, в отличие от весьма богатых подобными находками сопредельных районов Северного Кавказа, фактически не заполненной.

История изучения палеолита нашей страны насчитывает почти 140 лет. Первые разрозненные обследования пещер Кавказа относятся к 60-м годам XIX века. А уже в начале 1880-х годов известный русский археолог, граф А.С. Уваров высказал смелую для того времени мысль о возможности нахождения в восточной части Кавказского перешейка «следов» древних людей времени «палеолитического каменного века». Это говорилось вопреки мнению таких авторитетных ученых, как В.Ф. Миллер и Р. Вирхов утверждавших, что Кавказ издавна является всего-навсего культурным

«захолустьем». Однако попытки найти подобные следы в те годы, предпринятые А.В. Комаровым и Д.Н. Анучиным, успеха не имели. Исследованные ими с этой целью некоторые пещеры в Дагестане не дали материалов каменного века. Видный русский ученый, академик Д.Н. Анучин был настолько разочарован, что весьма категорично заявлял: «...Кавказ был заселен позднее других азиатских местностей и племенами, уже знакомыми с употреблением не только бронзы, но и железа» (1, с. 449).

Изучение каменного века на территории Ставрополя началось сравнительно недавно - в середине 20-х - начале 30-х годов XX века. Нельзя, однако, утверждать, что в дореволюционный период не предпринималось никаких шагов в этом направлении. Некоторые исследователи уже тогда ставили задачей поиск здесь следов пребывания первобытного человека. В целом небольшие по масштабу работы организованные зачастую усилиями отдельных энтузиастов, действовавших на свой страх и риск, без чьей-либо поддержки, дали незначительные результаты. В числе первых таких исследователей района КМВ в начале XX века следует назвать приват-доцента Киевского университета Святого Владимира А.Н. Грена. В его очерке «Кавказские Минеральные Воды в археологическом отношении», имеется отдельное упоминание о каменном орудии «вероятно неолитического облика». Он также осмотрел пещеры в бассейне реки Подкумок и грот на горе Развалке, однако «следов доисторического человека не нашел» (2).

Анализируя мнения ученых того времени о возможностях нахождения древнейшего человека и, добавляя к ним собственные взгляды, известный кубанский историк и общественный деятель Ф.А. Щербина отмечал, что «необнаружение следов дилювиального человека на Кавказе не исключает еще их присутствия». «Просто следы эти - писал он, - пока не обнаружены, мало было произведено исследований в этом направлении и то, что добыто, получено случайно, бессистемно, и обнаружено большей частью не специалистами, а любителями старины». В качестве примеров находок «весьма важных в научном отношении» в своем обобщающем труде, посвященном древней истории Кубани и Северного Кавказа, он сообщает любопытные сведения. Так в окрестностях Маджар Г.Н. Прозрителевым были обнаружены в «третичных каменных отложениях два черепа с чрезвычайно узкими костями лба и громадными глазными впадинами, один из которых признан принадлежащим человеку, а не обезьяне... ». В Ставропольском музее (вероятно Музей Северного Кавказа.- А.Д) хранятся 2 шлифованных молотка из песчаника и отполированный молот из змеевика, добытый возле Ачикулакской ставки. Отмечалась находка «каменного

кинжала грубой работы, с неуклюжей рукояткой и нижним заостренным концом, из сыпучих песков села Петровского» (3.с.111-112, 121). В археологическом альбоме Г.Н. Прозрителева (1924-1928 гг.) имеется рисунок, по-видимому, этого предмета под названием «топор грубой работы, каменный, не шлифованный» (4).

Уже в середине 20-х годов XX века донской археолог Б.В.Лунин подытоживая и критически переосмысливая подобные свидетельства, ратовал за тщательную ревизию подобного материала накопленного в музеях края (5,с.5). Известный интерес представляет также сообщение о находке в верховьях реки Калаус (Удельная степь) на юге Ставропольского края обильных костных останков млекопитающих и кремневых орудий (6.с.33-47). По мнению Н.К. Верещагина эта фауна относится к верхнему плейстоцену, а мезолитические орудия («культура солютре, или мадлена» по Рябинину) подтверждает самый поздний этап плейстоцена или даже переход к голоцену (7.с.100).

Дальнейшее накопление материалов по каменному веку края шло крайне медленно. К тому же научная переоценка в конце 1920-х-начале 1930-х годов имеющихся находок на некоторое время вновь породили критическое отношение к вопросу о заселении древнейшим человеком территории равнинного Предкавказья. В послевоенное время постепенно наращиваются поиски в полосе предгорий Северного Кавказа, уделяется большое внимание разведкам, прежде всего пещерных стоянок, дающих обычно хорошо стратифицированный и фаунистически охарактеризованный материал, а также активизируются работы на предкавказских равнинах. Это было связано, прежде всего, с совершенствованием методов комплексных исследований, постановкой и разрешением ряда новых историко-археологических проблем.

Использованная литература и источники:

- 1.Анучин Д.Н. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 года// ИРГО.Т. XX. Вып.4.-СПб, 1884.
2. Кавказские Минеральные Воды. 1902. 3, 4 ,6 сентября.
- 3.Щербина Ф.А.История Кубанского Казачьего Войска. Т.1. История края.- Екатеринодар., 1910.
- 4.СГМЗ.Ф.2.ед.хр.38.Л.39,45.
- 5.Лунин Б.В. К вопросу о задачах русской археологии на Северном Кавказе. - Ростов-на-Дону.,1926.
- 6.Рябинин А.Н. Послетретичные млекопитающие и кремневые орудия из Удельной степи Ставропольской губернии//Ежегодник РПО.Т.2.-Петроград, 1918.
7. Верещагин Н.К. Млекопитающие Кавказа. - М., 1959.

Прокопенко Ю.А.
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный университет,
доктор исторических наук, доцент

**ФОРМИРОВАНИЕ В СТАВРОПОЛЕ В КОНЦЕ XIX ВЕКА СИСТЕМЫ ПО
ФИКСАЦИИ И СОХРАНЕНИЮ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ НАХОДОК ИЗ ПАМЯТНИКОВ
РЕГИОНА**

Проблемами археологических изысканий в Ставрополе в конце XIX в. занималась Городская управа, канцелярия губернатора и Ставропольский губернский статистический комитет.

Процесс сбора информации о раскопанных памятниках, а также способ сохранения обнаруженных археологических находок реконструируются следующим образом: сведения о раскопанных памятниках поступали из региональных учреждений - волостных правлений и уездной полиции. О том, что они активно участвовали в данном процессе свидетельствует переписка местного краеведа – отставного унтер-офицера П. Федотова с городской управой о якобы находке крестьянами с. Константиновского в 1885 году в кургане сундука с золотыми монетами. Крестьянин Теряев (подозреваемый находчик), чтобы доказать отсутствие у него золота обращался к Константиновскому волостному правлению и уездной полиции (1).

Далее сведения о раскопанном памятнике или найденных артефактах могли поступать в учреждения Ставрополя двумя путями – либо напрямую в канцелярию губернатора, либо направлялись в Городскую управу (а затем в канцелярию губернатора). После этого к объекту обязательно направлялись служебные приставы, которые в ходе допросов людей (дознание), обнаруживших памятник, или его незаконно раскопавших, составляли подробный протокол раскопок, а также занимались сбором у местного населения найденных предметов. В качестве примера следует отметить довольно подробный протокол, составленный приставом Добрыней по итогам грабительских раскопок Султановского склепа в 1899 г. Чиновник не только выяснил обстоятельства незаконных работ на памятнике, но и описал характер и методы раскопок, а также выяснил судьбу обнаруженных артефактов (2).

Найденные древние вещи поступали в Городскую управу, а затем вывозились в ведущие музеи страны - чаще в Эрмитаж, иногда – в Исторический музей в Москву. Кроме отмеченных учреждений вещи из

памятников, открытых в отдаленных районах Ставрополя отправлялись через уездное полицейское управление в Ставропольский губернский статистический комитет. Например, таким образом, в Ставрополь попали предметы из кургана, раскопанного у с. Воздвиженского в 1890 г. (3). Четко налаженная схема позволила сохранить до настоящего времени значительную часть археологических находок XIX в.

В этом смысле следует отметить деятельность Ставропольского губернатора Н.Е. Никифораки (4, с.247), его особое внимание к проблемам археологических изысканий. Он не только лично курировал переписку своей канцелярии с Императорской археологической комиссией по поводу найденных артефактов, но и предпринимал конкретные меры по сохранению древних предметов и памятников. В одном из писем, направленных в археологическую комиссию Н.Е. Никифораки высказывает свою обеспокоенность по поводу разрушения памятников и предлагает свой вариант борьбы с грабителями. В частности он пишет: «...По моему мнению, только материальное наказание кладоискателей за находки может иметь действительные результаты и кладоискатели, видя, что труд их не оплачивается, поневоле прекратят это занятие» (5). В записках, исходящих из канцелярии губернатора обязательно присутствовал подробный рассказ об обстоятельствах находки, и прилагалось описание обнаруженных артефактов.

Кроме государственных служб в конце XIX в. в Ставрополе проблемами сохранения археологических памятников начинают заниматься и местные любители старины. Конец XIX - начало XX вв. характеризуется оживлением научной деятельности в провинции, зарождением и становлением краеведения.

В связи с завершением Кавказской войны, а также реформированием армии (сокращение сроков службы) в 1874 г. большое количество отслуживших офицеров и унтер-офицеров определяется на место жительства в города России, в том числе и Северного Кавказа. Эта социальная группа, выделявшаяся образованием и любознательностью, включается в провинциальную культурную жизнь. Некоторые из них начинают заниматься археологическими изысканиями.

Одновременно в числе археологов-профессионалов на Северном Кавказе начинают заниматься исследовательской деятельностью офицеры и генералы, получавшие специальные разрешения на право раскопок памятников от Императорской Археологической комиссии - Открытые листы (полковник Ольшевский, генерал Эркерт и др.). При этом Археологическая комиссия старалась привлечь к раскопчной деятельности

и местных краеведов. Характерным примером в этом смысле является г. Ставрополь в 80-е гг. XIX в., где факт появления столичного исследователя - генерала Эркерта, его раскопки в окрестностях города сами по себе возбудили у горожан огромный интерес к археологическим памятникам. Деятельность Эркерта послужила примером для местной патриотически-настроенной публики, в числе которой своими изысканиями выделяется первый местный археолог-любитель отставной унтер-офицер Павел Ф. (Федорович?) Федотов (6, с.211-215).

Известно, что генерал Эрkert проводил раскопки в окрестностях Ставрополя в 1880 - 1881 гг. (7,8,с.85-87, ссылка 13). Им были исследованы курганы V - IV вв. до н.э. В их число В.И. Козенкова включила Ставропольский курган, обычно приписываемый раскопкам П. Федотова. Автор справедливо отмечает разночтения даты исследования памятника (9,с.134, 319, рис.3,2 - 1883 г. или 1893 г.). Вслед за В.Б. Виноградовым к 1893 г. этот курган относит С.В. Махортых (10, с.77,рис.29, 8,9).

В рукописном архиве ИИМК РАН хранится переписка Археологической комиссии с Городской Управой г. Ставрополя и П. Федотовым (с 13 января 1882 г. по 1 июля 1885 г.). Согласно документам, предметы из коллекции П. Федотова были найдены в 1883 г. в курганах в 5 верстах от Ставрополя (по дороге в ст. Николаевскую Кубанской обл.) и 1 ноября 1884 г. сданы в Эрмитаж.

Однако один из документов о выдаче П. Федотову удостоверения «по результатам раскопок одного из курганов», содержащий список предметов, поступивших в Городскую Управу Ставрополя из этого кургана (бронзовый вороненный щиток - зеркало, металлическая эмблема, изображающая кольцеобразно и в середине две руки (бляха с изображением хищника), четыре металлических наконечника стрел и др.), датируется 13 января 1882 г. Таким образом, курган, из которого происходят перечисленные вещи, действительно, как верно отметила В.И. Козенкова, датируется не 1883 г. и не 1893 г., а 1881 г., поскольку раскопки, как правило, велись летом или осенью. Но все-таки Ставропольский курган исследовал не генерал Эрkert, а П. Федотов, о чем свидетельствуют отмеченные документы, как Городской Управы Ставрополя, так и Археологической комиссии.

В частности, 20 июня 1884 г. из Городской Управы в Археологическую комиссию поступило описание раскопок П. Федотова: «...В черте выгонной земли губернского города Ставрополя на расстоянии 5 верст от города по проселочной дороге в ст. Николаевскую Кубанской области над ручьем Грушевским, с обеих сторон покрытым лесом, возвышается небольшой чистый и длинный холм. Над южным, более крутым скатом этого холма,

почти по прямой линии находятся 5 курганов. Во всех этих курганах П. Федотов производил раскопки. В одном из них, третьем, с восточной стороны, в рыхлой почве, на двухаршинной глубине найдены те предметы древностей, которые при отношении Управы от 30-го января 1884 г. отосланы в Археологическую комиссию... Грунт самого кургана состоит из чернозема с булыжником, по всей вероятности набранным из Грушевского ручья. Судя по рыхлости и отличию грунта кургана от грунта земли, окружающей курган, можно заключить, что курган насыпан искусственно. Такое же построение и прочих курганов, в которых, кроме человеческих и лошадиных костей, ничего не найдено».

Дата погребения в пределах начала IV в. до н.э. определяется по наличию в комплексе бронзовых наконечников стрел и круглой бронзовой бляшки с изображением свернувшегося хищника, близкого образам «сонных» изображений IV в. до н.э. Среднего Дона (11). Аналогичные зеркала V типа из кочевнических погребений Северного Причерноморья датируются V - IV вв. до н.э. (12). Возможно, П. Федотов исследовал курган из курганной группы, до него частично раскопанной Эркертотом.

Следует отметить, что П. Федотов продолжал свою раскопную деятельность в 1884 - 1885 гг. В 1884 г. он получил от Археологической комиссии разрешение на раскопки «погребов» в Русской Даче (г. Ставрополь). В этом районе «между двух курганов» в одном из «погребов» им были обнаружены три больших фигурно обработанных камня. Два из них имеют подтреугольную форму. Один из углов скруглен, что делает противоположный выступающий угол похожим на клюв хищной птицы. В центре – прямоугольное отверстие, напоминающее птичий глаз. Они отличаются только формой клюва (заостренный и прямоугольный).

Третий камень оформлен в виде животного (барана?). Прямоугольное туловище имеет в верхней части выступ, скругленный в верхней части - голова животного. В нижней части вырезаны два прямоугольных выступа, видимо, обозначающие конечности животного (6, с.214).

Также П. Федотов в 1885 г. в Городскую Управу доставил сломанный надвое клинок сабли, шесть кусков от металлического зеркала и кусочек кожи, другие предметы. Следует отметить профессионализм и порядочность его как исследователя. Все, что попадало в его руки (в том числе и ценные предметы), обязательно доставлялось в Городскую Управу, а затем в Археологическую комиссию. Благодаря этому основные находки сохранились (хр. в Государственном Эрмитаже). Кроме собственных раскопок, он старался собрать сведения и о случаях ограбления памятников, причем не только в г. Ставрополе, но и в его окрестностях. В данном случае

особо показательна его переписка с Управой и с Археологической комиссией о грабительских раскопках в 1885 г. в окрестностях с. Константиновского.

Здесь, по его словам, в кургане (в яме) на обожженных досках, на камыше и угольной подсыпке был найден сундук с золотыми российскими монетами. Он требовал разобраться с этим делом - вернуть ценности. Но чиновники не поверили его версии. Возможно, о сундуке действительно данные им были преувеличены! (неумышленно). Однако, судя по описанию того, что было обнаружено, - уголь, камыш, погребение могло относиться к скифскому времени, а в таких комплексах не редкость предметы из драгоценных металлов.

Несмотря на непрофессионализм, отсутствие исследовательской практики, деятельность П. Федотова как первого на Ставрополье археолога-любителя достойна, чтобы его имя внесли в плеяду офицеров-археологов конца XIX - начала XX вв. (штабс-капитан Н.В. Орел, подъесаул Панкратов, капитан Л.Ф. Бржезинский, капитан В.А. Скиндер, поручик В.Р. Апухтин и другие).

Кроме П. Федотова в числе местных краеведов следует отметить деятельность инспектора народных училищ Ставропольской губернии А.И. Твалчрелидзе. Исследователь не только в своих трудах публиковал сведения о археологических памятниках, выявленных в окрестностях населенных пунктов Ставрополья, но и сам лично осматривал такие памятники и при этом старался довести научные сведения до археологов-профессионалов (13). В частности, он сообщил председателю Кавказской археографической комиссии Е.Д. Фелицыну о результатах осмотра склепа, открытого у с. Султановского в 1899 г. чем, фактически способствовал дальнейшему исследованию памятника (в частности затем он был раскопан археологом Владимировым) (14, с.37 сл.).

Таким образом, в конце XIX в. в Ставрополе наблюдается складывание прообраза системы по фиксации и сохранению памятников старины, в которой кроме государственных учреждений определенную роль имела и деятельность местных любителей-краеведов П. Федотова, А.И. Твалчрелидзе, чиновников (приставов и др.) добросовестно.

Использованная литература и источники

1. Архив ИИМК РАН, ф.1, оп.1, д.6, 1883 г., л.31-32, 61,62.
2. Архив ИИМК РАН, ф.1, оп.1, д.12, 1899 г., л.7.
3. Архив ИИМК РАН, ф.1, оп.1, д.219, 1890 г., л.4.
4. Энциклопедический словарь Ставропольского края. Ставрополь, 2006.
5. Архив ИИМК РАН, ф.1, оп.1, д.219, 1890 г. л.11.

6. Прокопенко Ю.А. О краеведческой деятельности в 80-е гг. XIX в. археолога-любителя П.Ф. Федотова // Вторые Прозрителевские чтения. Мат. Науч.-практ. конф. 29-30 ноября 2005 г. Ставрополь, 2006.
7. Erckert, Ein kurgan bei Stavropol // ZFE. 15. 1883.
8. Козенкова В.И. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант// САИ. Вып. Б2-5. М.: Наука, 1998.
9. Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII-IV вв. до н.э.). Грозный, 1972.
10. Махортых С.В. Скифы на Северном Кавказе. Киев: Наукова Думка, 1991.
11. Прокопенко Ю.А. К вопросу о зверином стиле Центрального Предкавказья IV-III вв. до н.э. // Исторична наука: Проблеми розвитку. Матеріали, Міжнародної наукової конференції 17-18 травня 2002 року. Секція Археологія. Луганск, 2002.
12. Кузнецова Т.М. Зеркала Скифии VI-III в.в. до н.э. - М., 2002.
13. Архив ИИМК РАН, ф.1, оп.1, д.12, 1899 г., л.1.
14. Прокопенко Ю.А. О культурной принадлежности Султановского кургана, исследованного И.А. Владимировым в 1900 году у горы Брык // Вестник СГУ. Вып.15. Социально-гуманитарные науки. Ставрополь, 1998.

Отюцкий И.В.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник
им Г.Н. Прозритлева и Г.К. Праве,
заведующий отделом археологии

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ Г.Н. ПРОЗРИТЕЛЕВА ЗА 1907 ГОД
(К 100-ЛЕТИЮ ИССЛЕДОВАНИЙ В.А. ГОРОДЦОВА НА МЕСТЕ
РАЗВАЛИН Г. МАДЖАРА)**

Среди коллекций музея Северного Кавказа есть одна, обстоятельства формирования которой заслуживают отдельного разговора. Эта коллекция сформирована самим Григорием Николаевичем Прозрителевым. Во всяком случае, факты таковы: в общем списке отдела археологии указано, что данная коллекция поступила от Г.Н. Прозрителева; коллекция оформлена на отдельных картонных планшетах, подписанных Прозрителевым и названных таблицами; по надписям к таблицам становится ясно, что они сформированы из предметов, собранных в Маджаре в 1907 году.

Теперь обратимся к источнику. Отчет известного русского археолога Василия Алексеевича Городцова «Результаты археологических исследований на месте развалин г. Маджар в 1907 году». Опубликовано в Москве в 1911 году. На 78 странице 78 отчета подчеркнута: «Вся же работа продолжалась от 1 до 30 июня включительно». Страница 105 отчета имеет подзаголовок «Исследование долины, представляющей как бы улицу древнего города». В примечании к подзаголовку написано: «Во время производства этих исследований прибыл Г.Н. Прозрителев, принявший живое участие во всех дальнейших работах».

Подводя итог первой части наших рассуждений, делаем следующий вывод. В июне 1907 года Григорий Николаевич Прозрителев принимал участие в работе археологической экспедиции под руководством В.А. Городцова на территории города Маджара. В это время, скорей всего, и была сформирована та самая коллекция, о которой мы ведем речь.

Судя по нумерации таблиц, с предметами из города Маджара, их должно было быть 20. К настоящему времени сохранилось – 17. Отсутствуют 1-я, 3-я и 13-я. Из нашего обзора исключена таблица под номером 17. На ней находятся только фрагменты костей животных, о которых будет рассказано отдельно. К ним же примкнут еще две таблицы, где остеология присутствует частично.

Помимо керамики на планшетах имеются фрагменты строительных

изразцов, кирпичей, чугуна. Керамика различна и по цвету, и по назначению, и по орнаменту. Сейчас невозможно сказать, откуда тот или иной предмет происходит, из какой части города Маджара. Таких данных не встретилось. В количественном отношении преобладает керамика. Так, на пяти таблицах было размещено 111 фрагментов глиняной посуды.

Еще необходимо отметить, что некоторые планшеты имеют инвентарные номера и по музею Северного Кавказа и по Ставропольскому музею – заповеднику. Так таблица 2 по первому музею зарегистрирована под № 3407, а по второму - № 3447. Четвертая таблица – соответственно № 3408 и № 3460. Двенадцатая - № 3409 и № 3456.

Таким образом, в год 100-летия работы археологической экспедиции В.А. Городцова на территории золотоордынского города Маджара (ныне г. Буденновск) необходимо еще раз подчеркнуть значение научной и общественной деятельности Григория Николаевича Прозрителева по сохранению одного из значимых памятников в средневековой истории края.

Швырёва А.К.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник
им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве,
старший научный сотрудник,
кандидат биологических наук

ОСТЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА МЕСТЕ РАЗВАЛИН Г. МАДЖАРА ЗА 1907 Г.

Древний город Маджар располагался на левом берегу р. Кумы при впадении в нее р. Буйволы. По физико-географическим данным занимаемая им территория делится на две части: нагорную и луговую. В 1907 году на месте развалин этого города были проведены археологические раскопки под руководством В.А. Городцова. Археологов особенно интересовала луговая часть, т.к. там часто встречались предметы быта древних поселенцев города: монеты, фрагменты глиняной посуды, обломки костей домашних животных. Эти находки ученые связывали с XIV веком. По данным В.А.Городцова, протяженность истории древнего города Маджара определяется XIII- XVI вв.

Остеологические исследования в то время ограничивались лишь констатацией находок костей того или другого животного. Остеологический анализ тогда не проводился. К счастью в фондах нашего музея сохранились таблицы Г.Н. Прозрителева, посетившего г. Маджар в 1906 году. Это помогает нам расширить сведения о домашних животных, разводившихся древними поселенцами г. Маджар.

Экспедицией В.А. Городцова с территории г. Маджар было собрано 1325 костей. Хотя выборка и очень мала, все же по результатам остеологического анализа можно сделать некоторые заключения о домашних животных древнего города.

Прежде всего, остановимся на использовании животных в быту. Само собой разумеется, что домашние животные были источником мясной пищи. Об этом свидетельствуют остатки животных из хозяйственных ям. Все они представляют кухонные отбросы, потому что кости животных разрознены, часть из них расколота с целью добычи костного мозга. В пищу шло мясо как традиционных животных – крупного и мелкого рогатого скота, но и лошадей. Об этом свидетельствуют находки из траншеи 1 в долине, на улице древнего города, в погребении 6 (холм 6) и из хозяйственной ямы 1(холм 5). Тут же обнаружены 2 черепа собак. Не исключено, что и собаки были источником

мясной пищи. Кроме того, в пищу шло мясо птицы и рыбы, отчасти осетровых пород, а возможно, и моллюски.

Вторым направлением использования животных в быту было использование их костей для изготовления разных поделок. Так в траншее 1 (холм 1) обнаружены астрагалы мелкого рогатого скота с подпиленными стенками. Такие обработанные астрагалы использовали для игры в кости. Кроме того, костяные поделки найдены на территории владений г. Святого Креста в траншее 11.

Очень было распространено использование животных в погребальных ритуалах. Находки костей животных рядом с костяком погребенного, на груди его или на крышках гробов встречаются довольно часто. Особенно яркое ритуальное захоронение найдено во владениях г. Святого Креста в траншее 1, в погребении 1. Здесь обнаружен остов коня с сильно поджатыми ногами, головою, склоненной к передним конечностям. Такое впечатление, что конь был спеленат. А в погребении 2 на этой же территории в головах погребенного находился череп ягненка, а в ногах – кости передней ноги рядом с глиняным сосудом. В Монастырских владениях в детском погребении 3 рядом с костяком ребенка лежали фаланга коровы и челюсть овцы. В.А. Городцов описывает и такой ритуал как отрубание передней части головы лошадей, который проводился так же, как и у скифов Полтавской области.

Отчет В.А. Городцова об археологических раскопках позволяет сделать заключение не только о видовом составе домашних животных древнего города Маджар, но и о количественном составе. Так основу животноводства составляло разведение мелкого рогатого скота (76% от общего количества собранных костей). На втором месте было разведение крупного рогатого скота (14,3%). Немаловажную роль играло коневодство (8,3%). На долю собак и прочих животных приходится всего 1,27%. Принимая во внимание религиозную принадлежность жителей древнего города, присутствие в сборах клыка свиньи, по-видимому, является случайностью. К тому же, учитывая, что остеологическая выборка мала, приведенные данные о количественном составе стада домашних животных представляют собой только тенденцию в развитии животноводства в древнем городе Маджар. Видовой состав стада, очевидно, обусловлен особенностями окружающей природы и образом жизненного уклада древних поселенцев города.

Изучив костные остатки, сохранившиеся в таблицах Г.Н. Прозрителева, мы имеем возможность сделать некоторые заключения о качествах домашних животных древнего города Маджар. Так, мелкий рогатый скот был довольно крупным – высота в холке составляла около 70 см (определено

по длине плюсны с применением коэффициента В.И. Цалкина). По пропорциям костей животные близко стоят к овцам Древнего Хорезма, а из современных - к туркменским и каракульским овцам. Эти породы сочетают в себе высокие мясосальные качества с хорошей шерстяной продуктивностью.

Крупный рогатый скот не был комолым. В сборах В.А. Городцова числится одиннадцать роговых стержней КРС. В таблицах Г.Н. Прозрителева сохранился всего один рог. Животные имели рост от 101,5 до 123,5 см (определено по длине восьми астрагалов с применением коэффициента В.И. Цалкина). Как известно, по половому признаку стадо КРС делится на коров, быков и волов. Очевидно, коровы были ростом от 101 до 110 см (в сборах 3 особи), быки имели рост от 110 до 120 см (в сборах 4 особи), наибольший рост был у волов – 123 и более см. Каждая из особей могла дать от 300 до 450 кг мяса.

Представленные в сборах кости лошадей и их зубы позволяют отнести их к лошадям восточного типа, т.к. рисунок эмали на верхних коренных зубах простой. С.К. Даль для выяснения ландшафтной принадлежности лошадей предложил использовать соотношение ширины переднего копыта и его высоты от горизонтальной поверхности. У лошадей из г. Маджар индекс ширины переднего копыта составляет 213,3%, а заднего – 182,05%, что указывает на принадлежность лошадей к открытым степным ландшафтам. Эти лошади имеют относительно широкие и низкие копыта. По пропорциям костей конечностей маджарские лошади очень близки киргизским лошадям, которые имеют универсальные производственные качества. Они малорослые, приспособлены для работы, как в горных условиях, так и на открытой местности с твердыми грунтами и под седлом, и под вьюком, могут использоваться в упряжи в легких транспортных средствах и в сельскохозяйственных работах. Кобылы обладают высокой молочной продуктивностью. Молоко идет на приготовление кумыса.

Особенностью сборов является отсутствие в них диких животных. Исключение составляет череп с нижней челюстью хоря перевязки. Возможно, это случайно оказавшийся зверек в зоне раскопок. Но известны случаи, когда этого свирепого хищника приручали с целью борьбы с грызунами.

Использованная литература и источники:

1. Городцов В.А. Результаты археологических исследований на месте развалин г. Маджар в 1907 г. Библиотека СГМЗ, инв.№ 26927.

2. Даль С.К. Отчет об обработке костного материала из раскопок кургана № 6. Александровский район Ставропольского края, окр. хутора «Красное Знамя». ОФ СГМЗ.
3. Таблицы Г.Н. Прозрителева. ОФ СГМЗ №№ 3458, 3459, 3460.
4. Цалкин В.И. Изменчивость метаподий у овец // Бюллетень Московского Общества испытателей природы. Отделение биологии. - М., 1961. -Т.LXVI/ -№5.
5. Цалкин В.И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы.// МИА.-1970. Вып.161.

Штайн К.Э.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный университет,
профессор, д.ф.н.,
Петренко Д.И.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный университет,
научный сотрудник, к.ф.н.

А.М. Дирр — ЭТНОГРАФ, АНТРОПОЛОГ, ЛИНГВИСТ, КАВКАЗОВЕД

Адольф Михайлович Дирр (1867—1930), профессор, почетный доктор Мюнхенского университета, директор этнографического музея в Мюнхене, кавказовед. Занимался изучением кавказских языков в течение нескольких десятилетий. Часто бывал на Кавказе, сотрудничал с различными учебными и научными учреждениями.

До революции крупным кавказоведческим центром был Тифлис. В сборниках материалов для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК), который являлся изданием Управления Кавказского учебного округа, регулярно выходили объемные исследования по фольклору, этнографии, антропологии, кавказским языкам. А.М. Дирр регулярно печатал в этих сборниках свои работы. Например, «Грамматический очерк табассаранского языка» (СМОМПК, № 35. Тифлис, 1905. Отдел 3, с. 1—248), «Краткий грамматический очерк андийского языка» (СМОМПК, № 36. Тифлис, 1906. Отд. 4, с. 1—200), «Грамматика удинского языка» (СМОМПК, № 33. Тифлис, 1904. Отд. 4, с. 1—83), «Материалы для изучения языков и наречий андо-дидойской группы» (СМОМПК, № 40. Тифлис, 1909. Отд. 3, с. 1—114), «Арчинский язык» (СМОМПК, № 39. Тифлис, 1908. Отд. 3, с. 1—227), «Рутульский язык» (СМОМПК, № 42. Тифлис, 1912. Отд. 3, с. 1—158), «Антропологический и этнографический состав кавказских народов» (Кавказский календарь на 1910. Тифлис, 1910, с. 538—549). Во всех работах А.М. Дирр благодарит попечителей Кавказского учебного округа, инспекторов за содействие в работе. Так, в предисловии к работе «Рутульский язык» А.М. Дирр выражает благодарность попечителю Кавказского учебного округа Н.Ф. Рудольфу и окружному инспектору Л.Г. Лопатинскому за содействие в исполнении работы.

Сейчас только удивляешься тому, в каких сложных условиях можно было осуществлять глубокие, тщательные исследования, в том числе и экзотических языков, ежегодно публиковать о них объемные материалы. Об

условиях, в которых осуществлялись экспедиции и работа А.М. Дирра, говорят некоторые замечания в его исследованиях. Так в предисловии к «Грамматическому очерку рутульского языка» (1912) А.М. Дирр отмечает: «Моими помощниками при изучении рутульского языка были: в 1904 году Туай Гудаев, тогда фельдшер в селе Рутуль, сам уроженец села Шиназа, с которым я мог однако работать только один день и которому я обязан за материалы по шиназскому говору рутульского языка, и в 1909 году юный Абас-бег Казибек, ученик Т.-Х. Шурина реального училища. Крайняя рассеянность этого молодого человека с одной стороны, и тяжелые припадки малярии, которыми я страдал почти все время пребывания в селе Рутуль с другой стороны, значительно затруднили ход моих занятий» (1, с. IV).

Иногда А.М. Дирр встречался с более квалифицированными помощниками. Так, в заключении работы «Арчинский язык» (1908) А.М. Дирр отмечает: «Моим помощником при изучении арчинского языка был житель села Арчи Мохаммед Мохаммедли (Магомед Магомедханов), — тот же самый, который помогал мне при занятиях агульским языком. Он настоящий полиглот; кроме родного, он говорит свободно на лакском, аварском и агульском языках и владеет письменно и устно кумыкским и арабским языками. Он также знает довольно хорошо по-русски. Я ему очень благодарен за живой интерес и неутомимое терпение во все время наших занятий» (2, с. VII).

С работами А.М. Дирра мы неожиданно встретились еще раз, когда начали исследование архива Северокавказского горского научно-исследовательского историко-лингвистического института им. С.М. Кирова. Участники межрегионального научно-методического семинара «Textus» в процессе текстологической работы в Государственном архиве Ставропольского края обнаружили архивный фонд научно-исследовательского института (годы работы — 1926—1937). Архивный фонд содержит 331 единицу хранения; обнаружены уникальные документы и рукописи, связанные с исследованием языков, культуры, образования и истории народов Кавказа. Разработка архивного фонда до настоящего времени никем не осуществлялась.

Институт работал в разное время в городах Орджоникидзе, Ростове-на-Дону, Пятигорске; имел два отделения, аспирантуру и ценную библиотеку. Директор института, известный в СССР в 1930-е годы историк-исламовед, автор нескольких трудов по чеченскому и кавказскому мюридизму, Х.Д. Ошаев незадолго до ликвидации института был исключен из ВКП (б), обвинен в скрытом троцкизме и буржуазном национализме и судим пятигорским городским судом. В сентябре 1937 года институт был

ликвидирован, по официальным данным, «в связи с реорганизацией Северо-Кавказского края и образованием самостоятельных национальных административных единиц в регионе». К моменту закрытия сотрудниками института было подготовлено более 200 рукописей, содержащих ценные научные сведения о языках и культурах народов Кавказа.

В лингвистическом отделе фонда сохранились следующие ценные материалы. Рукопись профессора А.М. Дирра «Андийский язык», содержащая, помимо очерка андийского языка, авторские описания аварского, абазинского, лезгинского, лазского языков, а также языков картвельской группы, черкесско-абхазской группы и многочисленных говоров багулал, ботлих, арчи, хварши, капучи, тинди, хиналуг, убыхского, чамалал и других., а также сведения о многих северо-восточных, северо-западных и юго-восточных языках Кавказа (классификация языков дана автором). Интересны рукописи монографического описания А.М. Дирром ингушского, цахурского, табассаранского, рутульского, гирканского и других языков, работа А.М. Дирра «Исследование по звуковой системе кавказских языков» со ссылками на известных лингвистов П.К. Услара, Н.С. Трубецкого, Н.Я. Марра. Их еще предстоит исследовать.

А.М. Дирр считал Кавказ особым антропо-географическим регионом, разделяющим Европу и Азию. Труднопроходимые Кавказские горы между Черным и Каспийским морями задерживали все движения народов с севера на юг и в то же время защищали народы друг от друга. «С самых отдаленных времен во всех странах на севере и на юге от Кавказа кипела жизнь доисторических и исторических народов, — пишет А.М. Дирр в очерке «Антропологический и этнографический состав кавказских народов» (1910). — В степях Скифии вырабатывается из хаоса самых разнообразных народов славянство и основывается старая Русь; в горах и долинах Передней и Малой Азии возникают могущественные государства, Ашур и Вавилон, Каппадокия, народ хетитов, Халдея, Элам, древняя Персия. И между тем, как все на севере пускает прочные корни и устанавливается, на юге все распадается, и одни только развалины свидетельствуют о прежней деятельной исторической жизни. Впоследствии неоднократно громадные народные толпы выдвигаются из сердца Азии и заливают Переднюю Азию и Европу, последней удается отбросить назад этих непрошенных гостей, Передняя Азия подчинилась.

Среди этих бурь на Кавказе образовался как будто тихий уголок, убежище, где можно было хорошо укрыться, чтобы выждать более спокойные времена. Но кто раз попал в тесные долины и ущелья этих гор, тому трудно выбраться оттуда. Как быстро текущая река бросает к своим

берегам все то, что она несет с собою, так и волны исторических событий на севере и на юге отбросили клочки больших и малых народов в тихие уголки Кавказа. Таким образом, Кавказ является убежищем, а не родиной народов, его населяющих; и вследствие своеобразного способа его заселения он представляет наблюдателю ту крайнюю пестроту, которая всегда поражала всех, познакомившихся с ним. Изучение рас Кавказа и их языков убедит нас в том, что он является настоящим народохранилищем» (3, с. 538).

Основываясь на работах антрополога, врача Пантюхова, исследованиях парижского ученого-антрополога Деникера, А.М. Дирр выделяет шесть кавказских «рас» на основе формы черепа, разреза глаз, цвета лица: «расы» «кимвров», «адриатическую», «семитическую», «иранскую», «урало-алтайскую», «монгольскую» (3, с.538). А.М. Дирр отмечает, что эти «расы» распределяются на Кавказе по хорошо определенным географическим областям. В то же время А.М. Дирр предлагает собственную «этнографическую», или «лингвистическую» классификацию. Раса и язык, по мнению А.М. Дирра, — два совершенно различных понятия. Если мы знаем, к какой расе принадлежит народ, то не всегда можем знать, на каком языке он говорит. С другой стороны, язык народа не всегда позволяет говорить о том, какой он расы. «Так, например, среди говорящих на турецко-татарских наречиях встречаются типичные монголы и типичные представители нашей иранской расы; среди говорящих на «кавказских» языках находятся типичные представители кимрийской и хетитской рас; поэтому слово «раса» не будет употреблено в следующей части нашей статьи», — пишет А.М. Дирр (3, с. 542).

А.М. Дирр особое внимание обращает на многоязычие Кавказа, описывает процессы, связанные с исчезновением языков малых этнических групп, проникновением в пределы Кавказа языков народов из других географических областей: «Так, например, татарский и турецкий языки существуют на Кавказе, конечно, только с времен нашествия турок. Язык убыхов (промежуточное звено между адыге и абхазцами) исчез вследствие поголовной эмиграции этого народа в Турцию. Удинский язык уцелел только в двух селениях; через 20, 30 лет его совсем не будет: он заменится татарским и армянским» (3, с. 542).

А.М. Дирр отмечает, что упрочение русского владычества способствовало переселению многих европейских народов на Кавказ. В начале XX века А.М. Дирр регистрирует в своих исследованиях представителей почти всех европейских народов, пишет о смешении этнических групп, говорящих на разных языках. Наблюдения А.М. Дирра дали ему возможность выделить в качестве основного критерия

этнографической классификации отношение народов к «нетуземцам» и «туземцам». «Туземцы», по Дирру, делятся на две группы: кавказцев в географическом смысле и кавказцев в собственном лингвистическом смысле. «Армяне, например, — пишет исследователь, — кавказцы только в географическом смысле, потому что есть армяне также в Персии и Турции, а грузины уже настоящие кавказцы, потому что грузин нет вне пределов Кавказа (кроме лазов). В нашей классификации осетины принадлежат, следовательно, к той же самой группе, как и армяне, потому что они говорят не на кавказском языке, а на языке иранской ветви» (З, с. 542—543).

Таким образом, в этнографической (лингвистической) классификации профессор А.М. Дирр выделяет три группы народов: 1. Люди европейских народностей (русские, поляки, чехи, литовцы, немцы, румыны, греки, эсты и др.); 2. Туземцы-кавказцы в географическом смысле (армяне, осетины, персияне, таты, талышинцы, курды, цыгены, айсоры, турки и др.); 3. Туземцы-кавказцы в собственном смысле (грузины, мингрельцы, лазы, сваны, абхазцы, черкесы, чеченцы, лезгины, лаки и др.).

Наши материалы — это только первые подступы к изучению наследия А.М. Дирра по исследованию кавказских языков, серьезная работа над ними предстоит в дальнейшем.

Использованная литература и источники:

1. Дирр А.М. Рутульский язык // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. № 42. Тифлис, 1912. Отд. 3. С. 1—158.
2. Дирр А.М. Арчинский язык // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. № 39. Тифлис. 1908. Отд. 3. С. 1—227.
3. Дирр А.М. Антропологический и этнографический состав кавказских народов // Кавказский календарь на 1910. Тифлис, 1910. С. 538—549.

НАЙТИ ◆ СОХРАНИТЬ

Гордиенко А.Б.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник
им. Г.Н. Прозрителева и Г.К.Праве,
старший научный сотрудник,
кандидат исторических наук

**РОЛЬ БОЛЬШИХ СЕМЕЙ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО
НАСЕЛЕНИЯ СТАВРОПОЛЬЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.
(ПО МАТЕРИАЛАМ УСТНЫХ ИСТОЧНИКОВ)**

Изучение обыденных представлений сельского населения Ставрополя в XX в. представляет значительный интерес для современных историков, социальных антропологов и краеведов. Наш регион, в силу своего геополитического положения, оказался в центре масштабных демографических процессов. Являясь форпостом России на Кавказе, он стал объектом интенсивной колонизации представителями славянских этносов. Характер этой колонизации, а также природно-климатические условия степного Предкавказья, обусловили преобладание на территории Ставрополя сельского населения, занятого крестьянским трудом.

Крестьяне из разных губерний Российской империи, приехав на Кавказ, привносили элементы материальной и духовной культуры своих регионов в общую этнокультурную палитру Юга России. В результате, сформировался уникальный мир повседневности ставропольского крестьянства, основанный и на традициях, «привезенных» переселенцами с прежней малой Родины, и на традициях новых, сформированных под влиянием местной специфики. Разным аспектам его бытования уделяли пристальное внимание, как дореволюционные краеведы (И.В. Бентковский, Г.Н. Прозрителев), так и ставропольские историки советского периода (П.А. Шацкий, Т.А. Невская, С.А. Чекменев).

Такой интерес не случаен. Крестьянская среда, устойчиво воспроизводящая хозяйственные практики и связанные с ними представления, выступает ценным объектом исследования в силу своей консервативности. Для того, чтобы понять причины современного положения дел на селе, необходимо обратиться к вековому опыту организации крестьянами своей повседневной жизни и деятельности. В немалой степени, этот опыт диктует императивы поведения нынешних селян.

Важной задачей является также попытка проследить, как традиционные ценности семейной и трудовой этики крестьян изменились в

условиях трансформации социальных отношений, связанной с установлением советского строя и появлением коллективных хозяйств нового типа (коммун, колхозов, совхозов).

Ценные сведения об эволюции обыденного сознания ставропольских селян собраны музейными сотрудниками в рамках долгосрочного экспедиционного проекта СГМЗ «Ставрополье, век XX». В ходе реализации последнего, исследователи посетили ряд поселений, основанных крестьянами-переселенцами из разных губерний Российской империи и их потомками, в частности, с. Полтавское (Курский район), с. Гофицкое (Петровский район), с. Привольное и х. Богомоллов (Красногвардейский район). Были записаны сотни интервью, касающихся повседневной жизни ставропольских сел: брачной обрядности, фольклора, особенностей самоидентификации, семейных традиций. Чтобы выявить истоки последних, необходимо обратиться к пласту крестьянской культуры, сложившейся в Ставропольской губернии в дореволюционный период.

На формирование семейной и трудовой этики ставропольских крестьян оказал влияние фактор приспособления к природно-климатической и экономической специфике региона. Начав с разведения скота, большинство поселенцев переходило к земледелию, занятию которым способствовал мягкий климат и плодородие степных черноземов. Выходцы из перенаселенных внутренних областей империи получали для пашен значительные участки земли (иногда – свыше 15 десятин). Исследователь хозяйственной жизни Северного Кавказа М.Смирнов отмечает, что на конец XIX столетия из 49 губерний Европейской России (без Донской области) только 6 имели более высокий средний размер крестьянского надела, чем на Ставрополье (1, с.49).

Кроме того, со второй половины 40-х годов XIX в., регион включается в систему всероссийской торговли, и земледелие стремительно приобретает товарный характер. Земледельческий труд, лишенный крепостнической опеки и протекающий в благоприятных природных условиях, становится выгодным и отнимает львиную долю сил ставропольских селян. Особое значение этого вида деятельности неоднократно подчеркивают респонденты в ходе экспедиционных интервью, ссылаясь при этом на сведения, полученные от более старших родственников и передающиеся из поколения в поколение. В частности, житель села Полтавского В.Р. Розмарица, рассказывая о его истории, утверждает: «Самое дорогое для крестьян – земля. Переселенцы по обеим сторонам реки стали пахать землю» (2, с.67). В интервью с потомком основателей хутора Богомоллов А.Р. Севостьяновым

также есть указания на многоотраслевое земледелие, как важнейшую отрасль хозяйства первых поселенцев:

- ... Была [плодородная] земля, и люди занимались земледелием?
- Земледелием, и скот заводили.
- И что сеяли?
- Пшеницу сеяли, и рожь сеяли, ячмень сеяли, просо сеяли, кукурузу, подсолнух, это ж всё.
- А арбузы разводили, были бахчи?
- О! Были, тогда сторожей нанимали. Тогда арбузы были во! Сахарные...
- ... А огороды сажали?
- А как же. Огороды были, картошка там, свёкла.
- Это Вы ещё от Ваших родителей помните?
- А как же. Помидоры сажали, но тогда сажали мелкие. Тогда крупных [почти не было] (3, с.10).

Для того, чтобы получить преимущество в данном виде деятельности при относительной примитивности орудий труда и тяготах распашки целинных земель, необходимы были усилия значительного коллектива селян. Этим обусловлена крайняя устойчивость больших семей в среде ставропольского крестьянства. В середине XIX в. их было 24 % от общего количества семейных объединений (4, с.123). Более того, малые семьи, переселившиеся из разных губерний России, зачастую, стремились к созданию на новом месте большесемейных коллективов. В крестьянском сознании последние ассоциировались с достатком и процветанием. Как показывают экспедиционные интервью, данные представления сохранялись в сельской среде и в более поздний, советский период (1920-1930 гг.). Жительница с. Привольное Е.Н. Корсун так характеризует зажиточных крестьян пер. пол. XX в. со слов свекрови: «А кто, говорит, были кулаки? По детству помню: работяги. Ведь очень мало, кто из них имел батраков. Сами большими семьями трудились и трудились» (3, с.162).

Однако, в начале двадцатого столетия положение несколько меняется. Появляются новые факторы, которые способствовали уменьшению экономического значения братских семей и их дроблению. На них указывает отечественная исследовательница Т.А. Невская: «Целинные земли были в большинстве районов распаханы, рабочего скота одной семье требовалось иметь уже меньше, для покупки новых сельскохозяйственных орудий стали возникать крестьянские товарищества и кооперации» (4, с.26). Впоследствии же, распаду большесемейных коллективов способствовали бурные события,

связанные с участием России в Первой мировой войне, революцией и Гражданской войной.

В условиях социальных конфликтов, вызвавших грандиозную ломку прежних экономических, общественных, культурных устоев, повседневные представления и практики ставропольских крестьян обнаруживают устойчивость и подвергаются трансформации крайне медленно. Братская семья сохраняет свое значение и в более поздний, советский период. Об этом свидетельствуют записанные в ходе экспедиций интервью. Жительница села Гофицкое, Валентина Алексеевна Нехорошева так характеризует свое детство в большой семье Бочаровых в 1930-1940 гг.: «Это от корней пошло, от дедушек, от бабушек. Жили мы вместе. Наш дом, Бочаровых, был очень большой. Шестеро братьев жили вместе, шесть снох, была свекровь, была бабушка, был дедушка наши. И прежде чем садится за стол, попробуй, [слово] скажи – получишь по лбу большой деревянной ложкой. Прежде чем садится за стол, мы становились перед большой деревянной иконой Николая Угодника, которая была во весь человеческий рост, и пели «Отче наш». Вот так нас учили» (6, с.134). Становится понятным, что даже насильственная коллективизация и голод 1933 г. не смогли полностью изменить традиционный крестьянский уклад, воспроизводящийся в сельской среде из поколения в поколение.

Лишь в 1950-е гг., с окончательным превращением крестьян в наемных работников колхозов, прежние патриархальные нравы уходят в прошлое. В.Р. Розмарица так пишет об атмосфере, царящей в семье его родителей в послевоенное время: «Икон у нас в доме не было. Мы и не коммунисты были, и не атеисты, и не верующие. Бабушек у меня не было. Дед с отцовской стороны неверующий был, атеист» (2, с.69). Большая семья, являвшаяся носителем моральных императивов, основанных на православной этике, исчезает как явление сельской жизни. Ее окончательному распаду в немалой степени способствуют разрушение семейных и социальных связей в ходе коллективизации и репрессий, последствия голода 1921-22, 1933, 1946 гг. Кроме того, с формированием колхозной системы и отчуждением селян от результатов своего труда и средств производства, большесемейные объединения перестают играть какую-либо экономическую роль.

Еще одним фактором деления братских семей являлось их разрастание и неспособность вести таким коллективом общее хозяйство. На эту причину распада большой семьи Манаенко указывает житель села Гофицкого В.А. Катенев: «Манаенкова Ивана Васильевича – вообще примерная семья. Настолько я их уважаю, [за то], что как дед и бабушка жили, так с ними всю

жизнь прожил сын со снохой. Сноха нарожала детей, дети с ними жили, с бабушкой и дедушкой. И этих детей жёны нарожали детей, и все вместе в одном [доме]. Потом видят такое дело – в дом не помещаются. Начали делать одному [сыну] дом, потом другому и теперь внукам начинают строить» (6, с.135).

Однако, несмотря на то, что повсеместный распад больших семей становится явной приметой советского времени, значение этики и традиций, сформированных в подобных коллективах родственников трудно преуменьшить. Базовые крестьянские ценности, основанные на трудолюбии, внутренней дисциплине, почтении к старшим способствовали адаптации селян к тяжелой работе в колхозах. Труд воспринимается ими, в основном, как обязанность и неперемный атрибут существования на селе. На смену ответственности за его результаты перед старшими родственниками и соседями, отчасти пришла ответственность перед вышестоящим начальством и, прежде всего, другими колхозниками.

Использованная литература и источники:

1. Смирнов М. Очерк хозяйственной деятельности Ставропольской губернии к концу XIX века. Ставрополь, 1913..
2. Плохотнюк В.С., Сачук С.С., Елагина Е.Н. Отчёт о работе историко-этнографической экспедиции Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе в Курский и Степновский районы Ставропольского края. Ставрополь, 2002. СГМЗ. н.в.ф. 8987.
3. Сачук С.С. Отчет о работе комплексной естественнонаучной и историко-этнографической экспедиции Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе в с. Привольном и на х. Богомолове Красногвардейского района Ставропольского края. Ставрополь, 2007. СГМЗ. о.ф. 35799.
4. Невская Т.А., Чекменев С.А. Ставропольские крестьяне. Очерки хозяйства, культуры и быта. Пятигорск, 1994.
5. Сачук С.С. Отчёт о работе комплексной естественно-научной и историко-этнографической экспедиции Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе в с. Гофицком Петровского района Ставропольского края. Ставрополь, 2005. СГМЗ. о.ф. 35201.

НАЙТИ ◆ СОХРАНИТЬ

ИСТОРИЧЕСКОЕ И ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

Антонова Е.Е.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный университет,
аспирант

ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ СТАТИСТИЧЕСКИХ КОМИТЕТОВ

Губернские статистические комитеты (ГСК) – одновременно и официальные, и общественные учреждения, в большинстве губерний российской провинции являлись единственными научными и издательскими центрами, объединившими вокруг себя местных историков - любителей. С их деятельностью связывают начало изучения регионов и организационное оформление исторического краеведения в России.

Губернские статистические комитеты изначально создавались для сбора и обработки административно-хозяйственных данных, но, одновременно с их образованием у них появились и «необязательные» работы. К ним, по «Положению о создании губернских и областных статистических комитетов» 26 декабря 1860 г., были отнесены разносторонние исследования губерний в историческом, географическом, этнографическом отношениях. Согласно данному «Положению», комитеты должны были составлять не только подробные описания губерний, но и снаряжать экспедиции для «учёного» исследования разных местностей губерний. Одним словом, труды губернских статистических комитетов следовало направлять к точному и всестороннему изучению губерний и областей, чтобы комитеты могли иметь в готовности необходимые для правительства и для науки данные о современном состоянии края, на который простирается их деятельность.

Научно-историческая деятельность статистических комитетов развивалась по нескольким взаимосвязанным направлениям: историко-археологические, этнографические исследования, охрана памятников древности, археографическая, культурно-просветительская и издательская деятельность.

Одним из основных направлений научно-исследовательской деятельности Ставропольского губернского статистического комитета возникшего в 1858 г. были исследования по истории Ставрополя, изучению истории г. Ставрополя. Из «Историко-статистических сведений о городе

Ставрополе» И.В. Бентковского мы получаем материал по истории заселения Ставропольской губернии (1, с.5-11). Автор связывает социально-экономическое развитие города с его превращением в гражданский и военный центр Кавказской области. Данные «...Сведения» имеют большое краеведческое значение и выступают в качестве исторического источника.

На соединенном торжественном заседании Ставропольской ученой архивной комиссии (СУАК), Ставропольского статистического комитета, Церковно-археологического общества и Попечительства о музее Северного Кавказа, состоявшемся 5-го мая 1910, и посвященного 125-летию г. Ставрополя. Г.Н. Прозрителев выступил с сообщением, в котором отметил: «Ставрополь наш существует уже более ста лет, но история его до сих пор еще не написана. А между тем история его представляет большой интерес ... желательно если не написать историю Ставрополя, то, по крайней мере, издать материалы для этой истории. Для этого я полагаю соединить в одну книжку все написанное Бентковским о Ставрополе и присоединить к ней материалы, которые собраны нашей СУАК, и издать отдельно, и книжка эта может быть отдельным томом сборника»(2, с.2-3). Следует отметить, что при определении вышеуказанной даты образования г. Ставрополя исследователи опирались на указ Екатерины II, непосредственно же г. Ставрополь был основан в 1777 г.

В Трудах СУАК за 1915 г. помещена статья Г.Н. Прозрителева «Из истории города Ставрополя», где говорится, о памятных датах для города: «5 мая 1785 г. вышел указ Екатерины II об образовании в Кавказском наместничестве Ставропольского уезда и уездного города. Другим памятным днем Ставрополя является 15 февраля 1786 г., когда возникли в Ставрополе городские учреждения» (3, с.3).

Сотрудники статкомитетов плодотворно занимались краеведческой деятельностью, описывали станицы, деревни, хутора, города от их образования, до времени написания. Так очерком о с. Безопасном И.В. Бентковский, по существу, начал публикацию обширного цикла материалов по истории заселения Ставропольской губернии и Северного Кавказа, без которых полная история его покорения, являющаяся «делом потомства», была бы немыслима (4, с.31-32).

Здесь предлагается интересный взгляд на карту региона 1778 г., представляющую ряд крепостей, укреплений, редутов, построенных Суворовым по Кубанской линии. «По Тереку также шла укрепленная линия; между Азовским, Чёрным и Каспийским морями не было ни одного города (кроме Кизляра), ни одного селения» (4, с.32).

Источником по истории Ставрополя являются «Сведения о городе Ставрополе» Н.И. Скоковского, и «Описание села Журавки» Д. Гремячинского, «Описание села Благодарного» В. Белогородского, «Описание села Кривого» В. Альшанского, «Описание села Александровки» Г. Нигриева, «Описание села Безопасного» Г. Ильинского (5, с.3-24, 123-159).

Интересным представляется материал, содержащийся в Терском сборнике, изданным Терским областным статистическим комитетом, основанным в 1872 году. Так в сборнике помещался материал о терских казаках (6, с.1-168). Е. Максимовым напечатана статья о терском казачьем войске. В ней можно найти краткий исторический очерк колонизации и хозяйственной жизни терского казачьего войска, географический обзор территории, описание коренного населения, его занятий, экономического состояния и многое другое. Самое интересное, что автор при предисловии пишет, на какие источники он опирался в написании своей работы.

Хотелось обратить внимание на то, что на страницах Терского сборника помещались поэмы, легенды, песни, сказки народов проживающих в Терской области, которые являются источником по изучению народного фольклора.

Большую роль в изучении Северного Кавказа сыграл и Кубанский областной статистический комитет, возникший в Екатеринодаре в 1879 году. В первом Кубанском сборнике за 1883 г. можно найти данные по истории освоения края, его развития. На страницах сборника помещены материалы по истории образования кубанского казачьего войска, его появлении, развитии. В XX вып. за 1915 г. была помещена «Записка по истории Кубанского казачьего войска» составленная П. Короленко, из материалов которой узнаем, что коренное население Кубанской области это украинцы, и при том казачьего звания (7, с.306).

В Кубанских сборниках содержится много разнообразного материала касающегося воинских частей. Так статья Л. Симонова «Из воспоминаний кавказца» (8,с.7-44), повествует о человеке, служившем на Кавказе 10 месяцев в период 1852-1853 гг., который описывает экзамены в армию, состояние войсковой части, их праздники, акцентирует внимание на быте горцев, делится переживаниями, восхищением пребывания в Баку, впечатлениями от увиденного моря.

В этом же сборнике, помещена и другая статья этого же автора «Один из потомков Нашебургского полка» (9, с.43-163). Этот исторический очерк 1726-1875 г.г., составленный по архивным документам 1868 г., сообщениям лиц служивших в батальоне, и по их воспоминаниям представляются внутренний быт, походы, знамена, знаки отличия, колонизация по р. Пшехе,

Западного Кавказа, дается описание поселений, встречающихся на пути, приводятся свидетельства о борьбе с черкесами, заселении завоеванных территорий русскими, описывается Шаграевское ущелье.

В одном из сборников за 1908 г. было опубликовано «Описание знамен воинских частей Кубанского казачьего войска», материал, извлеченный из архива историка И. Д. Попко. Главной задачей П.П. Короленко считал оставить для потомков память о героическом прошлом: «Пройдут века, утратятся архивные документы, и никто не будет знать какое знамя было, кому пожаловано, когда эти регалии из войсковых частей поступают на хранение в войсковые или государственные склады, если на самих знаменах не будет соответственных надписей» (10, с.105).

В одном из Кубанских сборников за 1916 год, можно обнаружить статью Д.Т. Павлова «Иезуиты и Северный Кавказ». Материалами послужили: «тайные письма иезуитов» с 23 сентября 1698 – 4 марта 1720 г., «краткое донесение их о состоянии миссии в Москве» с 1698-1709 гг. и их «соображения, касательно Московской миссии». Письма с 23 сентября 1698 г. – 4 марта 1720 г., донесения с 1698-1709 гг. Так же поясняется, что все эти памятники находятся в Праге, в земельном архиве, в России они были изданы в 1904 году (на русском и латинских языках) по распоряжению Императорской Археографической комиссии (11, с.377).

Из предложенного материала мы можем проследить попытки католической пропаганды на Северном Кавказе. И выясняем, что на Северный Кавказ иезуиты проникли в 1700 г., опорными пунктами их воздействия были – Азов, Астрахань. Ордену не удалось устроить прочных миссий, вся работа лежала на московском миссионере Франциске Эмилиани (Павел Милан), результаты воздействия были ничтожны, не пустили корни, после изгнания в 1790 г. происходили проникновения через Южное море.

Материалы Кубанского сборника затрагивают и вопросы о крепостном праве, в частности в одном из них помещена «Историческая справка к вопросу о ясырях на Северном Кавказе и в Кубанской области и документы, относящиеся к этому вопросу»(12, с.165-256), написанная В.С. Шамраем. Автор пишет, что нашлись документы об особом разряде крепостных, или точнее рабов, под именем ясырей, положение которых было отличное от положения вообще крепостных крестьян в России и многое другое.

В Кубанском сборнике за 1902 г. помещена статья И. Успенского «Станица Дмитриевская. Исторический очерк самой старой станицы, появившийся на свет в 1801 г.». Сборник на 1903 г. содержит статью П. Кирилова «Историко-статистическое описание станицы Рязанской (бывшей Габукаевской) и сообщенные И. Поповым архивные документы,

относящиеся к истории Кубанского края. В.И. Майгура (13, с.255-290) описывает станицу Шкуринскую.

При обращении к перечисленным статьям мы можем получить сведения об основании населённых пунктов, о материальной и духовной культуре, судить о социально-экономическом развитии и распространении грамотности. По сути, эти описания представляют собой исторические очерки, ценные в краеведческом отношении.

Использованная литература и источники:

1. Бентковский И.В. Историко – статистические сведения о городе Ставрополе // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии (СССоСГ). - Ставрополь, 1870. - Вып. 3.
2. Соединенное торжественное заседание СУАК, Ставропольского статистического комитета, Церковно-археологического общества и попечительства о музеях Северного Кавказа 5-го мая 1910, посвященное 125-летию г. Ставрополя. // Сборник сведений о Северном Кавказе. - Т. IV. – Ставрополь, 1910-1911.
3. Прозрителев Г.Н. Из истории г. Ставрополя. // Труды СУАК. - Вып. VII. - Ставрополь, 1916.
4. Бентковский И.В. Историко – статистические сведения о селении Безопасном // СССоСГ. - Ставрополь, 1869. - Вып. 2.
5. СССоСГ. - Ставрополь, 1868. - Вып. 1.
6. Максимов Е. Терское казачье войско. Историко-статистический очерк. // Терский сборник. - Т. I. – Владикавказ, 1891.
7. Записка по истории Кубанского казачьего войска. Сост. П. Короленко. // Кубанский сборник на 1915 г. - Вып. XX. - Екатеринодар, 1915.
8. Симонов Л. Из воспоминаний кавказца. // Кубанский сборник на 1907 г. - Вып. XII. - Екатеринодар, 1907.
9. Симонов Л. Один из потомков Нашебургского полка. Исторический очерк 1726-1875 г. // Кубанский сборник на 1907 г. - Вып. XII. - Екатеринодар, 1907.
10. Короленко П.П. Описание знамен воинских частей Кубанского казачьего войска. // Кубанский сборник на 1908 г. - Вып. XIII. - Екатеринодар, 1908.
11. Иезуиты и Северный Кавказ. Д. Т. Павлов. // Кубанский сборник на 1916 г. - Вып. XXI. - Екатеринодар, 1916.
12. Шамрай В.С. Историческая справка к вопросу о ясырях на Северном Кавказе и в Кубанской области и документы, относящиеся к этому вопросу. // Кубанский сборник на 1907 г. - Вып. XII. – Екатеринодар, 1907.
13. Майгура В.И. «Станица Шкуринская. Географическое и статистическое описание с планом юрта и станицы. // Кубанский сборник на 1913 г. - Вып. XVIII. – Екатеринодар, 1913.

Боровцова А. Е.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный университет,
соискатель

**ВЛИЯНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ НА СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ
БИБЛИОТЕЧНОГО ДЕЛА НА СТАВРОПОЛЬЕ
(КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)**

Во второй половине XIX – начале XX века в Ставропольской губернии возникают благоприятные условия для развития культуры и народного просвещения. Эти годы были периодом общего оживления культурно - просветительной деятельности, одним из существенных показателей которого явилось открытие и значительный рост сети библиотек. Активное участие в развитии библиотечного дела в Ставропольской губернии в разные периоды принадлежало «некоторым представителям здешней высшей администрации» и «сравнительно немногим образованным людям» (1), а затем и местной интеллигенции.

Становление библиотечного дела конца XIX – начала XX века в Ставропольской губернии условно можно разделить на два периода. Первый период – с 1852 до 1880 года связан с частной инициативой открытия библиотек, второй период начинается с конца 80 – х годов XIX века, когда библиотеки стали открываться по инициативе государственных организаций, призванных заботиться о культурно-просветительской деятельности.

Для Ставропольской губернии характерно более позднее открытие библиотек, чем в центральной России. Это связано с военными действиями, которые шли на территории Северного Кавказа, т.к. царское правительство старалось расширить свои владения, укрепить и сделать стабильными границы в Закавказье, что было необходимо для прочного включения всего Кавказского региона в состав России.

Надо сказать, что в Ставрополе, в 1839 году была открыта небольшая частная библиотека купца Челахова, но в ней было мало интересных и полезных книг. За право пользования книгами купец взимал с каждого читателя «по восьми рублей серебром в год». Библиотека состояла в основном из одних устарелых романов. После смерти Челахова часть этой библиотеки была подарена губернской гимназии, а другая, «зачитана» (2,с.471-537).

В 1850 году гражданский губернатор Ставропольской губернии А.А. Волоцкий предпринимает попытки к открытию публичной библиотеки в

городе Ставрополе: «Ещё в 1850 году гражданский губернатор Александр Алексеевич Волоцкий с соизволения его высокопревосходительства господина управляющего гражданской частью в Ставропольской губернии Николая Степановича Завадовского... начал заботиться об устройстве в Ставрополе публичной библиотеки» (3,с.1-3).

29 декабря 1852 года состоялось открытие публичной библиотеки. Она располагалась: «...в казенном доме, где прежде помещалась строительная и дорожная комиссия. В день открытия библиотека имела: приобретённых покупкою 481 том; пожертвованных разными лицами 65 томов и ожидала из Санкт-Петербурга от книгопродавца Юнгмейстера до 240 томов, за которые деньги уже уплачены, что составит всего около 750 томов. Для составления на будущее время постоянного дохода публичной библиотеки, кроме добровольных пожертвований, принято правило, чтобы действительные члены библиотеки вносили: состоящие на службе по 1% из получаемого ими жалования, а купцы и другие частные лица – по 7 руб. серебром в год».

Само участие гражданского губернатора Александра Алексеевича Волоцкого не ограничилось только «заботою об устройстве». Вот что он пишет 21 февраля 1852 года Николаю Степановичу Завадовскому, командиру войсками на Кавказской линии и в Черномории, управляющему гражданской частью в Ставропольской губернии: «Принеся в дар собственных книг моих на сто рублей серебром и пригласив некоторые лица к участию в этом общепольном деле...» (4). Так же он берет на себя управление библиотекою «...пока не состоится совет библиотеки».

Об огромном значении и необходимости библиотеки для жизни города говорит тот факт, что Ставропольская губернская публичная библиотека находилась в прямой зависимости от наместника Кавказского и в ближайшем ведении старшего лица гражданского ведомства в губернии. Управлялась советом, состоящим из 12 – и членов, а именно: «...вице-губернатора, губернского и ставропольского уездного предводителя дворянства, председателя казённой палаты, управляющего палатою государственных имуществ, председателя палаты уголовного и гражданского суда, губернского прокурора, директора училищ, ставропольского городского главы и трёх старших учителей гимназии по части словесности, истории и правоведения, а так же... и лиц которые своими значительными пожертвованиями в пользу библиотеки приобрели на то право» (5).

Именно совет занимался приобретением, хранением и списанием литературы, контролировал хозяйственно – финансовую деятельность библиотеки, заботился об её благоустройстве.

На протяжении ряда лет в библиотеке принимали участие и способствовали её работе последующие гражданские губернаторы Ставропольской губернии, Пётр Александрович Брянчанинов и Георгий Константинович Властов. Так, в газете «Ставропольские губернские ведомости» за 7 октября 1867 года, за подписью губернатора Властова, размещено приглашение к подписке в Ставропольской губернской общественной библиотеке. Наряду с приглашением оговаривалось, «...что особые пожертвования, которые, быть может, последуют независимо от определённой платы со стороны лиц наиболее сочувствующих книжному делу, поведут к дальнейшему развитию и наилучшему устройству библиотеки» (6).

В дальнейшем, видя плачевное состояние Ставропольской общественной библиотеки «...начальник губернии Г.К. Властов предложил на обсуждение гг. членов статистического комитета вопрос об изыскании средств, для поддержания общественной библиотеки. После всестороннего обсуждения этого предмета была избрана особая дирекция библиотеки: 1) губернский предводитель дворянства Д.М. Сердаковский, 2) городской голова С.Ф. Деревщиков, 3) директор гимназии Л.Л. Марков и др.», затем дирекция «...особым объявлением пригласила к пожертвованиям в пользу библиотеки лиц, интересующихся этим делом. К началу 1868 года всех пожертвований было собрано 740 р. наличными деньгами и один 5 – процентный билет Государственного банка в 100 р. Также было пожертвовано библиотеке несколько географических карт и до 30 названий разных сочинений. Сверх того, тогдашний голова М.Л. Зозулевский приискал для библиотеки очень удобное помещение в доме Леонидова на Большой улице, и взял на себя обязательство обеспечить причитающуюся за это помещение квартирную плату 500 р. в течение всего первого года. ...Дирекция ... привела в порядок принадлежавшие библиотеке книги и выписала множество новейших сочинений по всем отраслям знания и почти все лучшие русские периодические издания. Результатом такого обновления библиотеки в её книжном составе было число подписчиков столь значительное, что библиотека могла быть открыта для своих читателей с 1 января 1868 года» (7, с.92-104).

Несмотря на то, что в 1866 году заведование библиотекой было поручено особой комиссии при Ставропольском губернском комитете, она не составляла «учреждения казённого».

В Отчёте о состоянии Ставропольской общественной библиотеки за 1872 и 1873 годы говорится, «...библиотека не может существовать самостоятельно, не прибегая к посторонней благотворительной помощи. В

этом отношении особенно ценны для библиотеки субсидии городской думы. Эти субсидии ежегодно составляли сумму в 700 руб. ... Субсидиями этими библиотека обязана исключительно одному из членов дирекции библиотеки, городскому голове С.Ф. Деревщикову, который с самого основания библиотеки всегда относился к интересам её с глубоким участием» (8,с.66-86).

На протяжении всей работы библиотеки отсутствовала государственная финансовая поддержка, правительство считало, что главным источником содержания публичных библиотек должны быть пожертвования, денег вырученных за подписку было мало на содержание и комплектование библиотеки. Но, несмотря на это благодаря пожертвованиям и участию высшей администрации библиотека пополнялась новыми книгами и периодическими изданиями.

В январе 1880 года по предложению ставропольского губернатора генерал – майора фон Дена библиотека передаётся в ведение города Ставрополя. «Хотя Ставропольская общественная библиотека и была устроена по инициативе губернской администрации, тем не менее, она содержалась на средства частных лиц и преимущественно постоянных и временных жителей города Ставрополя и не составляла учреждения казённого. В сущности, она принадлежит всем вообще жителям города и потому составляет один из видов городского имущества, что, между прочим, подтверждают и статьи 1949, к предметам ведомства городского общественного управления принадлежит «устройство театров, библиотек, музеев и других подобного рода учреждений (пункт 4)» и на основании 2002 статьи городской думе предоставляется «установление правил для заведывания ... состоящими в ведении общественного управления благотворительными и иными общественными заведениями» тома II части I общих губернских учреждений. Из чего следует, что Ставропольская общественная библиотека должна быть в полном и непосредственном ведении и владении городской думы» (9).

Подводя итог вышесказанному, можно говорить о том, что библиотека «просуществовала с 1852 года до сих пор (1880) только благодаря просвещенной инициативе некоторых представителей здешней высшей администрации и заботам сравнительно немногих образованных людей, которым нельзя не сказать теперь самое искреннее спасибо за то, что они насколько могли поддерживали существование этой библиотеки и не дали ей выйти у общества из головы вон» (10).

Благодаря частной и общественной инициативе, многочисленным пожертвованиям, помощи городских и губернских органов управления,

публичная библиотека во второй половине XIX – начале XX вв. оставалась основным источником книг, газет, журналов для интеллигенции, чиновников и других сословий города Ставрополя.

При всех трудностях финансового характера развитие библиотеки сопровождалось рядом серьёзных достижений: о составе книжного фонда библиотека информировала читателей переиздававшимися печатными каталогами, которые постоянно пополнялись; библиотека не брала плату с учащихся, был уменьшен залог и подписная плата, была отменена плата за пользование читальным залом не подписчикам библиотеки; (11) увеличивался её фонд, количество читателей и, уже не купечество, а интеллигенция определяла социальный облик посетителей.

В декабре 1902 года городская библиотека отметила 50-летие со дня своего открытия. За полвека в фонд библиотеки поступило 7014 названий книг, газет и журналов, или по 140 названий в год, включая и подаренные издания (12).

Ставропольская городская общественная библиотека сыграла прогрессивную роль в становлении и развитии библиотечного дела в Ставропольской губернии, и дала толчок для дальнейшего его развития.

Во второй половине XIX века в Ставрополе возникает ещё ряд библиотек устраивавшихся по инициативе и на средства местной интеллигенция, самих читателей и дотаций от учреждений и организаций, при которых они открывались. Основой некоторых библиотек послужили личные библиотеки местных жителей.

В 1896 году была открыта первая народная библиотека, где бесплатно выдавались книги всем желающим. Инициатором открытия стал Георгий Константинович Пправе. Были сделаны пожертвования книгами и деньгами, на которые было приобретено 600 названий книг и более 700 томов по разным отраслям знаний (13).

В последующие два года в городе были открыты ещё четыре бесплатные народные библиотеки. В их открытии принимал участие Г.К. Пправе – вначале как частное лицо, а затем по поручению Общества для содействия распространению народного образования в городе Ставрополе.

В мае 1897 года была открыта школа грамотности при Ставропольской тюрьме. Деятельное участие в открытии которой принял Г.К. Пправе. Библиотека – читальня для заключённых получила 370 книг различных названий и более 300 книг религиозно – нравственного содержания Андреевско – Владимирского братства (14).

Андреевско – Владимирское братство уже располагало библиотекой, которая находилась при Убежище для бесприютных детей, открытом в 1888 году. Читателями библиотеки были все желающие (15).

Ставропольской городской Думой была учреждена бесплатная народная библиотека (читальня), которая располагалась при городской управе (16). Книги выдавались всем желающим, плата за пользование не бралась, также не было ни залогов, ни штрафов за просрочку пользование книгами (16). Расходы на библиотеку в 1899 году составили 300 рублей (17, с.48-49).

В 1897 году по ходатайству Г.К. Пправе на окраинах города Ставрополя появляются ещё две библиотеки. Ташлянская библиотека, книги для которой были выписаны на средства Общества грамотности, часть были пожертвованы. В апреле 1898 году – Ново – Форшадтская бесплатная библиотека – читальня (18, с.12).

В мае 1898 года открывается платная дешёвая библиотека имени В. Г. Белинского. На вечере, в память которого, было собрано в общей сложности более 500 рублей, Г.Н. Прозрителев уступил бесплатно на год помещение в своём доме на 1 – ой Воробьёвской улице, Д.И. Евсеев снабдил библиотеку всеми поступающими в редакцию газеты «Северный Кавказ» книгами и газетами (19). В основу этой библиотеки легла обширная библиотека ставропольского землевладельца А.Г. Шумлянского, которая состояла из 2500 книг (20, с.67).

Согласно «Ведомости книжным лавкам и библиотекам для чтения, существующим в Ставропольской губернии» (21), составленной по данным на 1 октября 1901 года, в городе Ставрополе числилось 7 народных библиотек. В губернии 41 библиотека – читальня принадлежала сельским обществам.

В 1895 году открываются библиотеки, принадлежащие Покоинскому, Кугультинскому, Казинскому, Тугулуковскому, Благодатненскому сельским обществам. В 1897 году открыто 11 сельских библиотек, в 1898 – 5, 1899 – 13, в 1901 – 7. Были в губернии библиотеки, принадлежащие, кроме уже названных сельских обществ и обществ грамотности, ставропольской ремесленной управе, комитету попечительства о народной трезвости.

Говоря о втором периоде в становлении и развитии библиотечного дела в Ставропольской губернии, можно констатировать, что были открыты и действовали многие бесплатные библиотеки и читальни, большинство из которых появились в населённых пунктах, где раньше библиотек не было. Впервые библиотеки стали общедоступными для всех социальных слоёв населения.

Учредителями народных библиотек и читален в Ставрополе и Ставропольской губернии были государственные учреждения призванные содействовать культурному воспитанию народа: земства, Общества для содействия распространению народного образования, попечительства о народной трезвости, частные лица, интеллигенция.

Фонды всех народных библиотек были сходны по своему составу, т.к. они на протяжении длительного времени подчинялись общим правилам о народных библиотеках 1890 года.

Средства на их содержание складывались в основном из сумм, выделявшихся учредителями, и добровольных пожертвований. Недостаток финансирования, отсутствие координации между учредителями народных библиотек и читален, и какого – либо плана учреждения их в пределах губернии, жёсткий административный контроль, за деятельностью народных библиотек и читален, отсутствие профессиональных знаний в сфере организации и деятельности библиотек и библиотечного законодательства затрудняли развитие библиотечного дела в Ставропольской губернии конца XIX - начала XX века.

Использованная литература и источники:

1. Газ. «Ставропольские губернские ведомости». (Часть Неофиц.) – 1880. – 22 марта.
2. Ставрополь в географическом, историческом, топографическом и статистическом отношении// Кавказский календарь на 1855 год. – Тифлис, 1854.
3. Газ. «Ставропольские губернские ведомости». (Часть Неофиц.) – 1853. – 3 января.
4. ГАСК. Ф.15. Оп.2. Д.882.Л.2 – 2об.
5. ГАСК. Ф.101. Оп.1. Ед.хр. 3566.Л.3-16.
6. Газ. «Ставропольские губернские ведомости». (Часть Неофиц.) – 1867. – 7 октября.
7. Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. (Отд.3).– Ставрополь – 1870. – Вып.3.
8. Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии.– Ставрополь – 1876. – Вып.7.
9. ГАСК. Ф.101. Оп.4. Д.890.Л.1-4 об. и Л.5-7 об.
10. Газ. «Ставропольские губернские ведомости». (Часть Неофиц.) – 1880. – 22 марта.
11. Газ. «Ставропольские губернские ведомости». (Часть Неофиц.) – 1882. – 24 апреля.
12. Газ. «Северный Кавказ». -1902. – 26 октября.
13. Газ. «Северный Кавказ». -1896. – № 29 (1067). – 11 апреля. – С.2.
14. Газ. «Северный Кавказ». -1897. – № 35 (1176). – 1 мая. – С.3.
15. Отчет о деятельности Ставропольского Андреевско-Владимировского братства за 1897 год. – Ставрополь-Кавказский: Типо-Литография Т.М. Тимофеева. – 1898. – С.26-27.
16. ГАСК. Ф.101. Оп.4. Д.2329.Л.2.
17. Денежный отчет Ставропольской Городской Управы за 1899 год – Ставрополь Типо-Литография Т.М. Тимофеева. – 1890.
18. Отчет... Общества для содействия распространению народного образования в Ставрополе губернском за 1898\1899 учебный год. Ставрополь: Тип. «Сев. Квказ». – В.В. Берк. – 1900.
19. Газ. «Северный Кавказ». -1899. – № 55 (1454). – 11 мая. – С.1.

20. Краснов М. Историческая справка к двадцатилетию Общества для содействия распространению народного образования г. Ставрополя.- Ставрополь: Тип. Губернского Правления,1913.
21. ГАСК. Ф.101. Оп.4. Д.2703.Л.115-116.

Василенко И.В.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный университет,
аспирант

**ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ГОРОДА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТ «СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ» И
«СЕВЕРОКАВКАЗСКАЯ ГАЗЕТА»)**

Среди исследователей Северного Кавказа второй половины XIX – первой трети XX вв., оставивших заметный след в истории края, один из самых известных Григорий Николаевич Прозрителев. Ученый, археолог, историк, краевед, архивист, просветитель, публицист, видный общественный деятель, он был инициатором издания и членом редакционной коллегии первой в Северо-Кавказском регионе частной общественно-литературной и политической газеты «Северный Кавказ» (1884 - 1906 гг.), сыгравшей огромную роль в истории дореволюционной периодической печати. С 1908 по 1917 гг. он же являлся редактором и издателем ежедневной «Северокавказской газеты» (1, с. 74).

Будучи участником «хождения в народ» и проходя по политическим делам, Григорий Николаевич не мог выступить в роли редактора-издателя, поэтому уговорил взять на себя это не легкое бремя Дмитрия Ивановича Евсеева. Последнему губернатор в разрешении на издание газеты давал следующую характеристику: «Присяжный поверенный округа Тифлисской судебной палаты Дм. Евсеев ни в чем предосудительном в нравственном и политическом отношении не замечен» (2, с.31). В редакции газеты также состояли Г.Н. Прозрителев, смотритель городского ремесленного училища Н.И. Ларионов, который вел обозрение политического положения Европы в данный момент; преподаватель того же училища И.П. Матвеев – был одновременно секретарем газеты и обозревателем местной жизни (3, с.51). С газетой так же сотрудничали преподаватели училищ, местная интеллигенция поэты и прозаики, которые публиковали свои произведения на страницах «Северного Кавказа». Среди них А. Славской, Г.А. Лекторский, А. Чумаевский, впервые именно в этой газете появились работы основоположника осетинской литературы Коста Хетагурова, который с 1893 года являлся соиздателем газеты. На ее страницах он писал передовые статьи, очерки, участвовал в полемике.

Среди читателей газета пользовалась большой популярностью, чего не скажешь о благосклонности местных властей. «Газета «Северный Кавказ»

скорее может быть отнесена к числу бесполезных, если не вредных органов для местной власти», - читаем в письме ставропольского губернатора в начале XX века в главное управление по делам печати (4.с.53). Такую оценку он объяснял тем, что личный состав редакции представлял собой неблагонадежных людей, прежде всего, в политическом отношении.

Выходила газета «Северный Кавказ» первоначально 2 раза в неделю, а с 1896 года при газете стала издаваться ежедневная справочная газета «Листок объявлений для Северного Кавказа».

Журналисты газеты «Северного Кавказа» обсуждали часто насущные проблемы, в частности, проблемы смертной казни и выступали за ее отмену. Редакция «Северного Кавказа» сообщала о проведении в Ставрополе первого митинга рабочих, организованного российской социал-демократической партией. Объектами критики, сатирических фельетонов газеты (Фланер, Ив. Элес, Фенекс, Н. Д-ич) были организаторы политических репрессий (столичных и местных властных структур) и организаторы национальных погромов.

С развитием местного самоуправления на страницах «Северного Кавказа» появились статьи, посвященные городскому самоуправлению, о помощи бедным, о борьбе с саранчой, о женском образовании, но большинство статей освещали все же политическую жизнь региона. Подробно комментировались циркуляры и судопроизводственное дело, скорее всего, потому что сами Г.Н. Прозрителев и Д. Евсеев были присяжными поверенными.

Одним из самых ярких публицистов «Северного Кавказа» можно считать Г.Н. Прозрителева, который писал передовые статьи, путевые заметки, биографические очерки, материалы из зала суда, театральные и книжные рецензии, «По дороге на Кугульту. Наше благоустройство и пути сообщения. Немножко археологии. Враги старины. Местные предания. Забытое прошлое и невозможное настоящее» (1903 г.), «Серые министры» (1902 г.), «Попытка судебной и административной реформы в России в начале XIX столетия» (1903), «Неотложная нужда» (1901), «Из жизни старого холостяка: (Святочный рассказ)» (1899) и другие.

Таким образом, «Северный Кавказ» первым стал отражать реальные настроения, царившие в обществе, формировать общественное мнение по актуальным общественно-политическим вопросам. Редакция просвещала читателей в социально-политическом, экономическом, правовом и культурном плане. До 1905 года - это была единственная частная газета, которая выражала настроения народа и интеллигенции, в отличие, от

«Ставропольских губернских ведомостей», которые, были официальным органом власти, не поднимали актуальные проблемы современности.

Редактором и издателем «Северокавказской газеты» был уже сам Г.Н. Прозрителев. Она выходила ежедневно. Осознавая значимость прессы в формировании общественного мнения, редакция много внимания уделяла политическому просвещению своих земляков.

Помимо постоянно рубрики «Из Государственной Думы» актуальные политические вопросы становились объектом анализа в передовых статьях. Поднимали проблему алкоголизма (1908 г.), нового законопроекта о печати (СГ № 218 за 1908 г.), анализ столыпинских реформ – «Последствия закона о выходе из общины в Ольгино (1910 г.), о хуторах в Ставропольской губернии (1910 г.) – все это и многое другое осмыслялось журналистами провинциальной газеты.

Особое место в газете занимала рубрика «В судах». Помимо судебных репортажей в «Северокавказской газете» стали появляться заметки и статьи криминального характера.

Постоянно уделялось в газете внимание проблемам просвещения. Большинство публикаций касались национальному просвещению народов Кавказа. Журналисты знакомили читателей с реформами, проводимыми министерством народного просвещения, и с событиями на местах. Редакция «Северокавказской газеты» смотрела на студенчество, как на барометр русской общественной жизни, и осуждала действия правительства в области университетского образования.

Большой популярностью пользовалась рубрика «Письма в редакцию». В ней публиковались отклики на статьи, жалобы жителей города Ставрополя, например заметки «О состоянии тротуаров», которую подписал «Пострадавший» (СГ № 247 за 1908 г.), отклик на тему алкоголизма «К вопросу о борьбе с пьянством» (автор «Трезвый») (СГ № 226 за 1908 г.) и другие.

В рубрике «Наш край» публиковались статьи корреспондентов из сел Ставропольской губернии, повешенных истории населенных мест. В основу материала были положены архивные документы, приводились рассказы старожилов, фольклорные материалы (песни, частушки). В газете публиковались загадки, сказки, басни, маленькие фельетоны, анекдоты, которые наполнялись политическим смыслом. «На злобу дня», например, такой анекдот:

Губернатор распекает редактора:

- Я вам покажу, как писать обо мне такие вещи! Я за себя постою!
- Ну что ж, - вздыхает редактор, тогда я за себя посижу.

«Северокавказская газета» знакомила жителей губернии с историей края. В основном их писали члены статистического комитета, например, К. Т. Живило «Судоходство по реке Кубани в историческое и новое время» (1908), Г. Ананьев «Караногайцы и их предания» (1908) и другие. Г.Н. Прозрителев писал об археологических раскопках, сетовал на то, что курганы, могилы раскапывают непрофессионалы, поэтому многие из них разграблены и не подлежат восстановлению. В одной из статей он просил не трогать памятники культуры и заняться их охраной. У газеты были собственные корреспонденты даже за границей (в Америке) – Альфа Эм.

На страницах «Северокавказской газеты» врач Е. Крист рассказывал читателям о болезни проказе (чуме) в одном из номеров есть фото больного проказой (СГ № 208 за 1908, 1910).

В целом, редакция проявляла большой интерес к оформлению газеты. В ней помещались иллюстрации: карикатуры, рисунки (чаще применялись в рекламе одежды, обуви), фотографии (Фотография И.В. Бентковского с небольшим пояснением за 12 октября 1908 г.) Это было новаторским для местной прессы.

У истоков создания первой частной газеты в Ставропольской губернии – «Северный Кавказ», на страницах которой затрагивались проблемы конца XIX – начала XX века и первой ежедневной общественно-политической и литературной «Северокавказской газеты» стоял один человек Григорий Николаевич Прозрителев.

Через редакторскую деятельность в этих газетах воспиталось поколение профессиональных журналистов, шло оформление провинциальной ставропольской прессы.

Использованная литература и источники:

1. Белоконь В.В. Григорий Николаевич Прозрителев (к 150-летию со дня рождения) // Ставропольский хронограф на 1999 год. – Ставрополь, 1999.
2. Лепилкина О.И. история ставропольской журналистики: Учебное пособие и хрестоматия. Ч. I. XIX – начало XX вв. (дооктябрьский период). – Ставрополь, 2002.
3. Городецкий Б.М. Очерк развития русской периодической печати на Северном Кавказе. – Екатеринодар, 1914.
4. Колесникова М.Е. Ставропольские краеведы: Библиографические очерки. – Ставрополь, 2004.
5. «Северный Кавказ» за 1899, 1901, 1902, 1903, 1905.
6. «Северокавказская газета» за 1908, 1910.

Волкова С.М.,
г. Изобильный,
Музей истории Изобильненского района,
младший научный сотрудник

А.Е. БОГАЧКОВА.

К 75-ЛЕТИЮ АВТОРА «ИСТОРИИ ИЗОБИЛЬНЕНСКОГО РАЙОНА»

10 марта 2007 года отметила свое 75-летие Анна Евгеньевна Богачкова, учитель и краевед, Почетный гражданин Изобильненского района. Анна Евгеньевна хорошо знакома изобильненцам и жителям Ставрополя как автор многочисленных публикаций по краеведению и истории Изобильненского района. Ее книга, которая так и называется «История Изобильненского района» стала путеводителем для всех интересующихся историей родного края, увлеченных поисками и открытиями в области краеведения.

Родилась Анна Евгеньевна в хуторе Веселый Ипатовского района. Детство было трудным. Старшая дочь в семье, где кроме нее были еще два братика и сестренка, Нюся помогала родителям по хозяйству - сама доила корову, носила воду с дальнего колодца, возилась с малышами.

В школу пошла с большим желанием. Училась увлеченно и старательно. «У меня были изумительные учителя» - рассказывает Анна Евгеньевна. «Добрые, чуткие, мудрые - они дали мне путевку в жизнь». Как и многие молодые люди в то время, Аня мечтала о небе, в детстве даже прыгала с крыши с зонтиком – почувствовать «вкус» полета. Готовилась поступать в Харьковский авиационный институт, но не было денег на поездку. Мечта так и осталась мечтой. Анна Васильевна Смирнская, учитель русского языка и литературы, настойчиво советовала девушке получить высшее образование. «Иди на исторический» - говорила она Анне. И в 1949 году Анна Евгеньевна стала студенткой Ставропольского педагогического института. В студенческие годы все же состоялась ее встреча с небом – Анна была членом аэроклуба, летала, прыгала с парашютом! Окончила институт с отличием и в 1953 году вернулась в родную сельскую школу учительницей. Невысокая, тоненькая, с длинной косой, она была для ребят и учителем, и другом, и старшей сестрой. Увлеченная сама, она не оставляла равнодушными своих учеников рассказами по истории. Никогда с ней не было скучно. Будучи уже учителем изобильненской школы, привела однажды свой пятый класс на пустынный берег пруда на окраине

Изобильного. Принесли с собой тоненькие саженцы, посадили. До сих пор радуют глаз огромные плакучие ивы на северо-западной окраине города.

Свою книгу об истории Изобильненского района Анна Евгеньевна Богачкова начала словами М. Калинина: «Любить свой край, знать его особенности, его богатства, его историю – на этих лучших чувствах к родным местам воспитывается подлинный патриотизм советского человека. Воспитание патриотизма начинается с углубленного познания своей Родины».

35 лет отдала Анна Евгеньевна работе в школе, была учителем истории, завучем. И все эти годы она учила детей быть неравнодушными к судьбе своего края, его людей, к его истории. Она умела увлечь ребят своим энтузиазмом, любознательностью. Ей верили, старались помочь, и мало кто оставался в стороне. Юные краеведы ходили со своей учительницей в походы, участвовали в раскопках местных курганов. Изучили свой район не по учебникам. Прошли по всему берегу бывшего Сарматского моря, исследовали пещеры в окрестностях села Московского. Труд Анны Евгеньевны, ее увлеченность и преданность делу не остались незамеченными – в 1966 году она была удостоена звания «Отличник народного просвещения». В 1970 году получила медаль «За доблестный труд».

И вдруг ее постигло страшное горе – трагически погиб единственный, горячо любимый сын. Казалось, жизнь потеряла всякий смысл. Но эта хрупкая женщина мужественно перенесла удар судьбы. Она нашла в себе силы выжить, не замкнуться, не перестать любить людей, по – прежнему дарить им теплоту своей души.

Испытывая особую любовь к литературным заповедникам, она побывала практически во всех усадьбах и домах наших знаменитых соотечественников, исколесив всю территорию бывшего Советского Союза. Тарханы, Пушкиногорье, Ясная Поляна, Карабиха, Константиново – все увидено и прочувствовано. Подмосковье, Крым, Прибалтика – легче, наверное, назвать места, где она не побывала. Путешествовала за рубежом – более чем в пятнадцати странах. Но где бы ни была эта женщина, любовь к Отчизне, к красоте родного русского пейзажа всегда хранилась в ее сердце.

В 1988 году у Анны Евгеньевны начался новый период в жизни. Уже, будучи на заслуженном отдыхе, она не побоялась взять на себя ответственность стать исследователем и хранителем музейной старины. Общественный музей, экспонаты которого были собраны силами энтузиастов Александра Федоровича Юникова, Андрея Поликарповича Складарова, Михаила Федоровича Федорова, Алексея Андреевича Синклинера ютились в крошечном сыром здании без отопления, где стены промерзали и

покрывались инеем. Не было и речи о нормальных условиях хранения экспонатов. Поэтому первой задачей А. Е. Богачковой стало спасение ценнейших документов и вещей. И снова Анна Евгеньевна взялась за работу. Ходила по кабинетам, добивалась, просила, требовала. Рассказывает, как попала на прием к Андрею Александровичу Чурикову, первому секретарю райкома партии, как по его личному указанию предприятия города помогали в реконструкции музея – стройматериалами, рабочей силой, деньгами.

В конце 80-х годов прошлого столетия Анна Евгеньевна добилась нового помещения для музея. Его отремонтировали, приобрели мебель и необходимое оборудование. Когда переходили в новый музей, все до единого экспонаты осторожно, на руках перенесли из старого помещения школьники. Много сил и времени ушло на планирование интерьера и размещение экспонатов. Научное руководство по оформлению экспозиций осуществляли работники Ставропольского краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе Вениамин Госданкер и Изабелла Усова. От древнейших времен до Ставропольской ГРЭС – все экспонаты соседствуют в одном зале: первобытный пест и коллекции утюгов, самоваров, интерьер купеческой комнаты и описанный во всех энциклопедиях мира костяной половецкий орнамент. Грамотно и со вкусом были представлены в музее разделы «Археология», «Палеонтология», «Великая Отечественная война», «Казачество», «Коллективизация».

Самые частые гости музея – школьники. Здесь для них проводятся экскурсии, встречи с замечательными людьми, выставки, уроки. Неутомимая Анна Евгеньевна организовала для школьников исторический кружок, куда собирались ребята разных возрастов. Кружковцы вместе с сотрудниками музея ездили по окрестным селам и хуторам, беседовали со старожилами, собирали экспонаты для музея, занимались исследовательской работой. Есть, например, в отделе археологии окаменевшие раковины моллюсков, заселявших когда-то Верхнесарматское море, камни с отпечатками древних растений и ребер сарматского тюленя. Можно представить себе радость юных археологов, нашедших позвонок сарматского кита или зубы первобытной лошади. Надо ли говорить как увлечены были ребята! Ведь недаром многие из учеников Анны Евгеньевны стали в дальнейшем прекрасными специалистами. С теплотой и гордостью говорит Анна Евгеньевна о своих учениках: Роман Нутрихин, аспирант юридического факультета Ставропольского педагогического университета, главный редактор журнала «Тысяча дорог», автор многих публикаций по истории и краеведению. Медведев Геннадий Викторович был заведующим отделом по науке, культуре и спорту Ленинградского обкома партии. Ныне –

преподаватель философии в Институте народного хозяйства, политолог, автор политических очерков. Любовь Шалапутина работала начальником порта в г. Жданов. Ныне – сотрудник дипломатического корпуса Украины по странам Востока. Повзрослевшие девчонки и мальчишки помнят и любят свою учительницу, пишут, приезжают, приглашают на свадьбы и юбилеи. В книге, выпущенной учениками Анны Евгеньевны и посвященной ей, есть такие строки: «...Не тот богат, кто много имеет, а тот, кто много видел». Анна Евгеньевна широко и щедро раздает накопленные ценности. Она хочет, чтобы как можно больше людей узнали и прочувствовали неповторимость нашего мира».

В декабре 1997 года, благодаря усилиям Анны Евгеньевны в музее открылся выставочный зал. Зачастую он превращался в литературно – музыкальный салон. Сюда приходили с гитарой, экспромтом читали стихи, очень часто здесь звучала классическая музыка. В этом зале проходили выставки и маститых ставропольских профессионалов, и местных самодеятельных художников.

Но все же на первом месте у Анны Евгеньевны изучение истории малой родины. Результатом многолетних исследований в области краеведения стала работа над книгой «История Изобильненского района». Эта работа началась в 1990 году, по настоятельной рекомендации райкома партии и отдела культуры. Материал собирался буквально по крупицам. Проанализированы и собраны воедино многочисленные публикации по истории образования, становления и развития Изобильненского района. Очень долго и трудно шло редактирование, одна треть рукописи не вошла в книгу. Приходилось спорить, убеждать. В 1994 году в Ставропольском книжном издательстве тиражом 15 000 экземпляров вышла книга, которая стала незаменимым учебным пособием для учащихся и учителей, преподающих историю, географию, биологию. До сегодняшнего дня это единственное пособие по истории Изобильненского района.

В 2005 году вышла новая книга А. Е. Богачковой «Сказы седого Егорлыка». Книга посвящена пятидесятилетию ООО «Кавказтрансгаз». Это повествование о людях и богатствах полей и недр Изобильненской земли. В книгу вошли рассказы и очерки по истории г. Изобильного, об именитых земляках – Василии Васильевиче Зиновьеве, Андрее Александровиче Чурикове, Василии Ивановиче Афанасове, Сергее Васильевиче Ионкове и других. В сборник также входят ее произведения о природе, написанные в виде сказок. Сергей Данилович Овсянников, член Союза писателей России, во вступительном слове написал: «... Историк по образованию и по душевному складу, Анна Евгеньевна в своем творчестве опирается только на

факты и характеры, находит волнующие ее темы и для общения с читателями выбирает « личную прозу», гармонично соединяя в произведениях философию, естественные науки и острую публицистику, призывающую всех нас понимать диалектику природы и сохранять ее богатства для себя и грядущих поколений».

Использованная литература и источники:

1. Фонды ГУ «Музей истории Изобильненского района»: Фонд 11 ед.хр. 2 Богачкова А.Е.
2. Богачкова А.Е. История Изобильненского района. Ставрополь, 1994.
3. Богачкова А.Е. Сказы седого Егорлыка. Ставрополь, 2005.

Денисенко М.Ю.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник
им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве,
научный сотрудник

**МИЛОСЕРДНАЯ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СТАВРОПОЛЬСКОМ КРАЕ
В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.**

Милосердие, благотворительная деятельность являются древнейшей нравственной гуманистической традицией. Она возникла в условиях первобытнообщинного строя, когда шло формирование человеческого общества, становление основных социальных институтов. Традиция помощи старым, больным, инвалидам, детям, людям, оказавшимся в беде и не могущим самостоятельно ее преодолеть – это неотъемлемая часть нравственной культуры, общественных форм всех цивилизаций. Они существовали до становления национальных и мировых религий, а с возникновением последних вошли органической частью в освящаемые божественным авторитетом нравственно-этические системы всех религий.

В нашей стране резкий разрыв с традициями благотворительности, в том числе и отечественными, произошел около восьми десятилетий назад, когда даже сами понятия «милосердие», «благотворительность», «филантропия» практически вышли из официального употребления. Их общечеловеческое гуманистическое содержание игнорировалось, а они обычно идентифицировались с религиозной деятельностью и моралью, потому – в соответствии с официальными установками – автоматически рассматривались как «пережитки прошлого», как нечто недостойное советского человека, всю заботу о котором должно было взять на себя государство. К тому же благотворительная деятельность религиозных организаций, согласно действовавшему в то время законодательству о религиозных культах, восходящему к 1929 году, была запрещена.

Однако в народном сознании и в русском языке всегда сохранялись понятие и термин – милосердие, характеризующее высшее проявление человеческого сострадания, объединяющее жалость, сопереживание с активной, деятельной любовью к ближнему. *Милосердие* - готовность помочь кому-либо, проявить снисхождение к кому-либо из сострадания, человеколюбия, сердечного участия, деятельная помощь кому-либо, вызванная этими чувствами. Это сострадательное, доброжелательное,

заботливое, любовное отношение к другому человеку. Милосердие осмысливается как важнейшее, если не фундаментальное, условие человеческого общежития, существенное нравственное требование (1, с.262).

Благотворительность является важной составной частью милосердной деятельности, синонимом этого слова является филантропия. В западных странах ее обычно называют каритативной деятельностью (от латинского *caritas* – любовь к ближнему). Благотворительность – это деятельность, посредством которой частные ресурсы добровольно и безвозмездно распределяются их обладателями в целях содействия нуждающимся людям, решения общечеловеческих проблем, усовершенствования условий общественной жизни (2, с. 52-54).

Концепция милосердия является одной из центральных в православии. Современные православные богословы представляют милосердие как активное вмешательство христиан в земные дела ради уничтожения самих причин страдания. Милосердие является не просто состраданием, а есть «высшая созидательная сила, призыв к действию, к человечности». Милосердие – инициативное чувство и активное действие. В милосердии человек посвящает себя Богу и тем самым открывается добру. Активное проявление милосердия – это участие в сораспятии Христу, то есть «жизнь по заветам Христовым, непрестанное болезнование в том, чтобы эти заветы получили свое осуществление в жизни человеческого общества».

В данный момент диапазон деятельности Русской Православной Церкви существенным образом расширился, включив в себя и многие направления, ранее находившиеся под запретом, а сегодня являющиеся чрезвычайно важными и необходимыми. Итак, необходимо выделить основные направления социального служения Русской Православной Церкви в Ставропольском крае в наши дни.

1. Антиалкогольная программа и программа помощи наркозависимым людям. Несколько лет назад Русской православной церковью начата антиалкогольная программа. Она, и в этом ее специфика, ведется по принципу так называемых «семейных общин трезвости», где параллельно с лечением алкоголиков проводится работа с членами их семей в целях создания вокруг них атмосферы сочувствия и поддержки.

Необходимо заметить, что благотворительная и милосердная деятельность Русской православной церкви активно ведется и в Ставропольском крае, которая заключается в помощи наркозависимым людям. Так по благословлению епископа Ставропольского и Владикавказского Феофана 6 августа 2006 г. в г. Михайловске был открыт первый на Юге России Спасо-Преображенский женский православный центр

реабилитации наркозависимых. Где день начинается с молитвы и заканчивается ею, читается Библия, «жития святых» и другие духовные книги.

2. Работа с заключенными. Все большее место в милосердной деятельности православия занимает работа с заключенными. Подобная деятельность осуществляется во многих исправительно-трудовых колониях Ставропольского края. Опыт взаимодействия исправительных учреждений и религиозных организаций свидетельствует об эффективности такого средства, как религиозное воспитание. Особая роль такого воспитания прослеживается в воспитательных колониях, где отбывают наказания лица, преступившие закон. Так, например, исправительно-трудовая колония № 4 Георгиевского района Ставропольского края в «целях развития и углубления сотрудничества в сфере духовно-нравственного просвещения сотрудников и осужденных, отбывающих наказание в колониях, укрепления правопорядка и законности; а также исправления лиц, преступивших закон Божий и человеческий», подписала соглашение о сотрудничестве с Русской православной церковью. В рамках сотрудничества на территории колонии производится сооружение храма, священнослужители участвуют в организации досуга осужденных (3, с.6).

3. Оказание консультативной и материальной помощи беженцам и вынужденным переселенцам. Особым направлением социального служения РПЦ в современных условиях является работа с беженцами, организация продовольственной помощи наиболее нуждающимся соотечественникам в странах ближнего зарубежья и республиках РФ.

Проблемам оказания помощи беженцам и вынужденным переселенцам был посвящен ряд конференций и семинаров Русской православной церкви, только на Северном Кавказе (Чечня, Северная Осетия и Ингушетия) помощь была оказана на сумму 500 тысяч долларов США. В апреле 1998 года колонна гуманитарной помощи, собранная жителями Ставропольской епархии, была отправлена в г. Грозный (4, с.139).

4. Распределение гуманитарной помощи среди пенсионеров, инвалидов, сирот, многодетных семей, ветеранов войны, детей-инвалидов, заключенных через епархии, монастыри, приходы, воскресные школы, детские дома, общества инвалидов, приюты, санатории, детские колонии, учебные и медицинские учреждения, благотворительные организации и реабилитационные центры. В поселке Солнечнодольске Ставропольского края 26 декабря 2006 года состоялось открытие детского дома «Солнышко». В церемонии открытия принял участие настоятель Казанской церкви священник Анатолий Кибиткин. Он освятил детское учреждение,

благословил руководство и воспитателей. От Казанского прихода в дар детям были переданы теплые одеяла (5).

В декабре 2006 года также прошла благотворительная акция под руководством священнослужителей, в которой приняли участие и студенты. Была оказана помощь детскому дому № 2 «Золотой ключик» в селе Розовка, детскому дому № 1 «Колосок» села нижняя Александровка Минераловодского района Ставропольского края.

Социальное служение Церкви в армии. Социальное служение Церкви в последние годы активно проявляется и в армии и в Ставропольском крае. 15 декабря 2005 года в Ставрополе подводились итоги призыва на военную службу. В работе заседания принял участие епископ Ставропольский и Владикавказский Феофан. Ставропольский край был отмечен в числе лучших по мобилизационной работе, подбору кандидатов на контрактную службу в Вооруженных силах, а также по военно-патриотическому воспитанию молодежи. В этой сфере накоплен опыт взаимодействия Ставропольской и Владикавказской епархии и территориальных военных комиссариатов и призывных комиссий (6, с.2).

Ставропольский журналист Е. Понаморев-Павлова говорит о том, что православная линия благотворительности ведется в воинских частях и приходах Чечни. Священник храма в Маруке отец Александр (Емельянов) и военно-патриотический клуб «Русские витязи» оказывают гуманитарную помощь воинам (7).

Итак, в настоящее время значительно активизировалась благотворительная и милосердная деятельность верующих РПЦ, в том числе и в Ставропольском крае. Возникло множество различных православных благотворительных фондов и обществ, целью которых является милосердно-благотворительная деятельность, консолидация прогрессивных сил в России и других стран во имя возрождения и развития традиций христианского милосердия, содействие и реализация инициатив, связанных с гуманностью, формирование и финансирование целевых проектов и программ, прежде всего, в сфере здравоохранения и социального обеспечения, организации домов общественного призрения для неимущих и обездоленных.

Использованная литература и источники:

1. Апресян Р.Г. Милосердие // Этика: Энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2001.
2. Апресян Р.Г. Благотворительность // Этика: Энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2001.
3. Анюхина Е. Теперь они другие // Ставропольский Благовесть. – 2006. № 6.

4. Скиперский И.А. Религия как средство исправления и воспитания в колониях для несовершеннолетних // Религия и современность: актуальные проблемы: Материалы II региональной научной конференции. – М.-Ставрополь, 2006.
5. Тарусов К. Караван добра // Вечерний Ставрополь. – 1998 г. - 17 апреля.
6. Ставропольский Благовесть. – 2006. № 1.
7. Понаморева-Павлова Е. На южном направлении // Вечерний Ставрополь. – 2005. – 12 апреля.

Капустина Н.И.,
г. Ставрополь,
кандидат исторических наук

ОБЩЕСТВО ДРУЗЕЙ ВОЗДУШНОГО ФЛОТА НА СТАВРОПОЛЬЕ В ГОДЫ НЭПА

Большую роль в области военной подготовки населения СССР в 1920-е годы сыграли массовые оборонные организации, в том числе Общество друзей воздушного флота (ОДВФ). Ставропольское Губернское Общество друзей воздушного флота было организовано 20 июня 1923 года, а Терское, чуть раньше – 24 апреля 1923 года. ОДВФ считало своими задачами оказание практической помощи в создании и развитии советской авиационной промышленности, проведение широкой агитации и пропаганды отечественной авиации, развитие авиационного спорта. В первый год своего образования (1923 – 1924 гг.) общество в своем развитии прошло несколько этапов: на первом этапе (июнь 1923 года – октябрь 1924 года) шел активный поиск организационных форм и методов работы, с января по июль 1924 года получил свое развитие процесс оформления низовых ячеек и изыскание средств на развитие общества, а июль – октябрь 1924 года ознаменовался налаженной планомерной работой.

К середине 1920-х годов крестьяне уже не верили словесной агитации, они требовали наглядного подтверждения во время агитационных выступлений, и с этой целью Ставропольское окружное ОДВФ приобрело самолет «Фармен». Увиденный собственными глазами самолет производил неизгладимое впечатление на крестьян. Общество пользовалось большой популярностью в народе, и его ряды пополнялись новыми членами. По Ставропольскому округу на 1 сентября 1924 года в обществе состояло 5 116 человек, по Терскому округу - 4002 человека (1), а к 1 июля 1925 года общество насчитывало до 9 038 человек. За один только месяц неурожайного года - август 1924 года – ставропольской организацией было собрано 8 667 руб. членских взносов и пожертвований, а терской организацией за шесть месяцев 1925 года было собрано 38 374 руб. 84 коп. (2). Средства общества формировались за счет вступительных и членских взносов, а так же добровольных пожертвований, проводимых спектаклей и концертов, реализации литературы, отчислений коллективов предприятий и учреждений. Так, сотрудниками трамвайного депо по г.Пятигорску в день празднования дня Воздушного Флота было перечислено 608 руб. 87 коп., потребкооперация перечислила на постройку самолета 3 800 руб., ячейки

города собрали за реализацию литературы и членских значков 1 583 руб. 80 коп., марок 3 157 руб. 39 коп. (3). Средства направлялись на строительство военных и гражданских самолетов, аэродромов и посадочных площадок.

Характерной особенностью в развитии общественности нэповского периода является создание большого числа различных общественных организаций. Оборонные общества в 1920-е годы пользовались большой популярностью у всех слоев населения, чему ярким подтверждением является социальный состав ОДВФ по Ставропольскому округу в октябре 1924 года: рабочие 1 555 человек, крестьяне – 1 144, служащие – 3 767, прочие – 42. По партийной принадлежности в обществе преобладали беспартийные, их было 5000 членов, на втором месте были члены и кандидаты РКП (б) – 1 139, и комсомольцы составляли 369 человек. По половому признаку в ОДВФ со значительным перевесом преобладало мужское население: мужчин 5 654 человека, а женщин – 854. Всего на 1 октября 1924 года в окружном обществе состояло 6 508 членов (4, с.4,8).

Следует заметить, что на Ставрополье в городах рост общества шел более быстрыми темпами, чем в сельской местности. Так, на 1 апреля 1924 года в г.Пятигорске активно работали 17 ячеек с 895 членами (5), а по городу Ставрополю на 1 октября 1924 года насчитывалось 42 ячейки с 3 077 членами (4, с.4,8). Показательным является планомерный рост Пятигорской городской организации ОДВФ в течение 7 месяцев 1924 года: апрель - 895 членов, май – 1251, июнь – 1731, июль – 2 154, август – 3953, сентябрь – 4002, октябрь – 4 254 (6). На первых этапах рост городских организаций опережал рост сельских. К примеру, в марте 1924 года в г.Ставрополе насчитывалось 1 359 членов, а по районам округа всего 403 члена. Следует отметить, что наглядная агитация давала положительные результаты и уже в сентябре этого года ситуация изменилась: по г.Ставрополю было 3 077 членов общества, а по районам округа 3431 (4,с.7).

Во главе окружного ОДВФ стоял окружной съезд, созывавшийся окружным советом не реже 1 раза в год. Окружной совет общества избирался на съезде сроком на 1 год в количестве 25 человек. Окружной совет осуществлял общее руководство местными отделениями в период между съездами. Деятельностью совета руководил президиум, состоящий из 6 человек. Следующим звеном в организационной структуре общества были районные ОДВФ, руководившие городскими и сельскими ячейками. Вся каждодневная работа по агитации и пропаганде знаний о Воздушном Флоте, по вовлечению в члены общества, по изысканию средств, массовая работа среди населения возлагалась на низовые ячейки общества.

Большую работу по пропаганде идей ОДВФ и вовлечению в члены общества проводила местная пресса - газета «Власть Советов», «Терек», «Молот», журнал «Ставрополье». Так, газета «Терек» (Терский округ) в течение года опубликовала 36 статей разного плана и 17 научно-технических, было прочитано среди населения более 52 докладов (7). Члены ячеек проводили большую агитационную работу: в течение года по Ставропольскому округу было организовано 19 агитспектаклей, 239 митингов, для пропаганды идей Воздушного Флота использовали крестьянские сходы, где выступали с докладами и беседами, систематически проводилась политико-просветительная работа среди допризывников. Следует заметить, что среди молодежи любимыми формами работы общества были оборонные вечера, вечера вопросов и ответов на военные темы, военизированные походы, оборонные и спортивные соревнования и состязания.

Общество вовлекало население в свою работу через организацию кружков: модельный и планерный. Члены Ставропольского общества построили 3 воздушных шара, планеры, проводили работу в пионерских отрядах по постройке летающих «змеев», устраивали конкурсы летающих моделей, организовывали показ модельных аэропланов.

Наряду со значительными успехами ОДВФ в области агитации и пропаганды имелись и существенные трудности организационного характера такие, как бесплановость в приеме новых членов, погоня за массовостью, слабая работа с сельским населением, кампанейщина, проявления шумихи и парадности в проведении массовых мероприятий с населением (8). Выше перечисленные трудности в развитии общества не умаляют его роли в подготовке населения к войне и военно-патриотическом воспитании населения.

Использованная литература и источники:

1. ГАСК. Ф.Р-1161 Исполнительный комитет Терского окружного Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. Г. Пятигорск. (Окрисполком). [Текст]. Оп. 1. Д. 93. Л. 13. Отчет Ставропольского окружного совета ОДВФ о работе с 20 июня 1923 г. по 1 октября 1924 г. [Текст]: отчет о работе. - Ставрополь, 1924. - 15 с.
2. ГАСК. Ф.Р - 1161 Исполнительный комитет Терского окружного Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. г. Пятигорск. (Окрисполком). [Текст]. Оп. 1. Д. 93. Л. 14-15. В окружном ОДВФ [Текст] // Власть Советов. - 1924. - 20 сентября.
3. ГАСК. Ф.Р - 1161 Исполнительный комитет Терского окружного Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. г. Пятигорск. (Окрисполком). [Текст]. Оп. 1. Д. 93. Л. 15.

4. Отчет Ставропольского окружного совета ОДВФ о работе с 20 июня 1923 г. по 1 октября 1924 г. [Текст]: отчет о работе. - Ставрополь. - 1924.
5. ГАСК. Ф.Р - 1161 Исполнительный комитет Терского окружного Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. г. Пятигорск. (Окрисполком). [Текст]. Оп. 1. Д. 93. Л. 13.
6. ГАСК. Ф.Р-1161 Исполнительный комитет Терского окружного Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. г. Пятигорск. (Окрисполком). [Текст]. Оп. 1. д. 93. Л. 13 об.
7. ГАСК. Ф.Р-1161 Исполнительный комитет Терского окружного Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. г. Пятигорск. (Окрисполком). [Текст]. Оп. 1. Д. 93. Л. 14.
8. РГАСПИ. Ф. 17 Центральный комитет КПСС. [Текст]. Оп. 60. Д. 757. Л. 60-61.

Карагодин Е.В.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник
им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве,
лаборант-исследователь отдела этнографии

**ВКЛАД ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СТАВРОПОЛЬСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
В РАЗВИТИЕ ПОЗИТИВНЫХ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)**

Ставропольской крепости уже вскоре после основания пришлось принять почетные и нелёгкие обязанности уездного, а затем и губернского города на беспокойном южном рубеже. Поселению была отведена роль важного связующего звена в непростых межэтнических и экономических процессах в Предкавказье. Постепенно статус Ставрополя повышался. В 1822 году указом императора Александра I Ставрополь назначен областным городом Кавказской области, а в 1824 году сюда из Георгиевска переведены присутственные места (1, с.2).

К середине столетия Ставрополь во многом утратил свои чисто военные функции и фактически превратился в экономический и культурный центр области со всеми чертами города, находящегося на границе культурных традиций Европы и Азии. Вот какое описание Ставрополя в это время оставил современник: «Насчет населения Ставрополя можно сделать следующее замечание: оно разнохарактерное, собравшееся сюда из разных концов России, часто меняющееся, в большинстве одинокое, редко проявляющееся в большой родне или сплошных семьях. <...> Наконец, принимая во внимание положение Ставрополя как преддверия Кавказа, известного своей разноплеменностью, которая дробится до невероятной мелочности, легко объяснить пестроту его населения, проявляющуюся на каждом шагу, мимо разномастного господского племени, в лицах армян, грузин, калмыков, татар, ногайцев и всякого рода прикавказских инородцев» (2, с.9).

Несомненно, что такое разноплеменное общество остро нуждалось в идеях и людях, которые способствовали бы развитию взаимопонимания и сглаживанию цивилизационных противоречий. С этой задачей достойно справилась многонациональная ставропольская интеллигенция. И первое по времени и по заслугам место в этой плеяде занимает выдающийся педагог Януарий Михайлович Неверов.

Я.М. Неверов прожил интересную и насыщенную жизнь, большая часть которой теснейшим образом была связана с народным образованием вообще и в частности – с развитием образования на Северном Кавказе. Окончив в 1832 году филологический факультет Московского университета, Неверов был определён в Департамент народного просвещения. В перспективе перед ним открывалась быстрая и блестящая карьера. Но Неверов хотел приносить реальную пользу Отечеству и поэтому с радостью согласился на должность инспектора Рижской гимназии, которую и занял в 1839 году. В 1846 году Неверов становится директором народных училищ Черниговской губернии, а с 26 октября 1850 года директором Ставропольской гимназии, которую бессменно возглавлял до 1861 года.

По натуре человек добрый, Неверов чутко воспринял идеи передовой европейской педагогической мысли. Обучаясь в Германии и тесно общаясь с Н.В. Станкевичем, Неверов усвоил в качестве жизненного руководства пропитанную гуманной религиозностью философию Гегеля и Шеллинга. Всегда на первом месте стояли у него требования нравственного воспитания, а затем систематического приобщения ученика к знанию и раскрытия в нём талантов. От учителя требовал он безупречной честности, преподавательского таланта, сердечной доброты, любовного отношения к ребёнку.

Все эти прекрасные идеи по мере возможностей были воплощены в педагогическом процессе Ставропольской гимназии. Ориентируясь, прежде всего на духовно-нравственное воспитание, Неверов создает «Нравственный кодекс для учеников высших классов гимназии, начиная с V-го класса, и вообще для юношеского возраста». В этом руководстве, сформулированном в форме заповедей и гласящем: «Люби Бога твоего; Люби Государя и Отечество; Люби своих товарищей и живи с ними в мире; Люби ближнего и уважай всех; Храни чистоту души и тела; Вверенную тебе должность исправляй честно и добросовестно» (3, с.64-92) и т.д., отражены основополагающие принципы бытия человеческого общества, понятные человеку любой национальности и вероисповедания.

Огромное внимание Неверов уделял делу образования и воспитания гимназистов из числа знатных горцев. С самого начала своего вступления в должность он был озабочен правильным заполнением штатных вакансий, выделенных правительством для образования горских детей. Не только не разделял, но и яростно боролся Неверов с предубеждением некоторых представителей администрации, считавших горцев дикими и не способными к систематическому труду и творчеству. Так, рецензенту, печатно усомнившемуся, что блестящее конкурсное сочинение по русскому языку

действительно принадлежит осетину Иналуку Тхостову, Неверов ответил в статье «Еще раз об образовании кавказских горцев», где среди прочего писал: «Нет сомнения, что природа щедро наделила кавказские племена духовными способностями; <...> и, по природе всех свежих натур, горец, принявшийся за перо и книгу, предаётся им с такой же страстью, с таким же полным и совершенным увлечением, с каким раньше предавался войне и наездничеству. Это увлечение в натурах менее одарённых переходит в какое-то изумительное подвижничество, так что один из горских воспитанников заплатил жизнью. Из сорока горцев, находящихся сейчас в гимназии, нет ни одного тупого. Менее способные вознаграждают этот недостаток прилежанием» (4, с.120). В этой и многих других публикациях, а также постоянной работой в гимназии Неверов показывал, как, несмотря на национальные и культурные особенности, могут успешно взаимодействовать люди, объединённые одной задачей – в частности, задачей приобщения к знанию и культурам друг друга, задачей сохранения мира.

Верным продолжателем неверовских традиций в вопросе позитивного развития межнациональных отношений стал крупнейший осетинский просветитель, поэт и общественный деятель Коста Леванович Хетагуров (1859-1906), долгие годы живший и работавший в Ставрополе, а поэтому справедливо считающийся представителем ставропольской интеллигенции. Его учеба в ставропольской гимназии пришлась на 1870-е годы, время, когда Неверова в гимназии уже не было, но ещё процветали его разумные и гуманные начинания.

Ставрополь Хетагуров считал своей второй родиной. Здесь впервые проявился, оформился и наполнился духовным содержанием его талант. Здесь в гимназический период у него завязались знакомства, переросшие в дружбу на всю жизнь. И первым из его друзей стал учитель рисования Василий Иванович Смирнов. Дружба со Смирновым и его семьёй, глубокая и нежная, продолжалась до смерти поэта.

Впрочем, прекрасные отношения были у Коста и с представителями горской национальной интеллигенции, в частности с карачаевскими просветителями Исмаилом Акбаевым и Исламом Крымшамхаловым. С именем Акбаева связано такое предание: Коста, как известно, практически не носил европейский костюм. Зная это, Акбаев подарил ему прекрасную национальную одежду, и Коста поклялся никогда не носить ничего, кроме горского костюма. Однако ошибочно видеть в этом лишь проявление квасного патриотизма или тем более национального чванства. Много лет живя в городах, прекрасно владея русским языком, К. Хетагуров не видел судьбы родной Осетии отдельно от судьбы России. Своей работой, стихами

он открывал передовой России иной, лирический, глубоко трагичный образ Кавказа. Своей подчёркнуто принципиальной позицией в вопросе одежды и иных бытовых мелочей он лишь честно говорил:

«Люблю я целый мир, люблю людей бесспорно,
Люблю беспомощных, обиженных сирот
Но больше всех люблю, чего скрывать позорно?

Тебя, родной аул и бедный наш народ» (5, с.72-73)

Завершая данную статью, нельзя не упомянуть замечательного общественного деятеля, краеведа, выдающегося представителя ставропольской интеллигенции Григория Николаевича Прозрителева. Коренной ставрополец, Прозрителев учился сначала в Кубанской войсковой гимназии в г. Ейске, а затем, решив стать юристом, уехал поступать в Санкт-Петербург. Прозрителев относился к тому поколению русского студенчества, которое жило ожиданием коренных общественных перемен и искренне видело свой долг в служении народу. После окончания учёбы и путешествия по Европе, Прозрителев возвращается в Ставрополь и занимает пост присяжного поверенного в окружном суде. С этого времени в его жизни начинается совершенно новый этап.

По долгу службы в суде Прозрителев ведал делами ставропольских кочевников: ногайцев, туркмен, калмыков. Неизменно защищая их, неграмотных, плохо говорящих по-русски, Прозрителев часто выезжал в степные кочевья. Эти поездки превращались в этнографические экспедиции, во время которых русский дворянин и чиновник проникался неповторимым степным колоритом, по крупицам собирал сведения, касающиеся культуры и истории кочевых народов. Собранный материал осмыслялся и затем издавался в виде статей и заметок. Позже, работая над созданием краеведческого музея, Прозрителев серьёзнейшим образом изучал историю, культуру, быт горских народов (6, с. 15-16). Из служебной, общественной и научной деятельности появлялось уважение к коренному населению Кавказа, уважение перерастало в симпатию. В очерке, посвящённом взятию аула Гуниб в ходе Кавказской войны 1817 – 1867 гг., Прозрителев тонко подметил всю сложность и неоднозначность отношений, сложившихся между славянским и горским населением в результате победы России. Давая свой «рецепт» стабилизации отношений на Кавказе, он писал: «Достигается это единственно широким вниманием к нуждам народным и справедливым удовлетворением их, достигается бережным отношением к самолюбию народа, сложившего оружие, и признанием его прав. <...> С покорением Кавказа мы взяли на себя великую историческую миссию ответственности за судьбу народностей, павших в непосильной борьбе, и лучшим памятником

для тысяч наших героев, сложивших свои головы на Кавказской войне, будет создание прочного культурного благополучия. Пусть на этой многолетней борьбе, роковым образом выпавшей на долю той и другой стороны, будет построено братское единение, тем более что большинство горцев есть остатки родственных нам племён» (7,с.2). В капитальном труде «Военное прошлое наших калмыков: Ставропольский и Астраханские полки в Отечественной войне 1812 года» Прозрителев, опираясь на свой богатый опыт, дал крайне лестную характеристику калмыков, отметив свойственные им гостеприимство, щедрость, верность данному слову и потрясающую верность в дружбе и родстве. Описание он подытожил такими словами: «За 30 лет судебной практики пришлось провести массу калмыцких дел и убедиться в добрых чувствах этого народа и большей частью в высоких душевных качествах его». Не остались без высокой оценки и военные подвиги калмыков (8, с.5-8, 83-95). За этот труд Прозрителев удостоился звания Почётного гражданина Большедербетовского улуса, а само произведение стало неотъемлемой частью калмыцкой культуры.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что во второй половине XIX – начале XX веков ставропольская интеллигенция в лице своих выдающихся представителей сделала крупный вклад в развитие позитивных отношений между народами Северного Кавказа, способствовала их взаимопониманию и культурному сближению.

Использованная литература и источники:

1. Прозрителев Г. Н. К 125-летию Ставрополя. Ставрополь, 1910.
2. Воронов Н.И. Ставрополь / Глагол будущего. Ч.2. Ставрополь, 2002.
3. Неверов Я.М. Нравственный кодекс для учеников старших классов гимназии, и вообще для юношеского возраста / Глагол будущего. Ч.1. Ставрополь, 2002.
4. Неверов Я.М. Ещё об образовании кавказских горцев / Глагол будущего. Ч.1. Ставрополь, 2002.
5. Пронская К. Дружба народов – дружба литератур / Ставрополье: Литературный альманах. 1977. №4.
6. Селунская И.Д. Роман о музее. Ставрополь, 2005.
7. Прозрителев Г. Н. К 50-летию взятия Гуниба. Ставрополь, 1910.
8. Прозрителев Г.Н. Военное прошлое наших калмыков: Ставропольский и Астраханские полки в Отечественной войне 1812 года. Ставрополь, 1912.

Колесникова М.Е.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный университет,
кафедра археологии и региональной истории,
доцент, кандидат исторических наук

НОВАЯ БИОГРАФИКА КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ИЗУЧЕНИЯ ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Исследования в рамках локальной истории осуществляются на базе Регионального научно-образовательного центра «Новая локальная история» Ставропольского государственного университета. Целью «новой локальной истории», в отличие от социокультурных конструкций универсальной историографии, является осмысление локальных сообществ в качестве субъектов исторического процесса. Адекватный метод достижения этой цели предлагает феноменологическая источниковедческая парадигма гуманитарного знания, в частности метод компаративного источниковедения.

Исследования в рамках локальной истории осуществляются с позиций полидисциплинарного подхода, методами, выработанными гуманитарными науками в конце XX - начале XXI века (компаративного источниковедения, микроистории, устной истории и др.). Основными направлениями исследований являются: сравнительное источниковедение локальной истории, интеллектуальная история Северного Кавказа, история пограничных областей Северного Кавказа, история повседневности, городская история, новая биографика.

Новая биографика рассматривается учеными, работающими на базе центра «Новая локальная история», как традиционное исследование персональной истории, так и изучение персоналий локальной истории с помощью методов генеалогии, биографики, герменевтики и др. Применение метода новой биографики к исследованию локальной истории, т.е. описание социокультурной информации через мировосприятие отдельных представителей Северокавказского социокультурного пространства.

Интерес к личности проявляется в широком распространении «микроистории», исследований по истории семьи и частной жизни индивидуума. В связи с этими процессами существенно возросло гносеологическое и социальное значение специальных исторических дисциплин, сложилось понимание их как особой системы методов гуманитарного познания. В начале XXI столетия в этой сфере произошли фундаментальные изменения, и специальные исторические дисциплины

заняли подобающее место в научном знании. Особенно показательной стала социальная и гносеологическая обусловленность такого перспективного направления научного поиска, как биографика. Под ней понимают совокупность философско-методологических, историографических, историко-культурных знаний и представлений об отдельных биографических жанрах, о смысле, задачах и возможностях биографического мышления и познания, о методах биографической реконструкции. Именно биографика дает возможность воссоздать «групповой портрет общества», состоящий из неповторимых личностей, каждая из которых достойна отдельного изучения. Биографика занимается не только вопросами происхождения лиц, но и изучением их деятельности, в т.ч. и интеллектуальной.

Современные исследователи, рассуждая о границах биографии, подчеркивают ее самостоятельный характер, как вида наук о человеке. Объект ее – действующая личность. Предмет – адекватная реконструкция человеческой личности. Метод биографики как науки о человеке является комплексным, междисциплинарным, реконструирующим. Ведь историческая биография, «такое жизнеописание, где в центре внимания находится развитие неповторимой человеческой личности, раскрытие ее внутреннего мира, - разумеется, в тесной связи с эпохой и делом, которому эта личность себя посвятила» (1, с.87).

Историческая биография является одним из самых популярных жанров как среди историков-профессионалов, так и среди авторов и читателей исторической беллетристики. Первым, по мнению современного исследователя Л.П. Репиной, он дает максимальную возможность для самовыражения (прежде всего в выборе героя), а вторым – возможность самопознания (2, с.5-6). Историков биографический жанр привлекает возможностью сделать историю более насыщенной, многоаспектной, а также реализацией особого авторского взгляда, собственного подхода.

Историк, рассматривая биографию своего героя, всегда пытается понять его в контексте той эпохи, в которой тот жил. И тут встает проблема взаимодействия двух субъектов – историка и героя, являющейся одной из главных методологических проблем биографии. В этом диалектическом противоречии (героя биографии и автора биографии) и особенность жанра биографии.

Внимание исследователей привлекают и биографии ученых, которые являются одним из главных историографических фактов. Одним из перспективных направлений становится историческая антропология науки. Она предполагает не просто изучение менталитета, но и включает «в первую очередь изучение разнообразных форм быта и социальных практик»,

позволяя рассматривать науку «как быт людей, именующих себя учеными», т.е. определенный уклад жизни, совокупность обычаев, привычек, нравов и т.д., тех, кто занимается научными исследованиями (3, с.3-5). Знание творчества предшественников, ученых и исследователей приобретает первостепенное значение, помогает эффективно управлять наукой, содействовать становлению ученых и развитию научных направлений. Биографические исследования выступают в роли методологических ориентиров в поисках ответа на вопрос: почему открытие или творческое достижение было сделано тем или иным человеком.

Существенно расширилось и пространство применения биографических исследований в связи с методологическими поисками современной мировой историографии. Историки пристальнее присматриваются к направлениям «новой исторической науки», принципы которой тесно связаны с постмодернистской рефлексией гуманитариев. Все более внимание исследователей привлекает направление микроистории. В истории отдельного человека и «новой биографической истории» наиболее четко обозначена ключевая методологическая проблема соотношения и совместимости микро - и макроанализа. На первый план в исследованиях выходят проблемы самоидентификации личности, интересов личности, ее целеполагания, индивидуального выбора и инициативы, позволяющие проследить развитие культурных традиций, обычаев и представлений, определявших поведение людей в тех или иных исторических обстоятельствах.

В контексте современных микроисторических подходов историко-биографические исследования характеризуются новым содержанием. Исследователи отмечают рождение нового направления со специфическими исследовательскими задачами и процедурами – персональной истории. Объектом ее исследований выступают персональные тексты, а предметом – история одной жизни во всей ее уникальности и полноте.

Преимущество биографического метода в микроисторических исследованиях состоит в том, что он максимально помогает в решении сложных теоретических проблем, которые ставит перед исследователем современная историографическая ситуация.

Исследования в области исторической биографии осуществляются в Ставропольском государственном университете на базе лаборатории биографических исследований. Концепция лаборатории позволяет использовать методы герменевтики, генеалогии, биографики, что делает возможным осуществление, как традиционных исследований персональной истории, так и изучение персоналий локальной истории. В рамках

деятельности Лаборатории осуществляются следующие исследования: разработка источниковой базы биографических исследований; участие в подготовке региональных энциклопедий, энциклопедических словарей, биографических справочников и словарей; изучение трудов местных историков и исследователей через прочтение текстов (исторического нарратива), выявление методологических приемов и подходов авторов, методики их работы с источниками и их интерпретацией.

Использованная литература и источники:

1. Павлова Т.А. Психологическое и социальное в исторической биографии // Политическая история на пороге XXI века: традиции и новации. – М., 1995.
2. Репина Л.П. Личность и общество, или история в биографиях (вместо предисловия) // История через личность: историческая биография сегодня / Под ред. Л.П. Репиной. – М., 2005.
3. Александров Д.А. Историческая антропология науки в России // Вопросы истории естествознания и техники. - 1994. - № 4.

Колосовская Т.А.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный университет,
кандидат исторических наук, доцент

**КАЗАКИ-ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ НА КАВКАЗСКИХ УКРЕПЛЕННЫХ ЛИНИЯХ
В ОТРАЖЕНИИ ВОЕННЫХ ИСТОРИКОВ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.**

Вопрос о казачьей колонизации степного Предкавказья в свете формирования новых административных границ в регионе активно разрабатывался военными историками досоветского периода. Исследователи XIX – начала XX в. (В.А. Потто, Ф.А. Щербина, Д. Романовский и др.), тщательно описывая проблемы, с которыми сталкивалось российское правительство в процессе включения Северного Кавказа в общее пространство империи, большое внимание уделяли вопросам переселения и обустройства казачьего населения на строящихся в регионе укрепленных линиях.

Авторы отмечали, что к концу XVIII в. все пространство от Кизляра до Моздока и от Моздока по Кубанской, Азово-Моздокской и Черноморской кордонной линиям было заселено казаками, являвшимися военной силой, пограничными войсками и в то же время первыми русскими поселенцами края.

Особое внимание дореволюционные исследователи уделяли «усвоению нового образа жизни» во вновь образованных казачьих войсках на Северном Кавказе. Как отмечал В.А. Потто, «не гоняясь за заветами своей старины, казаки на Линии, так же как и их предшественники на Тереке и Сунже, смогли заимствовать от своих противников все, что было в них хорошего. Тяжелые сабли и длинные неуклюжие пики были ими брошены, кинжал и шашка в тонких сафьяновых ножнах, не производившие ни звона, ни шума, сделались их любимым оружием. Даже казацкие жупаны, - и те отошли в область предания, заменяясь мало-помалу черкесками, которые казаки стали предпочитать за легкость и удобство». Однако, продолжает В.А. Потто, «изменяя внешность, казак оставался тем же русским человеком и только к своей природной сметке прибавил некоторую долю азиатской хитрости, позволявшей ему изворачиваться в трудных обстоятельствах». (1, с. 136)

Отдельной темой в исследованиях был вопрос об устройстве на Линии, в условиях непрекращающейся опасности, казачьих поселений. При этом особое внимание дореволюционные авторы уделяли мерам, принимаемым казаками по обеспечению своей безопасности. «Укрепления станиц, - пишет

Д. Романовский, - состояли из небольшого вала или даже плетня со рвом впереди и земляными батареями по углам. Для лучшего наблюдения за неприятелем, и дабы препятствовать его прорывам, между станицами устраивались посты, укрепляемые так же, как и станицы. Для обозрения местности в станицах и на постах устраивались вышки, которые позволяли казакам видеть на расстоянии пяти и более верст. На ночь высылались так называемые секреты, которые в случае нападения со стороны горцев, сразу же сообщали об этом на ближайший пост или в станицу. Как у постов, так и у станиц, для извещения в ночное время всей Линии об угрожающей опасности, ставились «маяки», состоящие из деревянных столбов, обмотанных насмоленной паклей». (2, с. 118)

Трудности, с которыми сталкивались казаки-переселенцы и их героическая борьба за право жить на новых местах становится приоритетной темой в работах дореволюционных исследователей военной истории Кавказа. «Жизнь казаков на Линии, - писал В.А. Потто, - с самого начала была окружена «нескончаемым рядом тревог и опасностей, в которых закалялся дух и крепили казацкие силы. О льготе, освобождавшей казаков в течение трех лет от всякой службы, в условиях постоянных набегов со стороны горцев, нечего было и думать. Все мужское казачье население бессменно находилось под ружьем, от положения солдат их отличало только то, что они не получали от казны никакого денежного содержания. При таких условиях строил ли казак свою хату среди еще неогороженной местности, вел ли коня на водопой или выезжал в поле, ему приходилось иметь всегда ружье за спиной и пистолет за поясом». (1, с. 135)

Переселившимся на новые укрепленные линии казакам выдавалось от казны единовременное денежное пособие по 20 руб. на каждый двор и предоставлялись для пользования прилегающие к станицам сенокосные и пахотные земли, а также лесные угодья. Однако, как отмечало большинство исследователей (В.А. Потто, Ф.А. Щербина, В. Толстов и др.), за недостатком свободных рабочих рук эта льгота не могла способствовать росту благосостояния казачьих семей. От сельского хозяйства казаков отвлекали частые военные призывы, основные работы оставались на руках женщин и стариков. В конечном итоге это привело к значительному отставанию казачьих станиц от «хозяйственных мужичьих сел».

О тяжелой жизни казаков-переселенцев, на примере станицы Воровсколесской, писал историк Кубанского казачьего войска Ф.А. Щербина. «С самого своего поселения, - отмечал исследователь, - станица была неоднократно разоряема. В 1804 г. черкесы угнали скот и лошадей, разоривши жителей; в 1807 г. они разграбили станицу, сожгли дома

и имущество, взяли много пленных. Поэтому, командир Кубанского полка подполковник Потапов просил начальство или расселить обессиленную станицу, или увеличить число ее жителей. Но Потапов умер, а станица продолжала приходить все в больший и больший упадок. Один военный постой совсем обессилил жителей. В 72 домах были размещены две роты солдат, так что на каждую хату приходилось не менее 5 постояльцев. Тяжела была и подворная повинность, так как ближайшие от ст. Воровсколесской населенные пункты отстояли не менее 45 и 76 верст от нее. Землю пахать и сено косить было затруднительно или, правильнее, невозможно за отсутствием времени и средств. Выехать на полевые работы нельзя было по условиям военной жизни раньше 12 часов, а к заходу солнца требовалось уже быть дома. Жители просили переселить их целой станицей в какую-либо другую станицу. Это был жгучий вопрос не для одной только Воровсколесской станицы...» (4, с. 210 - 211)

Особое внимание военные историки уделяли женщинам-казачкам. В их оценках они предстают «вечными труженицами» в мирное время и «отважными бойцами», как и их отцы, мужья и сыновья в минуты опасности. «В условиях постоянных набегов со стороны горцев на укрепления Азово-Моздокской линии, - отмечает В.А. Потто, - казачки, только за несколько дней прибывшие с Волги, надевали мужскую одежду и становились в ряды казаков, заменяя собой убитых и раненых». (1, с. 138) «Случалось, - писал дореволюционный исследователь А. Сосиев, - что за выходом их (служилых казаков, - авт.) на линейные посты, в станице оставались дряхлые старики с подростками, да женщины с детьми, которым нередко приходилось вступать в опасный бой с горцами, отстаивая свое имущество» (5, с. 7). Из-за постоянного отсутствия служащих казаков вся домашняя и полевая работа лежала на женщинах и подростках. «В поле и в доме и жене старшины, и простой казачке засучив рукава, приходилось работать одинаково много». (3, с. 13)

Дореволюционные авторы подчеркивали, что в общественной и даже в семейной жизни и в домашнем быту казачьего населения на Линии царил военный порядок, и распоряжалась военная власть. Историк Хоперского полка В. Толстов писал: «Все казачьи полки на Линии находились в непосредственном подчинении своих полковых командиров, которые ведали всем военным и гражданским устройством казачьего населения. Командир полка делал распоряжения относительно служебных нарядов казаков, комплектования полка, смены казаков, отбывания повинностей, общественного порядка в станицах и прочей деятельности казачьего

населения. Он же назначал из числа полковых офицеров станичных начальников, которые ведали управлением в казачьих станицах». (3, с.12)

Главной обязанностью казаков была воинская повинность, которой подлежали все мужчины в возрасте от 20 до 50 лет. Не служили, как отмечал В. Толстов, «только калеки и слабоумные». (3, с. 12) Казаки должны были выходить на полевую службу конными и при всем собственном снаряжении и вооружении. На приобретение хорошей строевой лошади и вооружения средств государство не выделяло. Все это казак должен был приобретать за свой счет, и как отмечали военные историки, «приобретал с охотой, если мог, но такая возможность не всегда зависела от воли казака». (6, с. 28) Некоторые казаки, особенно среди недавно переселившихся, были столь бедны, что не имели даже куска хлеба для своей семьи.

Историк Черноморского казачьего войска П.П. Короленко в своих трудах приводит случаи, когда полковые командиры, не принимая никаких отговорок от казака, что у него нет средств снарядиться на службу, и под розгами требовали «казачьей исправности». Особенно нужен был конь и, в пылу гнева, командиры, требуя коня, говорили казаку: «хоть украдь, а достань». «После подобных требований казаки с отбитыми боками и избитыми спинами шли и воровали лошадей в табунах своих же командиров и, выездив, являлись к ним на этих самых конях. Само собой разумеется, что начальники коней своих под казаками узнавали и иные, посмеявшись отваге и удалству смельчака, решившегося на такой поступок, прощали это преступление и дарили ему добытого коня, принимая во внимание оправдание казака, что он воровал по их же приказу. Другие начальники за такую же шутку били казака, а лошадь отбирали». (6, с. 29)

В целом, жизнь казаков на Линии представляется дореволюционными авторами далекой от идиллической картины. Между тем красной нитью в их работах проходит мысль о взаимопонимании между российским правительством и казачьим населением Предкавказья. Как писал В.А. Потто, «здесь казак-колонизатор являлся вернейшим слугой русского государства, а государство в свою очередь не жалело ничего для своего пионера. Ни казаку не удержаться бы перед горцами без помощи государства, ни государству с одной регулярной армией не одолеть бы беспокойного Кавказа». (7, с. 95)

Таким образом, военные историки XIX – начала XX в., своими исследованиями способствовали формированию официальной концепции дореволюционной историографии, согласно которой казаки рассматривались как наиболее лояльная и надежная опора в регионе, верно выполняющая свой долг служения царю и Отечеству, несмотря на все тяготы жизни на фронтире Российской империи.

Использованная литература и источники:

1. Потто В.А. Два века терского казачества (1577 - 1801). Т. II. Владикавказ, 1912.
2. Романовский Д. Кавказ и Кавказская война: Публ. лекции, прочит. в зале Пассажа в 1860 г. Ген. штаба полковником Романовским. М., 2004.
3. Историческая хроника Хоперского полка кубанского казачьего войска. 1696 – 1896. Сост. В. Толстов. Б.м., Б.г.
4. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. 2. Екатеринодар, 1913.
5. Сосиев А. Станица Екатериноградская. Историко-статистический очерк // Терский сборник. Вып. V. С. 1 – 29.
6. Короленко П.П. Атаманы бывшего Черноморского (ныне Кубанского) казачьего войска // Кубанский сборник. Т 2. Екатеринодар, 1891.
7. Потто В.А. Кавказская война: В 5 т.: Т.1. С древнейших времен до Ермолова. Ставрополь, 1994 .

Куцеев С.Ю.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный педагогический университет,
историко-филологический факультет

СИСТЕМА РЕТРАНСЛЯЦИИ МИЛИТАРИСТСКОГО ИДЕАЛА У ГОРСКИХ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (ФЕНОМ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ)

В основе многих явлений культуры лежат архетипические представления человека об окружающем мире. Они восходят еще к первобытности и обусловлены, прежде всего, особенностями человеческой психики. Одной из ее важнейших характеристик, наряду с острой тягой к познанию окружающего мира, является стремление выразить свое видение его свойств и закономерностей. Причем это стремление перерастает в желание запечатлеть собственную интерпретацию отдельных элементов мироздания посредством создания материальных и духовных культурных ценностей. Таким образом, культура становится одним из каналов ретрансляции системы представлений человека об окружающем мире в процессе исторического развития. Отдельные детали этой системы постепенно утрачиваются, изживают себя в новых условиях, но ее основа и наиболее важные элементы сохраняются и в последующем. Сам механизм передачи культурных традиций из поколения в поколение тесно связан с феноменом исторической памяти. В данном случае это понятие трактуется не столько как память об историческом прошлом, а как своеобразная символическая репрезентация прошлых событий и явлений в настоящем. Передача информации в процессе исторического развития осуществляется по различным каналам – как посредством предметов материальной культуры, так и через произведения устного народного творчества, а также сквозь изменения индивидуального и массового сознания общества.

Содержание исторической памяти, особенности ее ретрансляции во многом зависят от объективных условий существования данной группы людей. Более того, именно эти условия определяют направленность и характер передаваемой информации. Особенно ярко это проявляется в повседневной жизни человека. Именно на уровне обыденности влияние внешних факторов различного характера детализируются и находят свое отражение в сознании человека. Так, жизнь горских народов Северного Кавказа во все времена, так или иначе, была связана с войной, что способствовало формированию особой, специфической горской ментальности. Одной из ее важнейших психологических характеристик

являлось восприятие войны как процесса естественного, неотделимого от жизни. Военный поход становится своеобразной хронологической ячейкой социального и духовного существования горца. Он преобразуется в одну из важнейших структур повседневности (1, с.206). Опосредовано, через различные элементы культуры, эта особенность находит свое выражение в формировании некоего милитаристского идеала, выступающего в качестве системы взглядов на окружающий мир и человеческое общество, преломляющихся сквозь призму военного уклада.

Феномен милитаристского идеала на Северном Кавказе многогранен. Одним из его аспектов были ярко выделяющиеся культы оружия и воина, которые проявлялись в различных сферах жизни горского общества, Свидетельства этому предлагают материалы археологии, фольклора, этнографии.

В области духовной культуры, отражение того важного значения, которое играл военный уклад в жизни горцев, мы находим в произведениях народного творчества, в частности в нартском эпосе. Согласно одной из версий сам термин "нарт" имеет своей основой древнеиранское "нар" в значении "мужчина", "отважный воин", "герой - богатырь". На этих позициях стояли В.Ф. Миллер и Ж. Дюмезиль. Как отмечает У.Б. Далгат, слово "нарт" повсюду на Кавказе употребляется в значении "герой"(2, с.37). Эта этимология полностью соответствует идейной и сюжетной направленности эпоса, воспевающего подвиги идеальных воинов и героев.

Любимым занятием нартов были путешествия, сражения, набеги: «есть ли такой край, где бы мы не были и не грабили» - говорит один нарт. Но помимо этого герои эпических рассказов наделены некой мистической, божественной сущностью. Их сила обычно непосредственно связана с обладанием и способностью владения чудесным, всепобеждающим оружием, что говорит о культовом восприятии образа воина, его сакрализации в общественном сознании. В эпических текстах герой и его оружие сливаются воедино, представляя ограниченное целое. Они и рождаются вместе: «...Мой маленький булатный кинжал, который вышел вместе со мною из утробы матери и который постоянно у меня хранится в изголовье моем» (3, с.16-17).

Кроме того, в произведениях нартского эпоса ярко отражены характеристики самого милитаристского идеала, который включает в себя не только образ идеального воина, но и рисует нам своеобразный кодекс его поведения. Так, характерной особенностью воинского быта нартов были поединки между собой, во время которых ярко высвечивалась этическая сторона взаимоотношений внутри вооруженной части общества. Не явиться на назначенный поединок считалось большим стыдом, как и не исполнить

сказанное слово, не ударить оголенным мечом. В то же время оскорблять друг друга перед поединком было в порядке вещей. Один из противников мог унижить другого, сбив его с коня не острым, тупым концом копья (что могло привести к самоубийству потерпевшего) или ударом руки.

Таким образом, нартский эпос явился одной из структур сложившейся системы ретрансляции милитаристского идеала в общественном сознании горцев Северного Кавказа. Однако если важнейшей задачей искусства, как элемента духовной культуры, и является непосредственное отражение взглядов и мировоззрения человека, то на уровне обыденной жизни отражение его представлений об окружающем мире скрыто за многочисленными деталями внешнего характера и именно здесь их проявление и переходит на уровень подсознательной деятельности. Так, в силу известных причин незаменимым предметом в повседневной жизни горцев Северного Кавказа являлось оружие, которое также становилось носителем определенной информации. В русле концепции исторической памяти, разработанной В.А. Шкуратовым, оружие, как элемент материальной культуры, можно рассматривать в качестве «мнемотехники» (4, с.436), получившей свое оформление в дописьменный период развития человеческого общества. Поэтому за отсутствием письменных свидетельств как исторический источник оружие, точнее та семиотическая информация, которая в нем содержится, очень важна при изучении особенностей психики человека того периода.

В мифологическом ракурсе воинское мастерство и доблесть героя производны от культа мужского плодородного начала, а культ воинов, культ вождей сопрячен фаллическому культу. Лишь со временем социально-политические аспекты первого возобладали настолько, что вытеснили сексуальный аспект мужской силы на нижний уровень своих структур. Наиболее ярко это проявилось в культе кинжала, характерного для всех горских народов Северного Кавказа. Этот культ выражался в наделении кинжала фаллической знаковостью, что делало этот вид оружия символом мужчины. Многие ученые, писатели, путешественники, посещавшие Северный Кавказ, отмечали, что мужчины горцы никогда не расстаются со своим оружием. Г.-Ю. Клапрот, русский академик, ученый-ориенталист, побывавший на Северном Кавказе в 1807—1808 гг. с научными целями, писал о черкесах: «Черкес никогда не выйдет из своего дома невооруженным, по меньшей мере, он носит обычно саблю или кинжал у пояса». Н. Дубровин так описывал облик дагестанца: «Спереди на поясе висит кинжал, у богатого оправленный серебром, а у бедного без всякой оправы». Об осетинах писали:

«...никогда не появляются без обычного для их страны оружия – кинжала за поясом» (3, с.17).

Однако древний культ мужского плодородного начала, легший в основу сакрализации кинжала, постепенно трансформируется в культ оружия в целом. Очевидно, в дальнейшем и ружье, винтовка, оставалась в том же семантическом ряду, подразумевая собственный нюанс отмеченной знаковости. В фольклорных текстах сванов фразеологизм «взвести курок у ружья» означает интимные супружеские отношения. Равно вещей сон об измене жены выглядит как разборка ружья героя неизвестным лицом (5, с.135).

Каждый горский мужчина любил свое оружие и уделял ему особое внимание: «Одним из главных занятий черкесов является чистка и приведение в боевой порядок оружия, поэтому оружие у них всегда чистое и сверкающее. С раннего утра черкес опоясывается шашкой и кинжалом и проверяет, не пострадало ли от ночной сырости остальное его оружие» (6, с.383). Чеченцы к оружию также относились очень бережно. Подарить кинжал, шашку или обменяться ими символизировало дружбу.

Та знаковость, символичность, сакральность, которую носило оружие в горской среде, предполагало и некое его внешнее выделение среди других предметов, окружавших мужчину. Такое отношение мужчины к своему оружию обусловило тот факт, что каждый горец, имевший хоть какую-нибудь возможность, стремился украсить свой кинжал или пистолет золотом или чаще серебром. Поэтому на Северном Кавказе среди многих других видов хозяйственной деятельности именно производство и украшение оружия достигло наивысшей степени развития. В этой области наблюдается развитая территориальная специализация производства, выделяется целый ряд оружейных центров: селения Кубачи, Амузги, Казикумух, Верхнее Казанище, Нижние Мулебки и т.д. Изделия ремесленников Дагестана и Черкессии вышли за пределы рынков Северного Кавказа. Они в большом количестве поступали в Россию, Крым и Закавказье, в Польшу, Турцию и в другие страны (2, с.37).

Сакральное отношение к оружию, прежде всего к кинжалу, нашло свое выражение в еще одной специфической черте, характерной для духовной и материальной культуры горцев Северного Кавказа и отражающей ее гендерные аспекты. В горском обществе очень ярко выражено принципиальное различие в знаковом выражении внешнего облика представителей разного пола, их «природы». Это нашло свое отражение в одежде. Тогда как в девушке и, особенно, в женщине детали и весь комплект одежды были призваны не только защищать, но и скрывать их естество

(платки, широкий покррой платья, длинные рукава), в мужчине, наоборот, его сила и «достоинство», сопряженные с атрибутами пола, демонстрировались предельно открыто (облегающий покррой черкески, подчеркивающий статную фигуру воина, обязательное наличие на поясе оружия и т.п.).

Кроме того отдельные детали одежды мужчины, наряду с оружием, изначально являлись носителем информации, рассматриваемого характера. Таковым, например, является пояс. Среди многочисленных значений пояса, прежде всего, выделяется признак того, что, человек вооружен, т.е. наделен определенной силой. В преданиях нартского эпоса особо подчеркивается, что пояс надевали только при наличии оружия. Чуара Нельчибиевич, жалуясь на свою бедность, говорит матери: «У меня нет коня, чтобы ездить, ни порядочной одежды, чтобы одеться, оружия, чтобы опоясаться...». Однако даже в женской одежде наблюдается влияние военного уклада: сходства в покррое некоторых видов женских головных уборов и формой мужских шлемов, фаллическая знаковость ряда украшений на женских поясах и т.д. Это объясняется изначальной защитной функцией оружия, буквальное понимание которой постепенно переходит в сферу символического восприятия окружающего мира.

Помимо этого, военный уклад нашел свое отражение и в социальной сфере жизни общества. Это проявилось в частности в формировании ряда социальных институтов, которые были направлены на воспитание подрастающего поколения в духе милитаристской традиции. Наиболее ярким является институт аталычества, получивший широкое распространение у черкесов. Аталычество представляло собой сложную воспитательную систему, одной из важнейших функций которой было воспитание будущих воинов. Однако этот институт, став основой системы воспитания, явился ярким отражением милитаризации массового сознания горского общества. Со временем целенаправленная подготовка будущих воинов нашла свое выражение и в повседневности. Это проявилось, например, в многочисленных военно-спортивных играх и состязаниях, которые проводились на различных праздниках..

Еще одним институтом, отражающим военные аспекты жизни общества, явился институт абречества. Образ абрека также получил некую сакрализацию. Он тесно связан с древним обычаем кровной мести, и его сущность кроется в сложных психологических характеристиках сложившегося в течение веков массового сознания горского общества.

Таким образом, весомое значение военного уклада в жизни северокавказских горцев легло в основу формирования в общественном и

индивидуальном сознании особого милитаристского идеала, который стал одной из важнейших характеристик системы горского мировоззрения. Процесс ретрансляции этого идеала в ходе исторического развития в ракурсе исторической памяти представляет собой сложный социокультурный феномен, который находит свое выражение в различных сферах жизни общества.

Использованная литература и источники:

1. Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. – М., 2001.
2. Басов И.И. Воюющие и их менталитет (у истоков рыцарского кодекса чести) // Материалы международной научной конференции «Проблемы повседневности в истории: образ жизни, сознание и методология изучения». – Армавир, 2002.
3. Карпов Ю.Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. – СПб., 2001.
4. Шкуратов В.А. Историческая психология. – М., 1997.
- 5.Бларамберг И.Ф. Историческое топографическое статистическое этнографическое и военное описание Кавказа. – Нальчик, 1999.
6. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / под ред. Б.Б. Пиотровского – М.: Наука, 1998.

Мешечко Н.В.,
г. Изобильный,
Музей истории Изобильненского района,
младший научный сотрудник

**ВИЛОР АЛЕКСЕЕВИЧ БОЧАРНИКОВ – ПЕДАГОГ, КРАЕВЕД,
ПОЧЕТНЫЙ ЖИТЕЛЬ С. МОСКОВСКОГО ИЗОБИЛЬНЕНСКОГО РАЙОНА**

Родился Бочарников Вилор Алексеевич 9 марта 1926 года в с. Московском в семье интеллигентов. Отец - Бочарников Алексей Акимович - кавалергард лейб-гвардейского Полка Ея Императорского Величества, состоявшего всего лишь из 71 рядового, в обязанности которых входило охранять Императрицу во время её поездок. После Октябрьской революции стал большевиком, воевал в Гражданскую войну, был вторым секретарем Московского Райкома ВКП(б). Мать - в девичестве Бойко Наталья Михайловна, работала учительницей, библиотекарем. В семье было трое детей. Вилор - старший и младшие Володя и Юра. В те годы детям часто давали имена, в которых был заключен революционный смысл. Алексей Бочарников дал старшему сыну имя, составленное из первых букв следующих слов: В-ладимир И-льич Л-енин О-рганизатор Р-еволуции - ВИЛОР. Необычное и яркое имя подарило его обладателю необычную и яркую судьбу.

С детства Вилор был любознательным ребенком, его интересовало буквально все. В школе науки давались легко, но до шестого класса Вилор учился неважно, и всему виной было его слабое здоровье. Постепенно начал учиться хорошо, но оккупация села во время Великой Отечественной войны прервала учебу. К тому времени он закончил 7 классов. Во время допроса у следователя немецкой полевой жандармерии его спасло хорошее знание немецкого языка, позволившее понять, что переводчик искажал ответы. В дальнейшем, годы оккупации дали обширный материал для написания военных мемуаров: «Война глазами подростка», «Вечная слава села», «Лицом к лицу» и многие другие. В феврале 1943г., через месяц после освобождения села, учеба возобновилась. И он в ней даже преуспел и закончил экстерном 8, 9, 10 классы - за полтора года.

После окончания средней школы в 1944г. поступил в Ленинградский Ордена Красного Знамени Военно-Механический институт на секретный факультет «Е» (армейское вооружение) в группу 109 (тяжёлая артиллерия и ракетная техника). Вступительные экзамены сдавал в г. Молотов (ныне

Пермь), так как институт был временно эвакуирован туда из блокадного Ленинграда. Только в марте 1945 г., после снятия блокады в Ленинграде, состав института вновь прибыл в Ленинград. В Ленинграде встретили День Великой Победы. Этот памятный день и безграничная радость людей до мельчайших подробностей описаны в работе В.Бочарникова «Ленинградская эпопея». Будучи студентом Вилор участвовал в модернизации 100-мм противотанковой пушки БС-3 образца 1944 г. (Зверобой). Даже мечтал изобрести новое артиллерийское орудие. Но из-за рецидива болезни пришлось оставить учебу и вернуться домой в с. Московское.

Приехав зимой 1946 г. в с. Московское работал секретарём комсомольской организации в колхозе имени 8-го Марта, заведующим клубом и избой-читальней. На тот момент избу-читальню посещали 45 человек. Неутомимый труженик, интересный собеседник Вилор Алексеевич превратил клуб в одно из самых посещаемых мест в селе. Всего за два месяца число постоянных читателей увеличилось в четыре раза. Кроме выдачи книг в избе-читальне проводились «громкие чтения», семинары, был организован драмкружок, хор, струнный оркестр, волейбольная и футбольная команды. В клубе организовывались концерты, ставились пьесы, приглашали артистов из Ставропольской филармонии. С легкой руки Вилора Бочарникова у жителей с. Московского наступило время всеобщего приобщения к культуре.

С 1948 по 1950 г. В.А.Бочарников обучался в двухгодичной сельскохозяйственной школе плодоовощеводства в с. Московском. В 1949 г. учителями с. Московского было написано письмо заведующему районо о принятии на работу Бочарникова Вилора учителем немецкого языка. Об этом заявлении, написанном без его участия, Вилор узнал уже после того, когда из районо пришел утвердительный ответ с испытательным сроком – месяц. Вилор Алексеевич согласился. Он знал, что учителей не хватает, а немецкий язык он знал в совершенстве. Было ему 22 года. Так с утра он учился в сельхозшколе, а после обеда преподавал немецкий язык и рисование в семилетней школе № 27. С целью приобретения специального педагогического образования, он поступил на заочное отделение Ставропольского Государственного Педагогического института факультет иностранных языков и закончил обучение в 1957 г. Женился в 1951 г. на учительнице Марии Ивановне Рындиной, с которой прожили в любви и согласии 50 лет. Вырастили двух талантливых сыновей – Алексея и Сергея.

В 1953 году вступил в ряды Коммунистической партии. Первый секретарь РК ВКП(б) Симонов, пожимая руку, после вручения карточки кандидата в члены ВКП(б), сказал: «Труд во имя Родины должен стать

девизом на всю оставшуюся жизнь». Деятельность Вилора Алексеевича стала воплощением этих слов.

По предложению Горлова Григория Кирилловича с 1971 по 1973 годы Вилор Алексеевич возглавлял исполком Московского сельского совета. Затем на протяжении 15 лет был депутатом Московского сельсовета. В 1972 г. по его инициативе были приглашены саперы, обезвредившие ФАБ-100, оставшуюся по ул. Калинина в с. Московском со времен войны. Рассказ об этой операции описан в его очерке «Взрыв за селом». Был восстановлен памятник «Меланье Польшаковой и другим жертвам белогвардейского террора». За два года работы он принял по личным вопросам более тысячи человек и, по возможности, старался помочь каждому. Работать на ответственном посту было очень тяжело – привыкший решать все проблемы самостоятельно, он взвалил на свои плечи работу практически всей администрации. Может поэтому, отказавшись от должности, вернулся к работе по призванию – в школу.

Педагог. Вилор Алексеевич был истинным патриотом своей Родины. Тридцать шесть лет проработал он в школе с. Московского. Вилор Алексеевич был талантлив во всем: организатор, изобретатель, художник, фотограф, музыкант, мастер «золотые руки»... Все свои силы и способности он отдавал детям. Его усилиями в школе были созданы мастерские для работы по дереву и металлу, в которых он трудился вместе с детьми. За опытом организации такой мастерской в школу приезжали преподаватели труда, завучи и директора школ даже из других районов края.

Собранный лично Бочарниковым усилитель на батареях, позволил организовать радиогазету и проводить вечера отдыха старшеклассников (учащихся седьмых и восьмых классов) еще до появления электричества в школе. В числе первых в крае в школе под руководством Бочарникова был организован киносъёмочный кружок. Семиклассники овладели киносъёмочными камерами «Кама», «Экран», проекторами, научились писать сценарии, составлять съёмочные планы, производить киносъёмку, обрабатывать киноплёнку и монтировать фильм.

С началом движения ученических производственных бригад он принимал активное участие в создании и организации работы бригад. Самодельный фильм об организации труда и отдыха в УПБ школы № 27 с. Московского был показан в Москве в 1965 г. на 14-х Всесоюзных «Педагогических чтениях» в качестве иллюстрации к докладу В.А. Бочарникова «Формирование личности в коллективе ученической производственной бригады».

Параллельно с работой в УПБ и в киносъёмочном кружке Вилора Алексеевича захватила идея программированного обучения. За короткий срок были разработаны и созданы индивидуальные и коллективные тренажеры, опрашивающая машина АК-24 (Автоматизированный класс на 24 учащихся). Он был избран членом Краевого оргкомитета по программированному обучению и принимал участие во Всесоюзном межвузовском совещании по программированному обучению в г. Москве.

В средней школе № 4 с. Московского вёл химию, английский язык и рисование, вел активную внеклассную работу, занимался краеведением.

Краевед. Без преувеличения можно сказать, что Бочарников знал не только историю своего села, но и лично каждого жителя. Обладая живостью ума и великолепными знаниями по всемирной истории, философии, политике он сумел провести колоссальную исследовательскую работу по изучению истории села, начиная от доисторического прошлого до современности.

По инициативе В.А. Бочарникова на базе СШ № 4 с. Московского был создан музей военно-исторического профиля. Он был открыт 23 апреля 1977 г. Начинаясь музей с 30 экспонатов, размещенных на двух витринах и двух стендах. За короткий срок число экспонатов увеличилось до 1000, а помещение музея пришлось расширять. Большинство экспонатов уникальны – среди них предметы кобанской, скифской культуры, фрагменты костей доисторических животных, предметы снаряжения и вооружения времен Великой Отечественной войны, подлинные документы прославленных односельчан. Все схемы, стенды, стеллажи музея были изготовлены лично Вилором Алексеевичем. На базе музея был создан кружок краеведов. Дети с увлечением занимались в кружке и понимали большую значимость этого дела. Школьный музей стал одной из достопримечательностей села Московского.

В.А. Бочарников создал много машинописных материалов, и каждый труд это целое научное исследование. В возрасте почти 80-ти лет освоил компьютер, чтобы оформлять свои работы по современным стандартам. Особое место в его деятельности занимает изучение Московской крепости - одной из десяти крепостей Азово-Моздокской оборонительной линии. В преддверии 200-летия со дня основания крепости и села Московского несколько своих отпусков Вилор Алексеевич провел в краевых и центральных архивах. По чертежам ему удалось восстановить внешний вид крепости и даже изобразить ее. Он изучил до мельчайших подробностей строительство крепости Московской и казачьей станицы при ней. Собранный по крупицам материал был использован при написании книг: «К вопросу о

дате основания крепости Московской и Донской», «Крепость и школа». Работа «Краткая история села Московского» - повествует о солдатах Горского егерского батальона. Труды Бочарникова легли в основу экспозиции школьного музея «Основание крепости и села Московского», где была представлены экспонаты времен строительства крепости и ее макет.

Очень много сделал В. Бочарников для увековечивания памяти земляков. Книга «За Советскую власть» - уникальное произведение, повествующее о событиях в период становления Советской власти и гражданской войны в районе. Он написал о жизни и боевом пути более ста двадцати своих односельчан, сражавшихся в Великую Отечественную войну: «Рассказы ветеранов», «Вечная слава села», «У ворот Кавказа», «Война глазами фронтовиков» - вот далеко не полный перечень произведений о войне. Многие из произведений автобиографичны.

Результаты исследований В.А. Бочарникова собраны в 22-х томах по истории села (свыше 2000 страниц). Опубликовано более ста краеведческих материалов в периодической печати - «Ставропольской правде», «Аграрной газете», «Родине». Его можно назвать внештатным корреспондентом районной газеты «Наше время». К знаменательным датам в ней публиковались целые серии очерков В. Бочарникова. Подготовленные им сюжеты прозвучали в 10 телепередачах и 12 радиопередачах на краевом телевидении и радио. Бочарников внес значительный вклад в изучение истории села, памятников природы, истории и культуры, расположенных в окрестностях села Московского.

Имя Вилора Алексеевича Бочарникова известно широкому кругу краеведов Ставрополя. Его доблестный труд отмечен грамотами, дипломами и благодарностями. Награждён знаком «Отличник народного просвещения», медалями «За доблестный труд» в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И.Ленина, «За активную работу» Общества «Знание», «Ветеран труда», Орденом «Дружба народов». 25 декабря 1980 года Вилору Алексеевичу присвоено звание Почетный гражданин села Московского - за особые трудовые заслуги и активное участие в общественной жизни села. В 2005 г. он был удостоен грамоты Всероссийского Общества Охраны Памятников Истории и Культуры.

Несмотря на почтенный возраст и проблемы со здоровьем Вилор Алексеевич принимал самое активное участие в выставках и конференциях. Материалы о Московской крепости стали особенно востребованы в 90-х годах, когда началось возрождение казачества. В 2002 г. получил диплом лауреата на краевой историко-этнографической выставке «Во славу земли Ставропольской», посвященной 225-летию Азово-Моздокской

оборонительной линии. В 2005 г. участвовал в региональной научно-практической конференции, посвященной 60-летию Великой Победы. Его материалы о последних днях оккупации вошли в сборник «Исторический опыт Великой Победы и современность». Пять очерков вошли в сборник «Войной опаленная память», посвященный 60-летию Великой Победы. В 2005 г. участвовал во Вторых «Прозрителевских Чтениях».

В последние годы, по состоянию здоровья, Вилор Алексеевич не мог работать в архивах. Тем не менее, он вел активную переписку со многими архивами, посылал запросы в государственные учреждения. Он послал свои очерки-воспоминания об учебе в институт, в котором он когда-то учился (ныне это Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ»). Эти материалы вошли в архив собственного музея университета. В свою очередь ректорат направил В. Бочарникову копию его личного дела. Сотрудничая с государственным архивом и архивом новейшей истории Ставропольского края, он полностью воссоздал биографию своего отца. Вилор Алексеевич безотказно консультировал сотрудников музея по вопросам, касающимся истории Изобильненского района. В декабре 2006 г. он передал в музей ксерокопии некоторых документов своего отца и позвонки морского млекопитающего, предположительно кита.

23 января 2007 г. Вилора Алексеевича Бочарникова не стало. Все кто был знаком с этим удивительным человеком, всегда отзываются о нем с большим почтением и теплотой. Последней данью уважения Вилору Алексеевичу стал школьный звонок в СОШ № 4 с. Московского, прозвучавший в его честь.

Использованная литература и источники:

1. Бочарников В.А. «Автобиография».
2. Бочарников В.А. «Ленинградская эпопея».
3. Воспоминания Бочарникова А.В.
4. Воспоминания сотрудников музея истории Изобильненского района: И.В.Смирновой, Н.Г. Хирьяновой, Н.В. Мешечко, З.В.Лазарчевой.
5. Фонды ГУ «Музей истории Изобильненского района»: Фонд 11 ед.хр. 30, 31 – Бочарников В.А.; Фонд 19 ед.хр. 1 – Достояние.

Наумова Т.С.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный университет,
аспирант

ПРОСТРАНСТВО И ЖИЗНЕННЫЙ МИР ГОРОДА СТАВРОПОЛЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И.Д. СУРГУЧЕВА

Одно из лучших произведений И.Д. Сургучева, повесть «Губернатор» опубликована впервые в 1912 году. Она представляет собой достоверный слепок с повседневной жизни города Ставрополя начала прошлого века, с большой точностью и скрупулезностью воссоздавая «жизненный мир» и размещая его в пространстве художественного текста согласно общим для человеческого бытия, в том числе и бытия обыденного, законам.

В повести И.Д. Сургучева «Губернатор» перед читателем открывается мир повседневности дореволюционного Ставрополя, на фоне которого разворачивается трагическая судьба главного героя. Для того, чтобы создать подлинную картину обыденности, автор обращается к таким содержательным сторонам повседневного мира, как «дом», «быт», «среда», и, поочередно воздействуя на те или иные чувственные модусы читателя, погружает его, таким образом, всем строем и содержанием текста в художественное пространство повседневности.

Модель повседневной жизни города автор строит реалистически, исходя из принципа относительной художественной привязанности к координатной системе «пространство-время» (в пределах жизненного мира города Ставрополя) и принципа «взаимозаменяемости точек зрения и совпадения систем релевантностей» (1, с.170) (т.е. допущение условной «одинаковости» мировосприятия героями, автором и читателем), что дает ощущение достоверности, эффект сопричастности и чувство узнаваемости тех или иных реалий, «шаблонов быта», которые постоянно сопровождают читателя и тем самым погружает его в повседневный мир прозы И.Д. Сургучева.

Атрибуты «жизненного мира» города — ландшафт, архитектура, привычки горожан, уклад жизни — фиксируют внимание читателя на повседневной жизни, причем создается этот мир, по законам художественного произведения, материалом для которого является язык. Языковыми средствами в художественном тексте конструируются фрагментарные знания о мире, знание стереотипных ситуаций, составляющих «континуум жизни», что обозначается в современной науке (в

частности, феноменологии) термином «фрейм». Такие ментальные схемы обеспечивают ориентировку в ситуациях и событиях, в которых мы сами участвуем, которые наблюдаем или о которых читаем (слышим), и способствуют осмыслению пространства Ставрополя как геокультурного феномена.

Повседневная жизнь губернаторского дома протекает на фоне общегородской ставропольской повседневной жизни. На протяжении текста повести «Губернатор» читатель в своем сознании выстраивает «жизненный мир» губернаторского Ставрополя по новым содержательным элементам.

Так, с первых строк мы узнаем, что дом губернатора помещается «на главной улице города, рядом с магазином «Американский свет», и тут же узнаем, что «в Троицком соборе звонили к вечерне»: автором уже заданы художественные пространство-время. Таким же образом через весь текст выплывает, приобретая чувственно-зримый силуэт, многослойный образ города Ставрополя со многими обыденными деталями и особенностями. Автор в пространстве текста обозначает контуры пространства города, представляя читателю своеобразный план города в качестве вида сверху: «Под обрывом внизу, как около высокой стены, расположился город, как лист конторской книги, разграфленный на длинные столбцы улиц ровными, огненными линиями то синеватых электрических, то желтеньких керосиновых, чуть мерцающих фонарей» (3, с.52). Существительное «лист» («тонкий плоский кусок, пласт какого-нибудь материала» (2, с.328)) в составе сравнительного оборота нацеливает на плоскостное восприятие Ставрополя «сверху». Однако, автором в тексте задана и своеобразная вертикаль города, обусловленная, во-первых, особенностями рельефа местности (*губернатор едет «по плохой мостовой вверх»* (3, с.13); *«Впереди, в гору, шла улица»* (3, с.17); *«казалось, там, дальше в гору, идет длинный сад»* (3, с.18); *«... губернатор ... пошел ... на гору, к кафедральному собору. Давно он слышал, что оттуда открывается чудесный вид на город»* (3, с.47); *«Если хорошо приглядеться к городу ... то можно различить темную ленту бульвара, спускающегося сверху до Семеновской площади»* (3, 53)), а во-вторых, особенностями городской архитектуры (*«...и дом его, большой, двухэтажный, выстроенный в 1876 году»* (3, с.16), *«...шла улица с электрическими фонарями, магазинами, трехэтажными домами»* (3, с.17), *«На каланче всегда, и днем, и ночью ходит дежурный солдат и поглядывает на город»* (3, с.48)). Итак, перед нами художественное стереоскопическое изображение города Ставрополя начала 20 века. По различным фрагментам текста мы можем вычленить главные содержательные элементы, входящие в семантическое поле, или, лучше

сказать, круг понятий, связанных со ставропольской повседневной жизнью того времени: «бульвар», «собор», «площадь», «парк», «ночные огни», «магазины», «сад», «музыка», «вокзал», «обрыв», «вид на город». Таким образом, набросана «сетка», в узлах которой сгущены моменты переживания событий персонажами повести. Зеркалом повседневной жизни, «сердцем» Ставрополя является бульвар, от которого, как от координатной прямой, расходятся лучами во все стороны важнейшие направления города. Губернатор едет *«по плохой мостовой вверх, мимо бульвара, разделявшего улицу на две половины»* (3, с.13); *«Справа был бульвар, такой зеленый и густой, что, казалось, там, дальше в гору, идет длинный сад, — совсем не было видно аллей и гуляющих; просветами, как маленькие калитки, выглядели узенькие выходы на дорогу»* (3, с.18); *«Бульвар был большой, в несколько расходящихся аллей, темный, пустынный. Город закрывал свои магазины, тушил огни, уходил в театры, кинематографы, а на бульвар сходились осторожные парочки, садились на низеньких скамьях...»* (3, с.47); *«Чтобы попасть на гору, нужно было свернуть с бульвара и пройти мимо электрической станции»* (3, с.47); *«Если хорошо приглядеться к городу, то можно различить темную ленту бульвара, спускающегося сверху до Семеновской площади»* (3, с.53). Образ бульвара создается такими определениями, как «зеленый», «огромный», «густой», «большой», «темный» «пустынный», метафорой «темная лента бульвара», сравнением «казалось, там... длинный сад»; время жизни на бульваре – вечер и ночь. Атрибуты бульвара – «аллеи» и «низенькие скамьи», «узенькие выходы на дорогу» – дышат присутствием человека, горожанина, современника автора, которому, вероятно и принадлежат семы оценочности, содержащиеся в семантической структуре прилагательных «низенькие», «узенькие». Обитатели бульвара – «гуляющие», «осторожные парочки» – это лица праздные, находящие в пределах бульвара отдых и радость общения.

Автор, описывая пространство города начала 20 века, проецирует сознание читателя на вычленение характерных для провинциального Ставрополя антиномий обыденной жизни. Одной из таких антиномий является противопоставление «церковь – светская жизнь». В жизни и координатной разметке города настолько же, насколько и роль бульвара, важна роль *собора*, олицетворяющего собой свет Божий, свет веры. Среди упоминаемых в повести объектов религиозного культа находим также архиерейскую церковь, Спиридоновскую церковь, духовное училище. В более широком смысле это свидетельствует о высокой степени ориентации горожан в их повседневных делах и решениях на предписания религиозных

институтов (в повести есть подробные описания обряда отпевания, погребения и т.д.).

Второй антиномией является запущенность улиц города по сравнению с комфортом домов городской элиты (сравним описание дома губернатора: «...и дом его, большой, двухэтажный, выстроенный в 1876 году, с прекрасными, строгими зеркальными окнами, с балконом, который поддерживали четыре согнувшиеся гипсовые женщины...» (3, с.16) – с описанием бедного квартала: «тихие окраинные улочки с домами, крытыми камышом» (3, с.87) – и даже с описанием центральной городской улицы: «плохой мостовой вверх» (3, с.13). Так возникает контраст «высокого стиля» в архитектуре («прекрасные строгие зеркальные окна», «четыре согнувшиеся гипсовые женщины») с простонародным; а своеобразным синтезом этих элементов оказывается «чугунный медведь на крыше дома купца Егорылина» (3, с.53).

Третья антиномия – это антиномия природы и результатов научно-технического прогресса. Ставрополь – город первозданной природы (в тексте более десяти раз встречается определение «зеленый» в значении «относящийся к растительности» (2, с.228); упоминаются отдельные породы лиственных деревьев – каштаны, тополя и др.), место, где сам ландшафт располагает к отдохновению души, неторопливым раздумьям о вечном. С другой стороны, губернский город оказывается восприимчивым к новым благам цивилизации: со страниц повести «Губернатор» мы узнаем, что в городе есть электрическая станция, электрическое освещение улиц, типография, железная дорога, телефонная станция, кинематограф и т.д. Извечность нерукотворной природы оттесняет рукотворные объекты как преходящие и второстепенные по значимости. В тесной связи с последней антиномией мы, наконец, сталкиваемся с антиномией «природа – продукты духовного производства общества (торговля, государственный аппарат, политика, религия)», которая в очередной раз иллюстрирует неизбежность приоритета вечного над преходящим.

Таким образом, из нанизанных один за другим текстовых элементов на читателя наплывает, поднимается выпуклая картина бытия, образ пространства города Ставрополя: его геокультурный портрет начала 20 столетия. Кроме того, как отмечает Л.П. Егорова, в «Губернаторе» И.Д. Сургучева «ставропольский текст – не «инородное тело» в идейно-художественной структуре романа, он сопряжен с сюжетными линиями и художественным психологизмом – ведущими компонентами повествования» (4, с.1027).

Использованная литература и источники:

1. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2004.
2. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – М., 2003.
3. Сургучев И.Д. Губернатор. – Ставрополь, 1983.
4. Егорова Л.П. Ставрополь как текст// Ставрополь в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2007.

Ногина Е. В.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный аграрный университет,
преподаватель,
кандидат исторических наук

«НОВАЯ» БУРЖУАЗИЯ В СИСТЕМЕ ОФИЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ВЛАСТИ 1920-х годов

Своеобразие формирования социальной структуры городов аграрного региона в 1920-е годы определялось как величиной города, так и его административным, хозяйственным, культурным значением, что, в свою очередь, обусловило сложность и пестроту социального состава населения. Наиболее развитые промышленные центры, такие как Ставрополь, Георгиевск, Минеральные Воды были сосредоточением рабочего класса, в то время как в небольших поселениях, имевших статус города - Александровске, Петровске, Святом Кресте пролетарские слои не играли определяющей роли в социальном облике своих городов. Вместе с тем, значительный удельный вес в социальной структуре уездных центров занимали предпринимательские слои, поскольку здесь проживало население, преимущественно связанное с сельскохозяйственным производством. При этом верхний, более зажиточный слой новой «буржуазии», к которому относились «хозяева, работающие только с помогающими членами семьи» в производственных районах, в которых отсутствовала фабрично-заводская промышленность, был развит сильнее. Так, в г. Ставрополе, Пятигорске, Минеральных Водах хозяев с «помогающими членами семьи» насчитывалось всего 8,1 %, а в уездных центрах, таких как Александровск, Петровск, Святой Крест - 45,3 % (1, с.65).

В городах Ставропольского и Терского округа нэпманские слои состояли главным образом из хозяев ремесленных заведений с наемной рабочей силой, крупных торговцев, владельцев лавок, ресторанов, чайных. К городской буржуазии примыкал и слой рантье, живущих на доходы от ценных бумаг и сдачи в аренду домовладений. Если активных предпринимателей в 1923 г. было 0,4 %, то рантье составляли 0,6 % от всего самостоятельного населения городов региона (1, с.65).

Архивные документы позволяют определить, в каких областях в городах Ставрополя «нэпманы» развивали свою деятельность. В производственную сферу их капиталы практически не внедрялись, так как советское государство прочно держало под своим контролем крупную

фабрично-заводскую промышленность как гарантию против опасности возрождения капиталистического строя. К тому же нэповская буржуазия, не уверенная в своем будущем, избегала вкладывать крупные капиталы в производство, считая его опасной сферой приложения финансов.

Поэтому основная часть предпринимательских средств поступала в частную торговлю и мелкий промышленный сектор. Из 449 предприятий, находившихся в Ставропольском и Терском округе, 209 (или 46,4 %) сосредотачивалось в руках частного капитала (2). Это были в основном мелкие заведения пищевой, кожевенной, мукомольной промышленности, мастерские по выделке красок, металлических изделий и т.д. Сфера их деятельности была главным образом связана с производством предметов широкого потребления. На мелкотоварный облик данных предприятий указывают и показатели производительности частной промышленности. Если государственные предприятия в 1927 г. производили продукцию на 58 млн. руб., то частные - всего на 8 млн. руб.

Самую крупную группу нэпманов представляли торговцы. В городах Ставропольского и Терского округа их насчитывалось свыше 54 %. К тому же, если принять во внимание, что частично сюда могут быть отнесены и члены семьи, помогающие главе в его занятии, то численность торговцев в городах возрастает еще больше. Фактически вся мелочная торговля в разнос, в будках, в палатках сосредотачивалась в руках частного торговца, покрывавшего значительную часть потребностей городского населения в бакалее, галантерее, скобяной, кожевенной, мясной, табачной, хлебной продукции. В 1926 г. только по одному городу Ставрополю было разбросано 335 торговых ларьков и палаток, 119 розничных и 28 оптово-розничных магазинов, обеспечивавших спрос потребностей населения. По статистическим данным, в 1925 г. на частную патентную торговлю приходилось 87,8 % розничного товарооборота региона, в то время как доля кооперативного составляла 9,7 %, а государственного - 2,5 % (3).

Особенно большую роль в городах Ставропольского и Терского округа играл частник на заготовительном рынке. Заключая индивидуальные контрактационные договоры с государственными и кооперативными заготовительными кампаниями, частные предприниматели до 80 % обеспечивали заготовки на хлебных и зернопродуктовых рынках. Контрактационные договоры в этот период предоставляли частнику льготные условия денежного авансирования и распоряжения заготовленной продукцией. После сдачи в государственный фонд 35 % заготовленных по договору хлебопродуктов, частник мог распоряжаться оставшейся в наличии продукцией совершенно свободно, вплоть до вывоза ее за пределы округа. О

размерах вывоза частными хлебозаготовителями сельскохозяйственной продукции говорят и статистические данные. Так, в 1925 г. частными предпринимателями с железнодорожных станций Ставропольской ветки было вывезено на рынки Москвы, Ленинграда и Тулы 480000 пудов высокосортной муки. Свыше 9 вагонов с зернопродуктами было отправлено в Закавказье – Тифлис, Ереван, Баку, Кутаиси.

Несмотря на видимые достижения в экономической сфере по сравнению с периодом «военного коммунизма», власти по-прежнему продолжали рассматривать представителей «новой буржуазии» как временный, переходной слой, с помощью которого можно увеличить дополнительное количество продукции, а затем мерами административного нажима «вытеснить» его из хозяйственной жизни.

Подобная установка многократно усиливалась и всеми средствами массовой пропаганды. Карикатурный образ упитанного господина в полосатых штанах, с сальной ухмылкой, прохаживавшегося под руку с не менее упитанной супругой в декольте, выпускавшей колечками сигаретный дым, настолько прочно укоренился в сознании, что большинство горожан воспринимало нэпманов как «накись» на поверхности новой экономической политики. Этот образ усиленно пропагандировался и местной прессой, обрисовывавшей в красочных формах социокультурный облик «новых» предпринимателей. Так, газета «Терек» в 1926 г. сообщала, что «в этом сбросе без всякой физиономии... собралось все жулье, все социальные отбросы, не приставшие ни к тому, ни к другому берегу, воровавшие и у белых, и у красных, не стеснявшиеся в приемах и средствах» (4, с. 114).

Подобное отношение, подкрепляемое политикой власти, создавало у нэпманов ощущение неустойчивости и временности своего существования. Отсюда, прежде всего, деформировалась и сфера приложения их капитала. О различных видах мимикрии частного капитала сообщала местная печать того времени. Самой распространенной формой мимикрии, которая получила развитие в городах Ставропольского и Терского округа, были лжекооперативы. Газета «Власть Советов» приводит примеры таких лжекооперативов в центрах районов - Петровского, Благодарненского и Курсавского. Произведенные обследования сельскохозяйственных лжекооперативов «Удельное», «Степное», «Руно», «Племя», «Майское» в Курсавском районе выявили их сплошной частновладельческий характер. Предприниматели «из бывших купцов, офицеров, лишенные избирательных прав», заручились поддержкой одного бедняка, которого выдвинули в председатели, и на этом условии пользовались льготами при налогообложении, в получении кредитов, сельскохозяйственной техники. В

курортных городах региона - Пятигорске, Кисловодске, Ессентуках распространенной формой нэповской мимикрии являлись лжеартели. Для полной убедительности в число артельщиков предприниматели включали судомоек и официанток, пользуясь тем самым льготами по налогообложению. Распространена была и форма фиктивного представительства, когда нэпманы разворачивали в центре города свою торговую деятельность под видом какой-либо сельской артели. Массовой формой действия нелегального нэповского капитала в экономике городов региона было использование выборки патента на подставное лицо, продажа мануфактуры на дому без патента. Только за 1926 г. в городах Пятигорске и Ставрополе было выявлено 606 человек, использующих этот вид нелегальной предпринимательской деятельности.

Не в состоянии победить «классового врага» на основе рыночной конкуренции, правящая партия приступила к вытеснению частника с рынка методами административного нажима. С 1926 г., государство ограничивает снабжение сырьем неорганизованных в артели кустарей и ремесленников, сокращает банковское кредитование, закрывает частные мельницы, препятствует производить транспортные перевозки грузов, прекращает отпуск промышленных товаров предпринимателям, чтобы лишить их клиентуры, систематически повышает налоги, увеличивает список лиц, лишенных избирательных прав. Эта система мер применялась в комплексе с политическим давлением.

28 сентября 1926 г. Президиум ЦИК СССР принял новую инструкцию о выборах в Советы. В ней избирательных прав лишались рантье – лица, живущие на нетрудовые доходы за счет сдачи домовладений, торговцы, владельцы и арендаторы промышленных предприятий, нанимавшие рабочую силу. Столь непопулярные меры ощутимо ударили по городским предпринимательским и торгово-ремесленным слоям городов Ставрополья, использовавшим в своем большинстве наемный труд. С 1927-1928 гг. к намеченным санкциям добавляются массовые аресты и конфискации. Причем изъятие имущества и аресты во многих случаях применялись к владельцам торговых и ремесленных заведений, прекративших свою деятельность несколько лет тому назад и уплативших все причитающиеся с них налоги. Так, при обороте мелкого торгового предприятия в 8500 рублей в год с предпринимателя взимался уравнительный сбор в сумме 6300 рублей. Владельцы крупных частных предприятий с 1928 г. дополнительно облагались прогрессивным налогом в размере 25 % независимо от получаемой прибыли (5). Особенно ужесточился нажим на частных хлебозаготовителей, заключивших индивидуальные контрактационные

обязательства по поставкам зерна государству. В случае недопоставки по договору (объем продукции, подлежащий сдаче, зачастую повышался односторонне и после подписания договора) к ним применялись меры административного воздействия вплоть до конфискации всех заготовок или имущества, уголовного наказания с применением 107 статьи Уголовного кодекса (срыв обязательств по поставкам хлеба и спекуляции), а иногда и политических обвинений.

Реальными последствиями наступления на частника стали разрушение потребительского рынка, который с большим трудом был восстановлен с переходом к нэпу, и последовавшие вслед за этим изменения в социальной структуре города. С 1928 г. в городах Ставропольского и Терского округа резко сокращается количество торговых и предпринимательских слоев. Если в 1926 г. предпринимательские слои в социальной структуре города составляли 49,6 % , а торговцы – 26,2 % , то к 1928 г. численный состав обеих групп уменьшился в 2 раза. И соответственно составил 9,92 % и 5,24 % . Одновременно на 11,4 % по сравнению с 1926 г. увеличился численный состав рабочего класса в государственной и кооперативной промышленности (6, с.56-57).

Таким образом, в 1920-е годы в советских городах складывалась социальная структура, характерная для многоукладной экономики. Однако правящая партия воспринимала спонтанные процессы консолидации социальных слоев «снизу» на основе рыночной экономики как угрозу утраты своей власти и опасность реванша «контрреволюции».

Использованная литература и источники:

1. Подсчет. по: Статистический справочник по Северо-Кавказскому краю за 1925 г. Ростов-на-Дону, 1925.
2. ГАНИСК. Ф. Р 5938. Оп. 1. Д. 23. Л. 195-197.
3. ГАСК. Ф. Р 592. Оп. 1. Д. 215. Л. 31., Ф. Р 592. Оп. 1. Д. 30. Л.20.
4. Терек, 11 сент. 1926.
5. ГАСК. Ф. Р 1214. Оп. 1. Д. 24. Л. 296, 324, 903.
6. Подсчет. по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Основные итоги. Т.26. М., 1930. С. 56-57.

Охонько Я.Н.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный университет,
аспирант

**СОЗДАНИЕ СИСТЕМЫ СУДОПРОИЗВОДСТВА
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ИНТЕГРАЦИИ
(XVIII в.)**

Северный Кавказ, в силу особого геополитического статуса, исторически обладал рядом уникальных социально-экономических, политических, культурных особенностей, с одной стороны, препятствовавших скорейшей адаптации местного населения к правовым институтам и нормам Российского государства, с другой служивших своеобразным вызовом для всей государственной машины империи, способствовавших генерации ряда интереснейших теоретических подходов к организации управления на вновь присоединенных территориях и плодотворной созидательной деятельности в сфере государственного строительства.

Отправление правосудия – сфера, во все эпохи служившая объектом самого пристального внимания центрального правительства любой страны. Поиск оптимального подхода к организации местной судебной власти начался почти сразу же после включения Северо-Кавказского региона в орбиту влияния России. В данной статье предпринимается попытка анализа совокупности государственных решений, направленных на создание эффективного судебного механизма на Северном Кавказе в XVIII в. Именно этот период явился начальным этапом административно-правовой интеграции территории, окончательно закрепленной в составе Российской империи в последней четверти XVIII в. и именовавшейся в разные годы Астраханской областью (с небольшим перерывом до 1802 г.), Кавказским наместничеством (1785-1796), Кавказской губернией (1802-1822), Кавказской областью (1822-1847) и Ставропольской губернией (1847-1860, а затем до 1924 г.). Результатом этой законодательной деятельности явилось окончательное обустройство новой административной единицы в качестве полноценной части страны с эффективными институтами управления, действующими на основании общероссийских законодательных установлений.

Первоначально территория Северного Кавказа, точнее, северо-восточная ее часть, входила в состав Астраханской области, местная власть в

которой была сосредоточена в руках воеводы. В конце XVII – первой половине XVIII в. судебные функции еще не были отделены от других предметов ведения воевод. Выступая в качестве представителей центральной власти на местах, воеводы наряду с обширным объемом военных, хозяйственных, фискальных и прочих полномочий исполняли обязанности судей. На их рассмотрение поступали некоторые категории гражданских («до 100 и далее до 500 руб.»); воеводы, при которых не было дьяков, не могли судить «вотчинных, поместных и холопских дел, а в остальных делах давали суд только до 10 или до 20 руб.») и уголовных дел (хотя формально «разбойные, татевные (1) и убийственные» дела подлежали ведению губных старост, за которыми воеводы должны были иметь надзор, последние «скоро сделались их начальниками и вместе с ними сами стали ведать уголовные дела») (2, с.827-829).

До 1719 г., т.е. до момента принятия общероссийской «Инструкции или Наказа воеводам» (3), обязанности последних определялись в частном порядке изданием особых наказов. 30 мая 1700 г. вступавшему в эту должность Мусину Пушкину был дан специальный «Наказ Астраханскому воеводе» (4) – фактически первый зафиксированный в Полном собрании законов Российской империи (ПСЗ) документ универсального характера, определявший пределы власти главного российского военного чиновника на Северном Кавказе. Воеводе предписывалось оберегать всех жителей губернии от любых насильственных посягательств, а в случае возникновения конфликта «расправу [т.е. суд] между ими чинить» (п. 6). К преступлениям, за совершение которых полагалось «по сыску [...] учинить жестокое наказанье», относилась кража невольников из числа татар, купленных в установленном законом порядке, конокрадство (закон разделял отгон лошадей «сильно» (т.е. насильно) и «украдом», что в современных терминах означало бы кражу и грабеж). Степень вины преступника дифференцировалась, т.к. от этого зависел размер наказания, которое следовало определять, «смотря по вине и по человеку» (п. 18).

В 1718-1720 гг. вводятся единые принципы организации власти в губерниях, унифицировавшие систему управления в разных частях империи, в том числе и на ее окраинах. Российская империя разделялась на провинции во главе с воеводами и вице-губернаторами. Астраханское воеводство в 1708 г. при первом разделении России на 8 губерний вошло в состав Казанской губернии, а в 1717 г. из частей Казанской и Нижегородской губерний была образована Астраханская губерния, включавшая в себя земли Восточного Предкавказья.

«Инструкция или Наказ воеводам» 1719 г. выводила судебные полномочия из перечня обязанностей воевод, за ними сохранялись лишь надзорные функции и вопросы исполнения судебных решений: «Воеводе не надлежит спор тяжёбного дела между подданными судить, и судьям в расправе их помешательство чинить; однако же ему крепко смотреть, чтобы земские судьи по данной инструкции уездной суд управляли, и подданных продолжением и волокитами не утесняли». Прочитанный параграф Инструкции 1719 г. также вводил ряд новых процедур, таких, как оглашение приговора и протоколов по окончании судебного разбирательства. Протоколы судебных заседаний, а также сведения о произведенных «эзекуциях» (т.е. приведенных в исполнение казнях) воеводам полагалось направлять в Надворный суд в Петербурге (§5 и 6).

С начала административного освоения территории Северного Кавказа роль военно-административных центров выполняли российские крепости, впоследствии составившие цепь военных укреплений – Кавказскую линию (5, с.79-80). Отправление правосудия было неразрывно связано с военным управлением, создаваемым в крепости, и сосредоточивалось в лице ее коменданта. В 1735 г. была заложена крепость Кизляр, ставшая опорным пунктом для продвижения России на Кавказе и своеобразной опытной площадкой для организации управления на вновь присоединенных южных рубежах страны. С ростом крепости и усложнением структуры местного общества, а также ввиду значительной отдаленности от губернского центра – Астрахани возникла необходимость создания специального судебного органа для местных купцов, ремесленников и торговцев. Астраханский магистрат, высшая инстанция для разбора купеческих споров в губернии, принял решение о создании в Кизляре ратуши для решения подобных дел на месте. При этом, несмотря на законодательный запрет губернаторам и воеводам на вмешательство в дела магистратов, для Кизляра было сделано исключение. По причине малочисленности купеческого сословия в крепости и невозможности содержать ратушу Сенатским Указом от 17 февраля 1749 г. (6) кизлярское купечество в вопросах судопроизводства передавалось в подчинение местной гражданской канцелярии, а создание ратуши откладывалось в расчете на постепенный рост численности купеческой гильдии.

Опыт организации управления в крепости Кизляр в дальнейшем был использован при создании крепости Моздок, решение о строительстве которой было принято Екатериной II в октябре 1762 г. В 1765 г. в построенном форпосте было введено комендантское управление.

В 1765 г. в административном центре губернии создается новый судебный орган – Суд, общий для всех Астраханских азиан (7), в позднейших источниках именуемый также общим Судом азиан, в Астрахани торгующих (8) и Астраханским армянским общим судом азиан.

Суд, общий для всех Астраханских азиан, представлял собой учреждение, объединявшее в рамках одной инстанции судей различных этнических сообществ, рассматривавших дела на основании норм обычного права каждой из городских диаспор. От каждой общины в суде имели право заседать, в зависимости от желания самих жителей, по два или по три судьи, избираемых общим собранием представителей диаспор. Каждой общине предоставлялось отдельное помещение, в котором должны были проходить судебные заседания, «ибо армяне, как христиане, общее с татарами [...], как магометанами [...], заседание могли бы почесть себе за уничижение» (с. 8). В случае же, если рассматриваемое дело касалось «до всех наций», их представители могли «присутствовать в одном месте».

Судопроизводство осуществлялось устно, но по итогам каждого дела должна была составляться краткая записка. В случае недовольства какими-либо положениями закона либо организацией суда, жителям следовало обращаться в губернскую канцелярию. Последняя становилась также апелляционной инстанцией для обжалования вынесенных в Суде для азиан решений. Для наблюдения за течением дел в суде от российской администрации определялся офицер с постоянным жалованьем. Назначение канцелярских служащих передавалось на усмотрение жителей.

Всю последнюю четверть XVIII в. и вплоть до 1827 г., времени вступления в силу особого Учреждения для Кавказской области, система правосудия на территории Северного Кавказа строилась на общеимперских юридических основаниях (за исключением горцев и калмыков, которым в вопросах, прямо не затрагивавших интересы государства, дозволялось осуществлять судопроизводство на основании обычного права каждого из народов). Ключевым документом второй половины XVIII в. в области организации местной, в т.ч. судебной власти в стране стало Учреждение для управления губерний Всероссийской империи от 7 ноября 1775 г. (9). Именно попытка применения данного нормативно-правового акта на территориях национальных окраин, в частности, в образованном в 1785 г. Кавказском наместничестве позволила законодателю в дальнейшем осознать неэффективность унифицирующего подхода к управлению огромными, разнородными административно-территориальными окраинами Российского государства.

К решениям, укладываемым в логику полной интеграции Северо-Кавказского региона в политико-правовое пространство империи и унификации законодательства по примеру внутренних губерний, относится и распространение на города созданного годом ранее Кавказского наместничества действия общего городского положения или «Грамоты на права и выгоды городов Российской империи» от 21 апреля 1785 г. (10). Помимо городов, возводимых позднее, действие городского положения распространилось и на крепости Кизляр и Моздок, «где управление городское прежде единственно относилось к воинскому начальству» (11).

Судебная власть в Кизляре и Моздоке сосредотачивалась в совестных судах, судьи которых избирались «обществом городским [...] всякий год по баллам» (ст. 31 Городового положения 1785 г.). Совестные суды составляли особую категорию судебных учреждений, игравших роль третейских судов в спорах, по которым сами тяжущиеся обращались за разрешением, но здесь также разбирались переданные из других инстанций уголовные дела, в которых усматривались смягчающие обстоятельства. Заседатели губернского Совестного суда в Астрахани, назначенной в том же году областным центром Кавказского наместничества, избирались «губернским городом из купцов и мещан [...] через всякие три года по баллам, и представлялись правителю или губернатору; и буде за ними нет явного порока, то губернатор дозволял им заседание» (ст. 32). Заседатели в суды избирались мещанством из представителей своего сословия, записанных в городской обывательской книге и осуществлявших торговую деятельность в том же городе. Функция надзора за порядком и исполнения судебных решений возлагалась на управы благочиния с городничим, приставами уголовных и гражданских дел и двумя городскими ратманами (ст. 34). Помимо выборов судей и заседателей совестных судов по баллам, в случае, если такой порядок признавался неудобным или слишком продолжительным, каждой части города позволялось собираться и представлять кандидатов на эти посты, которые в дальнейшем и проходили процедуру баллотировки (ст. 35).

Кочевые народы Предкавказья первыми попали в орбиту российской судебной системы. Постепенно продвигаясь по территории Северного Кавказа, Российское государство вошло в соприкосновение с горскими народами, среди которых в XVIII в. доминировал адыго-кабардинский этнос. Одним из способов побуждения кабардинцев к окончательному переходу в российское подданство и прекращению антирусских выступлений было создание действенной системы отправления правосудия. В основание выстраиваемого судебного механизма был положен сословный принцип, сохранявший права и привилегии княжеских родов и узденей (12) с их

подвластными, в сочетании с родовым принципом, которым определялось количество судебных инстанций на территории Большой и Малой Кабарды.

Так, Именным Указом от 28 февраля 1792 г. «Об [...] учреждении суда и расправы между горскими народами» (13) создавались новые судебные инстанции для коренных северокавказских жителей «по числу родов [...] для владельцев [князей] под именем *Кабардинский такого-то рода суд*, а для узденей *родовые расправы*» (п. 3 ст. 7), в соотношении – один суд и одна расправа на каждую знатную княжескую фамилию. Суды и расправы формировались на выборной основе и были друг от друга организационно независимы, но находились в подчинении Моздокского коменданта. Суды состояли из председателя и двух заседателей, избираемых из числа представителей высшей знати; расправы включали председателя и семь заседателей, в число которых входил представитель мусульманского духовенства – кадий или первенствующий мулла. Для членов судов и расправ устанавливалось государственное жалованье; в их состав не входили представители царской администрации или военные. Члены судов и расправ переизбирались каждые три года на общем сходе открытым голосованием, участниками которого были лишь представители соответствующих сословий – княжеского и дворянского. 19 апреля 1793 г. Именным Указом «О [...] учреждении в Большой Кабарде вместо четырех родовых судов только двух» (14), количество судов и расправ было сокращено с тем, чтобы один суд и одна расправа приходились на каждые два княжеских рода.

Указ 1792 г. предусматривал также создание вышестоящей инстанции для кабардинских судов и расправ – Моздокского Верхнего пограничного суда, где рассматривались уголовные дела по таким важным преступлениям, как убийство, разбой, грабеж, измена и ослушание начальства, а также гражданские иски по апелляциям, поданным в родовые суды и расправы. Здесь применялся комбинированный принцип судопроизводства, предусматривавший разделение уголовных и гражданских дел с рассмотрением первых на основании российского законодательства, а «тяжебных» (гражданских) исков – на основании обычного права кабардинцев.

В Верхнем пограничном суде заседали шесть владельцев и шесть узденей, по четыре от Большой Кабарды и по два от Малой, два представителя от проживавших в Моздоке армян и грузин, а также один – от татарских мурз. Председателем суда являлся комендант крепости, представляя наряду с приставом в Кабарде, полковым штаб-офицером и канцелярскими служащими центральную российскую власть, которая таким образом сохраняла возможность оказывать решающее влияние на исход

рассматриваемых дел. Кроме того, именно царским чиновникам было легче ориентироваться, применять и трактовать нормы российского уголовного права. Члены суда, за исключением российских офицеров, переизбирались каждые три года представителями собственных родов. В соответствии с Губернским Учреждением 1775 г., суд, «когда по делам законная нужда случится, сносился сообщениями, прописывая законные причины» (15) с Правлением Кавказского наместника (5,с.90-91).

В 1800 г. для регулирования взаимоотношений центральной власти в лице ее местных представителей, с одной стороны, и кавказскими «инородцами», с другой была учреждена особая должность Главного пристава. Именной Указ от 29 августа «Об определении коллежского советника Макарова к управлению делами калмык, кабардинцев, туркмен, ногайцев и других азиатских народов» (16) не содержал четкого перечня полномочий нового института, говоря лишь в общем об управлении. На практике Главный пристав становился своего рода посредником между народами Северного Кавказа и правительственными учреждениями, осуществляя, с одной стороны, надзор, в том числе судебный, над их взаимодействием и взаимоотношениями с официальными инстанциями, а с другой, – донося просьбы и ходатайства местных жителей, направлявшиеся в административные учреждения губернии. В обязанности пристава входит регулирование взаимоотношений горских народов с русскими жителями губернии и разбор наиболее острых и значительных противоречий, споров и конфликтов, возникавших между ними. При разрешении споров пристав руководствовался законами Российской империи, возлагая исполнение своих решений на владельцев или старшин, во власти которых был виновный. В случае же, если виновной стороной в конфликте оказывался русский житель, то пристав передавал вынесенное решение для исполнения российской администрации (5,с.92).

Мелкие, преимущественно торговые споры между представителями различных этносов и русским населением Северного Кавказа, с экономическим и хозяйственным развитием региона приобретающие все большее распространение, разбирались городскими командирами, а в самой Астрахани – Азиатским судом и особой Калмыцкой канцелярией. Уголовные преступления передавались Главным приставом военному или гражданскому губернатору Астрахани, которые те в свою очередь выносили на рассмотрение той или иной астраханской судебной инстанции, в зависимости от существа дела и подсудности. Ряд споров, касавшихся вопросов наследования, раздела имущества, отношений должников с кредиторами и др. при обращении за разрешением к Главному приставу, рассматривались на

основании «заведенных у данного народа правил», т.е. норм обычного права (5, с.91).

Подводя итог анализу процесса создания системы судопроизводства на Северном Кавказе в начальный период его интеграции, отметим ряд характерных черт создаваемого механизма отправления правосудия. На всем протяжении XVIII в. судебная власть была неразрывно связана, а зачастую сохраняла прямую подведомственность местным органам исполнительной власти, которые являлись, по сути, военной администрацией. Исключение составляет некоторая специализация судебных институтов во второй половине века, затронувшая разбирательство торговых споров среди купеческого сословия, а также мелкие гражданские тяжбы между инородцами. Последним также предоставлялась значительная свобода в вопросе применения норм обычного права. Область уголовного судопроизводства оставалась под жестким контролем местной администрации с безоговорочным использованием норм российского права. В целом, выводя за скобки преступления, так или иначе ставившие под удар интересы государства, проводимая российским правительством политика была осторожной и в известной степени адаптивной к местным реалиям. Разумеется, в основе такого подхода лежали соображения военно-политической целесообразности, однако это не отменяет того факта, что насильственная ломка традиционных институтов управления в регионе, естественная для любой военной экспансии, осуществлялась в очень ограниченных масштабах.

Использованная литература и источники:

1. Татба – преступное похищение чего-либо или насильственное отнятие, не переходящее в разбой.
2. Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – Т. 12. – СПб., 1902.
3. Полное собрание законов Российской империи (Собрание 1-е) (ПСЗ-I). – Т. V. – № 3294.
4. ПСЗ-I. – Т. IV. – № 1792.
5. Блиева З.М. Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80-е годы XIX века: Монография / Под ред. докт. ист. наук, проф. А.А. Магомедова. – Владикавказ: Изд-во Сев.-Осет. гос. ун-та, 2005.
6. ПСЗ-I. – Т. XIII. – № 9576.
7. Под собирательным и не совсем научным с сегодняшних позиций термином «азиане» или «азиатцы» в тексте законодатель понимал проживавших в Астрахани представителей армянской, татарской и других мусульманских (или иноверческих) диаспор, активно вовлеченных в жизнь города в качестве ремесленников, торговцев, ростовщиков и т.п.
8. ПСЗ-I. – Т. XXIV. – № 17860.
9. ПСЗ-I. – Т. XX. – № 14392.

10. ПСЗ-I. – Т. XXII. – № 16187.
11. ПСЗ-I. – Т. XXII. – № 16194. – С. 389, п. 3.
12. В Кабарде – высшее сословие, происшедшее от древних родовых старейшин племени адыгов, с которыми кабардинские князья вступили в соглашение и признали их права не только на землю, но и на жившее на ней население (Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – Т. 68. – СПб., 1902. – С. 610).
13. ПСЗ-I. – Т. XXIII. – № 17025.
14. ПСЗ-I. – Т. XXIII. – № 17118.
15. ПСЗ-I. – Т. XX. – № 14392. – Ст. 429 и 430.
16. ПСЗ-I. – Т. XXVI. – № 19536.

Ряснянская Н. А.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный аграрный университет,
старший преподаватель,
кандидат исторических наук

**БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ И РОЛЬ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
В РАЗВИТИИ ГОРОДОВ В XIX ВЕКЕ
(НА ПРИМЕРЕ Г. СТАВРОПОЛЯ)**

Благотворительность как яркое воплощение духовно-нравственных ценностей, имела место в жизни общества каждого государства, в том числе и в России. История ее развития богата многовековым опытом, точкой отсчета которого стало крещение Руси в X в. Под влиянием христианского вероучения она получила выражение в политике российских монархов. Заслужить признание щедрого правителя стремились многие венценосные особы, поэтому личным примером они привлекали к благотворительности и своих подданных, а это имело немаловажное значение для развития городов.

В результате колониальной политики, проводимой правительством в XVIII – XIX вв. к Российской империи были присоединены обширные территории. С введением в них административного устройства, актуальной становилась проблема благоустройства новых городов. Поэтому, со дня их образования, решение многочисленных городских проблем перекладывалось на органы местного самоуправления и инициативу горожан. На пожертвованные средства строились храмы, больницы, учебные заведения; устраивались библиотеки, театры, музеи; прокладывались дороги и возводились мосты.

Значение благотворительности в развитии городов можно проследить на истории г. Ставрополя. В 1777 г. Ставрополь был основан как крепость Азово-Моздокской укрепленной линии. Первоначальный статус военной крепости оказал влияние на дальнейшее его развитие. Переход к городскому укладу начался в Ставрополе с мая 1785 г., когда он стал центром уезда, и на него распространилась Жалованная грамота Екатерины II. Введение в нем местного самоуправления способствовало развитию Ставрополя как города, а не крепости. По сравнению с другими городами Предкавказья, его расположение в центре Главного Кавказского тракта оказывало большое влияние на происходившие в нем социально-экономические и культурно-политические процессы.

Тем не менее, несмотря на все усилия органов городского самоуправления, Ставрополь долгое время напоминал “большое село, в котором, за исключением нескольких лавок, казарм и военного госпиталя, все почти дома деревянные, покрытые соломой” (1, с.28). Запоздалое развитие городов Предкавказья не мешало им принимать участие в жизни Российской империи. К примеру, после получения летом 1812 г. манифеста императора Александра I о вторжении в Россию армии Наполеона, Ставропольская дума, во главе с городским головой А. Черновым призвала горожан к пожертвованию “во имя победы” над врагом. В результате организованной добровольной подписки, дума собрала сумму в размере 1 334 руб. (2). За годы войны, Ставропольские калмыки и туркмены пожертвовали 23 510 руб., 1 080 лошадей и 400 голов крупного рогатого скота, за что удостоились высочайшей грамоты, подписанной императором Александром I (3).

В XIX в. благотворительность в Ставрополе имела место не только в годы войны, но и в повседневной жизни. Сравнительно “молодой” город нуждался в преобразованиях в различных сферах жизни общества. Прежде всего, перед Ставрополем как областным центром, стояла одна из главных задач – открытие учебных заведений. Согласно реформе Александра I в области просвещения, в Ставрополе должно было действовать уездное училище. Для функционирования в городе нового учебного заведения помимо оформления необходимой документации, нужны были немалые денежные средства на приобретение подходящего здания, учебной литературы и инвентаря, а также на содержание штата учителей. На подобные расходы государственная казна не выделяла деньги, тем более в это время Россия вела войну с Францией. Поэтому как открытие, так и содержание уездного училища зависело от пожертвований горожан. Благодаря собранным средствам это знаменательное для Ставрополя событие состоялось 30 августа 1811 г. В честь открытия уездного училища, в городе устроили настоящий праздник. После окончания официальной церемонии купеческое и дворянское общества отметили это событие за праздничным столом, в специально выбранном для этой цели – доме помещицы Анисимовой. Поднимая задравные кубки, собравшиеся решили в честь этого дня сделать пожертвования в пользу училища, собрав 1000 руб. и в пользу малоимущих семей – 750 руб. А закончен был этот праздник небывалым для Ставрополя событием – балом, где присутствовали дворяне и купцы.

После открытия в городе уездного училища встал вопрос об учреждении приходского училища – первой ступени образования согласно реформе 1803 г. Ответственность за решение проблем, связанных с

открытием приходского училища возлагалась на шестигласную думу, которая заботилась не только о приобретении училищного инвентаря, но и о самом здании. К августу 1816 г. дума подготовила дом и все необходимое для учебного заведения, торжественное открытие которого состоялось 30 августа. Активное участие шестигласной думы в жизни города повысило ее авторитет настолько, что в сентябре 1816 г. ей предложили выбрать начальника, следившего за благоустройством приходского училища из числа гласных или “благонадежного человека“ из купцов. Однако денежных средств для нужд учебных заведений катастрофически не хватало, поэтому городская дума постоянно обращалась с просьбой к горожанам и, прежде всего состоятельным – “поддержать храм музе” (4).

Среди многочисленных городских проблем в Предкавказье, одной из самых главных, долгое время оставалось отсутствие налаженной медицинской службы. Медицинское обслуживание в этом регионе появилось в войсках, куда входили военные медики. Госпитали и лазареты в основном строились для лечения военных, а не горожан. Не получая квалифицированную медицинскую помощь, население лечилось народными средствами и нередко прибегало к помощи знахарей (5, с.11). Поэтому в работе органов местного самоуправления, большим испытанием были вспышки в городах Предкавказья эпидемий. Из-за плохо налаженной медицинской службы, на органы самоуправления ложилась ответственность по устройству в городах больниц и лазаретов. С подобной проблемой столкнулась Ставропольская дума в 1830 г. В сентябре в городе началась эпидемия холеры. Чтобы предотвратить ее дальнейшее распространение, начальник области приказал думе выдать из доходов города 500 руб. казначею Матковскому на устройство холерной больницы. К этому были также привлечены городской голова Н. Плотников, инспектор врачебной управы Зеленский, штаб-лекари Торновский и Крупницкий.

В данном случае особыми полномочиями наделялся городской голова, которому предоставлялось исключительное право взять необходимую сумму из доходов Ставрополя на устройство больницы, которую он обязан был указать в расходной ведомости. В связи с тем, что с устройством больницы появились непредвиденные расходы, областной начальник предложил их компенсировать за счет предстоящей Ивановской ярмарки.

Проблема эпидемиологической обстановки в Ставрополе неразрывно была связана с отсутствием регулярного водоснабжения города питьевой водой. В 1840 г. тифлисский купец Г.И. Тамамшев предложил городу за свой счет проложить трубы от источника, расположенного на земле Н. Плотникова в город. Для этого он специально выписал мастера из Персии.

Областное правление, гражданский губернатор и начальник области поддержали Г. Тамамшева. В торжественной обстановке 13 ноября 1840 г. в расположенном на городской площади бассейне, забил фонтан с чистой питьевой водой (6). За свои труды, Г. Тамамшев был награжден орденом Станислава 3-й степени. В дальнейшем его дело продолжили купцы М. Якунчиков, Л. Павлов, В. Попов, К. Стасенков, И. Алафузов. Но с именем купца Г.И. Тамамшева было связано возведение еще одного городского строения. В 1841 г. за свои средства он построил на въезде в Ставрополь с восточной стороны у Тифлисской заставы каменные ворота со стеной, которые были названы Тифлисскими воротами (7, с.45).

Особое значение в благоустройстве российских городов придавалось храмовому строительству, увековечившему многие исторические события, имена архитекторов и благотворителей. Так, с возведением Ставропольского Казанского кафедрального собора на Крепостной горе была связана одна история. В 1817 г. в память избавления Ставрополя от эпидемии чумы, унесшей жизни многих людей, купец Н.М. Плотников установил каменный крест. В этом же году Ставропольскими обывателями было принято решение построить церковь в честь Святителя Николая, которая стояла на этом месте со дня основания Ставрополя, но из-за ветхости разрушилась. Средств у города не было и начало строительства храма затянулось до 1847 г., когда жители города решили возвести каменный собор во имя Казанской Божьей Матери с приделами Святителя Николая Чудотворца и Александра Невского. На заседании думы городской голова Н.М. Плотников 11 июля 1842 г. заявил, что он: "... В память умершего сына жертвует на постройку церкви Казанской Божьей Матери 500 руб. ". Помимо этого глава Ставрополя взял на себя обязательство расплатиться с общественным долгом, безвозмездно пожертвовав 1 500 руб. Своей благотворительностью Никита Михайлович Плотников был известен не только как городской голова, но и как горожанин. В 1847 г. он предоставил один из своих каменных домов для размещения первой мужской гимназии на Кавказе, открытой в 1837 г. императором Николаем I, заключив контракт об аренде с Кавказской областной дирекцией училищ.

Вопросам благотворительности — правительство уделяло большое внимание, так как посредством благотворительных сборов, по мере возможности, на местах решались проблемы бедных семей, что ограждало правительство от лишних денежных затрат. Так, по указу Сената от 12 февраля 1847 г. в соборах и "значительных" церквях, учреждались кружки для сбора приношений на содержание нищих и убогих в заведениях Приказа общественного призрения. На местах этими вопросами должны были

заниматься начальники губерний и епархиальные власти. По обоюдному соглашению подобные кружки решили прикрепить в Ставрополе – к Казанскому и Троицкому соборам, в Пятигорске – к церкви “Всех скорбящих радость“, в Георгиевске – к Николаевской церкви, в Моздоке – к собору “Сошествия Св. Духа“ и в Кизляре – к Казанскому собору (8).

Большим событием в жизни пограничных городов было посещение их венценосными особами, именитыми гостями, высшими должностными лицами. В честь их прибытия открывались храмы, больницы, учебные заведения, проводились благотворительные сборы. В 1851 г., к очередному приезду Кавказского наместника, горожане решили на собственные пожертвования, устроить в Ставрополе больницу на 20 кроватей во имя Св. Архистратига Михаила, заняв здание, где размещались присутственные места (9). Обеспечение больницы всем необходимым взяли на себя Ставропольские купцы И. Стасенков и С.Ф. Деревщиков, которые не раз организовывали благотворительные мероприятия.

Очередная благотворительная акция была проведена в городах Предкавказья после их посещения великим князем Михаилом Николаевичем с супругой. Так, Пятигорские общества приняли решение с 1864 г. ежегодно брать на себя содержание 2-х воспитанниц в Ставропольском женском училище Св. Александры, уплачивая по 100 руб. за каждую. Аналогичные решения приняли общества Георгиевска, а горожанами Кизляра и Моздока на нужды заведения было пожертвовано 1 400 руб. серебром.

Историческое прошлое российских городов знает не одно имя благотворителя и не один пример самой благотворительности. В жизни русского общества она стала частью его менталитета, духовно-нравственной нормой поведения. На благотворительные сборы, нередко проводимые органами местного самоуправления, обустроивались города, открывались школы и больницы, возводились храмы, разбивались бульвары и парки. Имея основу христианского вероучения, благотворительность становилась своеобразным “чистилищем” для общества, самовыражением эпохи российской истории.

Использованная литература и источники:

1. Куприянова Л. В. Города Северного Кавказа во второй половине XIX в. – М.: Наука, 1981.
2. ГАСК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 820. Л. 12.
3. Ставропольские губернские ведомости. – 1878. – № 1.
4. ГАСК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 84. Л. 7.
5. Ованесов Б.Т., Судавцов Н.Д. Здравоохранение Ставрополя в конце XVIII – начале XX вв. Ставрополь, 2002.

6. ГАСК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 1509. Л. 7.

7. Шацкий П.А., Муравьев В.Н. Ставрополь. Исторический очерк. – Ставрополь, 1977.

8. ГАСК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 3121. Л. 2.

9. ГАСК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 3370. Л. 5.

Смирнова И.В.,
г. Изобильный,
Музей истории Изобильненского района,
директор

ИЗОБИЛЬНЫЙ НАЧАЛА XX ВЕКА В КОЛЛЕКЦИИ РИСУНКОВ СТАРОЖИЛА ГОРОДА САЛИНКИ ТАТЬЯНЫ ТАРАСОВНЫ

В фондах музея истории Изобильненского района хранится 19 живописных и 26 графических работ старожилы нашего города Салинки Т.Т., которые она передала в наш музей в девяностых годах прошлого века.

Татьяна Тарасовна Зайцева (по мужу Салинка) родилась 5 мая 1918 года на хуторе Спорном. Ей было шесть лет, когда семья переехала в село Изобильно-Тищенское. В школе училась прилежно, и еще в детские годы ее восхищала красота природы и особенно цветов. После школы училась в педагогическом училище, окончила его, но почти не работала по специальности. Стала заниматься садоводством и цветоводством.

В 1960 годы в Изобильном началось активное озеленение. К тому времени Татьяна Тарасовна стала уже незаурядным цветоводом, и ей поручили бригаду озеленителей. Эту бригаду перебрасывали с одного конца города в другой. Вот несколько примеров. Сахарный завод. Там до сих пор радуют глаз пирамидальные тополя и цветники, заложенные в 60-х годах прошлого века. Завод «Атлант» утопает в зелени. На заводской площади - множество елей, шаровидных деревьев, а на территории завода не только декоративные, но и фруктовые деревья. Кроме того, был период, когда по заводским аллеям расхаживали роскошные павлины – это тоже заслуга Татьяны Тарасовны. В центре города были высажены туи, ели, берёзы, рябины, черёмуха, заложены большие розарии.

В довольно зрелом возрасте Татьяна Тарасовна Салинка увлеклась живописью. Красоту окружающего мира она с любовью отражала в своих небольших полотнах и щедро их раздаривала. И она не просто художница, а человек многоталантливый. Вязала дивные кружева, вышивала и очень хорошо пела. Многие годы она была солисткой народного хора ветеранов войны и труда. Когда в Изобильном существовал и активно работал народный театр, Татьяна Салинка была в нём ведущей актрисой.

Музею истории Изобильненского района Татьяна Тарасовна передала много фотодокументов, свои воспоминания о прошлом города, а главное – живописные виды старого Изобильного и зарисовки. Вернее это даже можно назвать рукописями с иллюстрациями. Потому что каждый рисунок

сопровождается пояснениями, воспоминаниями о тех местах, которые уже не сохранились.

В 2004 году, когда наш район отмечал 80-летие, в выставочном зале музея истории Изобильненского района была размещена обширная выставка, посвящённая этой дате. Самый большой интерес вызвали зарисовки Салинки Татьяны Тарасовны. Посетителей выставки удивляла и восхищала простота и точность изображения. И было ясно видно, как вырос и похорошел наш город.

Достоверность этих источников подтверждают воспоминания других старожилов Изобильного – Анны Евгеньевны Богачковой, Нинели Георгиевны Хирьяновой, Николая Семеновича Нестеренко, Веры Дмитриевны Колесниченко, Веры Ивановны Новиковой, Антонины Павловны Духненко и других.

Рисунки выполнены в 1987 году, почти 20 лет назад. В рисунках отражены все стороны жизни Изобильного начала XX века. Нумерация рисунков сохранена авторская.

Железнодорожная станция – начало Изобильного.

Датой основания Изобильного считается 1895 год. Год, когда была построена железнодорожная ветка Кавказская – Ставрополь. Вокруг станции разрастался хутор, затем село, а с 1965 года – город с красивым названием Изобильный.

Рис.1. Железнодорожная школа в двадцатые годы прошлого века. На одной из старейших улиц - улице Железнодорожной находилось одноэтажное кирпичное здание школы. Школа была начальная и учительствовала здесь ленинградка София Константиновна Погольская. В эту школу ходили дети железнодорожников и дети из ближайших домов. В семье Хирьяновых было шестеро детей. Жили на «будке» - так называли большой кирпичный дом недалеко от переезда - три семьи. Общий двор, амбар. Держали корову, курочек. Отец был рабочим на станции. Дети ходили в школу, причем, Саша и Валя учились в разные смены. Зимой по дороге передавали друг другу телогрейку, которая была одна на двоих.

Рис. 21. Железнодорожная баня находилась между железной дорогой и улицей Советской. Постройка основательная, из красного кирпича, сохранилась до наших дней.

Изобилие хлеба.

Рис.10. На рисунке изображена хлебная ссыпка. Это крытое соломой длинное помещение из самана, где с утра до ночи рабочие «лопатели» зерно. Более двадцати хлебных ссыпок располагались в 20-е годы прошлого века в том месте, где сейчас улица Чапаева. На рисунке изображены волю,

впряженные в телегу с мешками зерна. По центральной улице (бывшая Торговая, с 1924 года – ул. Ленина) зерно перевозили на железнодорожную станцию для погрузки в вагоны и отправки в среднюю полосу России.

Рис. 20. Особое лицо городу создают три элеватора, стоящие вдоль железной дороги. Первый Изобильненский элеватор, похожий на башенку, был построен в 1924 году. И тяжелый труд рабочих хлебных ссыпок ушел в прошлое. Сохранилось и здание элеватора, и пакгаузы. Рисунок подписан девичьей фамилией – Зайцева Т.Т.

Становление советской власти.

Рис. 2. На нем изображены два здания: сельский Совет Изобильного в 20-е годы и школа в 1933 году. Оба здания находились на улице Ленина. В последние годы там находилась вечерняя школа. Разрушены в 80-е годы.

Рис. 4. На этом рисунке изображена гостиница – заезжий двор до 1924 года. Владелицей была Шурухина. Позже в этом здании работал Совет ветеранов.

Рис. 9. 1931 год. Первое правление колхоза «Ленинский путь» находилось на месте, где сейчас современное пятиэтажное здание администрации. Председателем колхоза в ту пору был Зайцев Александр Тарасович – брат Татьяны Тарасовны.

Зарождение промышленности.

Рис. 13. Старейшее предприятие Изобильного, основанное в 1905 году – нефтебаза. Находилась она на том месте, где сейчас находится «Ставропольнефтепродукт». Перед оккупацией ее сожгли наши партизаны. Позже здание было восстановлено и реконструировано.

Рис. 22. На этом рисунке изображена маленькая сельская электростанция, которая работала на мазуте. Построена она в 1931 году на улице Красной, там сейчас расположен дом № 12. Здание построено из камня, верхняя часть обшита тёсом, крыша железная. Изнутри и снаружи здание белили известью.

Рис.12. На этом рисунке изображены первые здания птицекомбината, построенные частником-греком. Позже там размещался убойный цех скота. На базе этого небольшого предприятия впоследствии вырос мощный комбинат «Прасол Ставрополя», который прославил Изобильненский район далеко за его пределами.

Рис. 6. Первое здание маслосырзавода - одного из старейших предприятий Изобильного – находилось с 1938 по 1958 годы на перекрёстке современных улиц Красная и Сиреневая. Сейчас там столовая № 1. По воспоминаниям В.Д.Колесниченко на этом месте была контора, сыродельный цех, «холодильник» - яма для льда, покрытая несколькими слоями соломы. В

отдельном здании немного в стороне – маслоцех. Молоко привозили из колхозов и совхозов, а сливки из села Московского, станиц Староизобильной и Кармалиновской, где были свои сепараторы. Директором маслосырзавода тогда был Евсюков Михаил Петрович.

Социально – культурное развитие

Рис. 3. Из этих зарисовок мы узнаем, что на месте, где сейчас расположен киноконцертный зал «Факел», в 1929 году в деревянном доме располагался врачебно-акушерский медицинский пункт. Долгое время это было единственное медицинское учреждение во всем районе. И больные из близлежащих сел и хуторов добирались сюда за помощью как могли.

Рис. 7. На рисунке изображена швейная мастерская, где закройщицей в 1935 году была Татьяна Ивановна Ангелова. Мастерская, входившая в артель имени Чкалова, председателем которой была Анна Антоновна Зиновьева, находилась в самом центре Изобильного – на улице Красная Площадь.

Рис. 8. По улице Жданова № 1 (сейчас ул. Электронная № 8) с 1924 года до сегодняшнего дня находится административное здание коммунального хозяйства. На рисунке Татьяны Тарасовны здание изображено таким, каким она его запомнила в 1933 году. В то время директором был Иван Галицкий.

Рис. 24. Ганнушкин колодец. В Изобильном всегда было трудно с водой. В речке вода была малосолёная, для питья непригодная. В каждом дворе рыли колодцы, но и в них была такая же вода. Но был один на всё село чудесный колодец, который все называли Ганнушкиным. Вода в нём была пресная, даже казалась сладкой. Все сельчане ходили за водой к этому колодцу. Так, что даже иногда вода в нём заканчивалась. И сколько ни рыли других колодцев поблизости, не было больше нигде такой воды. В 50-х годах, когда вода пришла в каждый дом, люди перестали следить за колодцем, он обрушился. Новые хозяева засыпали его, поставили на этом месте добротный дом. Дом стоит по сию пору по улице Советской № 202. Эту историю красиво изложила Анна Евгеньевна Богачкова. Её сказ так и называется «Ганнушкин колодец».

Рис.16. На этом рисунке изображена одна из четырёх водоразборных колонок, располагавшаяся на пересечении современных улиц Кирова и Колхозной. Вода была проведена в село Изобильное в 1935 году из села Найдёновского. Строили водопровод всем миром под руководством мастера-водопроводчика Стефана Никоноровича Осыкина и двадцатипятилетия Петра Галицкого. Воду выдавали по талонам – по два ведра на человека. Ведро воды стоило 2 копейки. Днём были очереди, потому что вода бежала

тонкой струйкой. На ночь водоразборную колонку замыкали. Фотография одной из водоразборных колонок имеется в экспозиции музея.

Рис. 19. На месте, где сейчас районная библиотека, в 1920-е годы была заготконтора. Заведовал ею Шубный. Принимали кости, золу, старые тряпки, макулатуру.

Рис. 11. На улице Сиреневой, в здании Дома книги, в 1920-30-е годы размещались библиотека, кинотеатр и народный театр. Руководил и был директором Иван Петрович Шатырко. Позже там был магазин для ветеранов войны.

Рис. 25. До 1928 года в центре села (на перекрёстке современных улиц Ленина и Почтовая) стояла маленькая аккуратная часовенка. Внутри нее была икона скорбящей Богородицы, и каждый мог зайти в нее и помолиться. По этому эскизу Татьяна Тарасовна написала маслом небольшую картину, которая находится в постоянной экспозиции нашего музея.

Виды старого Изобильного.

Рис.15. Улица им. Ленина – центральная улица Изобильного – в 20-е годы. Теперь она неузнаваема. На рисунке запечатлена та часть улицы, где сейчас высятся жилые пятиэтажки, на первом этаже которых расположены магазины «Радиосервис» и «Пятачок». Рисунок послужил эскизом для живописной картины, которую Татьяна Тарасовна передала в наш музей, и мы видим прошлое нашего города.

Рис. 23. Через Изобильный протекает речка Мутнянка, которая берёт своё начало из родников под хутором Спорным. В центре села через речку в 20-е годы был построен каменный мост братьями Донскими. В 1935 году мост был перестроен инженером Тереховым. Речка была гораздо шире и глубже нынешней. Она поила скот и птицу. В летнее время детвора в ней купалась и ловила рыбку. К 100-летию города Изобильного часть берегов реки была взята в бетон и перила моста заменены, отделаны розовым туфом.

Рис. 14. Типичная для окраины Изобильного хатка, крытая соломой. Позже на этом месте - на углу улиц Ленина и Промышленной - был построен большой банно-прачечный комбинат. И это уже далеко не окраина.

Рис. 26. На улице Ленина, за школой № 2 стоял довольно просторный дом, крытый черепицей. На рисунке видно, как из трубы идёт дым. Топили печи в селе углем, газ пришел гораздо позже. В 1937 году в этом доме родился Геннадий Зверев, впоследствии ставший генералом. Дом не сохранился.

Рис. 27. На этом рисунке домик несколько скромнее предыдущего. Он находился тоже на улице Ленина, дальше от вокзала. Здесь 23 декабря 1937 года родился будущий генерал-майор артиллерии Борис Золотухин – сын

Татьяны Тарасовны и одноклассник Зверева. Они были в числе первых выпускников школы № 32 (теперь СОШ № 3).

Прошлое невосвратимо, но знать о том, что было в далёкие годы, как выглядел наш населённый пункт, как жили и чем занимались наши предки, передать эти знания потомкам, - необходимо. А в рисунках это особенно наглядно. Кроме того, рисунки побуждают нас узнать больше о тех людях, которых упоминает в своих рассказах Татьяна Тарасовна, уточнить какие-то сведения. Наши поиски ещё более обогатят знания о прошлом Изобильного, пополнят музейные фонды.

К сожалению, Татьяна Тарасовна Салинка ушла из жизни 10 августа 2006 года, прожив 88 лет. Но светлым памятником ей останутся в нашем городе зеленые улицы и скверы, розарии, живописные полотна, ее уникальные рассказы в рисунках.

Использованная литература и источники:

1. ГУ «Музей истории Изобильненского района» (ГУ «МИИР»).Фонд 19, единица хранения 7. Салинка Т.Т.
2. ГУ «МИИР». Фонд 8, ед.хр. 3. АО «Прасол Ставрополя»
3. ГУ «МИИР». Фонд 8, ед.хр. 4.ЗАО «Маслосырзавод».
4. ГУ «МИИР». Фонд 8, ед.хр. 8. Элеваторы.
5. ГУ «МИИР». Фонд 8, ед.хр. 16.АО «Ставропольнефтепродукт».
6. ГУ «МИИР». Фонд 8, ед.хр. 19. АО «Ставропольэнерго»
7. ГУ «МИИР». Фонд 8, ед.хр. 22. Железнодорожный транспорт.
8. ГУ «МИИР». Фонд 9, ед.хр. 1. Сельское хозяйство.
9. ГУ «МИИР». Фонд 10, ед.хр.8. ГУП ЖКХ
10. Богачкова А. Е. История Изобильненского района. Ставрополь,1994
11. Богачкова А.Е. Сказы седого Егорлыка. Ставрополь, 2005.
12. Воспоминания старожилков Изобильного: Богачковой А.Е., Духненко А.П., Колесниченко В.Д., Нестеренко А.С., Новиковой В.И., Хирьянова Н.Г.

НАЙТИ ♦ СОХРАНИТЬ

Состин Д.И.,
г. Ставрополь,
Ставропольский филиал Краснодарского университета
МВД РФ,
кандидат исторических наук, доцент

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ НА СТАВРОПОЛЬЕ В НАЧАЛЕ XX В. ОПЫТ И УРОКИ ИСТОРИИ

Одной из интереснейших страниц истории Ставрополья является деятельность политических партий. Политические партии начала XX в. были составной частью общественно – политических движений России.

В отечественной историографии долгое время освещалась история партии большевиков и отсутствовала справедливая, объективная оценка других партий, действовавших на политической сцене страны в рассматриваемый период. Они отражали интересы различных классов и социальных слоев российского общества: рабочих, крестьян, интеллигенции.

Активизация деятельности политических партий России, их легализация пришлась на период революций 1917 года.

Обнаруженные за последние годы архивные документы, материалы периодической печати и другие источники позволяют воссоздать целостную картину деятельности основных политических партий общероссийского масштаба в данный период на Ставрополье.

Как известно, происхождение левых социалистических, а затем и правых либеральных, монархических партий в России было связано с целым комплексом социально-экономических и политических причин, тормозивших буржуазно-демократическое развитие страны еще в конце XIX в. Наиболее болезненными из них были: аграрный вопрос, наиболее остро стоявший в центральных губерниях России, а также отсутствие демократических прав и свобод европейского типа, слабость политическая неорганизованность промышленной и банковской олигархии ее зависимость от самодержавной бюрократии, наконец, политический режим в стране, сохранивший к началу XX в. многие черты абсолютизма.

В ходе первой буржуазно-демократической революции 1905–1907 гг. партийные организации различной политической направленности появились практически, во всех регионах России, в том числе и на Ставрополье. Однако, их генезис в ходе революций, особенно в период бурных событий Февраля–Октября 1917 года имел свои региональные особенности.

Анализ деятельности различных партийных организаций на Ставрополье в наиболее драматический для страны период революций 1917 года показывает, что в отличие от столичных, а также национальных партийных структур, местные партийные комитеты, практически, всех действовавших в общероссийском масштабе партий, формировались со значительным опозданием. Так, например, заметная активность эсеровских и социал-демократических организаций, т.е. партий левого направления на Ставрополье приходится на послефевральский период. Причем наблюдается главным образом, в городах. Это касается, прежде всего, Р.С.Д.Р.П. Причем, вплоть до конца 1917 года фракционные разногласия в ней были во многом формальными. Из архивных документов известно, что с весны и до осени 1917 года большевики и меньшевики в Ставрополе состояли в так называемом «объединенном» бюро Р.С.Д.Р.П, сформированном 12 марта 1917 года, куда в первое время входили и местные социалисты-революционеры. «Объединенное бюро», так называемой Кавказской группы Р.С.Д.Р.П. губернского города Ставрополя состояло из 16 человек, в него входили большевики: Л. Пономарев, М. Морозов, М. Акулов, В. Петров, В. Косенко (1) Такое положение отражало реальность наблюдавшуюся в это время во многих общероссийских организациях Р.С.Д.Р.П., которая отмечалась в проекте резолюции VII Петроградской общегородской конференции Р.С.Д.Р.П.

Большевики в силу своей малочисленности, отсутствия опытных идейно подготовленных работников, не могли занимать среди местных социал-демократов ведущих позиций. Доказательством более чем скромного положения большевиков в губернской организации Р.С.Д.Р.П. являются письма в Ц.К., в которых их лидеры Л. Пономарев, М. Морозов писали об острой нехватке опытных идейно-подготовленных работников, об отсутствии политической работы во многих слоях населения, узкой социальной базе ставропольских большевиков, из-за отсутствия крупных заводов и кадрового пролетариата (2).

Небольшой была численность местных большевиков. К сентябрю 1917г., их численность насчитывалось 56 человек. И только с прибытием в Ставрополь в декабре 1917 года грозненской большевистской организации, состоявшей главным образом из солдат, численность большевиков возросла до 200 человек (3, с.45). Социальный фундамент местных большевиков, судя по выборам в Учредительное собрание в декабре 1917 года, состоял, прежде всего, из солдат местного гарнизона, у которых сильны были антивоенные настроения.

Содержанием политической программы большевиков было: переход власти в руки Советов солдатских депутатов, перенесение центра тяжести в борьбе за землю на Советы крестьянских депутатов, захват помещичьих и др. частновладельческих земель до созыва Учредительного собрания. Учитывая материальное положение ставропольского крестьянства, даже в тяжелые военные годы 1914-1917 гг., их наделенность землей, отсутствие, в целом, помещичьего землевладения, крепостнических пережитков, политика большевиков не находила поддержки в крестьянском большинстве. В силу объективных и субъективных обстоятельств, большевики на Ставрополье были слабо связаны с уездным населением. Их деятельность ограничивалась губернским центром.

Серьезную конкуренцию большевикам на Ставрополье составляли социалисты-революционеры, которые, однако, в дофевральский период ненамного превосходили в организационном, да и в численном отношении большевиков. Только летом 1917 года они начали доминировать в селах ставропольской губернии (4). В этот период ставропольская организация социалистов-революционеров достигла 500 человек, о чем говорилось на краевом съезде эсеров, который проходил в Армавире в июле 1917 г. Ставропольские эсеры издавали общественно-политическую газету «Северокавказское Слово», тираж которой достигал 2000 экз. Социальная база ставропольских эсеров, как и в целом по России была широкой. Это видно по составу их городского комитета. В него входили: помощник присяжного поверенного, редактор газеты «Северокавказское слово» Е. Дементьев, рабочие – М. Жиров, А. Захаров и др. (5).

Эсеровскими по духу были многие общественные организации в Ставрополе, например, губернский Союз землемеров, крестьянский Союз, сформировавшийся в апреле 1917 года (6).

Монархические партии, в частности, «Союз русского народа» в Ставрополе, прекратил свою деятельность после Февральской революции.

В целом, деятельность политических партий на Ставрополье, в данный период, как и вообще на окраинах России в ее аграрных губерниях и Областях имела специфический характер. Местные партийные организации в отличие от Центральных, а по большому счету, даже европейских формировались не «снизу», а насаждались демократически настроенной интеллигенции «сверху». В частности на Ставрополье, это объяснялось целым рядом объективных обстоятельств: во-первых, сравнительно стабильным экономическим положением основной массы аграрного населения, не знавшего безземелья, крепостнических порядков, соответственно имевших собственность. В годы столыпинской реформы

количество крестьян-собственников в Ставропольской губернии было больше, чем в центре нечерноземной России. Во-вторых, довольно радикальной теоретизированной идеологией партий социалистического направления в первую очередь социалистов-революционеров и большевиков, которая была неприемлемой для зажиточных слоев ставропольского крестьянства. В-третьих, отсутствием необходимого количества теоретически подготовленных, профессиональных кадров партийных работников. В-четвертых, наличием мощной оппозиции всяким партийным и внепартийным структурам в лице казачества, придерживающегося в своей массе весьма консервативных позиций, относительно социально-экономического и политического устройства районов собственного проживания.

В силу данных обстоятельств, политические партии, опиравшиеся, прежде всего, на местную интеллигенцию, частично на рабочих немногочисленных промышленных предприятий, действовали в губернском Центре. Эсеры, в отличие от социал-демократов, кадетов, как это видно из созывавшихся в Ставрополе с апреля по декабрь 1917 г. Губернских крестьянских съездов, располагали уездными организациями. Они действовали: в Александровском уезде, в селах: Тищенском, Михайловском, Петровском и т.д.(7).

С их участием формировались местные Советы крестьянских депутатов, представлявших интересы беднейших, иногородних крестьян на крестьянских губернских съездах (8).

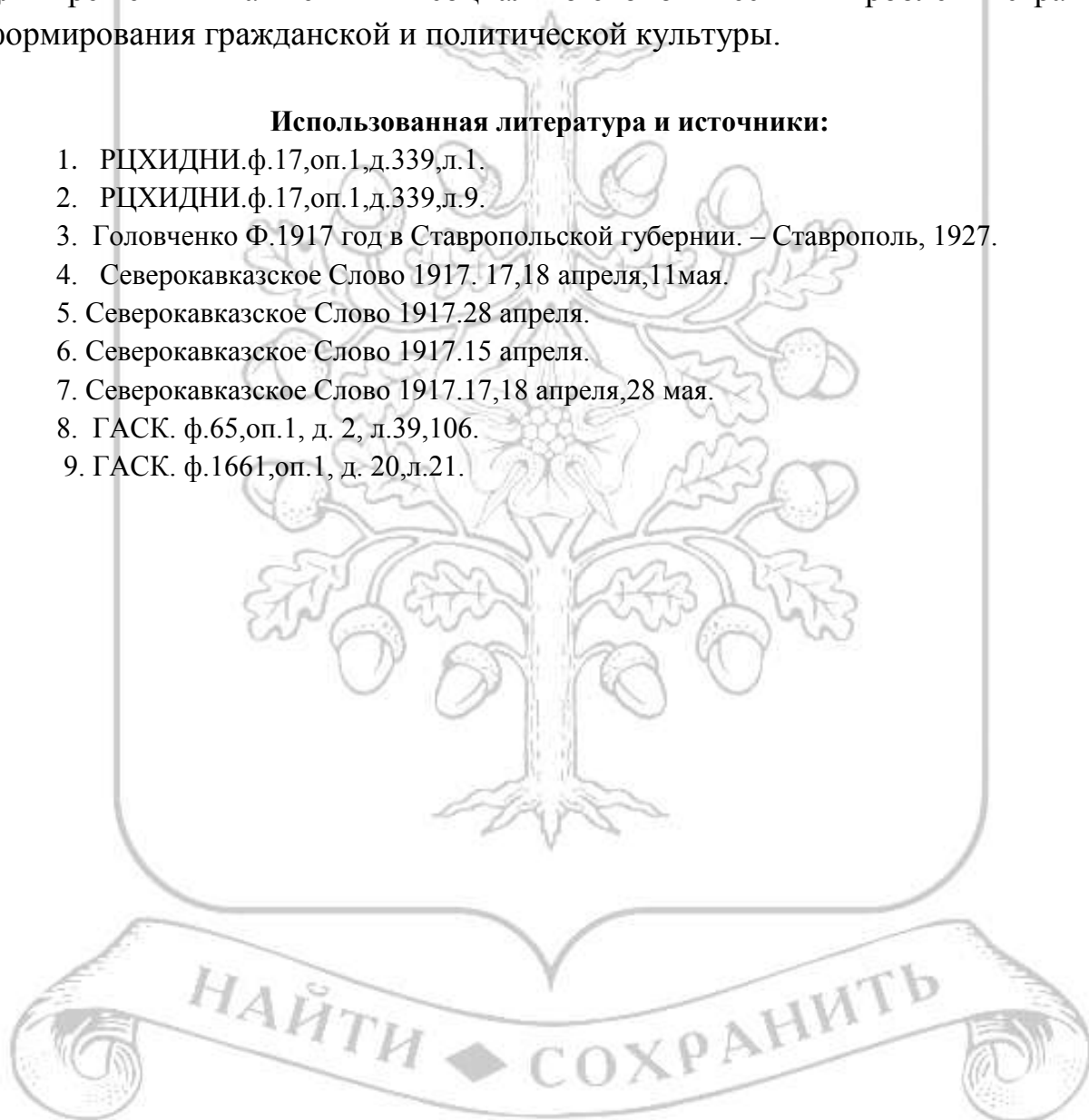
Деятельность местных большевиков усиливалась на фоне обостряющегося политического кризиса в стране, ошибок Временного правительства, отражавшихся на политическом настроении населения на местах и соседних Кубанской, Донской областей. Укреплению ставропольских большевиков, как уже говорилось, способствовало прибытие в Ставрополь грозненского пехотного полка. О том, что главной опорой большевиков в губернии в октябре-ноябре 1917 г. были солдаты местного гарнизона, говорят итоги выборов в Учредительное собрание, которое состоялось в ноябре 1917 г. По данным ставропольской гарнизонной избирательной комиссии из 1929 признанных действительными голосов, поданных солдатами, 996 получили большевики (9).

Еще одной особенностью деятельности местных партийных объединений в период от февраля к октябрю 1917 г. была их активность в работе с населением, а, следовательно, и их достаточно высокий авторитет. В первую очередь, это касается социал-демократов и эсеров.

Современные политические партии, располагающие внешне привлекательной в социальном смысле идеологией, не отражают мнения, как большинства населения России, так и отдельных его категорий по важнейшим проблемам социально-экономического развития общества. Партийные интересы, часто возвышаются над народными. При этом опыт партийной деятельности, межпартийных отношений как на центральном, так и региональном уровнях, мог бы быть востребован на современном этапе, для решения важнейших социально-экономических проблем страны, формирования гражданской и политической культуры.

Использованная литература и источники:

1. РЦХИДНИ.ф.17,оп.1,д.339,л.1.
2. РЦХИДНИ.ф.17,оп.1,д.339,л.9.
3. Головченко Ф.1917 год в Ставропольской губернии. – Ставрополь, 1927.
4. Северокавказское Слово 1917. 17,18 апреля,11 мая.
5. Северокавказское Слово 1917.28 апреля.
6. Северокавказское Слово 1917.15 апреля.
7. Северокавказское Слово 1917.17,18 апреля,28 мая.
8. ГАСК. ф.65,оп.1, д. 2, л.39,106.
9. ГАСК. ф.1661,оп.1, д. 20,л.21.

Ткаченко Д.С.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный университет,
доктор исторических наук, доцент

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ КАВКАЗСКОЙ АРМИИ ПО ВОСПОМИНАНИЯМ
ОЧЕВИДЦЕВ, СОБРАННЫМ Г.Н. ПРОЗРИТЕЛЕВЫМ**

Военный конфликт, развивавшийся на Кавказе в первой половине XIX в. требовал от России приложения значительных военных усилий. Так, из войск, оставленных Петром I после завершения Персидского похода, на Кавказе под командованием генерала М.А. Матюшкина сформировалась основа будущей Кавказской армии - «Низовый» или Персидский корпус. Он стал основой «знаменитейших кавказских полков: кабардинского, тенгинского, апшеронского, ставропольского, покрывших Россию неувядаемой славой» (1, с. 236).

Чем шире разрастались масштабы и география военных действий, тем больше расширялся военный контингент Кавказской армии. «Через Тифлиские ворота, - как писал о Ставрополе И.Д. Сургучев, - когда-то шли войска, предназначенные для замирения Кавказа. Через город проходило множество войск, и на этих проходивших войсках нажили большие состояния ставропольские финансовые тузы»(2, с. 226). Архивные данные ярко подтверждают мысли ставропольского писателя. Ведомость о войсках, прошедших через Ставрополь в 1859 г. отмечает, что «с Черкасского тракта до Ставрополя» прошли: 23 апреля части 14 пехотного резервного батальона из слободы Новоекатеринославской; 19 сентября из Таганрога части 5 стрелкового батальона; 21 сентября из Курска 22 резервный пехотный батальон. Перечисляются воинские команды из Стародуба, Моршанска, Козлова, Рязани, Твери, Ельца и даже Ораниембаума. «С Грузинского тракта» двигались войска Кавказского эскадрона собственного его величества конвоя, конно-артиллерийская казачья дивизия, Владикавказская артиллерийская бригада и др. (3)

Войска пополнялись и на местах. «22 июня 1854 года, - пишет в своих мемуарах ставропольский крестьянин, житель с. Жуково Песчанокоспской волости М.С. Солодун, - я в 15 лет пошел охотником за своего брата на военную службу. В сентябре я был назначен в Киндинский пехотный полк, и вскорости после нового года мы вступили в Гурийский отряд под командой генерал-майора Я.П. Бакланова»(4, с. 4.). Мемуары отставного вахмистра, записанные в начале XX в. историком-краеведом Г.Н. Прозрителевым,

представляют собой яркий материал, освещающий не только ход военных действий по «замирению» Кавказа, увиденный глазами рядового участника событий, но и содержат ценные сведения о повседневной жизни, быте и традициях Кавказской армии. «Это был человек, - пишет Г.Н. Прозрителев, - совершенно неграмотный, но имевший колоссальную память. Не получив никакого образования, Солодун обладал острым умом и поражал своими знаниями»(4, с. 3).

М.С. Солодун описывает завершающий этап борьбы с Шамилем – часть знаменитого «концентрического наступления», предпринятого наместником Кавказа А.И. Барятинским, для ведения которого российские власти мобилизовали не только регулярную армию, но и большую часть казачьего населения Кавказской области. В ходе последней двухгодичной кампании в Чечне М.С. Солодун служил под начальством другого ставропольчанина – знаменитого генерала Н.И. Евдокимова. Яркие воспоминания солдата о ходе боев, в которых он участвовал, целиком согласуются с их официальным описанием в других источниках. Из них наибольший интерес представляет описание штурма хорошо укрепленного аула Ведено. Войска, неожиданно вышедшие к Ведено, по примеру предыдущих военных экспедиций рвались быстрее захватить резиденцию Шамиля и даже подняли ропот против своего командующего, остановившего их порыв. «С Виденьской горы, - вспоминает М. Солодун, - было видно аул, а люди внизу на снегу казались величиною с гуся. Сверху наши снаряды не долетали и разрывались в пути, так было далеко, однако на горе мы простояли без толку целый день. Было видно, как прискакала конница Шамиля, стали выезжать обозы из Виденя по направлению к Даргам. К вечеру стало видно, что на площади перед Виденями показались наши палатки, это двигался основной отряд ген. Евдакимова» (4, с. 9.). Цели «концентрического наступления» были, конечно, более масштабными, чем представляли себе рядовые солдаты: Н.И. Евдакимов отдал приказ о начале штурма не раньше, чем были расчищены все подступы к аулу и установлен контроль над близлежащими селениями.

Затем, началась правильная осада укрепленного аула. Русские солдаты выстроили вокруг Ведено редуты, разместили в них артиллерию и в течение суток вели непрерывный артиллерийский обстрел передовых вражеских укреплений. Небывалого по своим масштабам артиллерийского обстрела горцы не выдержали и бежали. «Мы пустили ракету, и в лагере началось молебствование, - вспоминал ставропольский участник штурма. Затем нам приказали взять саму крепость, и мы спустились в балку, пошли через речку к стенам. В крепости не оказалось никого: все ушли тайной тропой. Зажгли

мы факелы и отворили ворота. Весь двор крепости был изрыт воронками от бомб и засыпан осколками» (4, с. 10).

Армия участвовала не только в военных действиях, но и занималась обустройством новых крепостей, прокладкой дорог в горах, вырубкой леса и освоением территорий. Их описание дает рядовой участник. «Походы и нападения на неприятеля были сопряжены с рубкой леса для прохода войск. И вот, делая просеку на ружейный выстрел от отряда, и возвращаясь к вечеру домой на позицию, каждый солдат должен был тащить дрова для себя, а иначе не пустят к огню в своем капральстве (объединении из 55 человек)» (4, с. 18).

Труд солдат в мирное время был так же очень тяжел и опасен, а потери армии на строительстве часто превосходили потери в военных экспедициях. «На Сулаке, вспоминает М.С. Солодун, - мы начали строить Преображенскую крепость на половину горы. Лес брали между снеговыми кряжами, спускали вниз по реке и ловили близь крепости. В ущельях была жара между гор, а на горах стоял снег. Кроме крепости мы разрабатывали дороги на ширину проезда тройки. «Урок» (норма выработки – авт.) был прорубить 40 вершков камня на 2 человека; если не успеешь, то и в воскресенье работаешь. Давалось два лома и молот: один бьет, а другой проворачивает. Ударит сто раз и бьет другой. Затем дыры прочищались ложечкой и вставляли гильзу для взрыва. Много наших людей погибло при разработке дорог от падающих камней и деревьев: человек по 30 в день гибли. Было даже замечено, что если человек побежит вдоль падающего дерева, то его обязательно убьет, хоть и не заденет, а если в сторону, то и ничего...»(4, с. 15).

Трудности работ усиливались нападениями со стороны горцев, для защиты от которых рабочая команда окружалась цепью солдат. Сил для охраны, как правило, не хватало, и неприятель часто прорывался, стараясь уничтожить безоружных рабочих. М.С. Солодун стал очевидцем одного из таких нападений на его бригаду, в ходе которого было убито 70 человек, а солдат «Гончук получил 56 ран в голову и спину. Благодаря лесу нельзя было размахнуться для удара, и они его кололи...» (4, с. 16).

Опасности подстерегали солдата на так называемой «немирной территории» при любом отдалении от своих. «В мае 1856 г. мы пошли за фуражом (для заготовки сена лошадям – авт.) по реке Ачхой, - вспоминал М.С. Солодун, - Было 2 сотни донцов, 44 ставропольских казака из станицы Михайловская и нас, стрелков, 36. Раскинув пикеты между лесом и поляной, начали косить траву. Вдруг из леса показалась шайка горцев. Донцы бросили вьюки с сеном и побежали к редуту Ачхой под защиту пушек. Нас осталось

человек 70». Отбившись от нападения, где особенно отличились храбростью михайловские линейные казаки, солдаты потом долго упрекали донцов за проявленную трусость (4, с. 19).

В армии, ведущей боевые операции в тяжелых условиях, была установлена строгая дисциплина и суровая система взысканий «наказывали розгами часто за пустяки, по 150 – 200 ударов. За неправильные ружейные приемы били шомполами»(4, С. 18). Наиболее жестоко военный суд карал за побеги и уголовные преступления: виновного по приговору полагалось прогнать сквозь строй и назначалось от 200 до 700 ударов. «Некоторые командиры при наказании стояли в стороне, и тогда солдаты били легче, - вспоминал очевидец событий, - а некоторые шли по шеренгам и наблюдали, причем крестиком отмечали легко ударившего и тогда его самого наказывали розгами» (4, с. 23). Однако, как отмечают очевидцы, случаи злоупотребления офицерами своими полномочиями, чаще всего, не оставались безнаказанными: армия вела боевые действия, и страх быть застреленными своими солдатами был действенным. М.С. Солодун был свидетелем того, как непопулярный командир, который под разными предлогами не участвовал в боевых походах, но ежедневно бил плетью своих солдат, был убит одним из пострадавших. «В день экзекуции он потребовал барабан и сел на него, отдал свою пашку солдату Андрееву, а тот, стоя сзади, перекрестился и срубил ему голову»(4, с. 24).

Тяжелые условия жизни и службы в армии толкали некоторых солдат на путь дезертирства. Особенно много дезертировало поляков, которых за участие в польских восстаниях имперские власти ссылали рядовыми на Кавказ. Так, известный польский авантюрист Т. Лапинский, прибывший из Константинополя на Черноморское побережье, смог в короткий промежуток времени сколотить из беглых поляков довольно внушительный артиллерийский отряд, воевавший против России в Закубанье (5).

Однако, в целом, общие опасности жизни в Кавказской армии объединяли людей. Между частями «стрелковыми ротами, как бывшими постоянно в военных действиях, была большая дружба, в силу которой, они, проходя в место лагеря, встречали, угощали обедами, давали друг другу бесплатно сено и дрова, выручали в случае опасности»(4, с. 24).

Использованная литература и источники:

1. Покоренный Кавказ: Очерки исторического прошлого и современного положения Кавказа/ Под ред. А.А. Каспари. - СПб., 1904.
2. И. Сургучев. Северный Кавказ// Сургучевские чтения – 2006. – Ставрополь, 2006.
3. Ведомость о прошедших через Ставропольскую губернию команд //Сборник сведений о Северном Кавказе.- Т. VI. – Ставрополь, 1910.

4. Воспоминания старого кавказца, отставного вахмистра Мефодия Степановича Солодуна// Прозрителев Г.Н. Из прошлого Северного Кавказа. – Ставрополь, 1914.
5. Теофил Лапинский. Горцы Кавказа и их борьба против русских.- Нальчик, 1995.

Шкарупа И.Ф.,
г. Минеральные Воды,
лицей № 104,
учитель истории

СОХРАНИМ ИСТОРИЮ ПОТОМКАМ

Гениальному нашему поэту А.С. Пушкину было всего 30 лет, когда он написал двестише, которое может быть понятно, и прочувствовано до конца только в более зрелые годы:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

В этих строках все: и наша любовь к Родине, ее истории, ее героям, и наша обязанность сохранить эту историю до мельчайшей крупички как нашу «животворящую святыню».

Вот уже 40 лет я работаю в школе, которой в этом году исполнится 105 лет. 130 лет тому назад акционерное общество Владикавказской железной дороги построило на землях ногайского помещика Султан-Гирея, в полосе отчуждения, вокзал, депо, дома для рабочих, мастеров, машинистов, кондукторов, и самое важное – целый учебный и культурный комплекс, куда входили два двухклассных училища – женское и мужское, женская гимназия, реальное училище, клуб и церковь.

Однако все это было бы забыто, если бы не краевед В.Б. Гриценко, выпустивший в 1998 году «Историю земли Минераловодской». А вот историю своей школы, бывшего двухклассного женского училища, начали писать мы только в 1960-е годы. Мне пришлось в качестве организатора внеклассной работы продолжить работу ветеранов школы. Однако к фундаментальной летописи школы приступили только в 2000 году. В то время наша школа уже перестала быть железнодорожной и перешла в ведение края. Но отдел учебных заведений Северо-Кавказской железной дороги сделал напоследок большое дело, опубликовав архивные материалы о времени открытия железнодорожных школ и их деятельности до революции. Так мы узнали, что дата открытия нашей школы начинается не с 1912 года, когда было построено ее здание, а с 1902 года. Возникла мысль собрать и опубликовать материал о жизни школы... Разделив его по десятилетиям. Был создан авторский коллектив из учащихся 8-11 классов. Ребятам были представлены все материалы: документы, воспоминания, фотографии.

Описание должно было идти на фоне истории страны и края. Конечно, сразу обнаружилось, что многого не хватает. Начались поиски свидетелей эпохи, которые дали прекрасные результаты: нам были предоставлены дореволюционные фотографии, свидетельства об окончании училища, рукоделия выпускниц. Все это датировалось 1912, 1915, 1916, 1917 годами. Учащиеся-поисковики могли гордиться своей деятельностью: они раздобыли уникальные документы и предметы, узнали о судьбах учителей и учащихся школы. Созданная нами книга «История школы» состояла из двух разделов. Первый назывался «От двухклассного женского училища до лицея №104». Он открывался исследованием «Педагогический коллектив школы за сто лет своего существования», в котором давался анализ работы педагогов в дореволюционный и советский период, на конкретных фактах рассказывалось об условиях жизни учителей, методах преподавания, о судьбе тех, кто стал легендой школы, пользовался огромным авторитетом и уважением, внёс свой, неповторимый вклад в историю школы. Иллюстрируется статья портретами директоров школы, работавших в разные годы.

Кстати, уважение к труду учителя – одна из традиций школы. Если вы войдёте в здание школы, то на первом этаже познакомитесь с выставкой «Учитель, перед именем твоим позволь смиренно преклонить колени». Второй раздел книги об истории школы называется «Живые голоса истории». В нём опубликованы воспоминания учителей и учащихся (всего 42 человека). Воспоминания были написаны в разное время, содержат интересную информацию и неповторимый дух времени. Заканчивается история школы хронологией основных событий жизни школы. Одновременно для малышей был подготовлен сборник «Рассказы по истории школы», где в доступной, а подчас в занимательной форме рассказывается об основании школы («Откуда пошла наша школа», «Хрустальная люстра»), первых пионерах («Барабан»), военном лихолетье («Листок из школьной тетради», «Кусочек хлеба»).

Благодаря переписке с Литературным институтом имени Горького, редакцией газеты «Правда», мы смогли восстановить историю жизни и творчества нашего ученика, известного литературного критика 60-х - 70-х годов Виктора Ксенофонтовича Панкова. Статья о нем напечатана в «Ставропольском хронографе» за 2006 год, а для городской библиотеки сделан буклет «Знаменитые минераловодцы». Сейчас готовится второе издание «Истории школы», исправленное и дополненное.

Весь материал, собранный поисковыми группами, невозможно было вместить в один сборник. Поэтому к 60-летию Победы мы выпустили «Книгу

памяти учителей и учащихся школы – участников Великой Отечественной войны». В нее занесены 68 имен. Вступительная статья: «Идет война народная» рассказывает, где и как воевали учителя и учащиеся на всех этапах войны. О 34-х участниках войны были составлены биографические справки, проиллюстрированные документами и фотографиями войны. Заканчивает книгу рассказ о работе поискового отряда и творческие работы учащихся о войне. На здании школы была открыта мемориальная доска, созданы 2 интернет-сайта, в местных газетах сделано 6 публикаций по материалам «Книги памяти». Всё это результат работы наших поисковиков.

Параллельно шла работа по изучению истории города. Перед учащимися-исследователями стояла задача найти и описать неизвестные страницы истории города. Так появился сборник «Истоки» (2004 год), в котором была описана история хутора Красный пахарь (сейчас он становится новым микрорайоном города), история первой улицы города, главных улиц города, музеев. Интересна работа о деятельности органов безопасности по раскрытию преступлений немецко-фашистских захватчиков в городе Минеральные Воды. Для этого ученику пришлось поработать в местных архивах. В нашем городе на 6 лет раньше (1966 год), чем в Пятигорске, был проведен суд над предателями Родины. В исследовании была показана страшная картина преступлений фашистов и их пособников, рассказано о подвиге чекистов, нашедших предателей. Автор статьи получил диплом второй степени на краевом и Всероссийском конкурсе.

Юные краеведы в 2007 году выпустили второй сборник «Истоки», который назвали «Культура родного города». В ходе кропотливой поисковой работы был описан и классифицирован материал об архитектурных памятниках города, первых жилищах посёлка Султановского, праздниках и обрядах, одежде взрослых и детей, истории учреждений культуры, композиторах Минеральных Вод. Темы были так интересны, что их опубликовал в своих сборниках филиал Белгородского университета им. Шухова, Лингвистический университет города Пятигорска. Работа «Одежда детей и школьников города Минеральные Воды» получила диплом второй степени на XVII краевой научной конференции школьников, а исследование о жилищах поселках такой же диплом в этом году.

Благотворительный фонд мэра нашего города выделил деньги для путеводителя «Музеи города Минеральные Воды», которой стал методическим пособием учителя.

Выбранный нами метод обобщения и классификации объектов культуры оказался исторически достоверным: так мы узнали что дома, когда-то построенные на улице Султановской, действительно принадлежали купцу

Шилову. Учеников-краеведов объединяла любовь к родному городу и обида на то, что в созданных за последнее время в книгах об истории края и КМВ ничего не говорится о его вкладе нашего города в культуру Ставропольского края. Между тем дореволюционная эпоха дала здания в стиле классицизма, русско-византийском стиле, советская эпоха – конструктивизма, неоренессанса и индустриализма, а песни композитора Григорьянц Эдуарда Суреновича поют Валентина Толкунова и Лев Лещенко. Обо всём этом в нашем сборнике «Истоки-2». Я часто провожу пешие экскурсии по городу, подолгу задерживаясь перед зданиями и памятными местами, рассказываю их историю и вижу, с каким неподдельным интересом воспринимают дети рассказ о прошлом и настоящем своего города, как простые и понятные слова пробуждают детей от духовной слепоты, а наши исследования становятся тем животворящим источником, из которого они черпают «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам».

Сейчас у нас в работе третий сборник «Истоки-3». Уже сделаны исследования по темам «Так начиналась первая газета города», «Некрополи города и района», «Обряды захоронения в прошлом и настоящем», «Путеводитель по главной улице города». Хотя наши книги рукописные, но один экземпляр мы отдаём в краеведческий отдел центральной библиотеки города для массового читателя. Так школа выполняет свою главную задачу: не допустить, чтобы у молодого поколения угас интерес к истории родного города и края.

ИСТОРИЯ МУЗЕЙНОГО И АРХИВНОГО ДЕЛА

Колосовская Т.А.

г. Ставрополь,
Ставропольский государственный университет,
доцент, кандидат исторических наук

ОБ ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АРХИВНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ КАВКАЗА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ КАВКАЗСКОЙ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ)

В настоящее время, когда интерес к различным аспектам взаимоотношений России с Кавказом не только не ослабевает, а все более усиливается, представляет значительный интерес вопрос выявления и издания исторических источников для исследования обозначенных проблем. В этом ключе большой интерес представляет деятельность Кавказской археографической комиссии, как учреждения дореволюционной России, занимающегося собиранием, описанием и публикацией материалов по истории российско-кавказских взаимоотношений.

После завершения Кавказской войны, в 1864 г. распоряжением Кавказского наместника великого князя Михаила Николаевича при его Главном управлении была учреждена Кавказская археографическая комиссия. Новое учреждение должно было производить «тщательный разбор архивных документов, любопытных в каком-либо отношении, на русском, грузинском, армянском и других восточных языках и обнародовать их отдельными выпусками по мере извлечения из дел материалов в подлинниках, чтобы акты на восточных языках сопровождались русским переводом и необходимыми критическими замечаниями и дополнениями по мере их надобности» (1, с.153). Обе задачи - «тщательный разбор архивных документов» и «обнародование их» - рассматривались как взаимосвязанные. Архивные дела должны были разбиваться комиссией на три категории. К первой категории относились дела, подлежащие немедленному уничтожению, ко второй - дела, которые должны быть еще оставлены на некоторое время, и к третьей - дела, подлежащие всегдашнему хранению. Для опубликования отбирались дела из второй и третьей категорий.

Первым председателем комиссии, основным инициатором и вдохновителем ее работ стал Адольф Петрович Берже. Известный кавказовед, энтузиаст своего дела он смог привлечь к работе в комиссии

грузинских историков Н.Г. Берзенова и Д.З. Бакрадзе, азербайджанского философа и общественного деятеля М.Ф. Ахундова и многих других исследователей Кавказа.

Комиссия начала работу с разбора и опубликования дел архива Главного управления Кавказского наместника, «как учреждения старейшего за Кавказом и центрального по важности и обилию хранящихся в нем актов». (2, с. IV.) Основание этого архива приходится на начало XIX в. и связано с вхождением Грузии в 1801 г. в состав Российской империи. Этим обуславливаются хронологические рамки документов, которые хранились в архиве. Большая часть их относится к концу XVIII - первой половине XIX в. Ко времени создания Кавказской археографической комиссии количество дел в архиве представляло внушительную сумму - 128 тыс. и 877 переплетенных томов. Эти материалы, по мнению А.П. Берже, могли «послужить богатым источником возможных сведений о развитии в здешнем крае гражданского управления и постепенном присоединении к России разных владений, образовавших собою Кавказское Наместничество...» (2, с. V).

Официальное издание комиссии называлось «Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею» (АКАК). Публикаторская работа комиссии под председательством А.П. Берже велась достаточно активно и к середине 80-х гг. XIX в. было опубликовано десять томов АКАК. Столь успешная издательская деятельность комиссии объяснялась тем, что издание АКАК было направлено на решение актуальных идеологических и практических задач, стоящих перед Кавказской администрацией в то время. А именно: идеологическое обоснование присоединения Кавказа к России, необходимость изучения политической, экономической и социальной истории края для лучшего управления им. По этому поводу А.П. Берже писал: «С окончанием Кавказской войны и умиротворением здешнего обширного и разноплеменного Края, наступила пора свести счеты слишком полувековой, обильной событиями деятельности Русского Правительства на Кавказе, дабы достойно открыть новую эпоху жизни этого края, мирную эпоху внутреннего развития. С этой целью Правительству естественно было оглянуться на свое прошлое, измерить путь, им пройденный со дня водворения здесь Русского владычества, взвесить и оценить надлежащим образом те громадные препоны, которые ему предстояли, и те способы, коими последние были преодолены - и все это осветить фактами, неподлежащими сомнению, имеющими историческую достоверность». (2, с. VI) Подобные факты можно было почерпнуть только из прямых, еще никем не опубликованных источников, сосредоточенных в местных архивах.

В 1866 г. вышел в свет первый том АКАК, состоящий из двух частей. В первую часть вошли ценные исторические источники X - XIV вв., переданные в архив Главного управления в 1852 г. из Грузино-Имеретинской Синодальной конторы. Это, прежде всего, так называемые гуджары или жалованные грамоты царей и других влиятельных особ Грузии на грузинском языке. Предлагаемые гуджары впервые публиковались с синхронным русским переводом, и представляли огромный интерес как источники, характеризующие отношения церкви и духовенства к обществу и степень их влияния на политические дела. Они же показывали и ту роль, какую духовенство играло в экономической жизни Грузии, посредством владения значительным числом крестьян и имений. В числе опубликованных источников оказались грамоты с собственноручными подписями грузинских царей и католикосов, представляющие интерес, как по своему внутреннему содержанию, так и по палеографическим особенностям, с оригинальными украшениями в заглавиях. Не меньший интерес представляли опубликованные здесь же персидские фирманы, данные последними представителями Сефевидской династии, Надир Шахом и его приемниками. Интересно отметить, что после опубликования столь ценных исторических источников с них были сняты копии, а оригиналы переданы на постоянное хранение в Петербургскую публичную библиотеку.

Во вторую часть вошли документы, относящиеся ко второй половине XVIII в. за время управления Кавказским краем генерал-лейтенанта К.Ф. Кнорринга, до смены его князем П.Д. Цициановым, в конце 1802 г.

Публикуемые документы в следующих томах АКАК систематизировались в хронологическом порядке, охватывая материал за время управления краем того или иного главнокомандующего на Кавказе. Основной комплекс изданных материалов составили документы о присоединении народов Северного Кавказа к России, русско-иранской и русско-турецких войнах, значительное количество источников о Кавказской войне: официальная переписка, отчеты высшего командования и т.д.

После разбора и опубликования документов архива Главного управления, Кавказская археографическая комиссия, под руководством А.П. Берже, планировала приступить к разбору архивов в городах Ставрополе, Георгиевске и Кизляре. Последний для комиссии представлял наибольший интерес, т.к. до постройки Азово-Моздокской линии Кизляр был «Русской столицей на Кавказе, а потому все наши сношения с горцами и с Грузией, подготовившие дальнейшее развитие правительственной деятельности, могут

быть объяснены и выведены наружу только расследованием Кизлярского архива». (2, с. с. VI) Однако этим планам не суждено было осуществиться.

После смерти А.П. Берже работа над изданием АКАК продолжалась, но ее темпы значительно снизились. Новым руководителям комиссии удалось опубликовать всего два тома АКАК, причем XI том, включающий в себя материалы за время управления краем Н.Н. Муравьевым, был подготовлен к изданию под руководством еще самого А.П. Берже.

В начале 90-х гг. XIX в. выходит в свет XII том АКАК, подготовленный к изданию новым председателем комиссии Е.Д. Фелицыным. В XII том вошли материалы за период управления краем князя А.И. Барятинского (1856 - 1862 гг.). Он был издан не в традиционном формате *in folio*, а в меньшем формате, без приложений, в 3 частях. Подобное издание, в более удобном для пользования и более дешевом формате давало возможность ознакомить с книгой широкие круги общественности. В 1904 г. XII том был переиздан в традиционном для данного издания формате.

В начале XX в., под руководством Д.Н. Михайлова, возглавлявшего комиссию с 1906 по 1916 гг., проводилась работа по подготовке к изданию XIII тома АКАК. Новый том должен был включать в себя материалы за 1863 - 1882 гг. (период наместничества на Кавказе вел. кн. Михаила Николаевича). Однако печатание материалов XIII тома началось только при новом председателе Г.Н. Прозрителеве и продвигалось очень медленно. К 1 апреля 1917 г. типография напечатала 4 листа и прекратила дальнейшую работу.

Прекращение работы над XIII томом АКАК во многом связано с правительственным контролем за издательской деятельностью комиссии. Последний проявлялся в хронологических ограничениях ее публикаций. Вышедшие в свет X - XII тома АКАК содержали документы о развитии «гражданского управления» на Кавказе по 1862 г. (до периода наместничества Барятинского включительно), т.е. ограничивалось Кавказской войной и выселением горцев Западного Кавказа в Турцию. Опубликование документов за более поздний период признавалось преждевременным.

В целом вся издательская работа Комиссии находилась под строгим идеологическим контролем со стороны правительства. На оборотной стороне титульного листа каждого тома АКАК написано: «Печатано с разрешения его императорского высочества наместника Кавказского» (начиная с XI т.: «Печатано с разрешения главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе»). В 1890 г., при подготовке XII тома, в который вошли материалы по окончательному присоединению Кавказа к России, была создана особая проверочная комиссия, для «достижения возможной осторожности при

внесении в означенный том сведений, касающихся этой близкой нам эпохи».
(З, с. 19)

В 1917 г. Кавказская археографическая комиссия в числе других учреждений царского правительства на Кавказе была упразднена. Несмотря на отдельные недостатки в работе комиссии, нельзя не отметить ее положительного вклада в расширение источниковой базы исследования российско-кавказских взаимоотношений. АКАК включают ценные исторические источники, содержащие важные сведения по истории российской политики на Кавказе, не утратившие своей значимости для исследователей и в настоящее время.

Использованная литература и источники:

1. Софинов П.Г. Из истории дореволюционной археографии. Краткий очерк. М., 1957.
2. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею (АКАК) / Под ред. А.П. Берже. Тифлис, 1866. Т.1.
3. Парова Л.М. Деятельность правительственных учреждений Кавказского края во второй половине XIX - начале XX в. по публикации источников истории Кавказа: (Принципы и методы издания). Автореф. дис. ...канд.ист.наук. М.. 1985. С. 19.

ИЗУЧЕНИЕ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ

Барбанова Е.Г.,

г. Ставрополь,

Ставропольский государственный музей-заповедник

им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве,

научный сотрудник

МОНЕТЫ ГОРОДОВ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА В НУМИЗМАТИЧЕСКОМ СОБРАНИИ СТАВРОПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА. РОЛЬ Е.А. ПАХОМОВА В ИЗУЧЕНИИ ДАННЫХ МОНЕТ

Самыми древними монетами в нумизматической коллекции музея являются монеты, чеканенные более двух тысяч лет назад в Боспорском царстве, которое возникло как объединение греческих городов Северного Причерноморья и местных племён скифов. Его становление относят к V-IV вв. до н.э. С развитием торговых связей боспорские города активно выпускают свои монеты.

Коллекция нашего музея насчитывает около 100 таких медных монет. По характеру поступлений их можно отнести к случайным находкам, так как первичная информация об их происхождении очень скудна. Краткая аналитическая характеристика коллекции следующая.

Уверенно относятся к боспорской чеканке 84 монеты, неудовлетворительная сохранность остальных монет затрудняет их точное определение. Хронологические рамки выпусков: от IV века до н.э. и до IV века н.э. (800-летний период). Очень четко выявляется типологическая разница выпусков - монеты городской чеканки Боспора IV-I в.в. до н.э. и чеканка Боспора римского времени I-IV вв. н.э.

В первой группе 58 монет, из которых основная часть – выпуски городов: Пантикапея, Фанагории, Горгиии. Интенсивность выпуска монет от имени каждого из городов была неодинакова. Так, пантикапейские монеты – обычны, фанагорийские, и, особенно, горгийские – очень редкие. В нашей коллекции находятся 3 такие монеты. Все монеты разменных номиналов – от мелких халков до оболлов, имеют очень разнообразный изобразительный ряд. Преобладает господство гражданских типов: голова сатира, голова быка, лира, рог изобилия, грифон. Самый распространенный аверс – изображение лука и стрелы с надписью «ΠΑΝ» (Пантикапей).

Номиналы на монетах не обозначены, а определяются весом монеты и иконографией. Интересна и технологическая особенность монет – монетные кружки литые, на некоторых экземплярах хорошо просматриваются следы литников.

26 монет второй группы относятся к чеканке Боспора, находящегося под римским протекторатом, когда денежная система была приведена в соответствие с римской и была под контролем Рима. В римское время на Боспоре чеканили монеты в золоте и в меди, причем со временем происходит такая деградация золотых статеров, что они выпускаются из меди. В нашей коллекции представлены медные монеты: сестерции Савромата I (93-123 гг.), статеры Фофорса (285-309 гг.) и Рескупорида V (318-336 гг.). Почти все монеты однотипны: Боспорские цари должны были изображать на своих монетах тех императоров, под влиянием которых они находились. На аверсе монет – погрудное изображение царя вправо внутри круговой легенды, на реверсе – погрудное изображение римского императора.

Почти вся коллекция, за исключением двух монет – это поступления начала XX века в музей Северного Кавказа Г.Н. Прозрителева. В старой музейной книге поступлений (в листах) есть записи рукой самого Прозрителева о поступлениях медных монет из раскопок в Керчи и на Тамани. Правда, на этом информация исчерпывается. По всей видимости, на тот момент никто не занимался изучением и определением этих монет.

Надо отметить, что и в более позднее время, монеты так и не были идентифицированы. Записи в Книге поступлений № 3 Ворошиловского краевого музея краеведения за 1936-1948 гг., также ограничиваются тремя словами: «монеты древние медные». И только, в конце 1940-х годов была произведена первичная атрибуция монет, определена принадлежность их к боспорской чеканке. Впервые это сделал Евгений Александрович Пахомов. И здесь уместно восстановить для музея и города биографию этого известного советского археолога и нумизмата.

Евгений Александрович Пахомов родился 25 февраля 1880 года в г. Ставрополе. В 1896 г. окончил реальное училище в Тбилиси, получил «Кавказскую стипендию» и был направлен в Петербургский технологический институт. Одновременно учился в Археологическом институте и успешно закончил его в 1900 году. Получив диплом инженера-технолога в 1902 году, был направлен в Закавказье. В 1916-1918 гг., как военный инженер строил стратегическую железную дорогу Карс-Ардаган-Эрзерум. В 1919 году переехал в Баку.

По роду инженерной деятельности Евгений Александрович часто выезжал в разные районы Кавказа и Закавказья, где попутно изучал

памятники древности. Интерес к древностям, к истории вскоре стал преобладающим. С 1920 года Пахомов выступает одним из организаторов Музея истории Азербайджана, где проработал свыше 40 лет, сначала заведующим историко-этнографическим отделом, а затем заведующим нумизматическим фондом. Одновременно, Евгений Александрович сотрудничал с Бакинским университетом, сначала в качестве доцента, затем заведующим кафедрой археологии и нумизматики. В 1946 году защитил докторскую диссертацию и его утвердили профессором Азербайджанского государственного университета, в 1947-1953 гг. он заведует кафедрой археологии. В 1956 году Е.А. Пахомову было присвоено звание заслуженного деятеля науки АзССР. В 1962 году его избирают членом-корреспондентом Академии наук АзССР. Им опубликовано около 100 научных работ. Имя Е.А. Пахомова и его труды по истории, нумизматике, археологии известны не только в нашей стране, но и за рубежом.

Предположительно в 1947-1948 гг. Евгений Александрович был в нашем музее, об этом свидетельствуют черновые записи на конвертах с монетами, которые он определял. Вероятно, его приезд в Ставрополь был личного характера, так как здесь жила его родная сестра. Выяснился ещё один интересный факт – Евгений Александрович был знаком с Григорием Николаевичем Прозрителевым по переписке. Так, в 1922 году Евгений Александрович прислал письмо Г.Н. Прозрителю с просьбой предоставить ему данные по определенным монетам для составления каталога монет «мусульманского чекана». Между ними завязалась переписка, которая касалась не только вопросов нумизматики. Вероятно, общие интересы в области истории, археологии, музейного дела их сближали, они стали обмениваться не только письмами, но и авторскими книгами. Письма Е.А. Пахомова 1922-1930 гг. сейчас хранятся в Ставропольском музее-заповеднике в фонде Г.Н. Прозрителева (фонд № 2, ед. хр. 135). К сожалению, этим сегодня информация о связях Е.А. Пахомова с нашим городом и музеем исчерпывается.

Умер Евгений Александрович в мае 1965 года в Баку, в возрасте 85 лет. На сегодняшний день – это один из крупнейших специалистов в области восточной и закавказской нумизматики. Сведения о нём вошли в ряд академических отечественных и зарубежных изданий. Его имя достойно того, чтобы включить его в списки наших выдающихся земляков.

Использованная литература и источники:

1. Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986.
2. Голенко К.В. Третий потрейский клад (1970 г.) и некоторые замечания о боспорской чеканке III в.н.э. //Нумизматика и эпиграфика. т. XII, М.: Наука, 1978, с. 10-40.

3. Фролова Н.А. Медные монеты Боспора конца I в. до н.э.— начала I в.н.э. // Нумизматика и эпиграфика. т. XV, М., 1989, с.3-18.
4. Исангурин Р.А., Исангурин Е.Р. Монетное дело Боспорского царя Радамсада// Нумизматика и эпиграфика. т. XV, М.: Наука, 1989, с., 53-96.
5. Минкевич-Мустафаева Н.В. Е.А. Пахомов //Советская археология. №4. 1965, с.301-303.
6. Фенглер Х., Гироу Г., Унгер В. Пахомов Е.А. //Словарь нумизмата. М., 1982, с.206.

Бармина Т.Б.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник
им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе,
младший научный сотрудник

**ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭПИСТОЛЯРНЫХ ИСТОЧНИКОВ
НА ПРИМЕРЕ КОЛЛЕКЦИИ ПИСЕМ
ИЗ ФОНДА ЗИНАИДЫ ЯКОВЛЕВНЫ ИВАНОВОЙ
(ФОНДЫ СГМЗ ИМ. Г.Н. ПРОЗРИТЕЛЕВА И Г.К. ПРАВЕ)**

В XIX в. переписка, в условиях усовершенствования и развития почтовой связи в стране, а так же отсутствия в прессе регулярной информации о важнейших событиях культуры, внутренней и международной жизни, превратилась в важнейшее средство общения. У простых обывателей письма оставались единственной отдушиной, их писали ежедневно, им радовались и очень ждали. Отсюда трудно переоценить значение коллекции писем семьи Ивановых, где отображены не только мелкие семейные неурядицы, но и в целом состояние общества той эпохи.

Частную переписку, как исторический источник, можно разделить условно на две большие группы: на переписку, в центре которой стоят интимные вопросы, вопросы быта, личных и семейных отношений, и на переписку, в центре которой стоят вопросы общественно-политической и культурной жизни (1).

Эпистолярные источники представляют большую ценность для исторической науки, так как, по мнению современных исследователей, они наиболее последовательно воплощают процесс самосознания личности и становление межличностных отношений. Автор письма воспроизводит лишь ту часть действительности, которая находилась буквально в его поле зрения, основывается преимущественно на собственных непосредственных впечатлениях и эмоциях. Крайняя субъективность рассматривается здесь как склад личности, ее пристрастия — это тоже выражение времени, и во всем: даже в самых обыденных привычках, манерах — человек запечатлевает свое время (2). Д.Н. Овсяннико-Куликовский пишет о том, что обыденная жизнь человека дает множество поводов для того, чтобы каждый из нас мысленно вел дневник. И эти «неписанные мемуары» и вообще «обывательское творчество» несут серьезную информацию — классовую, сословную, профессиональную, узко национальную (3).

Исследуемая нами коллекция писем из фонда Зинаиды Яковлевны Ивановой насчитывает 75 листов и состоит, в основном, из переписки родственников, где политические аспекты мало просматриваются, а преобладают узкосемейные проблемы, здесь же обнаружено и несколько официальных писем (4).

Использование писем как источников представляет и определенную сложность. Изначально они не были предназначены для длительного хранения и выполняли главным образом коммуникативную функцию. Это в определенной мере сказывалось на степени их сохранности, сосредоточенности в архивохранилищах и ограничивает возможности их поиска. Письма плохо сохранялись, часто уничтожались самими адресатами или авторами. В частности, в исследуемой нами коллекции присутствует послание с просьбой «порвать этот листок» (5).

Как и любую частную переписку, фонд З.Я. Ивановой характеризует широкое использование всякого рода намеков и полунамеков, значительная часть которых понятна лишь автору и адресату. В переписке много шуточных или специально зашифрованных имен, например: «Ваш материалист»(6), «Родненький Зиньчик»(7), и ласковых – «Милочка, Маня»(8).

Из документального фонда нам известна история трех поколений семьи Ивановых. Семья Ивановых проживала по улице Нижнеподгорная, 7 (ныне ул. Победы, 17). У Даниила Александровича Иванова была жена Александра Николаевна и шестеро детей: Яков, Василий, Константин, Алексей, Александр, Мария. Из документального фонда известно, что Александр, Яков, Константин, Алексей Ивановы окончили Ставропольскую классическую гимназию, затем Московский университет. Александр Иванов служил врачом в городе Ставрополе, был репрессирован, умер в заключении. Яков, Константин, Алексей Ивановы окончили историко-филологический факультет, служили преподавателями: Яков в городах Новороссийске и Баку, Константин в Ставропольской Ольгинской гимназии.

Последней прямой представительницей рода была дочь Якова Даниловича и Марии Ивановны Ивановых – Зинаида Яковлевна Иванова. Известно, что Я.Д. Иванов был убит в годы Первой Русской Революции в Баку, Мария Иванова умерла от туберкулеза в 1914-1915 годах. З. Иванова, оставшись без родителей, после окончания Бакинской женской гимназии Св. Нины переехала в город Ставрополь, поселилась по улице Подгорной, до пенсионного возраста работала в Ставропольском противочумном институте. Одной из черт характера этой женщины была страстная привязанность к вещам, поэтому после смерти Зинаиды Яковлевны в 1988 году все

устаревшие предметы, хранившиеся в доме, были переданы в музей ей родственницей – Надеждой Кирилловной Ивановой. Дарение это было достаточно велико, в его состав входила и коллекция писем, рассматриваемая в данной работе. Хочется отметить, что каждое из них уникально, но, к сожалению, объём заявленной статьи не позволяет нам коснуться каждого письма в отдельности, поэтому укажем наиболее интересные темы: 1. Работа, бытовые проблемы, домашние хлопоты; 2. Финансовая нестабильность: безработица, дороговизна, всеобщая нехватка и, связанная с этим, возможная денежная помощь; 3. Любовь; 4. Поздравления, выражения благодарности.

Первая тема присутствует в той или иной мере почти во всех письмах, иногда углубляется до мелочей, например: рецепты от простуды (9), описание покупок (10), рассказ о рабочем дне (11), и т.д. в некоторых посланиях указывается, что они написаны мимоходом, в перерывах между домашними хлопотами (12).

Финансовые неурядицы, которые упоминаются во многих письмах, характерны не только для отдельной семьи, но и в целом для России периода к. XIX – н. XX вв. Так, письмо, датированное 1900-м годом, гласит: «Запасайтесь сеном и мукой, если конечно есть на что – говорят, все будет очень дорого». Однако не чужда была семье Ивановых и взаимопомощь (13).

Необыкновенная привязанность и сплоченность этой семьи ярко просматривается в письмах, наполненных теплотой, безмерной любовью к родным. Весьма интересным и трогательным является письмо Якова Иванова своей маленькой дочери – Зине, оно практически не написано, а умело нарисовано (14). Своим интимным характером отличается другая группа писем, адресованная уже не девочке, а взрослой девушке – Зинаиде Ивановой. Автор пишет очень эмоционально и искренне, делится своими внутрисемейными проблемами, душевными муками, тонко намекает на безответность своих чувств (15).

Особо хотелось бы отметить письма, адресованные учителю – Якову Даниловичу Иванову. По их содержанию становится видно, каким удивительным и высококвалифицированным специалистом был этот человек. В письме от «доброжелателя» – Федора Степановича, есть следующие строки: «Все жалеют о Вашем переводе... ученики, провожающие Вас, выразили желание отслужить напутственный и о Вашем здравии молебен, что и было исполнено». К данному посланию прилагалась «корреспонденция», вырезанная из местной газеты, где говорится о присутствии на станции около 100 человек провожатых, и дополнение: «Отсутствие всякой официальности ясно указывало, что проводы эти носят искренний характер и устроены по собственному почину самих учащихся»

(16). Такие слова не нуждаются в комментариях. Здесь же нами обнаружены письма от бывших учениц Иванова, которые так же пронизаны искренним уважением и благодарностью (17).

В коллекции присутствует множество телеграмм и открыток с поздравлениями, адресованными разным членам семьи (18). Среди них выделяется почтовая карточка на имя студента Глеба Панкова (возможно сына З.Я. Ивановой), где говорится о том, что «папу и дядю Сашу выпустили 2 ноября... Поздравляю тебя с таким окончанием всего этого дела» (19). Из этих слов становится понятно, что репрессии 30-х годов затронули и семью З.Я. Ивановой.

В конце XIX – н. XX вв. Ставрополь был одним из культурных центров Северного Кавказа. Его гордостью были такие выдающиеся люди, как В.И. Смирнов, К.Л. Хетагуров, Г.К. Пправе, Г.Н. Прозрителев, В.Д. Беневский. Однако изученная нами коллекция писем из фонда Зинаиды Яковлевны показывает нам не менее интересных людей – простых обывателей со своим жизненным укладом. Они так же участвовали в жизни общества, движимые повседневными человеческими потребностями — в частности, необходимостью облегчить жизнедеятельность свою и своих близких, привязанностью к своему укладу бытия и людям, в которых он воплощен, к составляющим его вещам, обыкновениям, ценностям, стремлением защитить и улучшить этот свой мир.

Использованная литература и источники:

1. Колесникова М.Е. Эпистолярные источники по истории археологического изучения Ставрополя по материалам переписки Г.Н. Прозрителева) // Известия высших учебных заведений. Северокавказский регион. 2007. №4.
2. Штайн К.Э., Бобылев С.Ф., Петренко Д.И. Язык современной исторической науки: Семиотический анализ исторического текста. Учебное пособие / Под. Ред. Доц. Лаврик Э.П. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006.
3. Овсяннико-Куликоваский Д.Н. Наблюдательный и экспериментальный методы в искусстве (К теории к психологии художественного творчества) // Литературно-критические работы: В 2 т. – М., 1989. – Т.1. – С. 94.
4. СГМЗ, ф.425, ед. хр., л.1; 2; 38-39; 40; 41-42; 50; 65.
5. СГМЗ, ф.425, ед. хр., л.36.
6. СГМЗ, ф.425, ед. хр., л.72.
7. СГМЗ, ф.425, ед. хр., л.59-61.
8. СГМЗ, ф.425, ед. хр., л.44.
9. СГМЗ, ф.425, ед. хр., л.47.
10. СГМЗ, ф.425, ед. хр., л.24.
11. СГМЗ, ф.425, ед. хр., л.31;44.
12. СГМЗ, ф.425, ед. хр., л.25.
13. СГМЗ, ф.425, ед. хр., л.29; 30.
14. СГМЗ, ф.425, ед. хр., л.43.
15. СГМЗ, ф.425, ед. хр., л.33-36; 45; 72-77.
16. СГМЗ, ф.425, ед. хр., л.49.

17. СГМЗ, ф.425, ед. хр., л.11-12; 27-28.
18. СГМЗ, ф.425, ед. хр., л.8; 10; 37; 4.
19. СГМЗ, ф.425, ед. хр., л.52-а.

Данилевич В.Г.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник
им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе,
заведующая отделом природы,
кандидат биологических наук

**ТИПОВЫЕ ОБРАЗЦЫ В ГЕРБАРИИ В.И. ЛИПСКОГО
ИЗ КОЛЛЕКЦИИ СГМЗ ИМ. Г.Н. ПРОЗРИТЕЛЕВА И Г.К. ПРАВЕ**

В одном из выпусков «Прозрителевских чтений» мы упоминали о необходимости публикации сборов В.И. Липского (Данилевич, 2006). Его гербарий относился к Кавказской коллекции А.П. Нормана (coll. Normann) и не был выделен как таковой. Типографские этикетки Ставропольского городского музея в «Гербарии Ставропольской губернии» Нормана указывают на некоторых из них, что определение растений сделал Липский. Таких гербарных листов насчитывается около 400. Не всегда можно найти фамилию последнего на определительных записках, но почерк Липского отмечен большой неординарностью – его буквы мелкие, четкие, без наклона. Опыт графического анализа при экспертизе этикеток позволяет определить руку автора, опираясь на другие гербарии региона и Ботанического института в С.-Пб. Соответственно, инициалы «В.Л.» на определительных записках означают «Владимир Липский».

В Кавказском гербарии Нормана обнаружена записка от Липского на латинском языке: «*Carrisimo Augusto Petr. Normann nonnullas planta mitto (praepue e planitie ciscaucasica); nonnullas montanas et alpinas brenimitton. Propitius accipias! W. Lypsky*». Ее примерный перевод следующий: «Дрожайший Август Петрович Норман поставляет некоторые растения (преимущественно с равнин Предкавказья); некоторые горные и альпийские растения тоже получены. Благодарный получатель В. Липский».

Видимо, Липский получил гербарий с Кавказа для И.Ф. Шмальгаузена, так как помощь в определении, замечания на латинском и немецком языках делал там лишь Иван Федорович. Гербарий, изучаемый в данной работе, Липский, видимо, передал Норману как свои дублиеты в ответ на милостиво предоставленные дублиетные экземпляры, которые Норман в обилии пересылал в Киевский Императорский Университет имени Святого Владимира. Там с 1886 г. и работал В. И. Липский (БСЭ, 1973).

Владимир Ипполитович Липский родился в 1863 г. в с. Самострелы Корецкого р-на Ровенской области. Он - известный ботаник, систематик и флорист, член-корреспондент АН СССР (с 1928 г.), действительный член (с 1919 г.) и президент (с 1922 по 1928 г.) АНУкрССР. С 1928 г. являлся директором Одесского ботанического сада, где работал до последних дней своей жизни (1937 г.). Исследуя флору Средней Азии, Кавказа, Украины и Молдавии, он описал 4 новых рода и около 200 новых для науки видов растений. Например, видов в роде *Astragalus* – более 20, эфемероидов – около 10 видов. Его имя занесено во всемирный сборник авторов видов растений «Index Quensis», изданный в Англии.

Основные труды Липского были по систематике, географии высших растений, истории и библиографии ботаники в России (БСЭ, 1954). Именно ему русская ботаника обязана появлением ценных трудов, и сейчас являющихся востребованным, например, «Флора Кавказа» и дополнения к ней, представляющая свод сведений о флоре за 200-летний период, начиная от Турнефора и до начала XX века. Помимо исчерпывающей библиографии кавказской флоры, библиографических сведений о главнейших систематических исследованиях, приводится и конспект 4430 видов растений с краткими данными об их географии (Бреслевец, 1947).

Липский первым указал на флористическую близость окрестностей Новороссийска и Крыма. Он опубликовал богатейшую по фактическому материалу историю Ботанического сада Санкт-Петербурга и биографо-библиографический словарь его деятелей за 200 лет существования сада (1713 - 1913 гг.). Он издал полный перечень сухих растений, хранящихся в гербарии. По этой книге был выпущен аналогичный справочник Кью-гардена «Qu-garden» – Королевского сада Англии. Единственное отличие – в Гербарии Кью на родовых обложках не указывается номер семейства (Гербарное дело, 1995).

В.И. Липский объехал почти весь мир, изучая растительный покров, ботанические сады, музеи, гербарии, издав серию работ по ботаническим учреждениям Западной Европы (1901), Южной Европы и Северной Африки (1906), Цейлона (1911), Северной Америки (Нью-йоркский ботанический сад) (1915).

В.И. Липский – ученый мирового уровня. Его гербарий, хотя и небольшой по количеству листов, является самым ценным в ботанической коллекции СГМЗ. Наиболее важным в гербарии является наличие типовых образцов (обозначены знаком «*»), которые должны храниться особо, имея специальные типовые обложки. Типы или типовые образцы – это те

растения, с которых автор впервые делает описание нового вида. Ниже мы приводим гербарные образцы из личных сборов В.И. Липского, в которых пять образцов – типовые. Так же даются наши примечания, касающиеся даты описания вида, его публикации, фенологической фазы растения и т. п.

Флора Кавказа В.И. Липского
("Flora Caucasica W. Lipsky 1889-1892")

Сем. *Dioscoreaceae*

Знаменитая Dioscorea* – Новый Афон. 1892. Женский экземпляр (femin)

Примечание. Тип описан из Нового Афона – это его классическое местонахождение (locus classicus – l.c.). Опубликовано в 1894 г. Рисунок во "Флоре СССР" дан при цветении растения (Гончарова, 1935). Определение идет и по мужским соцветиям, и по плодам женских растений. Гербарные образцы и работы Липского (1899, 1902) дают сведения о том, что в 1892 г. ботаник исследовал Предкавказье и был в Новом Афоне в середине мая, когда *Dioscorea* цветет. В июне-июле 1891 г. он посетил l.c., когда растение *плодоносило*. Автор не отметил на этикетке название вида и не указал, что вид является новым. Значит сбор в плодах, возможно, был использован автором как один из образцов, выбранных им для синтипа, а в связи с публикациями нового вида и его полным описанием данный типовой образец может быть также и паратипом (Гербарное дело, 1995). Таким образом, это – *Dioscorea caucasica* Lipsky* – эндемик Западного Закавказья, редкий вид.

Сем. *Brassicaceae*

2. *Erysimum callicarpum* Lipsky* sp.n. Новороссийск, 1891.

Примечание. Тип описан из Новороссийска и опубликован Липским в 1891 г. (Буш, 1939). Автор был там 10.04.1891 г., когда *Erysimum* плодоносит. Гербарный сбор проведен Липским также в плодах, поэтому есть вероятность, что данный экземпляр является изотипом – дублетом голотипа для растения, собранного вместе с типовым образцом. *Erysimum callicarpum* – эндемик Западного Закавказья, редкий вид.

3. *Malcolmia contortuplicata* (Steph.). Хасавюрт, 1890.

4. *Mattiola odoratissima* (R.Br.). Чир-Юрт, 1891.

Сем. *Fabaceae*

5. *Astragalus cruciatus* L. Чир-Юрт, 1891.

6. *A. fragrans* W. Новороссийск, 1891.

7. *A. oxyglottis* Stev. Чир-Юрт, 1891.

8. *A. striatellus* Pall. Хасавюрт, 1891.

9. *Glycyrriza glabra* v. *glandulifera* W. ?

Примечание. В этикетке отсутствует дата и место сбора. Возможно, данный гербарный лист – сбор из Николаевской (Хоперской) караулки 20.08.1889 г. Липский в это время был в Кубанской области. Возможно, там он путешествовал с Норманом, у которого в Кавказском гербарии есть несколько таких же листов.

10. *Ervum orientale* Boiss. Новороссийск, 1892.

11. *Medicago orbicularis* All. Терская обл., Мин-Воды, 30.05.1891.

12. *M. meyeri* Grum. Мин-Воды, 1892.

Примечание. На гербарном листе имеется teste Jr.Roskov (LE) 11.19.1990 - *M. minima* (L.) Bertolini.

13. *Melilotus hirsuta* Lipsky* (sp.n.). Новороссийск, Черноморский окр., 10.16.1891.

Примечание. На этикетке рукой автора, видимо, позже, чем основной текст, сделана пометка о новизне данного вида Черепанов С.К. (1995) приводит его как синоним *M. hirsutus*. Он описан из окрестностей Новороссийска (Бобров, 1945). Опубликовано в 1891 г. Так как растение цветет в июне, плодоносит в июле, а сбор был произведен в цвету, значит данный типовой образец – изотип или синтип. Эндемик юго-западного Предкавказья, редкий вид.

14. *Pisum elatius* MB. Новороссийск, 1892.

15. *Trifolium angulatum* W.K. Мин-Воды, 1891, Темрюк, 1892.

16. *T. phleoides* Roug. Мин-Воды, 1891, 1892.

17. *T. tumens* Stev. Терская обл., Хасавюрт, 1891.

18. *T. subterreneum* L. Петровск, май 1891.

19. *Trigonella gladiata* Stev. Дагестанская обл., Петровск, 01.05.1891.

20. *Vicia ciliata* Lipsky*. Кубанская обл., Крымская, 18.05.1891.

Примечание. Синонимом является *V. ciliatula*. Тип описан из Армавира и опубликован в 1891 г. (Федченко, 1948). Липский был в Армавире 24.04.1890 г. и 12.04.1891 г., когда *Vicia* зацветает. В 1892 (18.05) Армавир не был на пути его следования. В связи с тем, что изучаемый гербарный лист из Крымской собран и определен автором позднее проведенного им описания, его можно было бы считать автотипом.

Вид является эндемиком Кавказа, но при наличии классического места его описания в Западном Предкавказье, он не приводится Гросгеймом (1949) для данной территории.

21. *V. lathyroides* L. Тамань, 1892.

22. *V. serratifolia* Jacq. Екатеринодар, 1891.

23. *V. peregrina* L. Тамань, 1892.

Сем. *Scrophulariaceae*

24. *Veronica acinifolia*, Крымская, 1892.
 25. *V. crista galli* Stev. Петровск, 1891.
 26. *V. filifolia* Lipsky* sp.n. Новороссийск, 1892.

Примечание. Тип описан из окрестностей Новороссийска. Опубликовано в 1890 г. (Борисова, 1955). Типовой экземпляр – автотип, так как образец был собран автором в л.с. позднее публикации.

Эндемик Кавказа, редкий вид.

Сем. *Valerianaceae*

27. *Valerillna echitata*, Петровск, 01.05 1891.
 28. *V. lasiocarpa* (Stev.), Петровск, 01.05. 1891.
 29. *V. turgida* (Stev.), Петровск, 01.05.1891.

Сем. *Asteraceae*

30. *Cirsium echinocephalum* (W.), Новороссийск, 1891.
 31. *Cladochaeta candidissima* (MB.), Хасавюрт, 1891.
 32. *Micropus erectus* L. Чир-Юрт, 1891.

По литературным данным и гербарным образцам, в том числе и гербария БИНа РАН РФ в С.-Пб, нами уточнены маршруты и даты пребывания В. Липского на Кавказе и Предкавказье в течение трех лет. Так, в 1890 году он путешествовал от Новороссийска к Петровску через Армавир (24.1V), Мин-Воды (28.1V), Кубанскую область (24. 1V), Урожайное (1.1V), от Калауса до Урожайного (2.1V), Терскую область, Караногайскую степь (5.V1), Ачикулак (7. V1), Хасавюрт. В 1891 году его путь пролегал от Каспия к Понгу и в Закавказье между Батумом и Баку: Армавир (12. 1V), Петровск, Хасавюрт, Чир-Юрт, Гуниб (1. V), Моздок (4.V), Терская область, Пятигорск, Мин-Воды(25-30. 1V), Баталпашинск, Екатеринодар (31.V), Новороссийск, Новый Афон (с 10. V1), Тамань, Новороссийск (18. V1), Тамань (18.VII). В 1892 году путешествуя с И.Я. Акинфиевым, В.И. Липский обследовал Предкавказье: Абхазию, Центральный Кавказ (Эльбрус, ледник Безенги), начиная свой путь с Тамани (24. 1V), затем посетил Новый Афон (середина мая), Крымская (18.V), Тихорецк (21.V), Рыбное озеро (окрестности Ставрополя), Мин-Воды (24.V), Тамань (25. V), Темрюк (28. V), Новороссийск.

Гербарий “Флора Кавказа” В.И.Липского – замечательного русского ботаника, являясь лишь частью его обширных сборов, требует выделения в особую и отдельную единицу хранения.

Использованная литература и источники:

1. Бобров Е.Г. Род *Melilotus* // Флора СССР. Т. XI. М.-Л., 1945.
2. Большая Советская Энциклопедия, Т.25, изд. «БСЭ», 1954, С. 188.
3. Большая Советская Энциклопедия, Т.14, изд. «Сов. Энцикл.», 1954, С. 487.

4. Борисова А.Г. Род *Veronica* // Флора СССР, Т. XI. М.-Л., 1955, С.445-446
5. Бреславец Л.П. и др. Очерки по истории русской ботаники //МОИП, М., 1947. С., 33-34.
6. Буш Н.А. Род *Erysimum* //Флора СССР. Т. VI. М.-Л., 1939, С.102.
7. Галушко А.И. Флора Северного Кавказа. – Ростов: РГУ, 1978-1980: Т., 1978, 317 с.; Т. 2, 1980, 350 с.; Т. 3, 1980, 327 с.
8. Гербарное дело: справочное руководство. Королевский бот. сад. Кью, 1995.С. 120, 153.
9. Гончарова Н.Ф. Род *Dioscorea* // Флора СССР, Т.IV, М.-Л., 1935, С. 496.
10. Гроссгейм А.А. Определитель растений Кавказа, М.-Л., 1949, 746 с.
11. Данилевич В.Г. Кавказский гербарий А.П.Нормана в коллекции Ставропольского краеведческого музея Вторые Прозрителевские чтения // Сб. матер. науч.-практ. конф. 29-30 ноября 2005. – Ставрополь, 2006. –С. 87-90.
12. Липский В.И. Флора Кавказа. Свод сведений о флоре Кавказа за 200-летний период исследований, начиная от Турнефора и кончая XIX в. и доп. 1.; Тр. Тифл. Бот.сада, вып. IV, С.-Пб, 1902, 585 с и 100 с.
13. Федченко Б.А. Род *Vicia* // Флора СССР, Т. XI. М.-Л., 1948, С. 471-472.
14. Цвелев Н.Н. Флора Европейско части СССР, Л., Наука, 1987. С.143.
15. Черепенов С.К. Сосудистые растения России и сопредельных государств.- С.-Пб.: Мир и семья – 1995. – 990 с.

Данилевич В.Г.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник
им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе,
заведующая отделом природы,
кандидат биологических наук

ГЕРБАРИЙ СГМЗ ОБ ИСТОРИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ОПЫТНОЙ СТАНЦИИ

В Ставропольском государственном музее-заповеднике имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе хранится гербарий и коллекции, связанные с аграрными направлениями – фитопатологией, селекцией, семеноводством и т.п. Так, интерес для селекционеров представляет гербарий агронома Михаила Михайловича Тимонина, который в 1913 г. был председателем совета Северо-Кавказского сельскохозяйственного общества, куда так же входил купец, Член Городской Управы Василий Маркович Алафузов, главный садовник города Бернад Иосифович Новак, нотариус Георгий Константинович Пправе – один из основателей городского музея и другие (1). М.М. Тимонин в 1916 г. был и Непременным членом Ставропольского отделения Крестьянского Поземельного Банка и участвовал в заседаниях Ставропольской Окружной Агрономической Научно-Технической секции в 1924 г. (2). Его гербарий представлен 12-ю американскими сортами винограда, привезенных из Кондальского питомника Тифлисской губернии Телавского уезда 10.09.1905 г., а также сборами с бывшей Удельной степи Александровского уезда (балка Терновая). Гербарий лесоведа, агроном Землеустроительной Комиссии Киприяна Александровича Запасника представлен обширной коллекцией: “Деревья и кустарники Крыма и Кавказа”, “Деревья и кустарники Юга России и Северного Кавказа,” а также сборами из Ставропольской губернии. Пантелеймон Иванович Нагорный, который, по воспоминаниям Г.К. Пправе в 1925 г. (3) был самым аккуратным работником городского музея с 1908 г., обработал, определил и смонтировал гербарий более 500 видов грибных болезней растений. Микологический гербарий собирали для него Лебедев, Неведомский, Морозов и В.Н. Лучник – впоследствии директор городского музея. Позже П.И. Нагорный работал на кафедре фитопатологии Ставропольского сельскохозяйственного института.

Гербарий Ставрополь-Кавказской сельскохозяйственной опытной станции Городского Общественного Управления (Ботанический кабинет) наиболее интересен в свете проблем взаимодействия земли, человека и

власти. При анализе и экспертизе этикеток гербария наблюдается большой разрыв в количестве собранных коллекторами листов по годам. Есть гербарий, датируемый 1904 г. Основная масса гербарных сборов проводилась в 1910 - 1914 гг. Количество собранных с 1908 по 1916 гг. экземпляров можно назвать умеренными. С 1917 г. до 1925 г. сборов не проводилось и лишь в 1926 г. Белизиным был привезен гербарий из окрестностей ст. Калаус. А в 1928 г. Елисей Романович Хадарин, работавший в городском музее со времени его образования, предоставил гербарий с Приманычья. Тогда же Н. Бржезицкая собрала гербарий окрестностей г. Ставрополя, но, возможно, трое последних коллекторов не имели прямого отношения к работе станции. В фондах музея хранится и гербарий по Ставропольской губернии горного инженера А.Д. Стопневича, который вел наблюдения на метеостанции Западного опытного поля с 1904 по 1912 гг. Есть семь гербарных листов агронома Виктора Викторовича Таланова. Работниками станции и сборщиками гербария были: Андрей Андреевич Чернышев – лектор городского музея, П.В. Кисляков – помощник по отделу ботаники станции, Винокуров, Бородин, Д.Т. Лупикина, слушательница Харьковских курсов Н.В. Папушина. Сборы проводились в окрестностях города: на Форштадт-Воробьевском предместье, в Полковничьем яру, Мещанском лесу на Царской просеке, Андреевском и Архиерейском лесу, оз. Вшивом, хут. Соломатине и Николаевском, а также на Нестеровской земле, с. Московском, с. Дмитриевском, с. Бешпагир, с. Птичьем, с. Святой Крест, с. Прасковее, по долине р.Кумы, в Трухменской степи, а. Джалга, ст. Вознесенской Кубанской обл. и т.д.

Особую ценность представляет именно гербарий М.В. Бржезицкого, который изучал сорные растения окрестностей г. Ставрополя. Он был старшим сыном потомственного дворянина, помощника Коллежского регистратора Ставропольского Губернского Правления, Титулярного Советника Василия Михайловича Бржезицкого (4). Его этикетки иногда имеют рельефную печать с фамилией коллектора и царской короной, видимо, символом дворянского происхождения. Зачастую место сбора обозначено не полностью, как обычно принято у ботаников, а отмечено лишь местообитание растения – “у дороги”, “канавы”, “межа”, “выгон”, “залежь”, “в посевах зерновых” и других культур. Исследовались земли на востоке от города – Восточное опытное поле, на юге – Мамайка, ст. Екатериновская, на западе – Грушовка, окрестности оз. Кравцово, Молочный курган, Липовая балка, Западное опытное поле, на севере – Ташла, земли у с. Московского, по Калаусу и т.п.

При обработке материалов по работе Ставрополь-Кавказской сельскохозяйственной опытной станции становится ясным и выбор мест для сбора гербария коллекторами, и особенности этого процесса во временных рамках.

Ставрополь – один из крупных землевладельцев губернии, имеющий до 17 десятин земли, из которых большая половина находилась под использованием и сдавалась арендаторам из мещан. Впервые на Северном Кавказе для организации аграрной помощи арендаторам Городским Общественным Управлением 9 ноября 1900 г. был приглашен агроном В.В. Таланов, который в 1901 г. устроил первое Западное опытное поле, а в 1904 г. – Восточное поле (1). Интересно отметить, что Г.К. Пправе в рукописи 1925 г. пишет, что первое опытное поле заложил Яков Васильевич Абрамов.

Первоначальными задачами станции были следующие: 1. Обследование естественноисторических (что явилось новым направлением) и экономических условий района; 2. установление зависимости урожаев от различных факторов роста; 3. Разработка вопросов по методике опытов; 4. Поддержание плодородия почв, агропомощь населению, сортоиспытание.

Для решения последнего вопроса в губернии был организован агропоезд из 8 вагонов, где в специальном музее предоставлялись материалы по сортоиспытанию с рекомендациями для каждого района губернии и т.п. (5, 6).

В 1910 г. в окрестностях г. Ставрополя была заложена сеть коллективных опытов с минеральными удобрениями. Тогда же опытные поля преобразуются в сельскохозяйственную опытную станцию. Ее плодотворная работа началась только в 1914 г. При образовании станции М.В. Бржезицкий – кандидат естественных наук, который ранее работал в городском музее, обрабатывая вместе с П.Н. Нагорным ботанические коллекции, в том числе и А.П. Нормана, был назначен на должность специалиста по прикладной ботанике и контролю семян в ботанический кабинет станции. Кроме того, он был членом Совета сельскохозяйственного общества и его казначеем с 1913 г. М.В. Бржезицкий отмечает, что в хозяйственном отношении все земли г. Ставрополя были разбиты на пять частей: Форштадт-Воробьевскую, Ташлянскую, Мамайскую, Грушовскую и Полковничий яр. Все разделено на паи размером в 5 десятин для аренды (7). Интересно, что Е.Р. Хадарин был участником сети коллективных опытов в 1912 г. Его часть числилась под номером XL в Ташлянской части. Нестеровская земля находилась на 1-м поле 8-м пае (арендатор Сиволапенко), 9-м пае (арендатор Гостищев), 2-м пае (арендатор Кисель), на 5-м поле 6-м пае (арендатор Кин), отделенная

р. Кугультой. М.В. Бржезицкий занимался и коллективными опытами, будучи помощником заведующего Н.К. Походни. П.П. Нагорный в 1910 – 11 гг. был его младшим помощником. Интересно отметить, что тогда же практикантом на станции был слушатель С.-П. Б сельхоз. курсов – Г.Г. Пправе, сын Г.К.Пправе. Сеть коллективных опытов была заложена в то время у р. Кугульты, в Иногородских землях туркменов и ногайцев и около г. Ставрополя, хотя субсидий было недостаточно. Выгоны, сенокосы, распаханые земли побудили М.В. Бржезицкого к специальным исследованиям ботанического кабинета в 1913 г. Экспедиционный метод исследований оказался самым действенным. Разъезд персонала по губернии, например, в 1914 г., забрал из бюджета станции 63 рубля. М.В. Бржезицкий установил, что самыми злостными многолетними сорняками, помимо однолетних, являются бодяк, осот и выюнок, для истребления которых были необходимы замкнутые циклы мер борьбы (8). Он исследовал арендные городские земли, с. Татарку, с. Надежду, Темнолесскую лесную дачу (ст. Екатериновскую, сад Рудько) и Нестеровскую землю, пожертвованную городу А.Ф. Нестеровым, где было открыто третье опытное поле. В июне 1915 г. М.В. Бржезицкий собрал 580 образцов семян хлебов в Святокрестовском уезде. В ботаническом кабинете, который занимал две комнаты станции в Доме-дворце с двумя флигелями и усадьбой в две десятины по ул. Ольгинской д. 7 (телефон 89), которую в 1910 г. город приобрел за 25000 рублей у Удельного ведомства, с 1913 г. был музей. В коллекции кабинета было представлено 200 видов семян сорных растений, 780 гербарных листов флоры Ставрополя, 150 гербарных листов сорных трав. В 1914 г. помещения были отданы под госпиталь, а ботанический кабинет сократил свою исследовательскую работу и занимался лишь контролем закупувавшегося для армии продовольствия. Денежных субсидий в 1914 г. станция от Департамента Земледелия в Санкт-Петербурге не получила, и работники жили только за счет урожая двух опытных полей. Тогда же через Восточное поле была проложена ветка Армавиرو-Туапсинской железной дороги. Для возмещения убытков перед станцией за закрытие поля строители выплатили ей 4000 рублей. Западное поле в 1913-14 гг. работало для города. Восточное – для губернии. Расходы Департамента Земледелия на мероприятия по улучшению сельского хозяйства в Ставропольской губернии, в том числе на содержание опытной станции, опытных полей и коллективных опытов в 1912 – 13 гг. составили от 20 000 до 25 000 рублей. На расширение сельхозотдела городского музея – соответственно от 1000 до 3000 рублей. Несмотря на критику работы станции правительственным агрономом С.А. Мелик-Саркисовым в 1915 г. (9)

в связи с расположением опытных полей на высоте 2000 футов, что было не характерно для степной части губернии, и, следовательно, полученные данные не представляли якобы для крестьян какого-либо значения, результатом деятельности в распространении знаний опытной станцией явилось то, что местное население ценило на торгах землю из-за многолетних трав, повышающих ее плодородие, дороже на 20 рублей. Таким образом, каждый затраченный рубль начал давать 4 рубля 70 копеек прибыли.

Война 1918 г. и мобилизация подорвали работу станции. Осенью 1919 г. Городское Общественное Управление передало станцию только что образованному Сельскохозяйственному Институту. С весны 1920 г. была организована сеть опытных полей в губернии, например в а. Башанта Большедербетовского Улуса Калмыцкой обл.. Но голод 1921 г. привел к тому, работу пришлось прекратить. Была образована особая институтская “Комиссия по опытному делу”, куда входили научные работники, представители института и Губземотдела. В 1921 г. станция как таковая уже нигде не фигурировала, составив ядро “Научно-Исследовательского Отдела Института”. В 1921 г. там был открыт отдел Селекции. Селекционный участок находился на Восточном поле. В 1926 г. он уже занимал площадь в 12 га. В 1927 г. В.В. Таланов стал заведующим отделом Сортоиспытания Всесоюзного Института Прикладной Ботаники и новых культур.

Почти все сотрудники станции были приглашены для работы в Институт, но некоторым, например, профессору М.В. Бржезицкому, которым он стал в 1923 г., пришлось отказаться от заведования отделом в связи со спорным переделом излишка земель Западного поля между всеми служащими института, а не только причастными к опытному делу сотрудниками. В результате станцию отделили от Института, но ранее ушедшие туда работники остались на прежнем месте, и работать на опытных полях стало почти некому. Институт призывал общественность вернуть станцию для решения задач по триединой организации учебного заведения по американскому типу: образование – опытное поле – агропропаганда (10, с.89-98). С января 1922 г. она вошла в сеть опытных учреждений Наркомзема Ростово-Нахичеванской Областной сельскохозяйственной опытной станции в качестве районной.

Сеть коллективных опытов вновь была заложена в 1924 г., а в 1925 г. открыли новое опытное поле “Егорлыкское”, где в 1927 г. образовали сортоучасток Всесоюзного Института Прикладной Ботаники.

В 1926 года станция была преобразована в подобластную Ставропольскую опытную станцию – опытный центр одного из восьми

районов Северного Кавказа. В 1929 году под семеноводство было закрыто Западное поле (11). Теперь это – Ставропольский научно-исследовательский институт сельского хозяйства.

Таким образом, по гербарным этикеткам можно проследить не только историю того или иного учреждения, но и связь земли, человека, власти и проблем их взаимодействия.

Использованная литература и источники:

1. Отчет о деятельности Ставрополь-Кавказского Сельско-Хозяйственного Общества за 1913 г. – Ставрополь-губ.: “Новая типография” Хаймовича, 1914. –60 с.
2. Труды агрономической секции. – Ставрополь-Кавказский: Издание секретариата агросекции, 1926. – Вып. 1. – 48 с.
3. СГМЗ: о.ф. 1, оп. 1, е.х. 3, 4.
4. ГАСК: ф. 68, оп. 1, д. 8783.
5. Хандурин А.Ф. Проект организации Ставрополь-Кавказской Сельско-хозяйственной опытной станции. – Ставрополь-губ.: Типография Хаймовича, 1913. –8 с.
6. Сводный отчет Ставрополь-Кавказской с.-х. опытной станции за время с 1901 по 1928 год. – Ставрополь-Кавказский: Пролетарий, 1929. – Вып. I. – Пшеница, Ячмень, Овес. – 240 с.
7. Труды Ставропольского Сельско-Хозяйственного Института. – Т. 5 (Агрономия), № 2., 1922. – 86 с.
8. Бржезицкий М. Материалы 1913 г. по изучению сорной растительности на полях северной части Ставропольского уезда (Нестеровская земля). – Ставрополь-Губернский: Типография “Товарищество”, 1914. – 31 с.
9. Журналы Ставропольского Губернского Агрономического совещания. – Ставрополь: Типография Губернского Правления, 1915. – 192 с.
- 10.Хандурин А.Ф. Возникновение, развитие и главные результаты работы опытной станции Ставропольского Сельско-Хозяйственного Института // Труды Ставропольского Сельско-Хозяйственного Института. – Ставрополь, 1922. – Т. 5 (Агрономия), № 2.
- 11.Труды Ставропольской агрономической секции. – Ставрополь-Кавказский: Издание секретариата агросекции, 1927. – Вып. II. – 55 с.

НАЙТИ ♦ СОХРАНИТЬ

Доронин И.В.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник
им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе,
младший научный сотрудник

**НОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ В ЗООЛОГИЧЕСКУЮ
КОЛЛЕКЦИЮ СТАВРОПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА ИМ. Г.Н. ПРОЗРИТЕЛЕВА И Г.К. ПРАВЕ**

Зоологическая коллекция Ставропольского государственного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе (СГМЗ), под которой мы подразумеваем зоологическую, анатомическую (ПЗ) и энтомологическую (ПЭ) коллекции природоведческого собрания (П), насчитывает на сегодняшний день около 40 тыс. экземпляров. Она берет свое начало в естественно-историческом отделе Ставропольского музея Северного Кавказа и Ставропольском городском музее учебных наглядных пособий. Ее основу составляют сборы известных зоологов конца XIX в. - первой половины XX в. Николая Яковлевича Динника, Леонида Дмитриевича Морица, Виктора Николаевича Лучника. Здесь следует назвать коллекцию черепов и рогов зверей Кавказа Динника, в которой особо примечателен череп редчайшей кошки – переднеазиатского леопарда (*Panthera pardus tulliana*), добытый в Закатальском округе Тифлисской губернии 28.02.1897; паукообразных, насекомых и рептилий из поездки Морица по Закаспийской области, Туркестану и северной Персии в 1921 г.; коллекцию насекомых Лучника, включая и сборы главных объектов исследования энтомолога с мировым именем – жужелиц. Говоря о насекомых, нельзя не остановиться на хранящихся в нашем музее сборах степного толстуна (многобугорчатого шароглава) (*Bradyporus multituberculatus*). Они сделаны С.М. Федоровым в окрестностях г. Невинномыска в 1951, 1955 и 1959 гг. и являются последней находкой этого «краснокнижного» вида в природе (1, с.104-106).

Естественно-исторические музеи России гордятся наличием в своих фондах чучел, изготовленных в крупнейшей московской препараторской мастерской Федора Карловича Лоренца – сына ткача, имеющего всего три класса образования, но ставшего благодаря увлечению охотой, желанию сохранить трофеи и интересу к изучению природы выдающимся натуралистом, основателем Московской школы научной таксидермии. Есть такие экспонаты и в нашем музее-заповеднике, в том числе и любимые мастером тетеревиные птицы.

В настоящее время для пополнения зоологических коллекций отделом природы СГМЗ в весенне-осенний период проводятся планомерные кратковременные (1-3 суток) выезды и походы по территории Ставропольского края, во время которых помимо животных ведется сбор образцов минералов и горных пород, растений, осуществляется фотофиксация объектов природы. За март-сентябрь 2007 г. были обследованы следующие пункты: урочище Русский лес (11.03, 8.07), урочище Свинячьи пруды и Мамайский лес (1.04), окрестности с. Краснокумского Георгиевского р-на (8.04), Сенгилеевская котловина, урочище Волчьи ворота (21.04), окрестности с. Прасковья Буденновского р-на (9.05), окрестности с. Казинка Шпаковского р-на (29,05), гора Сена, окрестности г. Нефтекумска (18.06), Татарское городище (14.07), пойма р. Грушевой, оз. Кравцово, урочище Вишневая поляна (16, 20, 27.07), пойменный лес р. Кумы у с. Орловка Буденновского р-на (10.08), урочище Новомарьевские поляны, Новомарьевские Лиманы, северное и западное побережье Сенгилеевского вдхр. (2.09). В июле отделом природы под руководством старшего научного сотрудника, кандидата биологических наук Анны Константиновны Швыревой была проведена комплексная природоведческая экспедиция на Бешпагирские высоты (1-5, 23. 07).

Приоритетными направлениями работы отдела природы по формированию научных коллекций являются: исследование районов Ставропольского края и сопредельных регионов, с территории которых сборы недостаточны или отсутствуют вовсе; расширение контактов с научными учреждениями Северного Кавказа и России, включая и обмен фондами. Так, в мае 2006 г. нами были сделаны достаточно крупные сборы насекомых, амфибий, рептилий и млекопитающих в пойменных лесах р. Терек в 2,5 км. З. г. Моздок и р. Подкумок на южной окраине г. Георгиевска, а в июне – на территории Бокситогорского р-на Ленинградской области. Давние плодотворные научные контакты сложились с Музеем кафедры зоологии СГУ (заведующая – Людмила Петровна Ермолина).

Важную роль (а порой и первостепенную) в формировании зоологических собраний СГМЗ играли и продолжают играть дарители – специалисты, краеведы, коллекционеры, представители государственных ведомств, неравнодушные к сохранению культурного и природного наследия жители края.

Охарактеризуем наиболее примечательные дарственные поступления в зоологическую коллекцию за 2007 год.

В апреле ЗАО «Ростэк-Новороссийск» передало в музей-заповедник 3 чучела зеленой, или суповой, черепахи (*Chelonia mydas*). Чучела,

изготовленные стандартным методом, являются частью крупной контрабанды из Турции – 68 экз., задержанных таможей в 2004 г. По причине катастрофического сокращения численности данный вид черепахи был занесен в Красную книгу МСОП (все издания), в Приложение к Бернской Конвенции и в Приложение к Вашингтонской Конвенции СИТЕС. Музеи России имеют значительный опыт работы с таможенными службами, в частности, в мае 1997 г. таможня аэропорта «Шереметьево-2» передала Государственному Дарвиновскому музею чучела крокодилов, карапаксы черепах, шкуры питонов и другие предметы в количестве 62 экз. (2). До поступления зеленых черепах в фондах СГМЗ числился только один вид из семейства Cheloniidae – бисса (*Eretmochelys imbricata*).

От младшего научного сотрудника Ставропольского высшего военного авиационного инженерного училища Евгения Борисовича Мартынова была получена крупная (около 1 тыс. экз.) коллекция паукообразных и насекомых, собранная на территории г. Ставрополя и его окрестностей, в районе Пятигорья, поймы р. Большой Лабы, черноморского побережья Краснодарского края с 1989 по 1999 гг. Особый интерес представляют малоизученные, редкие и исчезающие виды: южнорусский тарантул (*Lucosa singoriensis*) с территории г. Ставрополя, дозорщик-император (*Anax imperator*) из р-на Мамайки краевого центра, кавказская жужелица (*Carabus caucasicus*) с горы Машук, махаон (*Papilio machaon*) из окрестностей оз. Кравцово, поликсены (*Zerynthia polyxena*) из окрестностей с. Татарка и др.

Е.Б. Мартынов – энтомолог-любитель, лично сконструировавший и изготовивший переносные ящики для фиксированных образцов, расправилки, энтомологические коробки. Им самостоятельно были найдены способы высушивания прямокрылых – сложных объектов для изготовления сухих экспонатов. Все свои сборы Евгений Борисович описывал, занося информацию в учетные журналы. В них мы можем найти заметки систематического характера. Так, сборщик выделил в коллекции две «формы» скакуна межняка (*Cicindela hybrida*). Остается только сожалеть, что Евгений Борисович избрал своей специальностью не зоологию, а инженерию.

Преподаватель Прасковейского сельскохозяйственного техникума, кандидат биологических наук Константин Юрьевич Лотиев передал в музей-заповедник часть своих северокавказских сборов рептилии: грузинскую ящерицу (*Darevskia rudis*), пойманную в ущелье р. Армхи Джейрахского р-на республики Ингушетии в 1980 г., кавказских ящериц (*Darevskia caucasica*), пойманных в Чегемском ущелье у с. Лечинкай и с. Хумтосырт Чегемского р-на Кабардино-Балкарской республики 3.05. и 22.08.2004, и обыкновенного ужа (*Natrix natrix*), пойманного в урочище Светлый Ерик

Левокумского р-на Ставропольского края 30.04.2007. Уж, являющийся частичным меланистом, мог бы быть отнесен к восточному подвиду *N. n. scutata*. Однако признание валидным восточного подвида неоднократно оспаривалось в литературе (более подробный обзор этого вопроса представлен в работе М.Ф. Тертышникова (3, с.125-127). Описываемая особь имеет 172 брюшных щитка (Ventr.) и 70 пар подхвостовых щитков (Scd.), при этом в определителях для номинативного подвида приводятся 163-186 брюшных щитка и 53-78 пар подхвостовых щитков, а для восточного – 160-183 и 56-75 соответственно (4). Аналогичная неопределенная ситуация обстоит и с другими морфометрическими признаками.

К.Ю. Лотиевым был подарен и самец обыкновенной фаланги (сольпуги) (*Geleodes araneoides*) – самого крупного представителя паукообразных нашей фауны. Особь была поймана в поселке сельхозтехникума с. Прасковья Буденновского р-на 2.06.2007. Примечательно, что ранее область распространения вида на Ставрополье ограничивалась только Нефтекумским р-ном (5). В августе автору, находившемуся в гостях у Константина Юрьевича, удалось наблюдать фаланг на территории поселка, где днем эти животные прятались под бетонными порошками учебных корпусов, а ночью ловили пауков и насекомых, концентрирующихся под фонарями уличного освещения. За ночную экскурсию было отмечено 3 экз., в том числе и самка с размером тела около 5 см, что является максимальным показателем для вида. Отметим, что обыкновенная фаланга рекомендована для занесения в региональную Красную книгу (6, с. 62-71).

Примером резко отрицательного отношения к рептилиям является сбор доцента Ставропольского государственного университета, кандидата биологических наук Михаила Павловича Ильюха. Он представлен убитыми змеями: 1 экз. обыкновенного ужа (*N. natrix*), 3 экз. водяного ужа (*N. tessellata*) и 2 экз. каспийского полоза (*Hierophis caspius*), найденными в балке между с. Тугулук и с. Ключевское на границе Грачевского и Труновского р-нов 22.04.2007. По сообщению сборщика, в указанном районе наблюдалось массовое убийство змей. Люди, воспользовавшись образованием весенних «змеиных клубков» (скопление спаривающихся змей), убили более 50 экз. Все особи имеют следы ударов палкой: чаще всего повреждена голова. Отметим, что Г.Н. Прозрителев в кратком путеводителе по Музею Северного Кавказа писал, что имя полоза «окружено целым рядом легенд нападения его на человека... О ядовитости их рассказывают с ужасом» (Ф. №7, ед. хр. 8, о. ф. 27533, инв.№104). Нам неоднократно

приходилось слышать от местных жителей об опасных «шахматках – смеси ужа и гадюки», представляющих собой неядовитого водяного ужа.

В СГМЗ существует достаточно крупная (около 70 экз.) коллекция птичьих гнезд, формирование которой началось еще в начале XX в.

В сентябре коллекция пополнилась 14 экз. гнезд 8 видов птиц, собранных на территории Ставропольского и Краснодарского краев, Ленинградской области в 2006-2007 гг. Это чашеобразные гнезда зяблика (*Fringilla coelebs*), чернолоблого сорокопуга (*Lanius minor*) и сорокопуга-жулана (*Lanius collurio*), шарообразная постройка крапивника (*Troglodytes troglodytes*), «варежка» обыкновенного ремеза (*Remiz pendulinus*), лишенное строгой симметрии и формы гнездо вяхиря (*Columba palumbus*), искусно слепленное чашеобразное гнездо деревенской ласточки (*Hirundo rustica*). Заметим, что последним определению поддавалось гнездо зяблика: оно было собрано в Бокситогорском р-не Ленинградской области и определено орнитологом как гнездо дрозда, что на поверку оказалось ошибочным. Нас смутили мелкие размеры, отсутствие в гнезде земли, а в определителе А. В. Михеева мы нашли яркий диагностический признак – «Подстилка в гнезде из перьев, шерсти (часто волосы лося), иногда из золотых нитей плодоножек кукушкина льна» (7, с. 72-73).

Большая часть гнезд была собрана известным орнитологом, профессором Тимирязевской сельскохозяйственной академии, доктором биологических наук Любовью Васильевной Маловичко, а также ее учениками. Гнездо крапивника найдено в Ставрополе библиотекарем СГМЗ Александрой Алексеевной Хворостьяновой.

Использованная литература и источники:

1. Горностаев Г.Н. Многобугорчатый шароглав *Bradyporus multituberculatus* (Fischer-Waldheim, 1833) // Красная книга Российской Федерации (Животные). – М.: АСТ, Астрель, 2001.
2. Калачева И.П. 1907-2007. Государственный Дарвиновский музей. День за днем. – М.: Альфа-Принт, 2005. – 384 с.
3. Тертышников М.Ф. О систематическом положении и географической изменчивости ужа обыкновенного (*Natrix natrix* L.) // Проблемы развития биологии на Северном Кавказе. – Ставрополь, 1997.
4. Банников А.Г., Даревский И.С., Ищенко В.Г., Рустамов А.К., Щербак Н.Н. Определитель земноводных и пресмыкающихся фауны СССР. – М.: Просвещение, 1977. – 414 с.
5. Харченко Л.Н. К вопросу охраны паукообразных в Ставропольском крае // Современные проблемы экологии и природопользования на Ставрополье. – Ставрополь, 1993.
6. Тертышников М.Ф. О животных Красной книги Ставрополья // Вестник СГУ. – Ставрополь, 1999. – №19.
7. Михеев А.В. Определитель птичьих гнезд. – Москва: УЧПЕДГИЗ, 1955. – 104 с.

Лычагина Н.А.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник
им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве,
заведующая отделом истории,
кандидат исторических наук

О КОЛЛЕКЦИИ КОММЕРЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ СТАВРОПОЛЬСКИХ КУПЦОВ ТРЕТЬЯКОВЫХ ИЗ ФОНДОВ СГМЗ

В торгово-промышленной жизни России конца 19 - начала 20 века всякая более или менее значительная торговая сделка не обходилась без письменных документов, предпринимательская практика требовала от коммерсанта составления, ведения, выдачи и приема целого ряда деловых книг, записей, коммерческих документов: писем, квитанций, счетов, векселей, расписок, обязательств, договоров и других.

Согласно Торговому уставу предприниматели обязаны были иметь и «содержать в надлежащем порядке свое счетоводство сообразно роду торговли» (1, с. 65). Обязанности иметь и содержать купеческие книги и другие деловые документы распространялись, согласно ст. 533 Устава, «на всех и каждого, принадлежащих к торговому сословию, а также на имеющих фабричные и мануфактурные заведения» (1, с. 70). Причем за неисполнение этой обязанности предприниматель подвергался взысканиям: «в первый раз денежному взысканию не свыше половины платимой им по торговому его званию подати; во второй, взысканию не свыше сей подати вполне; в третий, взысканию не свыше сей подати вдвое, в четвертый, лишению навсегда права на производство торговли» (1, с. 71)

Большое значение составлению коммерческих документов придавалось потому, что такие документы нередко были единственным средством спасти личность и честь купца от последствий обвинений, ответственности, несостоятельности и прочего. Дело в том, что деловая корреспонденция при условии правильного ее ведения имела силу доказательств в суде, в спорах сторон и недоразумениях, тяжбах и процессах, возникающих между купцами по тому или иному поводу. В силу этого любой коммерческий документ обязательно хранился (а храниться должен был по отечественному законодательству в течение десяти лет). Возможно благодаря этому обстоятельству у купцов, в том числе и ставропольских, скапливалось достаточно большое количество деловых документов, и Ставропольский музей им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве

имел возможность получить коллекцию коммерческих документов, принадлежащих в конце 19 – первой трети 20 века Ставропольской купеческой семье Третьяковых. Семья занималась достаточно широкой предпринимательской деятельностью, им принадлежал торговый дом, они активно вели торговлю лесными, строительными, водопроводными и лакокрасочными материалами. Коллекция была передана в музей в конце 1970-х гг. — старожилом г. Ставрополя Владимиром Михайловичем Куроченко. Родился он в 1908 г., получил образование в ставропольском коммерческом училище, где обучался вместе с младшим из братьев Третьяковых – купцом второй гильдии Иваном Иосифовичем Третьяковым. В. Куроченко был в дружеских отношениях с семьей Третьяковых, благодаря чему в его архив попали бумаги делового характера Иосифа Сергеевича Третьякова и его наследников - сыновей Григория и Ивана Третьяковых. Коллекция содержит 7 купеческих, хозяйственных книг (за 1891-1893 гг., 1816-1819 гг., 1926 – 1929 гг., 1931-1933 гг.), 45 коммерческих счетов, 30 коммерческих писем, несколько прејскурантов, накладные и некоторые другие деловые документы.

Что касается *купеческих книг*, то этот вид деловых документов отечественное законодательство конца 19 – начала 20 века обязывало вести соответственно масштабам коммерческого дела. Так, например, розничным торговцам назначались следующие книги: товарная для записи всех получаемых и продаваемых товаров с обозначением их цен; кассовая для записи «на приход ежедневной выручки денег общими итогами, и расход, как на платеж за купленные товары и материалы, так и на домашние и все прочие издержки в подробности»; расчетная книга, где обозначалось: когда, сколько, кому и за что должен предприниматель и кто ему должен с обозначением сроков и отметкой сделанных или полученных уплат; документная для подробной записи векселей, заемных писем, расписок, банковских билетов, акций, контрактов, договоров и других подобных документов. (1, с.66)

Каждый предприниматель ежегодно должен был по этим книгам выводить баланс, в котором обозначать: собственный свой капитал и свое движимое и недвижимое имущество, наличность денег и денежных документов, наличность товаров, долги, расход на домашние издержки, годовую прибыль и убыток.

Благодаря сохранившимся самым ранним купеческим книгам купца И.С. Третьякова за 1892-1893 гг. мы можем иметь представление, как велись записи в подобных книгах. Книги представляют собой обычные тетради в линию, где убористым почерком указаны числа месяца и подробное описание денежных расходов. Так, к примеру, как видно из записи 7-10

сентября 1892 г. Третьяковым было израсходовано 82 руб. 5 коп., из них «ребятам в жалованье 30 руб. 95 коп., резнику за мясо уплатил – 20 руб., поденицам (капусту резали) – 60 коп., за 7 бочек воды хорошей – 4 руб. 90 коп., лампу купил – 1 руб., водки – 1 руб., арбузов купил для ребят – 6 руб., масла – 20 коп.» и т.д. (2, ед.хр. 7. оф. 27370/, л.332).

Совершение торговой сделки в конце 19 – начале 20 века удостоверяли, прежде всего, коммерческие *письма*, которыми обменивались торгующие между собой фирмы или лица. Именно через коммерческое письмо делался заказ с указанием способа расчета, покрытия и пр.

Когда читаешь и рассматриваешь деловые письма, поступившие на имя Третьяковых, становится видна вся важность искусства торговой корреспонденции. Понятно, что любой запрос товара мог оказаться предложением заключить сделку, простая рекомендация могла оказаться поводом для открытия кредита. Письмо могло быть безупречно в литературном отношении и в то же время совершенно негодным в смысле делового документа. Искусство предпринимателя состояло в том, чтобы, во-первых, отчетливо понимать и представлять себе содержание тех последствий для деловых отношений, какие вызовет редактируемое им коммерческое письмо; во-вторых, в том, чтобы уметь выразить содержание последнего в общепринятой форме, в оборотах и выражениях технически-торгового языка. Не случайно в ряду других специальных предметов коммерческих знаний в дореволюционной России преподавался курс Коммерческой корреспонденции (3).

Что касается требуемой формы составления писем, то ее нетрудно проследить на письмах из рассматриваемой коллекции. Это, в основном, образцы самого обыденного письма-схемы, которое заключало в себе: 1. указание на высылку заказа непосредственно или через комиссионера (причем указывался способ высылки (бандероль, почтовая посылка или транспорт); 2. указание способа расчета по этому заказу (почтовый перевод, получение платежа от комиссионера или наложенным платежом); 3. просьбу об извещении при невозможности немедленно исполнить заказ; 4. подпись собственника предприятия собственноручно (без подписи письмо не имело юридической силы).

Относительно стиля написания деловых писем, коммерческая корреспонденция требовала употребления исключительно торгового языка с его терминологией, своеобразного слога, который в науке обозначался как коммерческий стиль. На примере писем, адресованных Третьяковым, видно, что язык делового письма того периода отличался лаконичностью,

точностью. В письмах чувствуется глубокое уважение к адресату. К примеру, Южно-русский Арматурный и бронзо-литейный завод А.Н. Прива (Одесса) писал братьям Третьяковым:

Мы заметили среди писем Ваш почтенный запрос от 18 июня 1908 г...В настоящее время благодаря приобретению нами станков и машин бывшего Акционерного общества «Арматура», в Санкт-Петербурге, наше производство значительно расширено и усовершенствовано, мы в состоянии теперь снабжать нашей арматурой и более дальние районы.

Если интересуетесь, благоволите почтить нас Вашим уважаемым запросом, и мы не замедлим сообщить Вам netto -цены на интересующие Вас предметы.

В ожидании Вашего благосклонного запроса и заказов, имеем честь пребывать

С совершенным почтением

А.Н. Прива

Кроме писем, торговая практика требовала от коммерсанта выдачи и приема целого ряда других документов: счетов, квитанций, векселей, расписок, обязательств и пр.

Самой распространенной формой документа, удостоверяющего совершение сделки купли-продажи, являлась так называемая *фактура*, т.е. записка на проданный товар, с подробным обозначением количества товара, высылаемая продавцом покупателю. В зависимости от условий сделки фактура встречалась в торговой практике под разными названиями. Она могла называться «Счетом», «Накладной», «Покупным счетом», «Продажным счетом», «Воображаемым счетом» и пр.

Фактура, называемая *накладной*, чаще всего вручалась продавцом возчику, сопровождающему товар, который передавал ее покупателю. Обычно в накладной не обозначалась стоимость товара, а лишь количество его. В коллекции документов Третьяковых содержится накладная из магазина М.Н. Рудневой (г. Ставрополь) 1911 г. с обозначением количества проданных братьям Третьяковым проволочных гвоздей и накладная от известкового завода А. Иванова и В. Милосердова (Ставрополь) с указанием количества отправленной купцам извести.

Счет за высылаемые товары, по правилам, в отличие от накладной, содержал не только название и количество проданного товара, но и стоимость его. Кроме того, в счете должно было быть указано, кем и кому продан товар, когда товар был отправлен, время и место написания счета, время и способ платежа. Последнее обозначалось надписями: «за наличные», если платеж производился наличными деньгами, или «сроком столько-то

месяцев», или «срок такого-то числа», если товар отпущен в кредит. Если деньги получал сам продавец, то он писал на счете «По сему счету деньги получил сполна» и ставил свою подпись. Это хорошо иллюстрируют практически все счета из коллекции документов Третьяковых.

Счета на сумму выше 5 рублей оплачивались гербовым сбором в 5 копеек. На нижней части марки, наклеенной на счет, проставлялись число и месяц, когда производился платеж. Марка либо перечеркивалась двумя чертами, либо на нее накладывался штемпель фирмы. Все счета из коллекции документов Третьяковых наглядно демонстрируют это правило.

Если фирма-продавец и фирма-покупатель находились в разных странах, то документ, который посылала первая фирма одновременно с отправкой товара, носил название *фактуры*. Образец такого документа можно представить на примере фактуры, присланной из Изерлона (Германия) от К. Вейланда Г.И. Третьякову в апреле 1913 года (2, ед. хр. 4, о.ф. 20195).

В фактуре обозначалось не только количество товара, но и стоимость его, а также расходы, произведенные продавцом по отправке, страхованию товара, каким образом именно отправлен товар и пр. На отправляемом товаре ставились номера и разные товарные знаки или «марки»; эти номера и марки указывались и в фактуре. Условия платежа выражались надписями: «за наличные», «наложенным платежом», «сроком столько-то месяцев» и др.

Исследование коллекции коммерческой корреспонденции купцов Третьяковых позволяет утверждать, что следуя правилам составления коммерческих документов, ставропольские купцы обеспечивали надежность и прочность деловых отношений как с местными партнерами, так и с российскими и зарубежными фирмами. Указанная коллекция наглядно демонстрирует широкую географию предпринимательской деятельности ставропольской купеческой семьи. Среди торговых партнеров Третьяковых были такие известные российские и зарубежные фирмы, как Императорский Тульский оружейный завод, Общество стекольных и химических заводов (Екатеринославская губерния), контора пожевских железоделательных заводов князя С.Е. Львова (Саратов, Самара), техническо-строительная контора «Анатолий Фадичев» (Москва), АО фабрики химических продуктов (Варшава), товарищество Российско-Американской резиновой мануфактуры «Треугольник» (Санкт-Петербург), паровая фабрика Гаврила Симон (Ростов-на-Дону) и, конечно же, ряд торговых и производственных фирм Ставропольской губернии – Г.Д. Меснянкина, Людвига Траубе, А. Ф. Немова и др.

Учитывая то, что деловые документы того времени были, пожалуй, самыми распространенными рекламоносителями, рассматриваемая нами

коллекция становится ценным, незаменимым источником для исследования истории торговли и предпринимательства в России конца XIX – начала XX века. Практически каждый коммерческий документ указанной коллекции содержит информацию рекламного характера, которая размещается как по краю и на оборотной стороне документа, так и в печатном заголовке.

Таким образом, коллекция коммерческих документов ставропольских купцов Третьяковых из фондов СГМЗ представляет большой интерес для исследований по вопросам экономической истории, как Ставропольской губернии, так и всей России, помогает проследить правовые основы ведения деловой документации, воссоздать картину коммерческой этики, определить географию предпринимательской деятельности российских коммерсантов конца XIX – начала XX века.

Использованная литература и источники:

1. Торговый устав. М., 1881.
2. СГМЗ. Фонд 424 «В.М. Куроченко – старожил г. Ставрополя». Ед. хр. 4., 7.
3. Барац С.М. Курс коммерческой корреспонденции. СПб., 1902.
4. Образцы коммерческих документов. // «Академия коммерческих знаний». Вып. 7. Б.м., Б.г.

Лазарчева З.В.,
г. Изобильный,
Музей истории Изобильненского района,
младший научный сотрудник

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ В ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ КОЛЛЕКЦИИ МУЗЕЯ ИСТОРИИ ИЗОБИЛЬНЕНСКОГО РАЙОНА

Начало страшных времен. Уже не остается на земле почти никого, в чью судьбу ворвалось кошмарное время жестоких политических репрессий. По свидетельствам ныне реабилитированных бывших политических узников, выжили 1 – 2 человека из каждой тысячи приговорённых. Но это было, было в истории нашей многострадальной страны и, как говорится, «из песни слово не выкинешь». И надо находить слова, чтобы ответить молодым на их недоуменный вопрос: «А почему?..».

Что такое репрессии? Откроем словарь русского языка С.И. Ожегова: «Репрессия – наказание, карательная мера, применяемая государственными органами». По последним официальным данным Государственного архива Российской Федерации число осуждённых за контрреволюционную деятельность и другие, особо опасные государственные преступления за период с 1921 по 1953 годы составляет 4 060 306 человек. В Ставропольском крае было репрессировано 27,5 тысяч семей. И это не точные данные, так как не каждая изломанная человеческая судьба нашла отражение в документах.

В нашем музее есть многотомная «Книга памяти жертв политических репрессий Ставропольского края», в которой немало страниц уделено Изобильненскому району. По данным статистического анализа в нашем районе жертвами политических репрессий стали 476 человек.

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ РЕПРЕССИРОВАННЫХ	ФОРМЫ РЕПРЕССИЙ		ОБРАЗОВАНИЕ	
	расстрел	лагеря		
рабочие	9	34	неграмотные	238
крестьяне, в том числе колхозники	31	345	грамотные	199
Интеллигенция, в том числе служащие	3	32	среднее и высшее	39
Служители религиозного культы	6	16		
ВСЕГО 476	49	427		

В музее хранятся документы о репрессированных людях Изобильненского района. Та страшная волна политических репрессий

прокатилась смерчем по всей огромной стране. Не обошла она и наш район. Все эти документы составляют одну коллекцию. Она хранит в себе короткие документальные, биографические подробности о людях, когда живших и работавших в нашем районе, которых коснулись репрессии 20 столетия. В разные годы происходило пополнение данной коллекции.

1992 год: Коллекция документов Шатова Василия Леонтьевича - о.ф. 1007/1-10; **1993 год:** Коллекция фотографий, документов Лупандина Семена Павловича - о.ф.1066-1072; **1994 год:** Копия свидетельства о смерти Лупандина С.П., фотокопия погрудного портрета Лупандина С.П. - нвф. 318/1-2; **1997 год:** Фотографии Минакова Архипа Стефановича - о.ф. 1900,1901; Коллекция документов Шатова В.Л. -о.ф. 1874/1- 15, нвф 530/1-3.

Многие годы в нашей стране эта тема была наглухо закрыта. И только в октябре 1991 года Председателем Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельциным был подписан закон «О реабилитации всех жертв политических репрессий». Этим же законом были определены и меры социальной поддержки и помощи жертвам репрессий. С этого момента октябрь месяц стал датой «памяти» пострадавших от жестокого и страшного времени.

Репрессии тридцатых годов. В тридцатые годы репрессии достигли своего апогея. Люди пропадали бесследно. Человек мог пропасть даже после того, как рассказал политический анекдот.

5 сентября 1937 года в Изобильном были арестованы как враги народа секретари райкома ВКП(б), И.А.Ярев, Н.В.Щепин, председатель райсовета И.А.Мирославский, комсомольский вожак Г.Гайкалов, заведующий районным здравотделом А.А.Анисимов. Все они были активными борцами за новую жизнь, организовали строительство больничного комплекса и закладку парка в центре села Изобильного.

К арестованным применили 58-ю статью. И суд так называемой «тройки» решал их судьбу. Аресты проводили начальник НКВД Потанин, его заместители Сандлер и Кофанов, секретарь Куликов.

Было в тот период арестовано 73 человека, то есть практически весь партийный актив района, председатели колхозов. Всех объявили членами контрреволюционной организации, врагами народа.

Когда пришли за Иваном Алексеевичем Яревым, он отказался отдавать партбилет и райкомовскую печать, потребовал, чтобы его связали по телефону с крайкомом. Но даже после того, как разрешение на арест подтвердили, повторял недоумённо: «Я – коммунист, секретарь райкома. Я – враг народа? Это невозможно!» И так каждый считал свой арест

недоразумением, надеялся доказать свою подлинную партийность. Но тщетно. Всех их ждали пытки, физическое и моральное истязание.

Шатов Василий Леонтьевич. 20 октября 1937 года был арестован Шатов Василий Леонтьевич председатель колхоза имени Димитрова. К 1 ноября всех арестованных привезли в краевой центр и начались допросы, «выбивание» признаний. На допросах Шатов держался спокойно, с достоинством. Из его воспоминаний: «Меня и Литвиненко семь суток держали на допросе. Одного заставляли стоять по стойке «смирно», другого сидеть неподвижно. Менялись палачи, а мы стояли и сидели до потери сознания. Нас обливали водой и опять заставляли выполнять те же команды... Так доводили до шока, до отупения. В таком состоянии давали подписать бумаги, и люди подписывали их, признавали себя врагами народа, клеветали на товарищей и т.д.». Это было полное подавление личности. Не хватало элементарных человеческих сил. И нельзя винить тех, кто «признавался». 8 марта 1938 года с группой осужденных Шатов В.Л. был отправлен по этапу в Архангельскую область на лесозаготовки. Срок был назначен 10 лет без права переписки. Так, в тяжелейших условиях (700 гр. хлеба в день, баланда, вода), прошло полгода. Затем положение улучшилось, стали приходиться письма из дома. Но Шатову В.Л. добавили ещё 10 лет за чтение газеты «Правда». Неожиданно, после 1 года и 6 месяцев лагерей Шатов В.Л. был освобождён и вернулся домой в село Птичьё. В скором времени в газете «Колхозный путь» появилась статья о его реабилитации. Ему вернули все документы, в том числе партбилет, и с 1939 года Василий Леонтьевич Шатов работал председателем Изобильненского сельпо.

Память о Павлове Ф.Г. До сих пор жива память жителей станицы Новотроицкой Изобильненского района о земляке Фёдоре Григорьевиче Павлове. В 1918 году «из-под носа» деникинских разъездов увёл он добровольческий отряд в 120 сабель и влился в XI Красную Армию. Член партии с 1919 года, в тяжёлые двадцатые годы был председателем станичного Совета, командиром ЧОНа, в тридцатые годы – председателем колхоза, председателем райисполкома. В 1938 году Павлов Ф.Г. был арестован, объявлен врагом народа и приговорён к 15 годам заключения. «По традиции» арестовали и жену Лукерью Ильиничну, брата Алексея Григорьевича. В марте 1940 года 33 красных партизана направили в правительство ходатайство по поводу невиновности Фёдора Павлова. Его освободили, даже наградили орденом Красного Знамени. Но вернулся он инвалидом, полностью потерявшим память.

Не был стрелочник виноват... Лупандин Семён Павлович. Его судьба может служить самым ярким примером вопиющей несправедливости,

творящейся в нашей стране в годы репрессий. Проживал в селе Изобильном, работал стрелочником на станции Изобильная, скромный труженик Семён Павлович Лупандин. 25 июля 1937 года был арестован работниками НКВД и отправлен в краевой центр. Придуманное обвинение звучало так: «за проведение подрывной диверсионной работы на транспорте и антисоветскую агитацию среди рабочих». 3 января 1938 года «тройка» при УНКВД СССР по Орджоникидзевскому краю постановила – Лупандина С.П. расстрелять. 17 февраля 1938 года приговор приведён в исполнение. Место захоронения неизвестно... В музее хранится копия свидетельства о смерти Лупандина Семёна Павловича, заверенная нотариусом. В этом документе есть такие страшные слова: «Причина смерти – расстрел». И только в 1957 году, после многочисленных хлопот детей, Лупандин Семен Павлович был реабилитирован.

Дети репрессированных. 12 лет работала в нашем музее научным сотрудником Колесниченко Вера Дмитриевна. Семья жила на Украине. Родители были хлеборобами. Началась кампания по раскулачиванию. Совершенно необоснованно семью Колесниченко раскулачили и выслали в Архангельскую область, и Верочка родилась уже там. Мать не работала, так как в семье было пятеро детей. Отец работал начальником пожарной части. Когда в 1929 году где-то случился пожар, отца обвинили и арестовали. Но через три дня выпустили. В 1943 году Дмитрий Колесниченко ушел на фронт, а детей определили в колхоз, чтобы они смогли выжить. Дети все стремились учиться, и сыновья окончили техникумы, а дочери – институты. В 1953 году переехали в Изобильный. Но всегда старались тщательно скрывать такие факты своей биографии, как раскулачивание семьи и арест отца.

Живет в нашем городе бывшая учительница начальных классов Марианна Иосифовна Барковская. Родом из Ленинграда. Первый раз отец был арестован и осужден в 1929 году. Мать преподавала в школе, затем в артиллерийском училище. Но была религиозна, и часто на кружке рассказывала детям о религии. Она так же была осуждена и сослана в Архангельск. Пятеро детей оставались с бабушкой. Отец недолго побыл на свободе. Он был скрипачом. Как-то в разговоре обмолвился, что ему нравится музыка Баха, Бетховена, Вагнера. Его снова арестовали в 1939 году и 12 сентября 1942 года расстреляли. Марианна Иосифовна всю жизнь с горечью вспоминает, что детей репрессированных отовсюду гнали, никто с ними не играл, сторонились как прокаженных. Все двери перед ними захлопывались, не было даже продовольственных карточек на 150 г. хлеба. Но в каждой эпохе бывают хорошие люди. И нашелся коммунист, начальник

политотдела Фурсей Николай Андреевич, который с риском для себя удочерил Марианну, стал ей вторым отцом. Нашему музею Марианна Иосифовна передала копии гравюр работы ее второго отца Фурсей Н.А. В современном Санкт-Петербурге можно видеть его работы на художественных выставках и в музее Анны Ахматовой.

Ветеран Великой Отечественной войны, кадровый военный, переводчик с персидского и английского языков Калинин Евгений Леонидович – сын репрессированного отца. Отец Леонид Фёдорович работал в Перми на железной дороге рабочим, потом начальником паровозного депо. 28 октября 1938 года его арестовали по подозрению во вредительстве: обнаружили под некоторыми паровозами бракованные колёсные пары. Исключили из партии, сняли с работы, сослали на Байкал. БАМ-лаг считался лагерем смерти. Оказывается, уже тогда начиналось строительство Байкало-Амурской магистрали силами заключенных в тяжелейших условиях. Там Леонид Федорович Калинин и умер от цинги, туберкулеза, истощения. Никогда не изгладится из памяти сына обида за горькую судьбу отца.

Музейная традиция. Ежегодно, начиная с 1997 года, в нашем музее проводятся встречи старшеклассников города с людьми, так или иначе пострадавшими от политических репрессий. При организации этих встреч мы оформляем выставки из фондов музея, где представляем документы и фотографии по этой теме. Из управления труда и социальной защиты населения мы имеем ежегодно обновляемые списки граждан, пострадавших от политических репрессий и реабилитированных, проживающих в нашем районе. Кроме того, с 2004 года музей истории Изобильненского района ведёт переписку с Санкт-Петербургским научно-информационным центром «Мемориал». Традицию этих встреч наш музей, конечно, будет сохранять, а документальную коллекцию пополнять и расширять.

Необходимо донести до будущих поколений эти страницы истории, чтобы они стали целостной и неотъемлемой частью национальной памяти.

Использованная литература и источники:

1. Книга памяти жертв политических репрессий Ставропольского края, том 1. Ставрополь, 1995.
2. С.И.Ожегов «Словарь русского языка». М., 1972.
3. А.Е.Богачкова «История Изобильненского района». Ставрополь, 1994.
4. Сборник докладов Второго международного симпозиума памяти В.В.Иоффе «Мир после Гулага». Сыктывкар, 2003.
5. Материалы 1-й региональной научной конференции «Проблемы массовых политических репрессий в СССР», Краснодар, 2003.
6. Материалы II-й региональной научной конференции «Проблемы массовых политических репрессий в СССР», Краснодар, 2004.

7. Фонды музея истории Изобильненского района. Фонд 1,ед.хр.8.
8. Фонды музея истории Изобильненского района. Фонд 2,ед.хр.8.

Мешечко Н.В.,
г. Изобильный,
Музей истории Изобильненского района,
младший научный сотрудник

**ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ «ВОИНЫ-ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ»
МУЗЕЯ ИСТОРИИ ИЗОБИЛЬНЕНСКОГО РАЙОНА**

Место коллекции в фондах музея. Музей истории Изобильненского района был организован как музей боевой и трудовой славы. Сведения о выдающихся земляках, участниках Великой Отечественной войны, в том числе и участниках движения Сопротивления, были собраны сотрудниками в первые годы существования музея. Материалы об участниках Сопротивления использовались в экскурсиях и лекциях о Великой Отечественной войне, но в военной экспозиции были представлены не в полном объеме. Хотя эти документы являются первыми в документальной коллекции «Воины-интернационалисты». В основном это фотографии воинов и грамоты иностранных государств. В 1993 г. Т.Д. Зозуля, освобождавшая Польшу, передала в музей свои документы и документы мужа. В августе 1994 г. из военного комиссариата Изобильненского района были получены сведения и фотографии о воинах-афганцах. Позже – в августе 2000 года работники военкомата предоставили музею списки изобильненцев - участников боевых действий в ДРА и передали еще 9 чёрно-белых фотографий. По предложению н.с. Н.Г. Хирьяновой материалы о борцах Сопротивления и афганцах были объединены, и появилась новая коллекция «Воины-интернационалисты». В последующие годы пополнение коллекции «Воины-интернационалисты» носило несистематический характер. С весны 2006 года приступили к более глубокому исследованию этой темы. В процессе работы выяснилось, что границы коллекции надо расширить. Наряду с борцами Сопротивления и «афганцами», в нее должны войти сведения о наших земляках- участниках локальных конфликтов в разных странах от послевоенного периода до наших дней. Таким образом, данная коллекция насчитывает 224 документа. Картина поступлений по годам следующая: **1991 г.** 6 предметов - документы и фотографии интернационалистов (о.ф.104; 125; 151/1-2; 192; 208); **1992 г.** 37 предметов - документы и фотографии борцов Сопротивления (о.ф. 796-806; 931/35,41,44; 934/1-23); **1993 г.** 28 предметов - документы супругов Зозуля (о.ф. 1039/1-28); **1994 г.** 70 предметов: Фотографии участников войны в Афганистане (о.ф. 1471/1-61; н.в.ф. 322, 323/1-2); Зарубежные книги о

партизанской борьбе (о.ф. 1429-1431); Фотографии военных лет (о.ф. 1405/5-7); **1995 г.** 30 предметов - документы и фотографии интернационалистов (о.ф. 1579/1-23, н.в.ф. 365/1-2, 1587/1-2, 1682/62, 1682/101, 1691/3); **1996 г.** – **1997г.** Поступлений нет; **1998 г.** 5 предметов - фотографии В.Зайцева (о.ф. 1926/ 1-5); **1999 г.** Поступлений нет; **2000 г.** 9 предметов – фотографии «афганцев»; **2001- 2005 г.** Поступлений нет; **2006 г.** 39 предметов: Фотографии и документы воинов-афганцев: (о.ф. 4059- 4065; 4265-4285; 4342); Участники венгерских событий 1956-57гг: (о.ф. 4580-4585/1-2; н.в.ф 988- 991).

Борцы Сопротивления. В годы второй мировой войны наши земляки принимали активное участие в движении Сопротивления. Многие из них прошли фашистские концлагеря. После побега из плена, стали участниками партизанских отрядов, освобождавших страны Европы: А. Букреев, Р.Соловьев – в Чехословакии, И. Петухов – в Польше и Чехословакии, И. Ефанов – в Италии, Н. Поляков – во Франции, Т. Пыхтина (Зозуля) и Н.Зозуля – в Польше. Наибольший интерес представляют документы из личного фонда И.В.Ефанова и Т.Д.Зозули.

ЕФАНОВ ИЛЛАРИОН ВЛАДИМИРОВИЧ родился в селе Птичьем в 1912 году. Работал в колхозе плотником. Призван в армию в августе 1941 года. В бою под городом Мариуполем был ранен, попал в плен, бежал. Примкнул к партизанскому отряду на Украине, а затем в Италии. С мая 1943 года по ноябрь 1944 года в 53-ей партизанской бригаде имени Джузеппе Гарибальди. Партизаны гарибальдийских бригад развернули широкие боевые действия в Северной Италии. Илларион Владимирович погиб в 1944 г. в Мальге Лунге (под г. Ловере) и похоронен в братской могиле партизан. Позже его взрослый сын Михаил Илларионович ездил в Италию, побывал на могиле отца, итальянцы вручили ему книгу об итальянских партизанах и две памятные грамоты:

*Бригада имени Гарибальди
Тридцатая годовщина
со дня освобождения*

Гарибальдийскому партизану в память Ефанову Иллариону.

Вспоминая его вклад в национальную освободительную войну против фашизма и против нацизма, утверждая идеалы, ради которых он дышал и надеялся на возрождение Италии. С оружием в руках, как и другие борцы-антифашисты лучшей части нашего народа; он написал славными делами строку в Победу. Подтверждая заслуги на благо Италии, его путь, начертанный Конституцией, будущее мира, справедливости, свободы.

Генеральный командантэ бригады им.Гарибальди Подпись

*Коммунэ Гандино
К 30-летию Сопротивления*

От солнечного мира, наших гор, и наших памятных мест, от всех нас еще живущих, он записал своей жизнью, бесконечно щедрой, священную любовь к свободе, которую он наполнил громадным содержанием на нашей земле.

Синдако Робэрто Стомбэ.

(Перевод Ю.М. Кашина - гл. редактора центральной газеты «Земля и люди» от 02.11.2006 г.)

Эти грамоты находятся в экспозиции музея. Здесь же расположены две групповые фотографии с И. Ефановым – довоенная, сделанная в 1939 г. и фото 1944 г. – И. Ефанов среди итальянских партизан. Это фото сделано незадолго до его гибели.

СУПРУГИ ЗОЗУЛЯ жили в г.Изобильном с 1946 г. Пыхтина Татьяна Даниловна родилась в 1922 г. в с.Безопасном. В 1942 г. добровольно ушла на фронт. Была водителем грузовиков. В конце войны участвовала в освобождении Польской народной республики. Здесь она встретила своего будущего мужа - Николая. Зозуля Николай Павлович родился в 1920 г. в ст. Крупская Краснодарского края. В 1940 г. был призван в армию, служил на границе в Литовской АССР. Там и застала его Великая Отечественная война, их части пришлось принять первые удары гитлеровцев. Он был шофером, возил боеприпасы на передовую. Принимал участие в освобождении Праги, Варшавы, имеет много правительственных наград и благодарностей. Будущие супруги познакомились в Варшаве, где оба находились в правительственной командировке до 1946 г. За ее успешное проведение получили по Польскому бронзовому кресту. В музее хранится диплом республики Польша, в котором говорится: *«В честь признания заслуг, вложенных в войну с немцами для дела победы польского народа над фашистским варварством, и триумфа идеи демократической свободы присваиваю старшему стрелцу ПЫХТИНОЙ ТАТЬЯНЕ ДАНИЛОВНЕ «МЕДАЛЬ ПОБЕДЫ И СВОБОДЫ».*

*Подпись министра Государственной обороны Польши Михаила Жимерского.
Варшава, 9 мая 1946 года.*

Грамота республики Польша под девизом *«За вечную дружбу народов СССР и Польши!»* выдана боевому соратнику ЗОЗУЛЯ НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ. *Искренне благодарю Вас за честную и самоотверженную службу в Войске Польском. Вы выполнили свой долг и возвращаетесь на свою Родину – в Советский Союз. От души желаю Вам больших успехов на новой работе. Демократическая Польша никогда не забудет того неоценимого вклада, какой внесли Вы, советские воины, в дело освобождения и возрождения Польской Республики, в дело укрепления вечной дружбы между Красной Армией и Войском Польским. Счастливого пути, наш боевой*

соратник! Крепко жму Вам руку. Главнокомандующий войска Польского Маршал Польский – М. Жимерский 7 декабря 1945г.

Всего в личном фонде супругов Зозуля находится 29 документов.

Военные события в Венгрии в 1956-57 гг. В Большой советской энциклопедии они охарактеризованы как «*Контрреволюционный мятеж 1956 г. в Венгрии*». К сожалению, эти события не обошлись без участия Советского Союза. 24 октября в 2 ч. ночи на территорию Венгрии были введены советские войска для поддержки правительства. Участниками событий тех дней стали более двадцати наших земляков.

КОБЫШ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ родился в 1937 г. в г. Изобильном. В армию призывался в августе 1956г. По словам Николая Васильевича, в Будапешт советских солдат (примерно 500 человек) привезли на поезде как раз 23 октября – мятеж только начинался. Возле крупных объектов стояли наши танки, солдаты несли патрули, стрелять разрешали только вверх. Успокаивали толпу практически вручную. Через два месяца, когда события чуть поутихли, Николай был направлен в полковую школу в г.Дебрецен (Венгрия). Через год окончил школу в звании младший сержант, полгода был командиром роты. Демобилизовался в 1959г.

КОСЯКОВ БОРИС НИКОЛАЕВИЧ родился в 1936 г. в Изобильном. В армию был призван в августе 1955г. Вначале часть стояла в г. Хыров (Зап. Украина) затем дислоцировались в г.Кечкемет, в 80 км от Будапешта. Борис был радиотелеграфистом, нес службу в ПВО. В БТР за ним была закреплена танковая радиостанция, он держал связь с командиром полка. 22 октября в 10 часов вечера была объявлена тревога, полк двинулся на Будапешт. На месте были в 8 часов утра. Солдатам выдали по 20 патронов, разрешили применять оружие. Экипажи плохо ориентировались в городе, по советским войскам вели огонь из подвалов и подворотен. Пока дошли до середины Будапешта – до Дуная - были разбиты все наши машины, везшие артиллерию, погибли девять солдат. Подразделение вначале месяц охраняло министерство обороны Венгрии, потом их перебросили в г.Кишкереш охранять аэродром. До марта 1957 г. постоянно менялись объекты охраны. В октябре 1958 г. в звании ефрейтора он демобилизовался.

Участники военных событий в Афганистане. Военные события в Афганистане (25.12.79- 15. 02.1989гг.) до сих пор по-разному оцениваются политиками и имеют широкий общественный резонанс. Из Изобильненского района интернациональный долг в Афганистане выполняли 150 воинов – 127 рядовых, 22 офицера и один вольнонаемный (данные райвоенкомата 15.10.1999г.). Орденом Красной Звезды награждены 13 человек, в том числе 2 человека погибших – посмертно В. Зайцев и Н. Полушин. Наибольший

интерес представляют документы В. Зайцева, П.С. Гридюшко, М. Шеховцова.

ВАСИЛИЙ ЗАЙЦЕВ родился в 1966 году в г. Изобильном. Василий был мобилизован 19 апреля 1984 года. Служил на окраине Кабула. Часто писал домой. Однажды воинская часть получила задание срочно выдвинуться на отдаленный горный участок для обеспечения безопасности перехода автоколонны с мирным грузом. Группа гранатомётчиков, в которой находился Василий Зайцев, подверглась нападению душманов из засады. Прикрывая отход товарищей, Василий оказался в окружении и погиб. Это случилось 13 сентября 1984 года. Награжден орденом Красной Звезды посмертно.

Военной службе Гридюшко Петр Стефанович посвятил 30 лет. Из г.Марниули в августе 1986 г. отбыл в Афганистан, где выполнял миссию 2,5 года. Имеет награды: орден «Красной Звезды», медали «За отвагу», «За боевые заслуги». В мае 2006 года он передал в музей 17 фотографий с видами Афганистана и 4 любительских фото.

Михаил Шеховцов, проходил срочную службу в Афганистане в 1981-83гг. В 1982 г. несколько его сослуживцев, практически «дембеля» поехали в кишлак за арбузами, дынями и фруктами. Через некоторое время вернулся один тяжелораненый и сообщил, что всех остальных убили, сам он умер в тот же день. Все кто это слышал, попрыгали в БТР и поехали отомстить. Они перестреляли практически весь кишлак. А те афганцы, кто уцелел, указывали потом на советских солдат-мстителей. Поскольку расправа была учинена без указания начальства, все были строго наказаны и лишены всех званий и наград. Все привилегии – удостоверение на льготы и грамота воину-интернационалисту, Михаил передал в музей, а также личные фотографии и вещи.

Современные конфликты. И в мирное время российские военнослужащие, чаще всего призывники, оказывают миротворческую помощь в локальных конфликтах вне нашей страны. Среди недавних военных действий – конфликт в бывшей Югославии.

ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ КОТОВ. 1977 года рождения из п. Рыздвяного. Был призван в ряды вооруженных сил России в январе 1996г. Служил в г.Омске, в отдельном разведывательном батальоне, затем был переведен в учебный 226 парашютно-десантный полк. За месяц до демобилизации написал рапорт и был направлен в Рязань для прохождения сборов с последующей отправкой в Югославию. Прибыл в г. Тузла, где базировалась 176 отдельная воздушно-десантная бригада миротворческого контингента. В составе миротворческих войск, проходил военную службу на

территории Боснии и Герцеговины в 1998 – 1999 гг. Несли боевое дежурство на постах наблюдения «через день – на ремень», проходили учебные тревоги, вели совместное патрулирование с американцами, шведами. Из своего контингента уезжал в срочном порядке, с последней партией (бортом). За участие в миротворческой операции совместно с войсками НАТО награжден грамотой и медалью «Свободы и Мира».

Дальнейшее комплектование коллекции. Сбор материалов будет производиться по всем направлениям, но акцент сделан на пополнение документальной коллекции. Разработана анкета для воина-интернационалиста. С осени 2006 г. практически с нуля начат сбор материалов об участниках военных событий в Венгрии в 1956-57 гг. Новые поступления в коллекцию «Воины-интернационалисты» будут использованы для выставок, лекций и дополнения экспозиции. Новые сведения о земляках, выполнявших миротворческую миссию в других странах, найдут отражение в средствах массовой информации.

Использованная литература и источники:

1. Фонды ГУ «Музей истории Изобильненского района»:
Фонд 4 ед.хр. 6 – Зозуля Н.П.;
Фонд 4 ед.хр. 18 – Борцы Сопротивления;
Фонд 4 ед.хр. 20 - Женщины и война;
Фонд 6 ед.хр. 1 - Интернациональные связи;
Фонд 6 ед.хр. 3 – Афганский след.
2. Адрианов В.Н. «Интернациональная помощь советских партизан антифашистскому движению стран Центральной и Юго-Восточной Европы». Военно-исторический журнал № 7/1988г.
3. Воспоминания воинов-интернационалистов:
4. Т.Д.Зозули; П.С.Гридюшко, М.И Швецова, Н.В. Кобыш, Б.Н. Косякова, И.А. Котова.
5. Газета «Известия» № 197/27238 от 24 октября 2006г. стр.5 Интервью корреспондента Г.Степанова с историком А.Стыкалиным «Почему Хрущев ввел войска в Венгрию?».
6. Прохоров А.М. Большая Советская Энциклопедия. Том 13, стр.73 «Контрреволюционный мятеж 1956 г. в Венгрии».

Хирьянова Н.Г.,
г. Изобильный,
Музей истории Изобильненского района,
научный сотрудник

ЗНАЧЕНИЕ АРХИВОВ В КОМПЛЕКТОВАНИИ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ФОНДОВ МУЗЕЯ ИСТОРИИ ИЗОБИЛЬНЕНСКОГО РАЙОНА

*«Без архива нет истории»
(Марона Арсанис)*

Рождение музея. Сейчас, даже трудно представить, что в нашем районе, в нашем городе не было музея. Готовясь к своему 25-летию, наш музей в 2003 году сделал запрос в Государственный архив Ставропольского края и получил архивную копию Решения № 375 «Об организации районного историко-революционного музея трудовой и боевой славы».

Своим рождением музей обязан общественной организации – комитету содействия офицеров запаса и в отставке при местном райвоенкомате, который возглавлял подполковник Синклинер Алексей Андреевич. В районной газете и по местному радио было передано обращение к жителям района с просьбой передать музею предметы старины, интересные исторические документы из личных архивов, которые могли бы стать экспонатами. В людных местах были расклеены листовки подобного содержания. Начался приток экспонатов.

Первыми штатными работниками музея, при которых началось его создание и функционирование, были фронтовики. В прошлом директор Изобильненской первой средней школы Юников Александр Фёдорович стал первым директором музея.

23 февраля 1979 года музей был открыт для посетителей. Новое культурное учреждение сразу привлекло внимание горожан и гостей Изобильного. Посещаемость музея в будние дни составляла до тридцати человек, в выходные и праздничные – до трехсот.

Открытию музея предшествовала огромная поисковая работа его сотрудников. Прежде всего, хотелось рассказать о земляках-героях. К тому времени большей части из них уже не было в живых.

Работа в архивах. Синклинер Алексей Андреевич изучал историю района по изданной до Октябрьской революции литературе и архивным документам из фондов Ставропольского краеведческого музея имени

Прозрителева и Пправе. Для создания более полного представления о подвигах наших земляков-героев он поехал в Москву и в течение трёх недель в Центральном Государственном архиве советской армии СССР вёл тщательную исследовательскую работу. Алексей Андреевич изучал события освобождения Изобильненского района от оккупации, документы о награждении наших земляков, отличившихся на фронтах Великой Отечественной войны. Все эти сведения значительно пополнили документальную коллекцию нашего музея. Кроме того, Синклинер, как опытный журналист, публиковал многие материалы в местной печати и впоследствии эти материалы вошли в сборники изобильненских авторов «Земля Изобильная» и «Войной опалённая память».

Помощь ЦАМО РФ. В 1996 году начальник отдела Центрального архива министерства обороны Российской Федерации Хотягов Олег Аслангериевич, будучи в нашем городе по поводу получения жилья в Изобильненском районе для своих родственников - беженцев из Чечни - привёз и передал в наш музей копии архивных документов, содержащих сведения о нашем земляке Герое Советского Союза гвардии майоре Мещерякове Г.Т. Так завязалось наше знакомство и сотрудничество с этим замечательным человеком. И впоследствии по запросу нашего музея Хотягов О.А. выслал нам копии личных дел ещё четырех Героев Советского Союза и двух полных кавалеров Орденов Славы – наших земляков Гусева М.Ф. и Макаренко А.М. В копиях наградных листов лаконично и достоверно описаны подвиги Героев, что значительно обогатило нашу документальную коллекцию.

Открытие Героя. До 2000 года мы считали, что пятеро наших земляков были удостоены звания Героев Советского Союза: Буклов Ф.Г., Грязнов А.В., Мещеряков Г.Т., Титенко А.Л. и Шугаев В.М. Но однажды к нам в музей пришел военный комиссар Изобильненского района Б.Иванов и принёс в дар музею книгу В.Жилина «Герои-танкисты 41-го...», в которой помещен довольно обширный очерк об уроженце станицы Новотроицкой Изобильненского района Пушкине Ефиме Григорьевиче, воевавшим ещё в гражданскую войну. А в Великую Отечественную войну он стал генерал-майором, командиром 8-й танковой дивизии 4-го механизированного корпуса Юго-Западного фронта. Во время августовских оборонительных боёв в районе Днепродзержинска и Днепропетровска его соединение нанесло большой урон противнику в живой силе и технике. Звание Героя Советского Союза Пушкину Е.Г. присвоено 9 ноября 1941 года. Следует сказать, что по признанию кадровых военных, награды в 41-м давали очень редко. Обстановка на фронтах была сложная – почти всюду отступление.

На наш запрос в Днепропетровский государственный исторический музей нами были получены из архивов музея следующие документы: фото памятника, установленного в честь Е.Г.Пушкина в центре города Днепропетровска, фото генерал-майора во весь рост, фото Е.Г. Пушкина среди офицеров 23 танкового корпуса. Все эти фотодокументы были размещены в экспозиции нашего музея.

Ивашкевич Г.М. – наш Герой. В книжном издательстве «Ставрополь» в 1969 году вышел двухтомник «Их имена никогда не забудутся. 1941 – 1945». Книга адресована в первую очередь молодёжи и школьникам с призывом знать о тех, чья молодость совпала с суровыми годами войны и просьбой включаться в поисковую работу, собирать по крупицам всё, что относится к жизни наших славных земляков. Во втором томе этого издания есть очерк о беспримерном подвиге Героя Советского Союза старшего сержанта Ивашкевича Григория Мефодиевича. Весной 1944 года дороги войны привели Ивашкевича в Крым. Будучи в разведке с группой из четырёх солдат, он остался один и, четырежды раненый, вёл бой с фашистами. Только через сутки под покровом темноты его смогли вытащить боевые товарищи. Ивашкевич Г.М. перед войной жил в станице Рождественской Изобильненского района. Сотрудники нашего музея провели обширный поиск сведений об этом человеке. Были отправлены запросы в ЦАМО РФ, Ростовский областной военный комиссариат, в Государственный архив Ставропольского края. Целью поисков было найти если не самого героя, то хотя бы его родственников. Из администрации станицы Рождественской мы получили ценный архивный документ: копию страниц «Похозяйственной книги Рождественского Сельского Совета за 1949–1951 годы», из которой выяснили, что семья Ивашкевичей в составе четырёх человек проживала в станице до 1950 года, затем переехала в Пелагиаду. Из администрации ст. Пелагиада Шпаковского района был ответ, что семья Ивашкевичей действительно проживала там, но выбыла в 1959 году, но куда выбыла, сведений нет. Тем не менее и этот поиск нельзя считать безрезультатным : когорту наших героев-земляков пополнило ещё одно имя.

Кавалер семи орденов. Жил в селе Птичьем человек, удостоенный в Отечественную войну семи орденов. Другого такого именитого офицера в нашем районе не было и нет. Имя его – Степанюк Федор Максимович. Только перечень наград подполковника Степанюка заставляет склонить голову: три Ордена Красного Знамени, орден Красной Звезды, орден Суворова III степени, орден Александра Невского, орден Отечественной войны II степени. Прилагаю копию ответа из Центрального Архива

министерства обороны Российской Федерации. Фотография и перечень наград этого героя теперь в экспозиции нашего музея.

Личная просьба. Не остается музей безучастным и к личным просьбам граждан. Так, по просьбе гражданки Новиковой Лидии Алексеевны нами были направлены в мае 2005 года запросы о ее без вести пропавшем отце Алексееве Алексее Васильевиче в три адреса: в Изобильненский районный военный комиссариат, Государственный архив Ставропольского края, ЦАМО РФ. Копии ответов, подтверждающие, что Алексеев А.В. действительно считается без вести пропавшим, отправлены лично Новиковой Л.А

Пинчуков Е.В. работал в Изобильненском районе. В Книгах Почёта Изобильненского районного Комитета КПСС, которые в настоящее время хранятся в нашем музее, мы обнаружили, что трижды занесён в Книги Почёта разных лет Герой Социалистического труда Пинчуков Егор Васильевич – в 1966, 1967 и 1970 годах. Работал он бригадиром чабанов в колхозе имени Ленина в селе Подлесном Труновского района. Но с 1962 по 1970 годы Труновский район входил в состав Изобильненского района, и это подтверждено официальными справками Ставропольского Государственного архива. Следовательно, с полным правом Пинчукова Е.В. мы можем считать нашим, Изобильненским Героем. Отныне и его фотография присоединена к семи Героям Социалистического труда – нашим землякам.

День рождения района. В 2003 году началась подготовка к празднованию 80-летия Изобильненского района. Но, к сожалению, никто не мог точно назвать дату рождения района. Конец спорам положил ответ на наш запрос, пришедший из Государственного архива Ставропольского края. Архивная выписка определяет эту дату: 2 июня 1924 года.

Заключение. Неоднократные обращения нашего музея в архивы различного уровня не всегда давали ожидаемый результат. Тем не менее, значение архивов в жизнедеятельности музея очень велико. Формируя и пополняя наши документальные коллекции, музейщики должны опираться на обоснованные официальные документы. Архивные справки и выписки никогда не подвергаются сомнению и оказывают музею существенную незаменимую помощь в деле создания экспозиций, в деле пропаганды исторически достоверных знаний.

Использованная литература и источники:

1. Фонды ГУ «Музей истории Изобильненского района»
  - Фонд 1, ед.хр. 2
  - Фонд 5, ед.хр. 3
  - Фонд 5, ед.хр. 5
  - Фонд 5, ед.хр. 10
  - Фонд 5, ед.хр. 16

2. Сборник в двух томах «Их имена никогда не забудутся. 1941 – 1945». Изд. Ставрополь, 1969.
3. Арсанис М. «Афоризмы и мысли». М., 1991.
4. Богачкова А. «История Изобильненского района». Ставрополь, 1994.
5. Жилин В. «Герои-танкисты 1941-го...», М., 1996.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ, СОХРАНЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ

Бурков С. Б.
г. Назрань,
Республика Ингушетия

ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ И КРАЕВЕДЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

1. Туристско-краеведческий потенциал Северо-Кавказского края богат и разнообразен, однако нуждается в предметном изучении и грамотном использовании. Для данного важного направления деятельности необходима теоретически обоснованная и экономически просчитанная концепция развития, адаптированная к современным политическим условиям.

2. Туристско-рекреационные, производственные, социальные, культурные возможности региона различны, что требует их индивидуальной оценки. Однако существуют и общие черты, свойственные в той или иной мере всем национальным республикам, краям и областям.

3. При их исследовании следует учитывать:

- этнокультурные особенности каждой территории, уровень и характер развития традиционного социального устройства ее титульного этноса;
- степень сохранности и потенциальные возможности использования недвижимых объектов культурного наследия, доступность их посещения;
- коммуникативные возможности (транспорт, состояние дорог, средства связи, близость к зонам активного отдыха);
- общий уровень сервисного обслуживания, профессионализм и коммуникабельность обслуживающего персонала;
- разнообразие в питании, досуге, развлечениях, с учетом возрастных, профессиональных, иных особенностей туристских групп, отдельных семей или индивидуальных путешественников;
- потенциальные возможности туристических баз, кемпингов, зон отдыха, гостиниц, пансионатов, частного сектора в размещении и обустройстве приезжающих;

- предварительное выявление запросов, предполагаемых форм отдыха, составление предполагаемой сезонной программы для групп и отдельных посетителей различного социального положения и материального достатка;
- готовность различных министерств и ведомств (культуры, образования и науки, молодежной политики, туризма и спорта, центров охраны памятников, музеев-заповедников) сотрудничать как между собой, так и с туристическими фирмами;
- наличие профессионально подготовленных туроператоров, информированных как об особенностях туристических групп (образование, возраст, социальное положение, уровень благосостояния, способ и характер потребления потребляемых услуг), так и о потенциальных возможностях принимающих территорий, хорошо ориентирующихся в национально-культурных особенностях региона;
- формы заинтересованности и уровень внимания к данному виду деятельности со стороны органов местного самоуправления;
- вопросы личной безопасности, экологический, природно-климатический, сезонный факторы;
- организованную помощь со стороны местных общественных национально-культурных объединений, историко-культурных центров, ученых, сотрудников музеев;
- степень развитости краеведческого движения как в крае, так и по каждому региону отдельно.

4. В настоящее время традиционными объектами внимания становятся или отдельные территории привлекательные своими эколого-географическими возможностями (горный, водный, велосипедный, конно-спортивный туризм) или т.н. местные достопримечательности, в основном – городские объекты градостроительства и архитектуры. Другое направление деятельности – организация досуга отдыхающих, проходящих курс лечения в санаториях, на базах отдыха, в клиниках КМВ.

Пассивно-созерцательное отношение к древностям характерно для работы как с внутрироссийскими, так и с иностранными туристами. При этом богатейший историко-культурный потенциал края, национальные традиции народов Северного Кавказа — оказываются невостребованными, воспринимаются гостями региона только как общий фон, без проникновения в их сущность.

5. Практика показывает, что стремление к чрезмерной централизации и излишней «федерализации» в области национальной политики пагубно отражается на межэтнических отношениях и диалоге культур. Ответной реакцией на подобные действия становятся попытки наиболее активной

части национальной интеллигенции представить особенности формирования «своих» этносов в форме обоснования исключительных прав на историческое наследие давно минувших эпох. Особую остроту эта проблема приобретает тогда, когда формирование этнического самосознания происходит на основе односторонне трактуемых событий древности и средневековья. Активно тиражируемые наукоподобные представления начинают присутствовать в ряде учебных курсов общеобразовательных школ и ВУЗов в качестве т.н. «регионального компонента» гуманитарных циклов. Общее поле северокавказской (южнороссийской, евразийской) истории оказывается разорванным на обособленные этнокультурные зоны с гипертрофированным восприятием собственной национальной исключительности.

Вот почему сегодня особую остроту и актуальность приобретает выявление и демонстрация тех общих для большинства коренных народов Северного Кавказа исторических традиций, овеянных, прежде всего, в объектах культурного наследия, общих элементах бытовой, межэтнической и производственной культуры.

6. Их сочетание с использованием туристско-рекреационных возможностей недвижимых объектов культурного наследия бытового, культового, военно-фортификационного характера, учебно-краеведческого направления и научно-исследовательских работ на памятниках археологии, воспроизведенных в различных формах туристической деятельности, позволит:

- решить проблему восстановления наиболее сохранившихся оставленных ранее горских поселков-усадоб, воссоздав в них бытовой уклад и национальный колорит прошлого;
- создать, при непосредственном участии выходцев из этих мест т.н. «этнографические деревни» с соответствующей инфраструктурой (кемпинги, парковки, зоны отдыха);
- привлечь в регионы дополнительное финансирование по линии Росохранкультуры, активизировать действующие и создать новые общественные фонды в поддержку развития национальной культуры;
- оптимально сочетать средства различных министерств и ведомств, их административные возможности для создания в крае развитой инфраструктуры активного познавательного туризма;
- предоставить школам, центрам детско-юношеского туризма, другим объединениям историко-культурной направленности возможность использовать эти объекты в качестве летних этнографических лагерей отдыха с насыщенными познавательно-оздоровительными программами.

7. Проведение на базе воссозданных горских усадеб, плоскостных поселений, стоянок кочевых народностей, городских зданий, археологических музеев под открытым небом, музеев-заповедников учебно-производственных практик студентов гуманитарных факультетов ВУЗов региона позволит повысить качество усвоения теоретических курсов и включить будущих специалистов в деятельность туристических фирм.

8. Участие туристов в научном исследовании археологических памятников может стать еще одной формой использования информационных, образовательных и воспитательных возможностей объектов культурного наследия как в активизации краеведческого движения, так и в развитии туристического бизнеса.

9. Привлечение к этому направлению деятельности местного населения поможет восстанавливать и воспроизводить народные традиции, демонстрируя их жителям иных регионов и стран. Это будет стимулировать культурный обмен между различными этносами и позволит выделить общее и особенное в обычаях друг друга, воспринимать их в качестве составных частей однотипных социальных норм и межнациональных традиций.

10. В связи с грядущими серьезными изменениями в государственной образовательной политике значение всестороннего использования краеведческой составляющей в деятельности с историко-культурным наследием будет только возрастать. С установлением единого государственного образовательного стандарта национально-региональный и т.н. компонент образовательного учреждения перестанут существовать. Изучать национальную историю в рамках общеобразовательных программ станет невозможно. В этих условиях необходим поиск новых форм углубленного изучения богатейшего историко-культурного наследия народов Северного Кавказа. Одной из них может стать использование воссозданного традиционного жилища, где учащиеся будут на практике познавать общее и особенное в этническом облике не только своего, но и других народов края. Обмен ученическими, студенческими делегациями с соседними регионами, в рамках установленных образовательных историко-туристских маршрутов поможет молодежи восстановить нарушенные этнокультурные связи на новом уровне. Участники таких контактных групп будут на практике ликвидировать возникшие негативные стереотипы межэтнического отчуждения, которые складывались по принципу: «инокультурный» - «недружественный».

11. В летних лагерях отдыха в ходе туристических походов школьники будут посещать исторические достопримечательности родного края. Теоретические знания, полученные в ходе урочной деятельности, могут быть

закреплены при проведении практических занятий по изготовлению реплик древних и средневековых орудий труда, предметов быта и вооружения и владения ими.

Подобные мероприятия могут проводиться и в городских условиях с помощью воссоздания интерьеров и хозяйства типичного городского или поселкового жилища 19 – начала 20в. С этой целью желательно использовать памятники градостроительства и архитектуры, входящие в перечень охраняемого государством культурного наследия. В естественных интерьерах прошлых лет исторические свидетельства современников будут восприниматься учащимися и туристами иначе, чем при посещении стандартных музейных экспозиций. Узнавание исторических событий, представляемых экскурсоводами-консультантами, станет максимально приближенным к действительности.

Важно, чтобы посетители самостоятельно пользовались всеми предметами, имеющимися в таких центрах культуры. В качестве одной из форм дополнительного воздействия может стать участие гостей в костюмированном представлении, подготовленном силами студентов театральных ВУЗов, для которых подобная постановка могла бы учитываться в качестве курсового (дипломного) проекта.

Необходимость в изготовлении одежд и аксессуаров, характерных для тех времен, несомненно, оживит и разнообразит рынок сувенирной продукции, создаст дополнительные рабочие места. Целесообразнее воссоздавать те предметы национальной культуры, которые, прежде всего, могут быть использованы в повседневном быту, либо станут органичным дополнением внутреннего дизайна помещений.

13. На базе охарактеризованных выше историко-культурных комплексов возможно проведение научно-практических семинаров, конференций, симпозиумов как для учителей школ, так и для научной общественности, а также слетов туристско-краеведческих отрядов, центров детско-юношеского туризма и спорта, республиканских центров детского творчества.

14. При условии грамотного использования туристско-рекреационных возможностей объектов культурного наследия сбалансированный учет и представление общего и особенного в историческом развитии каждого этноса будет способствовать формированию непредвзятого представления и объективной оценки обычаев и традиций народов, населяющих северокавказский край. В свою очередь, это, несомненно, положительно скажется на увеличении потока туристов и привлечении дополнительных финансовых ресурсов в этот важный сегмент государственной деятельности.

Гайденко А.В.,
г. Ставрополь,
Краевой центр экологии, туризма и краеведения,
заведующий лабораторией «Экология и искусство»,
Данилевич В.Г.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник
им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве,
заведующая отделом природы,
кандидат биологических наук

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА ОБ УРОЧИЩЕ КОРЫТА В ЭКОЛОГО-ЭСТЕТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Опыт в экологическом образовании показывает, что необходимо приобщение населения к экологической культуре, формирующее бережное отношение к природе. На данный момент невозможно построить гражданское общество без активного эколого-эстетического просвещения, формирования культурного человека, обладающего чувством гражданского долга, ответственности за сохранение природного наследия страны. Экологические проблемы должны решаться не только с экономических позиций, но и при обязательном условии повышения экологической культуры.

Уникальная красота пейзажа отдельных уголков природы является духовной ценностью, которую следует сохранять так же, как сохраняются произведения искусства. Решение экологических проблем охраны природы становится задачей культуры и образования, тесно связанной с благополучием общества.

Отражая красоту города и его окрестностей в своих живописных полотнах, на пленере работали старейшие художники г. Ставрополя: В. Смирнов, В.Кленов, П. Гречишкин. Многие молодые художники нашего города работают на открытом воздухе: Н. Чубенко, А. Бабич, Т. Соловцев, А. Горбиков, А. Гайденко и др. Так, в 2000 г. было создано неформальное объединение художников Юга России «Колесо» под руководством художника О. Калайтанова.

Работа на пленэре учит наблюдательности, видению цвета, пространственному, творческому восприятию природы, развивает способность к сопереживанию за сохранение чистоты окружающей среды, побуждает к активным действиям в ее защиту. Ученики стремятся правдиво

изобразить окружающий мир, стремятся к познанию, к изучению его развития, к пониманию строения природных объектов, их характерных особенностей. Преподаватель рисования часто использует принцип наглядности на занятиях, и природа обычно выступает объектом познания. Рисуя, школьник познает мир, анализирует его, идет к достоверным знаниям, обращаясь к природе. После посещения галереи заслуженного художника России П.М. Гречишкина или просмотра иллюстраций картин из его альбома занятия проводятся на том самом месте, откуда художник писал данный пейзаж (1). На школьников производит большое впечатление, когда они видят на картине один из уголков г. Ставрополя, а затем пишут натуру, сравнивая ее с произведением автора.

Если обратится к творчеству П.М. Гречишкина, то мы, несомненно, найдем запечатленные им красивые уголки природы Ставрополя. Художник не только пейзажист, но и неутомимый исследователь края. Не случайно репродукции с его работ географы и краеведы постоянно используют в книгах по изучению Ставропольского края. В окрестностях г. Ставрополя много интересных, красивых мест, имеющих свою историю. Методическим обоснованием выбора урочища Корята для занятий учащихся живописью является его близость к городу, что позволяет провести экскурсию во время уроков в любое время года. Разнообразие ландшафтов и растительных группировок в экотопах, возможность проследить уровень горизонта и многое другое делают Корята незаменимым местом в выполнении заданий по пленэру.

Излюбленным местом и горожан является урочище Корята, находящееся в 329 квартале города. Родник бьет на высоте 565 м н.у.м. Вода выходит из карабинского пласта среднесарматского известняка-ракушечника. Водоупором являются глины. Температура воды +10 градусов (2). Хлористых солей там содержится от 30 до 100 мг/л. Поначалу родник давал 2700 ведер в сутки, и от него был проведен первый дубовый водоток, закрепленный обручами, единственный в городе, снабжавший Старый и Новый Форштадт. (3). Возможно, вода направлялась самотеком, также как в Юнкерском и Гремучем роднике, в 1890 г. взятых уже в чугунные трубы. (Старожилы не припоминают сведений о дубовом водоводе, и его остатков никогда не находили.) По гидрологическим исследованиям профессора А.П. Иванова за 1914-16 гг. суточный дебит источника Стойло (Корята) составлял 9760, а репер, абсолютный уровень в саженях – 2709 (единицы не указаны, но скорее всего - ведер). Стойлом называли открытое пространство над родником, где скот останавливался на выгоне для дневной дойки. Поэтому сначала и родник назывался Стойлом (карта 1805 г.)

Исторически эта южная часть города складывалась не только как гидрологический объект, но и параллельно разработкам известняка, который добывали на каменоломнях в районе современного Верхнего рынка северо-восточнее родника Аульчик. Обширные разработки велись в районе Карабинской площади (еще на картах 1854 года), а также южнее кирпичного завода (карта 1924-26 гг.). Район впадения Меснянского оврага в долину Мамайки, в верховьях которого находятся Кирпичный пруд и завод, начал разрабатываться в то же время. Карта 1913-16 гг. с нанесением новых и старых каменоломен – лав, показывает, что разработка известняка на полянах за родником проводилась гораздо раньше, судя по картам, после 1900 года, так как место помечено как обширный старый карьер с незначительными включениями новых работ – городская каменоломня. Дорога из села Татарки огибала лесной массив севернее, южная ветвь ее проходила вдоль Стойла и северной части Карабинской каменоломни. Другая ветвь дороги шла по южной части последней из города и сворачивала в район Стойла. По картам 1854 года дорога на Темнолесскую обозначена с юга лесного массива с Корятами, проходя мимо ее мощеной части. Эта часть дороги строилась еще солдатами 16-го егерского полка и канонирами 9-го Ставропольского артиллерийского батальона, возводивших Стрижаментский и Темнолесский ретраншементы (Беликов, 1997). Дорога выкладывалась штучным булыжником или брусчаткой. Позже местные жители разобрали часть дороги, и теперь обнажились два уровня ее укладки. Она вела в В.Татарку, ст. Карагинскую, Холодногорку, Темнолесскую, крепость Стрижамент, Ново-Екатериновскую, ст. Барсуковскую и Невинномысск (4). Старожилы же говорят, что до Невинки была дорога и поближе. Мост из штучного камня через Мамайку строился по проекту прочной старинной арочной конструкции с деревянным настилом. В 1945-46 гг., когда цыганский табор из Татарки с песнями, плясками, кострами останавливался здесь на несколько дней, то после его ухода всегда оставалась чистота.

В 1984 г. Корята получили статус гидрологического памятника природы. В 1900 г. в роднике нашли холерную палочку и, временно перекрыв его для дезинфекции, направили воду уже по трубе в р. Мамайку.

Природная обстановка исследуемого района изучена еще недостаточно. Урочище Корята при зарастании открытых ранее пространств каменоломни имеет там небольшой почвенный слой, где произрастают ксерофиты: *Sedum acre*, *S. reflexum*, *Helotelephium caucasicum*, *Thymus marschallianus*. На открытых солнечных местах и полянах встречается *Festuca valesiaca*, *Chamomilla recutita*, *Erophila verna*, *Glaucium corniculatum*, *Gagea villosa*, *G. pusilla*. По осыпям отмечается *Turritis glabra*, *Cerithe minor*,

виды колокольчиков, очитка. На сырых местах, особенно весной, когда талые воды заполняют все понижения на каменистых полянах, образуя множество мелких озер, можно встретить *Petasites officinale*, виды лютика и хвоща, иву козью, тополь-белолистку и осину, которые окружают водоемы. Много кустарников: боярышник, терн, шиповник; в подлеске встречается бересклет, жимолость. В лесу по весне в обилии цветут растения, занесенные в Красную книгу Ставрополя - *Corydalis marschalliana*, *C. caucasica*; редкие и охраняемые растения - *Scilla sibirica*, *Dentaria quinquefolia*, *Ornithogalum arcuatum* Водные и околоводные биотопы еще 5-7 лет назад были богаты амфибиями и рептилиями - тритонами, озерными лягушками, водяными ужами. Иногда отмечались жаба зеленая и квакша. В обилии встречались жуки-плавунцы, вертячки, водомерки. В связи с периодическими засухами водоемы на лето стали пересыхать, лишая животный мир привычных местообитаний. Но поляны и каменистые места, живописные нагромождения известняка, замшелые скалы, ниши и пещерки, поросшие буйной растительностью, остаются непередаваемо красивыми.

В 1952 году П.М. Гречишкин написал картину «Родник Корята. Ставрополь». Автор говорит: «Через Корята прошло все мое детство, молодость. Это - одно из красивейших мест в городе, что и побудило меня написать картину». Художник три года работал над ней, сделал 200 рисунков с натуры и называет теперь ее «дипломной работой о моей жизни».

Дом, где родился, П.М. Гречишкин находится в Верхней Татарке, в народе это место еще называют «Орловка» или «Малый городец», что ближе к стрельбищу по улице Нагорной 16. Прожил в этом доме Павел Моисеевич до 1939 года. В связи со здоровьем родителей семья переехала в Нижнюю Татарку. Как и все жители села, родители художника держали скотину. Деду он помогал убирать сено и когда тот ехал на лошади в Ставрополь, то он непременно брал с собой внука. Дорога в Ставрополь вела через стрельбище и родник Корята. Все население села ходило в город мимо урочища Корята за покупками или на базар торговать сельхозпродуктами. Все сообщение с городом и селом было через родник до тех пор, пока не проложили новую дорогу.

По словам художника, год, когда родник был каптажирован, 1786, как гласит надпись с цифрами глубиной 3 см и шириной 4 см, высеченная в плите размером 60 X 90 и вмонтированная в стену родника слева. Другие старожилы приводят дату – «1816 год». У родника: стояло 5 корыт из камня - ракушечника размером 110 x 250 см, глубиной 30 см. По сведениям старожил С.А.Мамоновой и В. Браткова, корыт было по четыре в двух рядах. В них и купались, и поили скот до 400 голов одновременно. В 1946-47

гг. кавалерийский полк, проходя по ул. Мира и Льва Толстого, поил тут лошадей. Площадка вокруг была выложена плитами. Вода поступала по металлической трубе в каменные корыта, в которых были просверлены отверстия, и поток перетекал из одной емкости в другую. Местные жители поили скот, набирали питьевую воду в бочки длинными черпаками и на лошадях доставляли в город.

По воспоминаниям П.М. Гречишкина, от кирпичного завода протекал ручей, впадающий в речку Мамайку. У Стойла были выходы красивых скал из дикого камня–ракушечника, который позже жители использовали для строительства. Лес стоял живописный, замшелый. Росли лопухи, хвощи вдоль по речушке. С начала 19 века и выше родника стали добывать камень для строительства. Его кололи на части вручную, а в 50-е годы 20 в. ракушечник стали взрывать. В 1965 для строительства взорвали и стену родника. Штучного камня не получилось, но была уничтожена надпись с датой обустройства родника, камни разлетелись на 2-3 метра и раскололись на мелкие части. Открылось арочное углубление с ванной 2,5 x 4м, выдолбленное в скале - бассейн-отстойник, в который по двум трубам вливалась вода. В 1960 г. проходившие на стрельбище солдаты прострелили трубу, и вода стала бить фонтаном в разные стороны. Со временем бассейн замусорили. На картах 70-80-х годов прошлого века севернее урочища обозначены две городские свалки.

Конечно, если сравнить ландшафт сегодняшнего и прошлого дня, который мы видим на картине художника, то все выглядит по-другому. Деревья подступили к самому ручью, разрушены мостик через р. Мамайку и корыта для водопоя скота. Теперь на их месте выстроены два бассейна для купания. Проложена асфальтовая дорожка. После взрыва закрыли металлической дверью и заварили образовавшуюся в стене полость. Лишь стадо коров и коз, которое держат местные жители, также бродит по полянам с сочной травой. Место называется Лобик. Это любимое место горожан в воскресные и праздничные дни.

В настоящее время над урочищем Корыта шефство взяло студенчество. Так, в краевой акции 31 ноября 2007 года «Сохраним природу Ставрополья», финансируемой Министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды Ставропольского края, по уборке территории у родника и района военного госпиталя приняли участие студенты СГПИ, СГУ, СевКавГТУ, СФ МГГУ им. М.А. Шолохова и др. ВУЗы. С объектов было вывезено 3 тонны мусора. Есть надежда, что теперь эти чудесные места сохранят свою первозданную чистоту.

Использованная литература и источники:

1. Павел Гречишкин Живопись: альбом /авт.-сост. П.М. Гречишкин: Пятигорск: Вестник Кавказа, 2005.- 296 с.
2. Савльева В.В., Годзевич Б.Л. Природное и природно-культурное наследие Ставрополя. – Ставрополь: Сервисшкола. 112 с.
3. Беликов Г.А. Град креста, Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 2005. С.274-275.
4. Беликов Г.А. Ставрополь - врата Кавказа: Ставропольское книжное издательство, 1997. С. 308, 311.
5. СГМЗ: о.ф.480, ед. хр. 6, 7,8.
6. СГМЗ: о.ф. 29846/6.

Дзыбов Д.С.,
г. Ставрополь,
Ставропольский научно-исследовательский
институт сельского хозяйства
Россельхозакадемии,
заведующий отделом,
доктор биологических наук, профессор

ЭТНОБОТАНИЧЕСКИЙ И ИСТОРИКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ОЧЕРК ГОРОДИЩА АДИУХ В КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ

Действительность и легенда неизменно сопровождают далекое и нестоль древнее прошлое археологических памятников под открытым небом – стоянки людей каменного века, городища, крепости, сторожевые башни, курганы (скифские и более поздние – половецкие). Действительность при этом – объект и достояние науки, а легенды – творение потомков. Все это в полной мере приложимо к прошлому и настоящему городища, и башни в нем, – Адиух. Человеческая память не удержала подлинного названия городища, возраст которого археологи определяют в 1300-1100 лет, то есть ранним феодализмом в многонациональном государстве Алания (1, 4).

«Адиух» – название, возникшее значительно позже – около 300 лет тому назад и первоначально относившееся только к сторожевой, оборонительной башне, построенной на начальном этапе Кавказской войны адыгским князем (кабардинцем) Баматовым Темрюк-Хаджи (Клэмрыгухэ Бэмэт-Хьэжы). Место закладки городища и башни – высокий обрывистый мыс, скальный выступ правобережья реки Малый Зеленчук (ИнджыджцыкIу – адыг.), шумные и пенистые волны которой проносятся стремительно далеко внизу, омывая охристые пласты горы – песчанистого известняка юрского периода мезозоя, из которого воздвигались городище, а позже и башня Адиух.

Ресурсный потенциал жизнеобеспечения населения городища Адиух был самодостаточным. Почвы – предгорные черноземы, содержащие 5-7 (9) % гумуса, нейтральные (рН = 7) или слабокислые в понижениях (рН = 6), мощностью 30-50 см.

Древнее земледелие было приурочено к террасам Малого Зеленчука – второго, после Теберды, левого притока Кубани. Главной хлебной культурой населения средневековых горцев было просо, скорее всего красноезерное. Оно и позже, вплоть до наших дней, будет оставаться важным продуктом питания у адыгов, абазин, абхазов. В ходу были также пшеница (*Triticum aestivum*, Т.

sphaerococcum, *T. compactum*), ячмень (*Hordeum vulgare* var. *nutans*, *H. vulgare* var. *medicum*). О наличии развитого земледелия у насельников городища Адиух в VI-XII вв. свидетельствуют орудия, найденные во время раскопок (1, 2, 3, 4). Обнаружены: чресло-нож - деталь усовершенствованного плуга, инвентарь для хранения и переработки зерна, семена ряда культур, ямы-погреба для хранения урожая впрок, жернова, зернотерки и т.п. Вполне вероятно, что земледелие проникало и на водораздельные плато бассейна Кубани. Для этого имелся замечательный хлебный злак – дикая рожь (*Secale kurgianovii*), находимый ботаниками во множестве мест.

Однако главной отраслью хозяйства насельников в районе Скалистого хребта в ту пору и теперь было горно-отгонное животноводство (5, с. 371-375): стадное, отарное и табунное. Высоко ценилась лошадь, благодаря которой осуществлялась быстрая связь между городищами, селищами. Она предназначалась и для наездничества. Кстати, наездничество молодого князя – супруга красавицы-черкешенки, послужило основой грустной и вместе с тем трогательной легенды, связанной с башней Адиух. Легенду и вариант ее контекста рассмотрим в конце данного сообщения.

Этноботаника – раздел ботаники, исследующий характер использования возобновляемых ресурсов: отдельных хозяйственно ценных видов дикорастущей флоры и окультуренных ее представителей, а также типов растительности – степей, лугов, лесов. Именно богатство растительных ресурсов было первоочередным условием выбора закладки городищ и селищ.

Этноботаника горцев опиралась на богатую растительность луговых степей Скалистого хребта. Вокруг Адиух в травостое преобладали и доминируют в наши дни злаки: коротконожка скальная – *Brachypodium rupestre*, кострец береговой – *Bromopsis riparia*, овсяница луговая – *Festuca pratensis*, овсяница валлисская – *Festuca valesiaca*, овсяница скальная – *Festuca rupicola*, а также осока низкая – *Carex humilis* (прекрасный нажировочный корм).

Обильны бобовые: клевер луговой – *Trifolium pratense*, клевер альпийский – *Trifolium alpestre*, клевер сходный – *Amoria ambigua*, клевер ползучий – *Amoria repens*, клевер горный – *Amoria montana*, люцерна серповидная – *Medicago falcata*, люцерна румынская – *Medicago romanica*, эспарцет донской – *Onobrychis tanaitica*, лядвенец кавказский – *Lotus caucasicus*, астрагал Дмитрия – *Astragalus demetrii* и другие.

Разнообразны виды «разнотравья», ценные в кормовом отношении:

Буквица крупноцветковая	<i>Betonica macrantha</i>
Буквица лекарственная	<i>Stachys officinalis</i>
Василек восточный	<i>Centaurea orientalis</i>

Василек подбеленный	<i>Centaurea dealbata</i>
Вероника австрийская	<i>Veronica austriaca</i>
Вероника горечавковая	<i>Veronica gentionoides</i>
Гвоздика Рупрехта	<i>Dianthus ruprechtii</i>
Герань кроваво-красная	<i>Geranium sanguineum</i>
Горичник русский	<i>Peucedanum ruthenicum</i>
Змееголовник австрийский	<i>Dracocephalum austriacum</i>
Истод кавказский	<i>Polygala caucasica</i>
Ковыль красивейший	<i>Stipa pulcherrima</i>
Колокольчик болонский	<i>Campanula bononiensis</i>
Колокольчик высокий	<i>Campanula prealta</i>
Кровохлебка лекарственная	<i>Sanguisorba officinalis</i>
Кульбаба шершаво-волосистая	<i>Leontodon hispidus</i>
Лабазник обыкновенный	<i>Filipendula vulgaris</i>
Лапчатка серебристая	<i>Potentilla argentea</i>
Лен жилковатый	<i>Linum nervosum</i>
Одуванчик лекарственный	<i>Taraxacum officinalis</i>
Подорожник средний	<i>Plantago media</i>
Резак обыкновенный	<i>Falcaria vulgaris</i>
Серпуха лучистая	<i>Serratula radiata</i>
Скабиоза бледно-желтая	<i>Scabiosa ochroleuca</i>
Солодка голая	<i>Glycyrrhiza glabra</i>
Тысячелистник обыкновенный	<i>Achillea millefolium</i>
Тысячелистник щетинистый	<i>Achillea setacea</i>
Чабрец Маршалла	<i>Thymus marschallianus</i>
Черноголовник многобрачный	<i>Poterium polygamum</i>
Чистец раскидистый	<i>Stachys othocalyx</i>
Ятрышник пурпурный	<i>Orchis purpurea</i>
Ятрышник трехзубый	<i>Orchis tridentata</i>

Приведенный список – лишь малая часть видов дикорастущей флоры урочища Адиюх. Видовое разнообразие на 1 и 100 м² равняется 36 и 95 соответственно. Много видов использовалось для траволечения: лук, кровохлебка, одуванчик, чабрец, тысячелистник, солодка, чистец, ятрышник – салеп и другие. Горцы проявляли особую заботу об охране растительности (6, с.105-109).

Чрезвычайный интерес для современной фитоценологии представляют флора и растительность внутри городища и вблизи ее сооружений (оборонительной стены, башни, хозяйственных построек). С целью познания

этих особенностей растительности нарушенных 13 веков назад местообитаний нами было осуществлено геоботаническое описание в пределах городища (10 учетных площадок по 100 м²). Работа проводилась на инициативной основе в 1989-1994 гг. по согласованию с Карачаево-Черкесским республиканским музеем-заповедником (директор Байчорова Мария Османовна). В проведении полевой работы автору оказывал помощь директор Мало-Зеленчукской средней школы биолог и филолог Ф.Х. Братов.

Всего на городище выявлено 150 видов высших растений.

Укажем особенности флоры и растительности городища (табл. 1): 1) обилие устойчивых к вытаптыванию и нарушению почвы злаков (овсяница валлисская, овсяница скальная, бородач кровоостанавливающий, кострец береговой, райграс пастбищный, пырей ползучий); 2) обилие терофитов (сорняков) – малолетних растений, доля которых в описаниях составляет 19-30% - результат замедленных процессов самовосстановления в течение веков; 3) разреженность растительности (60-70% покрытия почвогрунта).

Полусорный, а в ряде пунктов городища – откровенно сорный характер растительности, позволяет сделать весьма неутешительный вывод о продолжительности восстановительных процессов на нарушенных землях. Эту особенность деградации травяного покрова городищ подтверждают и данные по другим селищам аланского периода хозяйственной жизни в пунктах: СтароХумаринское, Гиляч, Сентинское, Шоанинское, Н-Архызское, Аксаутское и т.д. Это же имеет место и далеко к северу от Адиех – в Татарском городище близ Ставрополя.

Причины столь долгого нахождения нарушенных земель в бурьянистом состоянии на поселениях и современных ландшафтах были экспериментально установлены работами автора (8, 9, 10). Изложим их кратко:

1) разрушение естественной структуры (горизонтов) почвенного покрова, ее смыв или удаление механическим путем в ходе строительных работ, словом, потеря плодородного слоя;

2) свойство сорняков быстро захватывать свободные от целинных многолетников участки и удерживать их, благодаря агрессивной, биологической конкуренции и массовому ежегодному обсеменению;

3) продолжение и в последующие годы антропогенного воздействия на самозарастающие территории (выпас животных, стихийный туризм, палы);

4) массовое разведение домашних животных в горах и предгорьях;

5) отсутствие усилий со стороны человека по восстановлению растительности археологических памятников.

Таблица 1. Флористические и фитоценотические особенности внутренней части городища Адиюх (конец августа)

№ пп	Растительные группировки	Проект. покрытие, %	Видов на 100 м ²	Флористические группы, %			Жизненные циклы, %		
				злаки+осоки	бобовые	разнотр.	однол.	двулет.	многолет.
1	Овсяница валлисская + Очиток испанский + Клевер ползучий	60	65	15,4	7,7	76,9	12,4	13,8	73,8
2	Овсяница валлисская + Овсяница скальная + Бородач кровоостанавлив.	70	67	13,4	15,0	71,6	13,4	7,5	79,1
3	Пырей ползучий + Райграс пастбищный + Тысячелистник благородный	80	54	20,4	5,6	74,0	18,5	11,1	74,4
4	Тысячелистник щетинистый + Душевик чабрецевидный + Очиток испанский	60	52	7,7	9,6	82,7	19,2	11,5	69,3
5	Овсяница валлисская + Кострец береговой + Икотник серо-зеленый	90	36	25,0	8,3	66,7	11,1	5,6	83,3
6	Овсяница валлисская + Кострец береговой + Тысячелистник благородный	100	5,7	24,6	10,5	64,9	7,0	10,5	82,5
7	Кострец береговой + Овсяница валлисская + Райграс пастбищный	100	48	25,0	8,3	66,7	18,8	10,4	70,8
8	Овсяница валлисская + Райграс пастбищный + Икотник серо-зеленый	90	53	20,6	11,3	68,1	11,3	11,3	77,4
9	Овсяница валлисская + Кострец береговой + Райграс пастбищный	70	54	24,1	5,6	70,3	16,7	11,1	72,2
10	Тысячелистник благородный + Пырей ползучий + Овсяница валлисская	80	62	19,4	11,3	69,3	11,3	8,1	80,6

О массовом характере генерации все новых и новых партий семян растений городища Адиух (в основном сорных) свидетельствуют данные фенологического спектра в третьей декаде августа (табл. 2).

Таблица 2. Фенологические спектры растительных группировок городища Адиух, % (группировки см. в табл. 1)

№ п	Вегета-ция	Бутониз.+ колош.	Зацвет.	Цвете-ние	Отцв.	Плодоно-шение	Всего в генеративной фазе
1	7,7	0,0	0,0	12,3	24,6	55,4	92,3
2	14,9	1,5	0,0	19,4	9,0	55,2	85,1
3	9,3	0,0	0,0	33,3	13,0	44,4	90,7
4	9,6	0,0	0,0	30,8	0,0	59,6	90,4
5	19,4	0,0	0,0	19,4	5,6	55,6	80,6
6	10,5	0,0	0,0	15,8	22,8	50,9	89,5
7	16,7	0,0	0,0	20,8	8,3	54,2	83,3
8	7,5	0,0	0,0	15,1	24,6	52,8	92,5
9	11,1	0,0	0,0	13,0	22,2	53,7	88,9
10	11,3	0,0	0,0	24,2	21,0	43,5	88,7

За лето все растения внутри городища проходят фазы роста и развития нормально, обильно поставляя из года в год в почвогрунты богатый банк семян.

Отмеченный многовековой, стихийный опыт человека и природы на древних поселениях убеждает в том, что и современные аграрные и техногенно нарушенные земли (вторично засоленные, эродированные, карьеры, шахтные выработки, терриконы вблизи них) будут столетиями оставаться "лунными ландшафтами", ухудшая среду жизни не одного поколения людей.

Между тем наука разработала не только теоретические основы, но и технологию ускоренного восстановления нарушенных земель, в том числе и древних городищ и селищ (если это будет признано целесообразным). Предлагаемый для этого метод агростепей прост и доступен для любой территории. Он основан на посеве богатыми видами естественного банка семян, заготавливаемого сплошной уборкой на сохранившихся целинах (8, 9, с.15-17; 10, с.109-121; 11, с.95-101).

Приведем и легенду черкесов, связанную с башней Адиух, которая передается из поколения в поколение в течение последних трех веков.

Думается, что адыги в ее контекст ввели весьма поучительное предостережение.

Супруг красавицы-княгини слыл известным и удачливым наездником. Под покровом ночи он уводил табуны лошадей, гурты крупного рогатого скота и отары овец. Днем же содержал животных на лесных полянах. Свои набеги князь совершал чаще к западу от реки Малый Зеленчук, на правом берегу которой стояла его башня. Два берега реки в этом месте соединялись широким и прочным полотняным мостом. Около 60 лет назад долгожители указывали автору «точное место» того моста. «Видны истлевшие куски полотна в коренном левом берегу реки к югу от аула Хабез», - утверждали старики, однако то был пласт из густо переплетенных корней злаков, осок и других многочисленных растений целинной луговой степи, покоящийся темно-бурым слоем на поверхности средне-мезозойского известняка. Согласно легенде, княгиня как-то шутливо заметила мужу, что своими успехами в наездничестве он всецело обязан ей, так как в момент перегона животных через мост темной ночью она выдвигает из бойницы башни кисть (1эдий) своей светящейся руки (1эдиюх – Адиюх) и освещает ему путь. Горделивый князь не желал уступить супруге в этом шутливом споре. В очередной раз, когда князь возвращался с табуном лошадей, ступил на освещенный мост, княгиня в доказательство своей правоты убрала кисть руки, погрузив и мужа и животных в кромешную тьму. Перепуганные лошади сгрудились на середине моста, который, не выдержав нагрузки, рухнул вниз в воды Малого Зеленчука, увлекая за собой и князя, и животных. От случившегося княгиня пришла в отчаяние и бросилась с верхнего этажа башни в реку вслед за любимым, но осталась жива. Быстрая река уносила ее все дальше и дальше. В отчаянии она рвала свои густые длинные волосы, выбрасывая пряди на белые пласты известняка коренного берега. Красно-бурые пятна – натеки гидроокислов железа («пустынный загар») – следы ее крови. Так гласит легенда. Есть и другие ее варианты, но подтекст один: «Потомки, не играйте горделиво судьбой, берегите близких и себя около них». Эти слова – не легенда, а сама жизнь на века.

Использованная литература и источники:

1. Минаева Т.М. Очерки по археологии Ставрополя. Ставропольск. книжное изд-во, 1965. – 112 с.
2. Минаева Т.М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставропольск. книжное изд-во, 1965. – 248 с.
3. Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. Наука, М. – 1971. – 355 с.
4. Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ставропольск. книжное изд-во, 1967. – 600 с.

5. Дзыбов Д.С. Из истории отгонного животноводства у черкесов (Матер. по изучен. Ставроп. края. Вып 14. Ставрополь. – 1975.
6. Дзыбов Д.С. Из истории охраны природы у черкесов. // Природа Ставрополья. – Ставрополь. – 1977.
7. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV веке. Л. – 1971. – 275 с.
8. Дзыбов Д.С. Метод агростепей. Ускоренное восстановление природной растительности. Методическое пособие. Саратов, 2001. – 40 с.
9. Дзыбов Д.С. Агростепи против зарослей сорняков. // Защита и карантин растений, № 1, М. – 2006.
10. Дзыбов Д.С. Очерк пастбищной истории Северного Кавказа и охрана растительного покрова археологических памятников. // Матер. по изучению Ставропольск. края, Вып. 15-16. – 1988.
11. Дзыбов Д.С. Курганы – древнейшие экотопы генофонда фрагментов флоры и экосистем Юга России. // Вторые прозрителевские чтения. Сб. матер. Научно-практ. конф. 29-30.XI.2005 г. Ставрополь. – 2006.

Драчева О.Н.,
с. Татарка
Историко-краеведческий музей с. Татарка
– филиал СГМЗ им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве,
младший научный сотрудник

**СВЯТЫНЯ ТАТАРСКОГО ЛЕСА
(135 ЛЕТ СВЯТОМУ КОЛОДЦУ)**

В глубокой балке на южном склоне Ставропольской возвышенности среди прекрасного природного оазиса в Татарском лесу звонко журчит, переливаясь серебром, один из самых известных далеко за пределами края «Святой колодец». По паспорту, выданном Министерством Культуры Российской Федерации 16 ноября 1995 года, - «Родниковый источник Пресвятой Богородицы». Родник имеет несколько функций: источник питьевой экологически чистой воды; место кратковременного отдыха; место богослужений православных христиан, почитания Пресвятой Богородицы, освятившей своим явлением источник. Территориально и исторически Святой источник связан с селом Татарка и сельской церковью во имя иконы Казанской Божьей Матери, построенной еще в начале 40 -х годов XIX века.

Татарка - удивительный и неповторимый уголок Ставропольской земли, расположенный рядом с краевым центром. Малой Швейцарией называют село гости Татарки. Ведь ее окружают горы Стрижамент, Недреманная, Бударка, Лысая, реки Егорлык, Татарка, вековой лес и скалы. Красоту этих мест оценил первобытный человек и земля хранит память о древних цивилизациях. В Татарском лесу бьют многочисленные родники, и один из них, самый крупный, – «Святой колодец». Именно с ним связана история музея села. В 1995 году источник вошел в краевой реестр памятников архитектуры и градостроительства, получив статус памятника истории и культуры местного значения, и стала первоочередная задача его сохранения. Было решено создать музей, сотрудники которого будут вести просветительскую работу, следить за чистотой и порядком на отдельном участке. В 1996 году были утверждены временные границы зон охраны и режим их использования.

Почти 150 лет известен Святой источник в Ставропольском крае и за его пределами. «Богородичная криница» как магнит притягивает к себе людей. А тех, кто хоть однажды побывал на сказочной поляне среди векового леса, вдохнул неповторимый аромат первозданных трав и цветов, испил хрустально чистой целебной воды из источника, это благодатное место долго не отпускает. Люди возвращаются сюда снова и снова, рассказывают о чуде родным и

близким. Молва о народном чудотворном ручье все больше распространяется и люди добираются сюда в частном порядке и организованно даже из дальних уголков России. Как и полтора века назад путники, останавливаясь в селе, спрашивают дорогу к Святому месту, у каптажа читают молитвы, смельчаки купаются (температура воды в роднике постоянна в течение года - +10°C). Конечно, все это дает массу эмоций и впечатлений, заряжает положительной энергией.

А ведь когда-то мало кто знал о роднике в Татарском лесу и как Святыню источник не почитали. Туда часто ходил местный скот и дикие животные, чтобы попить воды и поесть сочной травы, которая там росла в изобилии. Елена Бабичева, жительница станицы Татарской, часто находила там своих буренушек. С именем этой женщины связано открытие Святого места. В крайархиве сохранился документ – запись допроса крестьянки Елены Васильевны Бабичевой от 27 июля 1872 года, который гласит: «На Вербной неделе нынешнего года, под пятницу, я видела сон: будто бы я искала скотину по лесу и мне встретился около колодезя, вышедший неизвестный мне старичок, державший у себя в руках медный крест, и сказал мне, чтобы я огородила этот колодец. ... 24 июля сего года я была в г. Ставрополе и пришла в девичий монастырь по случаю престольного праздника ... пошла к своим знакомым монахиням ночевать. И в эту ночь опять было сновидение: ... в церкви в девичьем Монастыре ... явились три неизвестных человека, из числа их один в Священнической ризе держал крест в руках, который сказал мне, что нужно отслужить три молебна над этим колодцем, а то тебе будет несчастье от Бога».¹ Рапорт высшему начальству священника Ставропольской Георгиевской церкви Алексея Семенова, прикомандированного к селению Татарскому, дополняет рассказ Елены Бабичевой. В нем он пишет, что какой-то человек, «вышедший из пещеры, приказывал ей молиться преимущественно на сем колодце, увещевал, что эта молитва отвратит все бедствия от неблагоприятной погоды над их селением. Видение это якобы поведала она тогда всему начальству и миру. Между прочим, на это никто не обратил внимания. В настоящем году видение повторилось, - пишет он, - ... и настойчиво требовало исполнения своего приказанья с таким указанием, что вот де все молебны ... избавят ... от несчастий градобития. А кто будет молебствовать вперед, то все будущие несчастья минуют их». 8 июля Елена Бабичева после утреннего богослужения просила священника Алексея Семенова отслужить молебен на «каком-то старом колодезе», который ему «до сих пор не был известен и на котором молебна никогда не служил». К просьбе Елены Бабичевой присоединились сельский староста и жители селения Татарского. Они просили «оправить молебен на площади в честь престольного праздника, а потом оправить

благодарственный молебен от избавления от падшего наводнения и града». Отец Алексей сначала приказал очистить «заброшенный, затоптанный, испоганенный скотиною» родник, что и было сделано «благопослушными из жителей». Священник Ставропольской Георгиевской церкви Алексей Семенов три раза ходил к источнику с крестным ходом с иконами и служил молебен с водосвятием. Там он видел много народа из местных жителей и иногородних, которые рассказывали ему о своих «необыкновенных ощущениях» от этого места. Он сам испил воды из источника и обливался водой. О чудесах исцеления ему рассказывали много, но «иных доказательств не представляли...». Священник обследовал пещеру, где увидел «куски расплывчатого камня разнообразных и причудливых форм», отверстие вверху пещеры, которое приказал в предупреждение обвала задраить, и видимый отвод «старого русла этого источника ..., что можно согнувшись входить человеку». К тому времени около этого колодца уже стоял деревянный столб с голубцом с горящей небольшой лампадкой и двумя небольшими иконами, поставленный неизвестными лицами. Народ приходил и приезжал из разных мест. Здесь читали акафисты и пели на распев молебны. После 20-го июля Елена Бабичева постоянно находилась на колодце со своими знакомыми Иваном Масловым и Иваном Усачевым, которые собирали пожертвования. Было собрано 96 рублей 38 копеек серебром, которые отдали сельскому старосте с приказанием никому не выдавать и хранить их при церкви до особого распоряжения Епархии.

Епископ Кавказский и Екатеринодарский Герман, человек строгих нравов, усомнился в святости родника и чудотворной воде, назвал его вымышленным и приказал убрать. Но, видимо, посетив «Святой источник», воочию увидев исцелившихся, не стал препятствовать становлению этого народного чудотворного места. И лишь при архиепископе Кавказском и Ставропольском Агафодоре Святой источник был официально признан чудотворным. Устроили каптаж родника, представляющий из себя сводчатый каменный грот, в который можно было попасть только через окованную железом дубовую дверь, находящейся в центре полукруглой стены, в двадцать сажень длиной и полутора высотой, с карнизами и многочисленными нишами для икон и большим каменным крестом над дверью в грот. Вода из грота по гончарной трубе попадала в замысловатую каменную часовенку, украшенную полуколоннами и карнизами, откуда по посеребренным трубам родниковая вода стекала в круглый бассейн и в купальню. Вся площадка у каптажа, часть дороги, лестница к купели и сама купель были выложены природным камнем. В церковные праздники здесь собирались тысячи верующих. Все подъезды были заняты конными экипажами. Крестным ходом из Татарки после службы в местной церкви имени иконы Казанской Божьей Матери батюшка, дьякон,

певчие и прихожане с двумя большими в человеческий рост иконами шли к Святому месту, чтобы провести там молебен с водосвятием. Здесь среди векового леса на небольшой поляне шло богослужение, горели свечи и лампы, шел сбор средств на постройку церкви во имя Божьей Матери всех Скорбящих Радости. Но наступили беспокойные времена: Первая мировая война, Октябрьская революция. Часовня так и не была построена. Но и при Советской власти Святой источник оставался самым посещаемым местом на Ставрополье. Под огромным вековым дубом на прекрасной поляне у источника всегда работал базарчик, где жители Татарки продавали молоко, сметану, творог, домашние колбасы, фрукты и овощи.

В 1930-е годы, во времена гонений на церковь, разрушили сельскую церковь Казанской Божьей Матери и запретили ходить на родник. Школьникам, отправлявшимся в поход, строго наказывали обходить это место или быстро пройти мимо. Иначе могли наказать. Но и это не останавливало страждущих – люди тайком шли сюда за исцелением, пили родниковую воду, обливались ею и во всевозможной таре развозили по всему Кавказу. Тайно проводили здесь молебны. Недалеко от грота в небольшой пещерке жили монахи. Как и раньше у родника можно было увидеть кликуш, о чем свидетельствуют рассказы местных жителей, видевших это во время посещения Святого места в большие православные праздники. Виденное пугало и настораживало – больных окропляли водой и священник читал над ними молитвы. «Исцелили! Исцелили! Исцелили!»- шумели в толпе. Летом 1959 года на это Святое место пригнали бульдозер и до основания разрушили каптаж, часовенку и купель, разобрали стену, где стояли иконы, родник втоптали в грунт, а потом засыпали землей так, что он долго еще не мог пробиться к поверхности. Камень с родника отправили на постройку Шпаковской птицефермы, частично на постройку домов. Единственную икону Казанской Божьей Матери, написанную в 1914-м году, спасли две сестры-монахини Косиновы, жительницы села Татарка. В 1995 году икона была передана их племянником Петром Косиновым в восстановленный сельский храм Казанской Божьей Матери.

До недавнего времени на Святом источнике царил запустение, а черная дверь в грот пещеры словно была укором людям за совершенное. В начале 1990-х годов засыпанный землей каменный грот с большим трудом был обнаружен по рассказам старожилов. Родник ожил, и люди стали думать о его восстановлении. В 1993 году началось возрождение Святыни силами казаков и верующих. В августе 1998 года Дума Татарского сельсовета приняла решение «О создании благотворительного фонда «Святой источник»». ¹¹Было утверждено соответствующее положение, открыт внебюджетный счет администрации Татарского сельсовета. Средства фонда предполагалось расходовать на

благоустройство, строительство и обеспечение санитарных норм в зоне святого источника, восстановление его архитектурного облика. Но, к сожалению, особых поступлений на его счет не было. Но энтузиасты продолжали работу. Было сделано несколько проектов по восстановлению Святыни. И лишь в 2004 году, четвертый раз, по инициативе депутата краевой Думы Андрея Алексеевича Колесникова нарисовали очередной эскиз, сделанный на основе трех предыдущих. Осуществить его нужно было не разрушив существующий ландшафт, не срубив ни одного дерева и остановить расширение оврага. Материалом для строительства выбрали лицевой желтый кирпич, соответствующий по цвету местному ракушечнику. Им благоустроили каптаж с кровлей, сторожку и часовню с золотым куполом и крестом. Для удобного забора воды в центре комплекса воздвигли водозаборный каптаж, окруженный мраморным бассейном и увенчанный золотой главой с крестом. В овражке на краю поляны расположили купель. Настоятель Свято Казанского храма с. Татарка протоиерей Владислав (Левченко) в Богородичные праздники на источнике вел службы, ведь эта территория была закреплена за его храмом. С мая 2007 года с благословения епископа Ставропольского и Новочеркасского Феофана начала действовать небольшая церквушка, где служит иеромонах Арсений (Мудреченко), постоянно проживающий на Святом источнике. Оформлены все документы на 1,5 гектара земли у источника – «Архиерейское подворье «Всех Скорбящих радость»», где скоро будет стоять скит. Каждый день идет служба, по средам – молебны с водосвятием. Здесь венчаются и крестят детей. По большим праздникам, как и раньше, особенно людно. Люди рассказывают о том, как кто – то из них или знакомых исцелился, как видели над источником Божью Мать. Из уст в уста передаются легенды, связанные со Святым местом. Факты переплетаются с вымыслом. Народ идет сюда с верой в чудо и чудо свершается. При исследовании этого явления, видимо, надо подходить как к синтезу науки и религии. Ведь не все, что нельзя объяснить, неправда только потому, что не доказано наукой. Если говорить о физических свойствах воды из этого источника и его составе, то только лабораторные исследования могут научно обосновать популярность Святого источника.

Любовь к Святому источнику люди пронесли в своем сердце через года. Дорога к нему – это дорога надежды, для многих – дорога жизни. Святой колодец – одно из мест, где соприкасается прошлое и настоящее, где ручеек с чудесной водой бежит, унося свою историю в будущее, где так же будут спорить поколения о изначальной сути и силе этого места.

Использованная литература и источники:

1. Паспорт родника. Министерство культуры СССР. Памятники истории и культуры СССР (недвижимые). Союзная республика Российская Федерация. Паспорт

- «Родниковый источник Пресвятой Богородицы «Святой колодец»». 16 ноября 1995 г. Инспектор по охране памятников В. Н. Кожевников.
2. Документ. Российская Федерация. Администрация Ставропольского края. Комитет по культуре. Приказ 10.06.96 года №122 г. Ставрополь. Председатель комитета А. И. Рыбальченко. (Временные границы зон охраны и режим их использования).
  3. ГАУ ГАСК, ф.135-30, д.280, вязка №4, л. 1-4.
  4. Документ. Российская Федерация. Дума Татарского сельсовета Шпаковского района Ставропольского края. Решение №48 28.08.98г. с. Татарка. Заседание №18. О создании благотворительного фонда. Председатель сельсовета С.П. Тарасов.
  5. Андрющенко Т.Н. «Прошлое и настоящее Святого колодца» //Прозрителевские чтения, Ставрополь: СГКМ, 2005.
  6. Андрющенко Т.Н. «Времен связующая нить» (о выставке «Возрождение казачества»)// Вторые Прозрителевские чтения. Ставрополь: СГМЗ,2006.

Проконова Т.В.
г. Ставрополь
Ставропольский государственный музей-заповедник
им. Г.К. Прозрителева и Г.К. Праве,
научный сотрудник,
кандидат биологических наук

ОЦЕНКА МАСШТАБОВ ПОЧВООБРАЗУЮЩЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДОЖДЕВЫХ ЧЕРВЕЙ В БИОТОПАХ СТАВРОПОЛЬСКОЙ ВОЗВЫШЕННОСТИ

На территории Ставрополя изучением аспектов, формирующих почвенный профиль, занимались ученые почвоведы и зоологи Ф.Я. Гаврилюк (1), А.Я. Антыков и А.Я. Стоморев (2). Исследованием формирования первичных пленочных почв в условиях гор Кавказа занимался И.В. Стебаев (3, с.1433-1448). Всеми учеными отмечена важная роль беспозвоночных животных в формировании гумусного горизонта. Действительно, разложение растительных остатков и гумификация почвы – процессы, связанные с деятельностью беспозвоночных-сапрофагов, и, прежде всего дождевых червей. Роль последних в почвообразовании впервые отмечена Ч. Дарвином (4). Обилие дождевых червей в почве обычно положительно коррелирует с высоким содержанием в ней гумуса и хорошей структурированностью. Однако масштабы почвообразующей деятельности дождевых червей в различных природных биотопах существенно различимы. В настоящее время этот вопрос остается мало изученным.

Целью нашего исследования являлось определение масштабов почвообразующей деятельности дождевых червей в биотопах Ставропольской возвышенности, различающихся между собой типом растительного покрова и характером гидротермического режима. Естественной моделью для подобных исследований послужили природные сообщества – лесные, представленные дубово-грабово-ясеневыми формациями, лесостепные, представленные экотонными сообществами, сформированными в периферийной части леса и степные, представленные травяными формациями.

Материалом для изучения явились личные сборы автора, выполненные в течение активной жизнедеятельности дождевых червей 2005 г. в окрестностях г. Ставрополя – в Русском лесу, в лесостепи ст. Новомарьевской и в луговой степи на вершине Ставропольской горы (Новомарьевская поляна). В ходе исследований учитывались следующие параметры: живая биомасса дождевых червей, продолжительность их

трофической активности в весенне-летний и летне-осенний периоды и величины суточного пищевого рациона доминантных видов – *Aporrectodea rosea* (Savigny, 1826), *Octolasion lacteum* (Oerley, 1885), *Lumbricus rubellus* (Hoffmeister, 1843), *Dendrobaena tellermanica* (Perel, 1966).

Определение величин пищевого рациона для *A. rosea* и *L. rubellus* проведено Б.Р. Стригановой (5,6, с.500-503) и составляет 280 мг/г и 115,2 мг/г живого веса в сутки соответственно. Величины пищевых рационов дождевых червей *O. lacteum* и *D. tellermanica* определялись автором в условиях лабораторного эксперимента весовым методом и составляют 386,8 мг/г и 330,1 мг/г живого веса в сутки соответственно (7).

Результаты полевых наблюдений показали, что в лесных биотопах почвообразовательный процесс поддерживается за счет пищевой активности трех видов – *A. rosea*, *O. lacteum* и *L. rubellus*, которыми в течение вегетационного периода перерабатывается около 6 т/га почвенного субстрата (табл. 1).

Таблица 1

Масштабы почвообразующей деятельности доминантных видов дождевых червей в лесных биотопах Ставропольской возвышенности

Виды	Средняя биомасса в период весенне-летней активности, (г)	Период активности, (мес.)	Средняя биомасса в период летне-осенней активности, (г)	Период активности, (мес.)	Количество перерабатываемого почвенного субстрата (г/м ²) за вегетационный период
<i>A.rosea</i>	8,0	3,5	5,3	3,0	366
<i>O.lacteum</i>	3,4	3,5	1,8	3,5	210
<i>L.rubellus</i>	2,9	3,0	0,3	3,0	30
Итого:					606

В лесостепных экотонах почвообразовательный процесс поддерживается за счет пищевой активности четырех видов - *A. rosea*, *O. lacteum*, *D. tellermanica* и *L. rubellus*, которыми за вегетационный период перерабатывается около 5,6 т/га почвенного субстрата (табл. 2).

Таблица 2

Масштабы почвообразующей деятельности доминантных видов дождевых червей в лесостепных экотонах Ставропольской возвышенности

Виды	Средняя биомасса в период весенне-летней активности, (г)	Период активности, (мес.)	Средняя биомасса в период летне-осенней активности, (г)	Период активности, (мес.)	Количество перерабатываемого почвенного субстрата (г/м ²) за вегетационный период
<i>A. rosea</i>	2,9	3,5	3,0	3,0	175
<i>O. lacteum</i>	0,7	3,5	0,5	3,5	52,5
<i>D. tellerminica</i>	4,1	4,0	3,5	3,0	315
<i>L. rubellus</i>	0,9	3,0	0,5	2,0	15
Итого:	557,5				

В луговых степях почвообразовательный процесс поддерживается за счет пищевой активности дождевых червей *A. rosea*, которыми за вегетационный период перерабатывается около 2,6 т/га почвенного субстрата (таблица 3).

Таблица 3
Масштабы почвообразующей деятельности доминантных видов дождевых червей в луговых степях Ставропольской возвышенности

Виды	Средняя биомасса в период весенне-летней активности, (г)	Период активности, (мес.)	Средняя биомасса в период летне-осенней активности, (г)	Период активности, (мес.)	Количество перерабатываемого почвенного субстрата (г/м ²) за вегетационный период
<i>A.rosea</i>	2,9	3,5	6,5	3,0	256

Таким образом, приводимые выше показатели дают возможность оценить масштаб почвообразующей деятельности дождевых червей в лесном, лесостепном и степном биотопах Ставропольской возвышенности. В условиях широколиственных лесов и лесостепных экотонов популяциями доминантных видов в среднем перерабатывается в 2,1 – 2,3 раза больше почвенного субстрата, чем в условиях луговых степей.

Использованная литература и источники:

1. Гаврилюк Ф.Я. Почвы Ставропольского края и их агрономическая характеристика. Ставроп. кн. изд., 1947.- 94 с.
2. Антыков А.Я., Стоморев А.Я. Почвы Ставрополя и их плодородие. Ставроп. кн. изд., 1970.- 416 с.
3. Стебаев И.В. Животное население первичных наскальных почв и его роль в почвообразовании //Зоологический журнал – 1958. – Т.37, № 10.
4. Дарвин Ч. Образование растительного слоя деятельностью дождевых червей и наблюдения над образом жизни последних. – СПб, 1882. – 204 с.
5. Стриганова Б.Р. Питание почвенных сапрофагов. – М.:Наука, 1980.- 244 с.
6. Стриганова Б.Р. Определение пищевого рациона у дождевых червей *Nicodrilus Caliginosus* и *Eisenia Nordenskioldi* (*Lumbricidae*, *Oligochaeta*) //Докл. АН СССР. – 1982. – Т. 266, №2.
7. Проконова Т.В. Экологические особенности семейства *Lumbricidae* (*Annelida*, *Oligochaeta*) Центрального Предкавказья: Автореф. дис. ...канд. биол. наук. Ставрополь. - 2006. - 19 с.

Швырёва А.К.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник
им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе,
старший научный сотрудник,
кандидат биологических наук

**ЭКСПЕДИЦИЯ ПО СПАСЕНИЮ УНИКАЛЬНОЙ ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКОЙ
НАХОДКИ – СКЕЛЕТА ЮЖНОГО СЛОНА ARCHIDISKODON MERIDIONALIS
(NESTI)**

В конце августа в жизни музея и его коллектива произошло знаковое событие - 29 августа 2007 года в музей поступило сообщение, что в карьере между х. Родионов и пос. Равнинный Новоалександровского района обнаружен скелет слона, возможно, мамонта. 1 сентября на место находки выехала рекогносцировочная экспедиция отдела природы. Первичное обследование находки показало, что остатки принадлежат архидискодонтному слону. Было принято решение: ставить стационарные раскопки по спасению обнажившегося костяка древнего слона. Раскопки были квалифицированы как спасательные, потому что местное население начало разрушать находку, и в первые часы после обнаружения скелета были похищены зубы животного. Начавшиеся дожди помешали началу срочных раскопок. В период дождей на место выезжает вторая рекогносцировочная экспедиция отдела природы во главе с директором музея-заповедника Н.А. Охонько. Цель экспедиции - организация базы палеонтологической экспедиции и круглосуточной охраны места находки. Содействие в организации быта членов экспедиции оказало руководство ОАО «Урожайное» в лице Марка Игоревича Ткаченко и Леонида Леонидовича Резникова, ООО «Управляющая компания «Эвелин» в лице Владимира Игоревича Ткаченко, а также глава Краснозориинского муниципального образования, председателя Новоалександровского районного Совета депутатов Сергей Георгиевич Нешев. Одновременно была достигнута договоренность о круглосуточной охране места постановки палеонтологических раскопок.

21 сентября на раскопки выехала специальная палеонтологическая экспедиция Ставропольского музея-заповедника, объединившая сотрудников трех отделов: природы, археологии и «Татарское городище». В состав экспедиции вошли: старший научный сотрудник Швырёва А.К. – руководитель экспедиции, палеонтолог; завотделом природы Данилевич

В.Г., заведомом археологии Отюцкий И.В., младший научный сотрудник Т.В. Мозгова, старший научный сотрудник Шатов С.Ф., завсектором полевых исследований Г.Г. Жеребятников, младший научный сотрудник Доронин И.В. (кино- и фотосъемка); Мурчалин М.И. – водитель с машиной.

Перед экспедицией были поставлены следующие цели: палеонтологические раскопки скелета ископаемого архидискодонтного слона в карьере, изучение геологической ситуации залегания костяка, документация условий находки, первичная консервация останков и их транспортировка к месту хранения.

Экспедиция обеспечивалась транспортом музея-заповедника.

Находки в первичном залегании полных скелетов южного слона крайне редки. Со времени первоописания этого вида слона (1825 г.) и до нашего времени на планете Земля было зарегистрировано всего 4 таких находки. Поэтому находка почти полного пятого в мире скелета южного слона на территории Ставропольского края в полной мере исключительна и уникальна.

В силу особой ценности находки, имеющей мировое значение палеонтологические раскопки по спасению скелета слона включены в краевую целевую программу «Сохранение и развитие культуры Ставропольского края на 2006-2008 г.г.».

История находки скелета южного слона. В мае-июне 2007 года ОАО «Урожайное» открыло карьер для добычи глины для отсыпки проселочных дорог и подъездов к хозяйственным комплексам. Карьер небольшой – 45 x 75 м. В конце августа экскаваторщик Рафиг Ахметов начал обычный трудовой день. После забора очередной порции породы он увидел на поверхности два белых пятна, размером с пятак. Он принял их за известковистые конкреции (по-местному – «дутики»). Он не придавал им значения, поскольку такие включения в породах карьера не редкость. Сделав ковшем экскаватора очередной забор породы, он увидел, что обнажились бивни слона и разбитый череп животного. Р. Ахметов работы приостановил, о своей находке поставил в известность руководство ОАО «Урожайное» и попросил сообщить о находке ученым.

Итак, экспедиция по спасению 5-го в мире скелета *Archidiskodon meridionalis* (Nesti) прибыла на место находки и приступила к раскопкам. По нашей просьбе экскаваторщик Рафиг Ахметов произвел расчистку вышележащих слоев грунта, оставив над костеносным слоем около 50 см.

Далее раскопки проводились со строгим соблюдением методики подобных работ. Грубая зачистка (разведочные раскопки) производилась лопатами, ломом и штыками. При обнаружении костей детальные зачистки

костей велись деликатно с помощью ножей, скребков и кисточек. Выбранный грунт по мере накопления выносился за пределы раскопа. Раскоп расширялся постепенно и в конечном итоге достиг размеров 5,5 x 7 метров.

В первую неделю раскопок были расчищены бивни, кости переднего и заднего поясов конечностей, часть ребер и шейные позвонки. Сделали дополнительные прикопы, и в последующие 10 дней от грунта были освобождены все сохранившиеся части скелета. Сделав контрольные прикопы, и не обнаружив в них новые кости раскапываемого скелета, экспедиция констатировала, что первый этап раскопок завершен. Была произведена фотофиксация общего вида раскопа и деталей скелета слона крупным планом.

Некоторые коррективы в работу экспедиции внесли начавшиеся вновь дожди. По нашей просьбе над раскопом работники строительного отдела ОАО «Урожайное» соорудили деревянный навес с пленочным покрытием, и раскопки были продолжены.

Начался второй этап раскопок – подготовка материалов раскопок к транспортировке в Ставрополь.

Методика работы. Каждая кость была освобождена от грунта до половины толщины. Под каждой костью был расчищен грунтовый «столбик». Кости оказались на 20-тисантиметровом возвышении над дном раскопа. В таком виде они были оставлены для просушки. После просушки все кости были пропитаны несколько раз очень жидким раствором клея ПВА. Преимущество этого клея состоит в том, что его можно накладывать на недостаточно просушенный материал. По мере подсушивания костей началась консервация костей для транспортировки. Для этого обнаженные части костей тщательно укрывались слоем мокрой бумаги. Куски мокрой бумаги расстилались по поверхности кости, чтобы бумага надежно прилегла к поверхности кости, она тщательно прибивалась влажной, круглой, большой кисточкой. Так был создан изоляционный слой, на который затем был наложен слой гипса (алебастра). Для придания крепости гипсовому каркасу прокладывались деревянные бруски по размеру кости. После этого каждая кость покрывалась в 2-3 слоя гипсово-марлевой накладкой (примерно та же операция, что и при наложении гипса в травмокабинете). Кость оставлялась для подсушивания. Следующая операция состояла в том, чтобы осторожно перевернуть кость, обнажившуюся поверхность пропитать клеем, подсушить, заизолировать мокрой бумагой и загипсовать. Образовавшуюся гипсовую «куклу» оставляли для полного высыхания.

Часть крупных, тонких костей, таких как таз, лопатка, чтобы обеспечить их сохранность, пришлось распилить, прежде чем замуровать их

в гипсовые «куклы». Этот же метод мы применили и к бивням, являющимся наиболее хрупкой, наиболее ранимой и трудно сохраняемой частью скелета ископаемых слонов.

Пока шло гипсование костей, были изготовлены по размерам костей деревянные прочные поддоны и завезена в раскоп солома.

Наступил завершающий этап раскопок – погрузка и транспортировка материалов раскопок в Ставрополь. Заблаговременно были заказаны мощный подъемный кран и большой трейлер с пологом. По прибытии на место раскопок техника расположилась на специально подготовленных площадках на краю раскопа. В раскопе каждую кость со всеми предосторожностями уложили на специально подготовленный для нее поддон, предварительно застелив его толстым слоем соломы. Подъемный кран поднял каждую кость наверх и уложил на предназначенное для нее место в трейлере. Пол трейлера также был устлан слоем соломы.

Бесценный груз на небольшой скорости в целости и сохранности был доставлен в Ставропольский музей-заповедник и помещен в специально освобожденный для этого выставочный зал музея. Таким образом, экспедиция по спасению уникальной палеонтологической находки, выполнив все поставленные перед ней задачи, была завершена.

Краткое описание материалов раскопок. Скелет залегал *in situ*. Об этом свидетельствует тот факт, что некоторые элементы его находились в анатомическом порядке. Слон лежал на правом боку. Это было вполне взрослое животное, у которого началась последняя смена коренных зубов М₃ и завершен рост крупных трубчатых костей. По сохранившимся фрагментам видно, что бивни имеют хорошо выраженную спиральную изогнутость, что характерно для слонов линии *Archidiskodon* – *Mammutus*. Однако у архидискодонтных слонов она меньше, чем у мамонтов, и бивни у них, по сравнению с мамонтами, направлены вперед, а не загибаются вверх. Форма и толщина бивней свидетельствуют о принадлежности слона роду *Archidiskodon*. По данным, полученным на основе изучения фрагментов коренных зубов и по фотографиям, сделанным в первые часы после обнаружения скелета, слон может быть отнесен к виду *Archidiskodon meridionalis* (Nesti).

Таблица 1

Зубы М₃ слонов рода *Archidiskodon*

Промеры (мм)	<i>A. meridionalis</i> пос.Равнинный Ставропольско- го края	<i>A. gromovi</i>	<i>A. meridionalis</i> <i>meridionalis</i>	<i>A. meridionalis</i> <i>tamanensis</i>	<i>A. trogonterii</i> (= <i>wüsti</i>)
1. Высота коронки	М ³ 178,0 М ₃ -	М ³ 105-150 М ₃ 105-145	М ³ 125-192 М ₃ 82-156	М ³ 127-185 М ₃ 115-150	М ³ 130-250 М ₃ 125-220

2. Ширина коронки	M ³ 98,9 M ₃ -	M ³ 85-120 M ₃ 80-110	M ³ 89-127 M ₃ 80-124	M ³ 85-115 M ₃ 82-122	M ³ 70-140 M ₃ 82,5-120
3. Число пластин	M ³ - M ₃ 12	M ³ 11-15 M ₃ 12-15	M ³ 12-17 M ₃ 12-18	M ³ 12-17 M ₃ 12-17	M ³ 17-23 M ₃ 17-23
4. Частота пластин	M ³ 4,7 M ₃ -	M ³ 3,9- 6,7 M ₃ 3,6-5,9	M ³ 4,2-6,6 M ₃ 3,6-6,1	M ³ 4,5-6,5 M ³ 4-6	M ³ 4,5-10,5 M ₃ 4- 9,9
5. Толщина эмали	M ³ 3,3 M ₃ -	M ³ 4,0-2,5 M ₃ 5,0-2,5	M ³ 3,9-2,1 M ₃ 3,9-2,1	M ³ 2,5-3,5 M ₃ 2,5-4,0	M ³ 3,5-1,05 M ₃ 3,0-1,05

*Таблица составлена по работам В.Е. Гарутта (1954,1976) и И.А. Дуброво (1964).

Этот вид по строению зубов более прогрессивен по сравнению с древним *Archidiskodon gromovi* и более примитивен по сравнению с поздними слонами *Archidiskodon meridionalis tamanensis* и *Archidiskodon trogonterii* (=wüsti). Нижняя челюсть представлена фрагментом правой ветви. Зуб отсутствует. Корни его частично сохранены в альвеоле.

Позвоночник и ребра. Собрано 5 шейных позвонков (из 7), 8 грудных позвонков (из 19), 1 поясничный (из 4), крестец, а также часть ребер и 1 ключица.

Передние конечности. Имеется левая лопатка и небольшой фрагмент правой лопатки, обе плечевые кости (частично повреждены), 2 лучевые кости, эпифизы которых еще не срослись диафизами, 1 локтевая, несколько костей запястья. Плечевая и локтевая кости находились в естественном сочленении. Задние конечности. Полностью сохранены тазовые кости, обе бедренные кости, 2 большие берцовые кости, 2 малые берцовые кости, кости левой заплюсны (в анатомическом порядке), 2 клиновидные кости правой заплюсны.

По предварительной оценке в музей было доставлено около 70% скелета слона.

Геологические условия находки и стратиграфическое положение слона. Карьер, в котором был найден скелет южного слона, расположен в долине р. Егорлык, по правому борту балки Твердова, между х. Родионов и пос. Равнинный, на высоте 199 м над у. м. Географические координаты места находки 45° 15' 44" с.ш., 41° 27' 18" в.д.

Карьером вскрыта аллювиальная толща, в нижней части которой и был захоронен скелет слона. Верхнюю часть карьера представляют черноземные почвы (мощность 0,5 м), подстилаемые неслоистыми желто-бурыми суглинками (мощность 0,7- 1,0 м). Далее следуют желто-бурые горизонтально слоистые песчанистые глины с известковыми стяжениями и плоскими гальками местных пород, количество гальки увеличивается по мере нарастания мощности слоя (мощность 2,3-2,5 м). Ниже идет слой красно-бурых глыбистых глин с включением крупной гальки и гипсовых роз; количество гальки нарастает по мере увеличения мощности слоя

красноцветов (мощность 2,5-2,7 м). На глыбах отмечено большое количество марганцевых дендритов. Красноцветы не имеют четкой границы. Местами они замещаются линзам аллювиальных речных отложений, характеризующихся двухслойным строением: верхний слой представлен супесчано-глинистыми отложениями, а нижний – русловыми отложениями с прослоями глин, крупнозернистых песков, гравия и гальки местных пород (известняки, песчаники). Очень редко встречаются кварцевые и кремневые гальки. В нижней части одной из таких линз речных отложений на крупных сцементированных гальках на глубине 7- 8 м и залегал скелет южного слона. Галечники подстилаются крупнозернистыми песками.

Судя по характеру отложений, они сформированы рекою с равновесным продольным профилем, где ни эрозия, ни аккумуляция реки резко не проявляются. Такая река характеризуется слабым, спокойным течением. Возможно, это была умирающая река со староречьями, или тихая речная заводь, в которой происходило почти горизонтальное накопление слоев аллювиальных отложений. Подобное накопление аллювиальных отложений, как правило, происходит в процессе бокового смещения русла реки по дну долины. Присутствие красноцветных глин и гипсовых роз свидетельствует о развитии палеореки в условиях жаркого и относительно сухого климата.

При обосновании фаунистических комплексов В.И. Громов (1) и его последователи уделяют особое внимание руководящему значению представителей семейства Elephantidae. Для каждого фаунистического комплекса по слонам были выделены биозоны, имеющие место в стратиграфических схемах и по сей день. Так биозона *Archidiskodon meridionalis meridionalis* (номинативный подвид) отождествляется с псекупским (одесским) фаунистическим комплексом. В Северном Причерноморье, на территории Молдавии и Северного Кавказа вместе со слонем типичной формы стабильно встречается *Elasmotherium peii* Chow, которого также следует отнести к руководящим формам псекупского фаунистического комплекса (2, с.257-258). Интервал развития этого комплекса ограничивается поздним акчагылом (1,8-1,97 млн. лет) и первой половиной среднего апшерона (около 1 млн. лет). Псекупский комплекс соответствует стадиям Оливола и Тассо верхнего виллафранка Италии (3, с.81-92).

Перспективы дальнейшего изучения места находки южного слона и подготовки скелета к экспонированию. Учитывая уникальность практически полного скелета южного слона, необходимо продолжить работы

по изучению этой находки. В этом плане предполагаются следующие мероприятия.

Скелет находился *in situ*, что представляет особую ценность для геологов и стратиграфов. Поэтому для уточнения абсолютного возраста находки в карьере необходимо произвести дополнительные исследования, применив палеомагнитный и радиоуглеродный анализы, возможно и другие современные методы исследования.

Для палеоландшафтной характеристики эпохи, в которой жил южный слон, предполагается взять палинологические пробы.

Большая работа предстоит по подготовке скелета к экспонированию. Предстоит произвести консервацию костей клеящим раствором, подобрать фрагменты каждой кости и склеить их. Далее в работу вступают скульпторы-реставраторы, в задачу которых входит лепка утраченных фрагментов каждой кости и изготовление недостающих костей. На этом этапе будут сделаны слепки с костей скелета южного слона, найденного на территории края в окрестностях г. Георгиевска и экспонируемого ныне в зале природы нашего музея. Затем предстоит разработка чертежей и техническое исполнение металлоконструкций для монтажа скелета. Заключительный этап – монтаж самого скелета. Предположительно эти работы будут продолжены в последние месяцы 2007 года и в течение 2008-2009 годов.

Использованная литература и источники:

1. Громов В. И. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР. (Млекопитающие, палеолит) // Труды Ин-та геол. наук АН СССР. – М., 1948. – Вып. 64, № 17. – 521 с.
2. Швырёва А.К. Эласмотерий как руководящая форма в биостратиграфии // Проблемы развития биологии и экологии на Северном Кавказе. – Ставрополь, 2006.
3. Вангенгейм Э. А., Певзнер М.А., Тесаков А.С. Магнито- биостратиграфические исследования в страторегии псекупского фаунистического комплекса млекопитающих // Бюлл. комиссии по изучению четвертичного периода. – М., 1990, № 59.
4. Верещагин Н.К., Громов И.М. Сбор остатков высших позвоночных четвертичного периода. – М.-Л.: Академии наук СССР, 1953. – 38 с.
5. Гарутт В.Е. Южный слон *Archidiskodon meridionalis* (Nesti) из плиоцена северного побережья Азовского моря // Труды комиссии по изучению четвертичного периода. – М.-Л., 1954. Т.Х, вып.2. – 77 с.
6. Гарутт В.Е., Форонова И.В. Исследование зубов вымерших слонов. Методические рекомендации. – Новосибирск, 1976. – С. 26-30.
7. Дуброво И.А. Слоны рода *Archidiskodon* на территории СССР // Палеонтологический журнал. – М., 1964, № 3. – С. 82-94.

РАБОТЫ СТУДЕНТОВ И ШКОЛЬНИКОВ

Дорофеева К. В.

г. Ставрополь

Ставропольский государственный университет,
студентка

ОСОБЕННОСТИ «СТИЛЯ МОДЕРН» В АРХИТЕКТУРЕ ГОРОДА СТАВРОПОЛЯ

«Модерн» - это крупное интернациональное идейно-художественное движение, возникшее в развитых странах, наделенных интенсивной и конфликтной духовной жизнью в конце XIX – начале XX веков (1, с. 35.). В эпоху модерна Высоких результатов достигают многие виды искусства: архитектура, живопись, книжная графика, декоративно-прикладное и театральное искусства, скульптура.

Главным образом стиль модерн расцвел бурно и пышно в архитектуре. Он в значительной мере окрасил собой целый период в истории архитектуры конца XIX – начала XX века. Для него характерно включение конструктивных элементов в декоративную систему здания, а так же тяготение к синтетическим решениям. Широкое распространение получили стекло, бетон, металл. Мотив изогнутой линии стал главным элементом стиля.

Важно обратить внимание на то, что одной из главных черт модерна стало обращение к национальным традициям (2, с. 249.) Таким образом, новый стиль отобразился в архитектуре мировых стран по-разному, учитывая историко-художественную среду жизни народа. В России, к примеру, принципы модерна сказались в творчестве многих архитекторов, строивших особняки, гостиницы, доходные дома, в которых приемы модерна сочетались нередко со стилизованными формами русского зодчества (3, с. 230). Необходимо отметить и то, что внутри каждой страны архитектура делится на столичную и провинциальную. Особенности модерна провинциальных городов можно рассмотреть и на примере архитектурных решений города Ставрополя. Основными вопросами, при этом, являются: когда модерн появляется в архитектуре Ставрополя, в чем заключается его специфичность, в каких сохранившихся зданиях города данный стиль нашел отражение.

При детальном изучении истории стиля модерн выделяются три этапа его развития: «Ранний» (последняя четверть XIX в.), «Средний» (рубеж XIX-XX в.) и «Поздний модерн» (начало XX в.). При рассмотрении архитектуры

Ставрополя, становится очевидным, что на момент своего появления модерн здесь имел черты и особенности присущие лишь «Позднему модерну» начала XX века. К этому времени рассматриваемый архитектурный стиль переходит на новый этап своей идейности, представляющей собой начальную стадию конструктивизма (4, с. 300).

«Ставропольский модерн» привносит ряд своих особенностей, характерных для локальной специфики развития провинциальных городов, куда новые модные тенденции, как архитектуры, так и других сфер культурной жизни, доходят с опозданием, вдобавок, адаптируются к местным условиям жизни и, тем самым, получают некую искаженность и заметные отличия по сравнению с «оригиналом». Черты нового стиля, пришедшие из столицы, постепенно находят все большее распространение в архитектурных решениях зданий Ставрополя. Однако многие владельцы, не имея средств заказать новые, стилистически выдержанные здания, просто заново оформляют фасады уже существующих построек (5, с. 88), пристраивают веранды, надстраивают новые этажи, возводят ограды. Еще одной особенностью провинциальной архитектуры является сложность перехода от одного стиля к другому, в данном случае от эклектики к модерну.

Характерным примером, который сочетает в себе выше описанные особенности, безусловно, является здание Городской усадьбы, (ул. Дзержинского, 97). В плане усадьба представляла собой прямоугольный участок с небольшим прудом. Главный корпус изначально не представлял большого интереса в архитектурном отношении. Но в 1900-х годах к дому была пристроена веранда в стиле модерн, возведены соответствующие ей по стилю конюшня и восточная ограда. После этого в ансамбле, архитектурный стиль усадьбы определяется как модерн.

В Ставрополе очень часто можно встретить здания с оформленными лишь главными, уличными фасадами, в то время как боковые остаются необработанными, к примеру, особняк на проспекте Октябрьской революции,²³ и жилой дом на ул. Булкина, 19 (5, с. 91).

Естественно, в городе существуют и постройки, изначально планируемые в стиле модерн, так сказать «в чистом виде», но это лишь единичные памятники 1900-1910 гг. К таким памятникам необходимо причислить здание находящееся сейчас по адресу пр. К.Маркса, 27 (5, с. 90), предполагается, что это был доходный дом, т. к. планы первого и второго этажей характерны именно для здания данного назначения. Декор главного фасада выполнен из бетона, используются фактурные вставки, оживляющие темную поверхность стены. Особое внимание уделяется оформлению

ризалитов, возвышающихся над общей массой здания. Присутствует архитектурная лепка в виде растительного орнамента, а также, что особо интересно, по бокам некоторых проемов расположены скульптурные изображения человеческого лица, называемые маскоронами. Боковые фасады и в этом случае лишены декора. Следующим зданием модерн, так сказать, «в чистом виде» по праву можно назвать аптеку Байгера, возведенную в 1912 г., по проекту уважаемого архитектора г. Ставрополя Адриана Петровича Булыгина (6, с. 47), сюда же можно отнести здание 1911 г., так называемого Дома полярного исследователя на ул. Октябрьской революции, 23 (6, с. 156.).

Отдельным примером модерна в Ставрополе можно назвать строение, находящееся на ул. Дзержинского, 70. Постройка в два этажа, в прошлом называемая - особняком Озеровых (6, с. 193). Привлекает внимание своим необычным для Ставропольской архитектуры оформлением фасада, одна часть, которого выполнена из бетона, другая же отделана голландской плиткой голубого цвета. Также лицевая часть интересна модерновым узором входных и оконных проемов, растительным орнаментом в верхней части фасада и декоративными вазами, венчающими весь декор дома.

Существуют в городе и строения, в которых черты модерна проявились совершенно в ином сочетании. Таково здание на ул. Комсомольской, 99 (сейчас Детский сад № 40) – это одноэтажное здание, Г-образное в плане (5, с. 90). В декоративном оформлении используется растительный орнамент, главным образом на простенках и резалите, нечетко выраженные сандрики украшены плиточкой цвета морской волны, завершается здание сложным аттиком, также украшенным плиткой, выложенной «шашечкой». Интересно оформление входной двери – в форме замочной скважины. К сожалению, имя архитектора постройки не известно.

В данной статье представлены здания, на примере которых можно достаточно четко проследить особый путь развития стиля модерн в архитектуре г. Ставрополя, отличающийся своей самобытностью локальной специфики. Необходимо подчеркнуть, что в совокупности все объекты являются, не только достойным украшением города, но и историко-культурным наследием, которое, безусловно, необходимо сохранять и обеспечивать дальнейшее существования в историческом виде для последующих поколений историков, искусствоведов, архитекторов и, наконец, самих жителей города Ставрополя.

Используемая литература и источники:

1. Полевой В.М., Малая история искусств. Искусство XX века. 1901 – 1945 года. – М.: Искусство, 1991.
2. Сокольникова Н.М., Крейн В.Н. История стилей в искусстве. – М.: Гардарики, 2006.

3. Юсупов Э.С., Словарь терминов архитектуры.- СПб.: Фонд Ленинградская галерея, 1994.
4. История русского искусства. Отв. ред. Каганович А.Л. – СПб.: Изд-во Академии художеств СССР. Ин-т живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, 1961.
5. Рогачева И.А., Архитектура г. Ставрополя XIX - нач. XX в. Дипломная работа. – СПб.: Российская Академия художеств. Государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, 1997.
6. Беликов Г.А., Град Креста. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 2006.

Измайлова К.,
г. Ставрополь,
МОУ средняя образовательная школа № 34,
учащаяся.

Научный руководитель:
Кожаева И.Д.

ВЛИЯНИЕ МАСОНСТВА НА РАЗВИТИЕ СТАВРОПОЛЯ

О масонах и масонстве многие что-либо слышали или читали. Масонство считается особой наукой. Это нравственно-этическая система, скрытая в аллегориях и иллюстрируемая символами. Но это еще и тайное общество, членами которого были знаменитые люди прошлого. Оно и по сей день живет в старинных знаках и прячется среди нас. Вы можете идти по улице и не замечать, как странные символы окружают вас. Они есть чуть ли ни в каждой частичке старенького города, что наталкивает на мысль о влиянии масонства на судьбу нашего города.

Многие из масонских символов и учений возвращают нас к самому детству человеческого рода. Через них может быть прослежена связь в идеях и организационных принципах: с жречеством древнего Египта и иудеями времен Египетского пленения, с такими далекими во времени и пространстве землями, как древний Китай, Римская республика, средневековые города и цеха Европы... В книге Т.А. Бакуниной «Знаменитые русские масоны» написано: «Масонство, занесенное в Россию по преданию Петром Великим почти одновременно с его возникновение на Западе, чрезвычайно быстро распространилось. Появление масонства в России совпадало с пробуждением общества, с первыми исканиями освобождавшейся мысли».

В истинном смысле слова масонство - не тайное общество, а общество, обладающее некоторыми секретами. Тайное общество - это такое общество, члены которого не известны; общество, которое существует, не открываясь окружающему обществу. Масонство же хорошо известно. Для всех существуют некие секреты и тайны, которые могли бы быть открыты и известны - если бы мы решили познать их и научиться им. Прекрасная музыка - секрет для лишенного музыкального слуха. Математика - секрет для неосведомленного в ней. Философия - секрет для банально мыслящего...

Давно замечено, что город Ставрополь очень тесно связан с цифрой 7 и необычен потому, что в дате его официального рождения есть не одна, а сразу три семерки, стоящие за единицей.

Доклад князя Потемкина Екатерине II по вопросу создания Азово-Моздокской линии был утвержден 24 апреля 1777 года (три семерки). По сути, он явился первым документом, положившим начало Ставропольской крепости.

20 мая 1777 года командир Астраханского корпуса и строитель Азово-Моздокской укрепленной линии, генерал И.В. Якоби, получил от Г. Потемкина приказ о строительстве крепостей Азово-Моздокской оборонительной линии. Согласно этому приказу крепость на реке Ташле у Черного леса была под номером 8. Всего должно было построено 10 крепостей. Но так как крепость на реке Буйвола, в силу сложившихся обстоятельств не стали строить, то произошло передвижение в нумерации крепостей. И будущая Ставропольская крепость оказалась под номером 7. Число семь стало судьбоносным в истории города. Крепость была заложена 22 октября 1777 года. Это притягательное, почти мистическое сочетание трех семерок в дате ее основания можно назвать уникальным и достопримечательным. Сколько уж было разговоров о магическом влиянии числа «7» на историю нашего города, сколько высказывалось различных версий. Данная тема принадлежит к разряду гипотез и от этого становится еще более притягательной.

Ставропольская крепость была основана под знаком «трех семерок». Год рождения Ставрополя – 1777. В переводе с греческого Ставрополь означает «город креста». Греческое слово «ставрос» тоже имеет семь букв. Большую роль для возникновения города сыграли Екатерина II, Г.А. Потемкин, Александр Васильевич Суворов и другие, в жизни и судьбе которых число семь тоже нередко играло определенную роль. Как в начальной, так и в дальнейшей истории Ставрополя семерки сыпались, как будто из рога изобилия.

Можно предположить, что особая роль числа «7» в судьбе нашего города обусловлена астрологическими причинами. При помощи компьютерной программы Р. Нутрихиным была составлена карта звездного неба на 22 октября 1777 года. Открылись весьма любопытные вещи. В седьмом часу утра в зените над еще несуществующим городом находилось созвездие Большой Медведицы, которое составляют, как известно, семь звезд! В то же самое время из-за горизонта восходил Сатурн (число «7» в астрологической нумерологии). Луна стояла высоко над горизонтом, был 21 лунный день. И снова три семерки! Три раза по семь лунных дней... Прямо над новорожденным Ставрополем практически в одну линию выстроились семь небесных светил: Сатурн, Солнце, Меркурий, Венера, Юпитер, Луна и Уран. Эта небесная картина, имевшая место при возникновении города,

просто наполнена «магическими семерками»! В данном свете представляется очевидным, что дата образования крепости была выбрана неслучайно. Похоже, некто, обладавший глубокими астрологическими знаниями, составил в 1777 году для города счастливый гороскоп. Семь звезд Большой Медведицы, стоявшие Ставрополем в день его основания, издавна почитались священным созвездием. Они неоднократно упоминались в ведах и Библии. У многих народов Большая медведица называлась «божественной колесницей». И ели в день основания Ставрополя Большая Медведица стояла над ним в зените, то стоит ли удивляться тому, что семерка – её числовое значение – сопутствует Ставрополю на протяжении всей его истории.

Совпадение сразу трех семерок в дате основания Ставрополя обусловлено как с астрологической, так и с масонской точек зрения. Эта каббалистическая комбинация также объясняется авторитетными масонскими авторами. Они сообщают о том, что «число семь может соответствовать трем божественным атрибутам». Семерка существует на трех планах бытия – духовном, астральном и физическом, - образуя при этом «тройной септениер» или «777». Масонская арифмософия (наука о числовой метафизике) относит семерку к числам «вторых сил», в то время как «первые силы выражает одна лишь божественная единица» (1777).

Известно, что при дворе Екатерины II было немало масонов. Так вот, императрица в своем указе о создании Азово-Моздокской укрепленной линии от 24 апреля 1777 года пишет: «... Назначенные вновь линейные укрепления наименовать, как благоугодно будет...». Докладывал ей о Азово-Моздокской оборонительной линии князь Потемкин. Данных о том, что Г.А. Потемкин был масоном, пока нет, но, тем не менее, он был связан со многими видными масонами своего времени. Его августейшая покровительница Екатерина не жаловала масонов, хотя они были в ее непосредственном окружении и даже помогли ей придти к власти.

Остается не до конца понятным и то, почему крепость Московскую через месяц после официального начала ее строительства переименовали в Ставропольскую? Есть Ордер Астраханского губернатора Якоби Владимирскому драгунскому полку о переименовании Московской крепости в Ставропольскую, датированный 22 ноября (по новому 3 декабря) 1777 года. Но кто оказал влияние на самого Якоби? Или он сам имел какое-то к этому отношение?

В книге Т.А. Бакуниной «Знаменитые русский масоны» указано, что Александр Васильевич Суворов был масоном и, что он «...был посвящен и возведен в третью степень мастера – в Петербурге в ложе «Aux Trois Etoiles»

(«Три звезды»). Значит, когда генерал-поручик инспектировал Азово-Моздокскую линию в феврале 1779 года, он был причастен к масонству.

И в дальнейшей истории города у него было много покровителей и неординарных жителей из числа масонов. Во время правления Александра I (1777-1825) произошел вновь расцвет масонства. У историков имеются данные о посещении императором Александром масонских лож, и о его симпатиях к ним можно прочитать в книге «Масонство в его прошлом и в настоящем», изданной в 2-х томах в Москве в 1914-1915 годах.

В последнее время уже ни для кого не секрет, что декабристы в основной своей массе были масонами. Декабристы-масоны или связанные с масонами, в XIX веке развивают бурную деятельность на юге России. Руководителем Южного общества был П.И. Пестель. Имеются данные о его причастности к масонству. Возможны и его связи со Ставрополем. Его фамилией названа одна из улиц города. В Ставрополе бывали и другие известные масоны.

В 1820 году А.С. Пушкин (1799-1837) посещает город Ставрополь, а в мае 1821 года он был посвящен в ложе «Овидий» г. Кишинева (Соловьев О.Ф. Масонство. Словарь-справочник, 2001). В страничке его дневника, датированной 1821 годом, можно прочесть следующее: «4 мая был я принят в масоны».

Александр Сергеевич Грибоедов (1795-1829) проездом на новое место своей службы в Персии посетил Ставрополь в 1828 году. Вместе с Чаадаевым он был посвящен в ложе «Соединенные друзья» в 1816 году и в 1817-1818 годах числился в ней в степени подмастерья.

Примечательные обстоятельства связаны с посещением Ставрополя Николаем I. Опубликованные данные свидетельствуют, что царь, посетивший город 17 октября 1837 года, прибыл по железной дороге около 7 часов вечера. Хотя сам Николай I после восстания декабристов относился к «вольным каменщикам» с неприязнью (и даже запретил в России деятельность масонских лож), из сообщений о царском визите в Ставрополь складывается впечатление, будто кто-то за его спиной спланировал это мероприятие и вложил в него тайный смысл. Седьмой год, седьмой день и седьмой час... именно для масонов имели огромное значение. Такое прибытие царя в «масонский» город «трех семерок» не кажется простой случайностью.

Еще один военный и государственный деятель, яркая историческая личность Алексей Петрович Ермолов, сыграл большую роль в истории Ставрополя, как и всего Кавказа. По его инициативе в 1822 году в тогда еще уездный город Ставрополь из Георгиевска была перенесена столица

Кавказкой области. В молодые годы он принадлежал офицерскому кружку Смоленской губернии, созданному при активном участии масонов. А затем, как пишет историк С. Путилов: «А.П. Ермолов сыграл довольно неординарную роль в деле организации декабристских обществ и даже проявлял инициативу в создании Тифлисского офицерского «клуба».

Посланник заграничных «вольных каменщиков» генерал Хуан Ван – Гален, прибыл в Россию, оказался в окружении великого мастера ложи «Вифлеем» М. Ю. Вильегорского. Столичные братья направили видного испанского масона на Кавказ, где, по всей видимости, велись то время основные «вольнокаменщические работы». Любопытно, что в Тифлисе генерал Ван-Гален был принят именно А.П.Ермоловым. Не является ли это свидетельством того, что русский генерал был масоном? Именно эта встреча скомпрометировала Ермолова. Вот что об этом пишет историк Путилов: «Путь видного испанского масона Ван-Галена пролегал на Кавказ, где он был тепло принят командующим русской армией генералом А. П. Ермоловым... В январе 1820 года в Испании началась подготовленная масонами революция, а в июле Ван-Гален получил донос, содержащий разоблачения его масонских связей. Последующие события — восстание Семеновского полка в Петербурге и заступничество за Ван-Галена генерала А.П.Ермолова — окончательно убедили Александра I в тесной сращенности масонства с революционным движением».

Над Ермоловым стали сгущаться тучи. Сам же генерал в своем письме А. А. Закревскому от 20 мая 1819 года писал: «Много раз старались меня вовлечь в общество масонов. Я не опровергаю, чтобы не было оно весьма почтенно. Но рассуждаю как простой человек, что общество, имеющее цель полезную, не имеет необходимости быть тайным».

После вышеприведенного скандала царская охранка повесила на Ермолова ярлык вольнодумца и явного масона. В дальнейшем у Алексея Петровича были такие же проблемы за покровительство декабристов-масонов. Как умный человек, Ермолов понимал, что ссылка на Кавказ, где в то время шла война, была намного опаснее, чем Сибирь.

...Для масонов восток всегда имел большое значение. Даже бульвар имени Ермолова на проспекте К. Маркса имеет направление с запада на восток. Сам памятник повернут также лицом на восток — к Триумфальной арке. Она была поставлена в честь победы в войне 1812 года. Р. Нутрихин считает, что в масонской символике подобные арки означают священные «Ворота Солнца». Николаевский проспект, а ныне К. Маркса, имеет направление, совпадающее с восходом Солнца в день летнего солнцестояния (главный день масонского ритуального календаря). Их связь

с «солярным культом» обусловила тот факт, что они стоят на востоке города.

Эта арка построена в точном соответствии с канонами «Солнечных Врат», описанных в древнееврейской апокрифической «Книге Еноха» (масоны считали его одним из патриархов своей традиции): «Я пошел к востоку, к пределам неба, и видел здесь **трое восточных небесных врат открытых и над ними маленькие врата.** Через каждые те маленькие врата проходят звезды небесные и бегут к западу» (5:36). Функции этих Врат, по мнению масонов, сводятся к их определению как «геометрического и архитектурного талисмана», признанного притягивать гармонические вибрации из высших миров и распространять их на человеческое сообщество.

Другие имена... Граббе Павел Христофорович (1780—1875) — член Союза Благоденствия. На военную службу поступил 4 сентября 1805 года в чине подпоручика во 2-й артиллерийский полк... В битве за Бородино участвовал в атаке на занятую французами батарею Раевского, являл с адъютантом А.П.Ермолова. В 1838 году командующим войсками Кавказской линии и начальником области стал генерал-лейтенант Павел Христофорович Граббе.

Его сменяет на этой должности Гурко Владимир Иосифович (1795-1852). На военную службу поступил в лейб-гвардии Семеновский полк. 3 февраля 1810 года стал унтер-офицером. В 1811 г. произведен в прапорщики. В 1843 году стал командующим войсками Кавказской линии и начальником области. Любопытен тот факт, что они оба были членами Союза Благоденствия.

Еще одним политическим деятелем, приложившим руку к судьбе и архитектурному облику губернского Ставрополя, был граф Михаил Семенович Воронцов. Он стал наместником на Северном Кавказе в 1845 году. М. С. Воронцов принадлежал к старинному и знатному роду российских «вольных каменщиков». В середине XIX века наместник на Северном Кавказе граф Воронцов сделал очень много для благоустройства и города Ставрополя.

...Можно было бы продолжать еще и еще список масонов, а это военные, чиновники, поэты, писатели, музыканты, просветители... Заметьте, что эти люди были знаковыми для России и несли в себе огромный творческий потенциал...

В работах историка О. Платонова, собравшего в архивах обширные материалы к биографиям известных российских масонов, содержащих документальные факты, только подтверждающие то, что на протяжении многих десятилетий Северный Кавказ управлялся «вольными каменщиками»,

оставившими здесь в большом количестве архитектурные памятники с характерной символикой масонства.

Так был ли в Ставрополе масонский центр? Р. Нутрихин считает, что официально, вероятно, нет. Согласно иностранным документам, которые приводит в своих трудах О. Платонов, масоны Кавказа находились под юрисдикцией Неаполитанской Великой Ложи (т.е. формально принадлежали к масонской провинции Неаполя), и главная кавказская Ложа располагалась в Тифлисе.

Но...пройдите по исторической части города Ставрополя и взгляните на старинные дома, и вы увидите масонские знаки. Есть они и внутри зданий, на решетках, лестницах и т.д. Возьмите хотя бы, к примеру, здание «Пассажа». Оно украшено «кадуцеями». Так искусствоведы и архитекторы называют символический жезл бога Гермеса, обвитый двумя змеями. Согласно одному из толкований, сам этот жезл своими изгибами символизирует «божественную единицу», а две змеи тремя своими изгибами представляют «шестерку». В целом же снова получается загадочное число «7».

Интересен и еще один факт, что на старинном гербе Ставропольской губернии изображена пятиконечная звезда. Откуда, вы думаете, она взялась? И что могла означать оккультная пентаграмма на гербе одной из российских губерний в 1878 г.? На самом деле это был распространенный знак военных масонских лож. «Вольные каменщики» часто изображали Храм на пирамидальном основании, над которым сияла пятиконечная звезда. То же самое мы видим и на старинном гербе Ставрополя. Удивляться тут нечему, многие царские наместники и чиновники Северного Кавказа, согласно историческим документам того времени, были масонами.

Известный исследователь-масон, писавший под псевдонимом Папюс, утверждал, что суть «священного числа семь» заключается в шифре, который переводится, так:

«Помни, сын Земли, что власть над миром принадлежит обладающим могуществом духа, то есть светом, освещающим тайны жизни. Разрушая препятствия, ты уничтожишь твоих врагов, и все твои желания осуществляются, если ты приступишь к будущему со смелостью, вооруженный сознанием своего права».

Эти слова можно было бы считать масонским девизом Ставрополя, который в полной мере оправдал свое рождение под столь могущественным и мистическим символом числа «7».

Кондрина К.,
г. Минеральные Воды,
МОУ лицей № 104,
учащаяся.
Научный руководитель:
Шкарупа И.Ф.,
учитель истории

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО МУЗЕЯМ Г. МИНЕРАЛЬНЫЕ ВОДЫ (ТЕЗИСЫ)

В 2004 году вышел первый сборник работ учащихся лицея № 104 г. Минеральные Воды по краеведению “Истоки – 2”. В нем была опубликована статья Бурьяновой И. и Поповой Н. “Музеи города Минеральные Воды”, в которой была сделана попытка собрать и обобщить сведения о различных музеях нашего города. Мне пришлось продолжить эту работу, так как к тому времени открыты были новые музеи. Главной задачей было сделать такой путеводитель, в котором содержались: 1) сведения об истории создания музеев нашего города, их создателях; 2) перечень основных экспозиций музеев; 3) фотографии наиболее интересных экспозиций; 4) адреса музеев. Из имеющегося материала надо было отобрать главное, придумать эмблему для каждого музея.

В нашем городе первый краеведческий музей был открыт в 1967 году. Собирали экспонаты музея всем городом, и, прежде всего, школьники несли в Дом пионеров все, что связано с историей города и ее жителей. Руководила Домом пионеров А.А. Априамова, она возглавила группу энтузиастов-краеведов, куда входили первые комсомольцы города М. Васильева и И. Ян, учителя истории В.П. Сурина, В.В. Клешнин, ученый-археолог В.А. Кузнецов, краевед Николай Осипов.

Затем в 1969 году был создан Музей революционной, боевой и трудовой славы железнодорожников станции Минеральные Воды. Огромную работу проделал ветеран Гаукас Борис Иванович. Просил железнодорожников приносить старинные вещи, документы, фотографии, собирал по архивам ценные сведения. Музей гордится тем, что в нем хранятся личные вещи и подлинные документы управляющего Владикавказской железной дорогой Иноземцева И.Д., именем которого названа станция ветки Минеральные Воды – Кисловодск. Директором музея долгое время был Гриценко Виктор Борисович – это наш минераловодский летописец. По материалам музея он создал книги “Дорога на курорты”,

“История земли Минераловодской”, “Чтобы знали, чтобы помнили”, “Тропой памяти”.

В 1975 году и в 1978 году открылись производственные (ведомственные) музеи аэропорта и паровозного (ныне локомотивного) депо. Их создателями были влюбленные в свое предприятие и его историю люди: ветераны аэрофлота Несин И.Н. и Харченко В.М., ветеран железнодорожного транспорта Филимонов В.П. В 1961 открылся музей газовиков, а в 1987 году - музей старейшего предприятия нашего города – стекольного завода.

Из музеев учебных заведений первым возник в 1950-е годы музей ремесленного железнодорожного училища № 11 (ныне технический лицей № 4). Самое первое учебное заведение нашего города было мужское железнодорожное двухклассное училище. Музей этого учебного заведения был создан в 1987 году. В последнее время созданы музеи при Штабе Поста №1 и Доме пионеров (руководитель и создатель музея Дома пионеров - Л.И. Ряднова).

Итак, в нашем городе работает 4 типа музеев: краеведческие (2), производственные (5), школьных заведений(3), внешкольных учреждений (2). Таким образом, город Минеральные Воды является не только городом авиаторов и железнодорожников, он также стал и городом музеев. И только благодаря этим музеям, мы можем ответить на вопросы: откуда пошел наш город, кто в нем жил и работал, какими боевыми и трудовыми подвигами он прославился.

Работа по созданию «Путеводителя...» проводилась по заданию краеведческого отдела библиотеки и краеведческого музея. В процессе его подготовки было интересно узнать об истории создания музеев нашего города, познакомиться с хранителями музеев, которые, преодолевая трудности, собирают материалы, пополняют коллекции, ведут научную и просветительскую работу. И сейчас «Путеводитель...» может быть использован при проведении экскурсий, изучении истории города и края.

НАЙТИ ◆ СОХРАНИТЬ

Кущев С.Ю.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный педагогический институт,
студент

**ОБРАЗ КАВКАЗЦА КАК «ДРУГОГО» В ГЛАЗАХ ЕВРОПЕЙЦЕВ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.
(НА ПРИМЕРЕ ПУТЕВЫХ ЗАМЕТОК ЯНА ПОТОЦКОГО
И ГОСПОЖИ АДЕЛЬ ОММЕР ДЕ ГЕЛЬ)**

Антитеза «мы-они» в контексте межэтнических взаимоотношений берет свое начало в глубокой древности. В основе этого противопоставления лежит стереотипизация наиболее ярко выраженных внешних признаков, отличающих данную группу людей от другой. Такими признаками могут выступать язык, черты лица, темперамент, обычаи, религиозные обряды, образ жизни и пр. Причем это противопоставление характерно для всех этнических сообществ. Б.Ф. Поршнев в своей работе «Социальная психология и история» пишет: «Ни история, ни этнография не знают каких-либо групп или общностей людей, каких-либо «мы», изолированных от других, и так или иначе не противопоставляющих себя другим» (1, с.111). Основанная на принципе биполярности эта древнейшая система категоризации сохраняла поразительную устойчивость на протяжении столетий и стала одной из основ формирования этнического самосознания и идентичности, обладая большим мобилизационным и консолидирующим эффектом. Оппозиция «мы-они» создает своеобразный психологический барьер между различными группами людей, тем самым, подчеркивая и отстаивая неповторимость каждой из них.

Категория «они» в различных исторических условиях приобретает свою окраску. В рамках взаимодействия двух социумов друг с другом можно выделить две диаметрально противоположные вариации категории «они»: «другой» и «чужой». Если понятие «другой» предполагает некую «инаковость» и «непохожесть», то в основе категории «чужой» лежит осознание социумом угрозы с чьей-либо стороны, в результате чего формируется образ врага. Отношение человека к «другому» отличается некоторой лояльностью и терпимостью, в то время как реакция человека на «чужого» может выражаться либо в абсолютной изоляции от его негативного влияния, либо в агрессии по отношению к нему.

При изучении восприятия одной общности людей другой первостепенное значение имеют письменные источники, обладающие

наибольшей информативностью в сравнении с археологическими и иными вещественными. При этом среди всех письменных свидетельств особое место занимают источники нарративного характера. Именно эта группа источников отражает субъективный взгляд человека на окружающих его людей, ведь в противопоставлении «мы-они» существенную роль играет то обстоятельство, кто и с какой позиции говорит «мы». Интерес к субъективности в описании исторических событий обусловлен еще и тем, что она отражает систему стереотипов, сложившуюся в том социуме, к которому принадлежит автор. При анализе подобных источников отделить эти две части иногда весьма сложно: субъективные переживания, связанные с жизнью самого автора, порой очень тесно переплетаются с групповыми стереотипами, которые складываются под влиянием более широких по своим масштабам факторов: политических, экономических, религиозных и т.п. Поэтому при рассмотрении нарративных источников важное значение имеет, как знание биографии их автора, так и данные из истории взаимоотношений между двумя рассматриваемыми социумами.

Определенный интерес в русле рассматриваемой темы представляет Северокавказский регион в первой половине XIX в. Это обусловлено, во-первых, тем, что в рассматриваемый период Северном Кавказ становится районом, где углубляется и обостряется конфликтная ситуация, вызванная множеством противоречий различного характера, что в частности вылилось в продолжительную и кровопролитную Кавказскую войну. Она и способствовала обострению антитезы «мы-они». Во-вторых, в первой половине XIX в. начинается активное изучение Северного Кавказа, поэтому этот период оставил достаточно большое количество письменных источников, в том числе и нарративного характера.

Особый интерес представляют свидетельства иностранцев, побывавших на Северном Кавказе в рассматриваемый период, чьи путевые заметки и дневники были одними из первых опытов историописания региона. Эти свидетельства интересны еще и тем, что в отличие от записок и дневников многих русских военных, видящих в кавказце, прежде всего «чужого», врага, отражают представление о кавказце как о «другом». Поэтому взгляд европейца, не обремененного конфликтом с горцами, отличался, а иногда был диаметрально противоположен представлениям о них в «записках» и «дневниках» русских военных. Вследствие этого анализ путевых заметок иностранцев дает возможность рельефнее представить психологию сложных межэтнических взаимоотношений, и мотивы поведения людей, живущих в среде незнакомой и чуждой им культуры.

Остановимся подробнее на рассмотрении и анализе путевых наблюдений двух путешественников: польского графа Яна Потоцкого и супруги французского консула в Одессе Ксавье Оммер де Гелля, госпожи Адель Оммер де Гелль. Интерес именно к этим двум источникам обусловлен рядом обстоятельств. Прежде всего, обе работы до недавнего времени были известны лишь на французском языке и только очень узкому кругу специалистов. Впервые на русском языке эти источники были опубликованы в работе Е.Л. Сосниной «Два путешествия в золотой век» в 2003 г., и эти дневники, полные множества интереснейших аспектов истории того времени и этнографических деталей, на настоящий момент составляют широкое поле для дальнейших исследований.

В контексте рассматриваемой темы свидетельства Яна Потоцкого и госпожи Оммер де Гелль интересны с нескольких позиций. До XIX в. представления европейцев о Кавказе и его жителях были весьма смутными, и рассматриваемые работы, прежде всего «Путешествие в Астраханские и Кавказские степи» Яна Потоцкого, являются одними из первых полноценных описаний этого региона. Кроме того, очень интересные особенности формирования образа кавказца обнажаются в ракурсе сравнения этих двух дневников. Анализ этих путевых заметок позволяет понять особенности восприятия образа кавказца в различных исторических условиях: путешествие Яна Потоцкого относится к концу XVIII в. (1797-1798), когда конфликт на Северном Кавказе только назревал, пребывание же госпожи Оммер де Гелль здесь относится к 40-м годам XIX в. – период уже достаточно активных военных действий. В меняющихся исторических условиях менялся и уклад жизни горцев, что не могло не сказаться на восприятии их образа европейцами.

Однако с другой стороны эти отличия объясняются особенностями личностных качеств самих авторов путевых заметок, что и отражает субъективную сторону их восприятия жителей Северного Кавказа. В этом ракурсе видны два диаметрально противоположных взгляда на кавказца как на «другого»: исследовательский подход в заметках Яна Потоцкого и личностный - в дневнике Адель Оммер де Гелль.

Эти различия во многом носят гендерный характер. Так и Ян Потоцкий, и Адель Оммер де Гелль в своих записках очень часто обращаются к теме воинственности некоторых горских народов (аварцев, лезгин, черкесов, чеченцев и др.): отмечаются факты их грабительских нападений на своих соседей, торговые караваны и случайных путников, а также казачьи станицы и поселения.

Оба автора рисуют образ кавказского общества как общества воинственного, но не агрессивного. Однако каждый из них объясняет это по-своему. Ян Потоцкий, описывает сцены набегов как явление обычное для здешних мест. У человека, который совершил в своей жизни не одно путешествие и в более отдаленные уголки света, они не вызывают особых эмоций. Поэтому он пытается подойти к ним с научной точки зрения, объясняя воинственность горцев наличием пережитков военной демократии в их менталитете (это еще одно доказательство того, что в конце XVIII в. набеги не имели никакой политической подоплеки и носили чисто экономический характер). Госпожа Оммер де Гелль напротив испытывает некоторый страх и трепет перед нападением «бандитов», «ужасных черкесов» (2, с.263, 278 и др.), но одновременно и восхищение их благородством, гордостью и красотой. Впечатлительная женская натура госпожи Оммер де Гелль, светской дамы, для которой путешествие на Кавказ явилось авантюрным предприятием, рисует романтический образ некоего «благородного дикаря», который, был весьма популярен и в светском обществе Российской империи, и, вероятно, во французском обществе, времён колониальной политики.

Оба автора также подчеркивают богатство и самобытность культуры народов Северного Кавказа. Здесь некой романтизации образа Кавказа и его жителей не избегает и Потоцкий: свежесть восприятия нового, едва ли не девственного для европейца края, толкает Потоцкого на проведение живописных аналогий с событиями из истории Древней Греции и Рима, связи культуры современных народов Северного Кавказа с культурой скифов. Адель Оммер де Гелль восхищается «яркой» культурой «жителей Востока» (3, с.190). В силу своей женской впечатлительности, госпожа Оммер де Гелль особое внимание уделяет одежде горянок, подчеркивая ее яркость и разнообразие. Здесь субъективность суждений и оценок госпожи, отличная от стремления Потоцкого к научности, выражается в том, что «пеструю» «другую» моду кавказцев она противопоставляет изысканной сдержанности «своей» французской.

Однако в глазах Яна Потоцкого и госпожи Оммер де Гелль, статус кавказца как «другого» трактуется не только с субъективных позиций. В этом ракурсе особое внимание обращает на себя важное отличие в характере некоторых рассуждений авторов, которые отражают ряд закономерностей в формировании образа кавказца в глазах европейцев. Если одной из черт содержания дневника Потоцкого является непредвзятость в описании горцев, их культуры и, что особенно важно, взаимоотношений с Россией, то образ «благородного дикаря» госпожи Оммер де Гелль объясняется не только

романтичностью и впечатлительностью ее натуры. По ее словам ореол бесстрашных и героических мучеников придает горцам их славная борьба против России, деспотизм которой француженка всячески подчеркивает в своих записках. Потоцкий же, у которого были «свои счёты» к России (после Третьего раздела Польши его имя числилось в списке «преступников» и только вмешательство влиятельного родственника при царском дворе спасло графа) не демонстрирует своих скрытых настроений. Таким образом, здесь обнажается политическая подоплека рассуждений Адель Оммер де Гелль: в середине XIX в. Кавказский регион становится одним из важнейших стратегических пунктов в международной политике многих государств, в том числе и Франции. Несомненный для мадам приоритет Франции и Европы здесь в России, а шире – в Азии, отражается, таким образом, и на ее определенной симпатии к народам Северного Кавказа. Так, образ кавказца в глазах отдельно взятой личности преломляется сквозь призму политических интересов целого государства.

Итак, образ коренных жителей Северного Кавказа как «другого» в представлении Яна Потоцкого и Адель Оммер де Гелль формировался на основе субъективного характера восприятия авторами реалий повседневной жизни народов Северного Кавказа, а также влиянием ряда объективных факторов, раскрывающих особенности рассматриваемой эпохи, и спецификой жанра заметок. Анализ путевых записок Яна Потоцкого и Адель Оммер де Гелль показал, что в русле антитезы «свой-другой» в зависимости от специфики сочетания субъективных и объективных факторов может формироваться инвариантный образ «другого» даже в рамках одного исторического источника («благородный дикарь» и головорез, сочетание высокой культуры и пережитков варварства). Тем не менее, в представлениях польского графа и французской дамы категория «другой» не переходит в категорию «чужой», так как для Потоцкого, как исследователя-дилетанта, северокавказские народы являются предметом исследования, и пишет он свои заметки для «исторической памяти», а для Оммер де Гелль они – носители культуры, непохожей на европейскую, и цель ее заметок – эпатировать публику, фиксировать для «памяти на время».

Использованная литература и источники:

1. Поршнева Б.Ф. Социальная психология и история. - М., 1979.
2. Соснина Е.Л. Два путешествия в золотой век. – Пятигорск, 2003.
3. Соснина Е.Л. Два путешествия в золотой век. – Пятигорск, 2003.

Левшакова В.В.

г. Ставрополь,
Ставропольский государственный аграрный университет,
студентка

РОЛЬ СТАВРОПОЛЬСКОГО ГУБЕРНСКОГО ОБЩЕСТВА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В РАЗВИТИИ ЖИВОТНОВОДСТВА И КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА НА СТАВРОПОЛЬЕ

На рубеже XIX–XX вв. в Ставропольской губернии, являвшейся аграрной окраиной России, на первом месте стоял вопрос о земле. Земледелие как главная отрасль сельского хозяйства Предкавказья получило развитие в 70-х гг. XIX в. Однако успехи зернового производства этого региона не изменили экстенсивной системы хозяйства, о чем отмечалось в «Записке Ставропольского губернского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности» в феврале 1903 г. Вместе с земледелием большое влияние на формирование районов торгового скотоводства оказал рост внутреннего и внешнего рынков. В основном крестьяне разводили овец грубошерстных пород, а тонкорунное овцеводство продолжало оставаться экстенсивным, что было обусловлено низкими арендными ценами на землю. Поэтому по мере превращения Предкавказья в крупнейший центр зернового производства России, неизбежно назревал кризис степного животноводства. Российское правительство хорошо понимало необходимость дальнейшего развития животноводства и зернового производства, укрепления связей с местными народами края, а также хозяйственное освоение его земель.

В связи с этим на территории Ставропольской губернии было создано Ставропольское губернское общество сельского хозяйства. К сожалению, пока не удалось установить точную дату его создания, одно из первых его заседаний прошло в феврале 1912 г., о чем было зафиксировано в отчетах. В обязанности общества входила помощь по улучшению развития местного животноводства и растениеводства. По просьбе крестьян, Общество открывало свои отделы в с. Спицевском, а затем в селах Старомарьевском, Донском, Медвеженском, Ореховском, а также в уездах. Кроме того, оно вело переговоры о вступлении в общество крестьян селений Константиновского и Бешпогирского, Ставропольского и Петропавловского уездов (1, с.5-7).

Главные цели общества состояли в содействии развитию и усовершенствованию сельского хозяйства и сельской промышленности. В общество

входили почетные члены, сотрудники, а также корреспонденты. Число членов не ограничивалось. Средства общества формировались из членских взносов, субсидий от правительства и общественных учреждений, и пожертвований, а так же из доходов от устраиваемых им предприятий (2,с.1-2).

Одним из первых мероприятий, проведенных обществом сельского хозяйства, было устройство опытных показательных полей. Прежде всего, общество заручилось поддержкой землевладельцев, то есть они безвозмездно отдавали ему участки земли, из которых отделами общества готовились показательные участки. Однако отсутствие средств и реальной помощи Департамента Земледелия привело к тому, что обществу приходилось ограничиваться только бесплатным отпуском семян кормовых растений: люцерны, эспарцета, могара, вики, сорго, бурака. Тем не менее, в 1901 г. под его контролем в г. Ставрополе были открыты опытные поля, занимающие около 25 десятин земли. Почва опытного поля отличалась суглинистой структурой и представляла довольно плодородный чернозем. За 3 года существования поля были поставлены следующие опыты: травосеяние (выбор трав и семян, наиболее подходящих для местных условий), разведение кукурузы (выбор сортов устойчивых для местных условий), культура яровых (сорта овса и ячменя). В 1913 г. обществом были приобретены семена люцерны, кормовой свеклы вики, кукурузы на 1800 рублей. Первый богатый урожай от посева бурака и кукурузы собрали в 1912 и 1913 гг.

Общество сельского хозяйства занималось вопросами, как земледелия, так и скотоводства. В климатических условиях Ставропольской губернии животноводство, менее чем земледелие зависело от неблагоприятных погодных условий, к тому же скот при засухе и не урожае можно было перегнать в соседние районы края.

В целях разработки мер по улучшению животноводства еще в 1910 году было созвано совещание, которое признало, что наиболее желательным направлением будет улучшение развития местного крупного рогатого скота (3,с.24-27). Для этого из казны были выделены средства для приобретения породистых производителей - быков ангельской и симментальской породы. К примеру, для своего отдела в с. Спицевке, обществом сельского хозяйства был приобретен бык ангельской породы.

Доминирующее положение в экономике губернии занимало овцеводство. Количество овец губернии доходило до пяти миллионов голов, но с развитием зернового хозяйства сократились свободные земли, что повлекло за собой уменьшение поголовья овец. Поэтому для улучшения овцеводства обществом сельского хозяйства при поддержке, Департамента Земледелия были

закуплены линкольнские бараны. По имеющимся данным в 1913 г. общее количество овец в губернии доходило до 82 миллионов голов.

Одновременно в 1913 г. впервые было обращено внимание на птицеводство. В целях ознакомления населения с приемами рационального птицеводства обществом устраивались чтения, беседы по птицеводству, раздавались брошюры, приобретенные, на средства Департамента Земледелия. По всей губернии открывались «случные пункты», для которых приобретались породистые животные. Такие пункты были открыты обществом в с. Журавском и в с. Новоселецком. Однако возникали большие трудности в арендной плате за землю. Помощь со стороны казны оказалась немногочисленной, поэтому скотоводство становилось убыточным. Тяжелые условия местного животноводства отразились на качестве породы стада и племенной работе.

Большое внимание Общество уделяло проведению сельскохозяйственных выставок. В Ставропольской губернии первая однодневная выставка по животноводству была устроена 26 августа 1911 г. Немаловажное значение для Ставрополя как аграрной окраины России имело проведение промышленной сельскохозяйственной выставки с 26 сентября по 9 октября 1911 г. С этого года подобные выставки проходили во многих селах Ставропольской губернии. Как свидетельствуют статистические данные, наибольшей популярностью пользовались выставки, посвященные животноводству. К примеру, такие выставки проходили 9 и 10 июня 1912 г. в с. Александровском (4, с.10-14) и с 23 по 25 декабря 1912 г. в с. Новоселицком. Активная деятельность Ставропольского губернского Общества сельского хозяйства развернулась в 1913 – 1914 гг. Грандиозные по своему масштабу выставки животноводства и сельского хозяйства с кустарным отделом были проведены в г. Ставрополе с 29 августа по 14 сентября 1913 г. и с 14 сентября по 2 октября 1914 г.

На выставки принимались экспонаты с правом премирования по отделу сельского хозяйства и по отделу животноводства только из Ставропольской губернии, а сельскохозяйственные орудия, приборы и прочее из всех Российских городов и сел. В программе выставки были представлены отделы животноводства, сельского хозяйства, а также научный и кустарный. Заведыванием выставки занимался избранный Обществом выставочный Комитет. В его обязанности входила подготовка и организация работы по устройству выставки, издание разного рода правил и распоряжений, распределение между членами комитета обязанностей по заведыванию различными отделами выставки; назначение дежурств, выдача билетов, избрание членов экспертной комиссии, наблюдение за порядком, общее наблюдение за делами выставки.

Вместе с тем комитет отвечал за организацию чтений и бесед по различным отраслям сельского хозяйства.

В это время для распространения полезных сведений между хозяйствами, общество выписывало такие журналы, как: «Сельскохозяйственный листок», «Молочные хозяйства», «Ветеринарный фельдшер», «Лечебник домашних животных». Распространение сельскохозяйственных знаний предусматривало проведение научно – познавательных чтений и бесед, инструкторами и специалистами в сельскохозяйственных школах. Примерными темами обсуждения были проблемы обработки почвы, борьбы с вредителями сельского хозяйства и многие другие. Вопросами подготовки сельскохозяйственных курсов занималась специальная лекционная комиссия, которая выработывала их программу и назначала лекторов. Как правило, лекции освещали проблемы ботаники, общего и частного земледелия, химии, животноводства, но особым интересом у крестьян пользовались курсы по молочному хозяйству.

Однако экономический подъём, достигнутый, в стране в годы реформаторства оказался непродолжительным и был прерван Мировой войной, начавшейся в 1914 году. Основная тяжесть этих лет легла на крестьян, потому что в первые дни войны в губернии было мобилизовано около 30 тысяч человек. В итоге в Ставропольской губернии стало остро не хватать рабочих рук, затруднялась работа в сельском хозяйстве, а уборка урожая 1914 г. проходила с большим напряжением.

Несмотря на это в первой половине XX в. под руководством общества развивалось сельское хозяйство и животноводство Ставропольской губернии. Особое внимание уделялось развитию племенного животноводства, открытию на территории Ставропольской губернии опытных полей, выведению новых сортов злаковых. Большую роль в распространении полезных сведений между хозяйствами сыграла периодика. Общество выписывало журналы, выпускало газеты, брошюры, организовывало выставки, аукционы, проводило сельскохозяйственные курсы для крестьян. Общество внесло свой вклад в развитие сельского хозяйства на Ставрополье и, несмотря на непродолжительную деятельность, способствовало дальнейшему изучению и развитию многочисленных отраслей сельского хозяйства в Ставропольской губернии.

Использованная литература и источники:

1. Савотеев Н. Отчеты Ставропольского Губернского Общества сельского хозяйства за 1912 г. - Ставрополь, 1914.
2. Копия устава Ставропольского Губернского Общества сельского хозяйства - Ставрополь, 1912.
3. Журнал Ставропольских агрономических совещаний - Ставрополь, 1915.

4. Отчет о деятельности Александровского Общества сельского хозяйства за 1912 г. (доклад общему собранию), 1913.

Любимова Л.С.
г. Ставрополь,
Северо-Кавказский государственный технический университет,
студентка

Из истории деятельности профсоюзов на Ставрополье

Современные профсоюзы являются одной из форм самоуправления. Интересно, что в современном экономическом словаре профессиональный союз, объединяющий творческих работников или ремесленников, трактуется как гильдия. Таким образом, можно установить взаимосвязь между деятельностью купеческих гильдий, стоявших у истоков развития городской жизни на Северном Кавказе и деятельностью профессиональных союзов рабочих, возникших на Ставрополье в начале XX века.

С целью исследования развития профессиональных союзов как формы самоуправления были изучены «Очерки истории Ставропольского края», «Край наш Ставрополье. Очерки истории», Официальный веб-сайт губернатора Ставропольского края, а также «Профсоюзы мира» под редакцией Г.Е. Канаева, А.С. Протопопова и др.

В результате было выявлено, что, используя завоеванные политические свободы, рабочие, служащие стали создавать свои профессиональные союзы. К концу 1905 г. в Ставрополе были созданы профсоюзы печатников, телеграфных и почтовых служащих, пекарей и кондитеров, служащих правительственных учреждений. Позже появились союзы металлистов, портных, каменщиков, деревообработчиков и другие.

Особенностью трудовых отношений в дореволюционной России было пренебрежение со стороны работодателей к условиям труда наемных работников. Защитниками прав рабочих выступали профессиональные союзы. Так, например, в Ставропольской губернии газета «Колос» оповестила о бойкоте мануфактурного магазина Балаева, расположенного на нижнем базаре. Забастовку служащих поддержало общее собрание профессионального общества торгово-промышленных предприятий г.Ставрополя, о чем было объявлено в местных и иногородних газетах.

К осени 1906 г. наступила реакция, последовавшая из-за волнений, охвативших все уезды губернии. В Ставрополе были закрыты оппозиционные газеты, в том числе и «Колос», профессиональные союзы. Позже власти ужесточили регистрацию профессиональных обществ и объединений трудящихся. Можно сделать вывод, что на этом завершился

первый этап рабочего профсоюзного движения, отразивший в себе настроения и проблемы той эпохи.

В период становления советской власти было достигнуто значительное повышение роли профсоюзов в руководстве экономикой Ставропольского края, в решении задач хозяйственного строительства. В этой связи показательны формы деятельности профсоюзов на Ставрополье в 1950 – 1960-е гг.

В 1957 году в крае было создано около 5 тысяч фабрично-заводских и местных профкомитетов, 200 городских и районных, 7 областных и 15 краевых комитетов, работу которых возглавлял краевой совет профсоюзов. Профсоюзные организации объединяли 490 тысяч работающих во всех отраслях народного хозяйства, сфере обслуживания, в государственных и общественных организациях.

После обсуждения вопроса «О работе профсоюзов СССР» на Пленуме Центрального Комитета КПСС в декабре 1957 г. были расширены функции фабрично-заводских профсоюзных комитетов: они стали участвовать в разработке техпромфинпланов предприятий, решении вопросов нормирования труда и зарплаты и т.д. На предприятиях и стройках создавались постоянно действующие производственные совещания (ПДПС), через них профсоюзы получили возможность непосредственно участвовать в управлении производством, решать вопросы производственной деятельности трудовых коллективов, осуществлять контроль за выполнением планов строительства жилья, лечебных и культурно-бытовых учреждений.

В крае было создано более 900 ПДПС, к их работе привлечено свыше 40 тысяч рабочих, инженерно-технических работников. В первый год своей деятельности ПДПС внесли более 19 тысяч конкретных предложений производственного характера. По инициативе профсоюзных организаций на предприятиях и стройках проводились такие общественные мероприятия, как борьба за экономию и бережливость, обучение передовым методам труда, совершенствовались формы трудового состязания и распространения опыта передовиков социалистического соревнования.

Профсоюзные комитеты треста «Ставропольхимстрой», предприятий Георгиевска и Минеральных Вод положили начало соревнованию за звание «Лучший рационализатор предприятия», Пятигорского ремзавода и Невинномысской шерстомойной фабрики - движению за достойную встречу 40-летия Октябрьской революции. Железнодорожники Минераловодского узла были инициаторами соревнования на Орджоникидзевской железной дороге за перевозку сверхплановых грузов с минимальными затратами государственных средств.

В 1962 г. профсоюзы насчитывали в Ставропольском крае почти полмиллиона человек. Они стали более широко вовлекать трудящихся в управление государственными и общественными делами и решение производственных задач вплоть до управления предприятиями.

При деятельном участии профсоюзов в трудовых коллективах получили дальнейшее развитие такие формы приобщения трудящихся к государственным и общественным делам, как постоянно действующие производственные совещания, производственные конференции, общественные смотры резервов повышения производительности труда, движение рационализаторов и изобретателей и т. д.

В 1963 году на промышленных предприятиях края было 300 постоянно действующих производственных совещаний, в них участвовало около 20 тысяч человек. Только за первое полугодие 1963 года они обсудили 1959 предложений, направленных на улучшение технико-экономических показателей работы предприятий и строек.

На основе соревнования трудовых коллективов, обеспечивалось повышение активности, творческой инициативы рабочих на производстве. В ряде отраслей промышленности, особенно в быстро развивающейся химической, интенсивно использовались резервы роста производительности труда, расширения масштабов производства. Благодаря этому строители Невинномысского химкомбината в 1964 году досрочно сдали в эксплуатацию производство аммиачной воды, крепкой азотной кислоты, сухого льда. Здесь, в результате реализации предложений главного инженера, лауреата Государственной премии СССР В. М. Низяева и инженерно-технических работников комбината, на полтора года раньше срока был начат выпуск высококонцентрированного вида минеральных удобрений и ценного вещества для подкормки животных – карбамида, значительно увеличены объемы производства минеральных удобрений.

Опираясь на опыт передовых коллективов промышленных предприятий, профсоюзы развивали активность специалистов сельского хозяйства, рабочих совхозов. Во многих хозяйствах, особенно в совхозах «Советское руно», «Ипатовский», «Суворовский», «Ясная Поляна», конезаводе №170, на основе массового соревнования животноводов, механизаторов, кукурузоводов были вовлечены в борьбу за повышение производительности труда, выполнение народнохозяйственных планов подавляющее большинство рабочих и специалистов.

По инициативе профсоюзов на селе были созданы и работали 250 школ передового опыта непосредственно в хозяйствах и 200 районных школ. Многие специалисты сельского хозяйства, организаторы производства

переходили на работу в отстающие бригады, фермы. Шефство над отстающими хозяйствами осуществляли 35 передовых колхозов, 387 бригад, отделений, ферм и более 1500 передовиков сельскохозяйственного производства.

Развитие общественной активности трудящихся, их непосредственное участие в работе органов управления хозяйством, в выработке решений по актуальным вопросам экономического, культурного и государственного строительства свидетельствовало об их заинтересованности в успехах политики партии. Однако в дальнейшем эта особенность общества стала размываться, процесс демократизации общества и государственной жизни, в период становления Советской власти, не был углублен и постепенно затих.

Сегодня, в новых экономических условиях, особенно весома и значима роль профсоюзов в социальной защите трудящихся края. От эффективности профсоюзной деятельности во многом зависит формирование конструктивных рыночных отношений, становление социального государства и развитие экономической демократии. С 2005 года начался новый этап в деятельности профсоюзов, связанный с глобализацией экономики, которая затронула вопросы охраны труда. Этот период характеризуется активной деятельностью в подготовке нового законодательства о техническом регулировании, которое изменило контур трудовых правоотношений в области охраны труда. Цель, которую поставили перед собой профсоюзы, – добиться того, чтобы не были изменены основополагающие принципы в нормативно-правовом регулировании в области охраны труда и при этом не были ущемлены права работников.

На основании всего вышесказанного деятельность профсоюзов Ставрополя в XX вв. можно охарактеризовать социально значимую. Профсоюзы внесли весомый вклад развитие экономики и социальной сферы; социального обслуживания, форм досуга и уровня культуры трудящихся. Так же установлено, что главным направлением деятельности профессиональных союзов в современный период становится соблюдение трудового законодательства.

Использованная литература и источники:

1. Край наш Ставрополье: очерки истории. – Ставрополь: Шат-гора, 1999.
2. Очерки истории Ставропольского края. Т. 2. – Ставрополь: Ставропольское кн. изд-во, 1986.
3. Профсоюзы мира /Под ред. Г.Е. Канаева, А.С. Протопопова, – М., Профиздат, 2002.
4. Официальный веб-сайт Губернатора Ставропольского края/www.stpravda.ru.

Потоцкая И.,
г. Минеральные Воды,
МОУ лицея №104,
учащаяся.
Научный руководитель:
Шкарупа И.Ф.,
учитель истории

ОСНОВНЫЕ ТИПЫ ЖИЛИЩ ПОСЕЛКА СУЛТАНОВСКОГО (КОНЕЦ XIX-НАЧАЛО XX ВЕКА)

Поселок Султановский возник относительно недавно, около 130 лет назад. Это был рабочий поселок на юге России. В отличие от городов - курортов КМВ целенаправленные меры по благоустройству его почти не коснулись. Мы пытаемся описать первые жилища поселка, определить их социальный статус, особенности архитектуры. Специальной литературы по данной проблеме нет. Даже в юбилейных изданиях к 200-летию КМВ почти ничего не говорится о жилых зданиях. Особенности бытовой архитектуры первых минераловодцев помогли представить собственные наблюдения, старинные фотографии, рассказы старожилов.

Первыми поселенцами земли Минераловодской в новое время были ногайцы. Основными типами жилища ногайцев были **юрты**, да **турлучные** дома. Старожилы из числа славян и некоторых других народов использовали ногайский опыт строительства. Саманные хаты, да турлучные здания стали первыми жилищами поселка, возникшего в степи у горы Змейка. Крыши крыли камышом. Более богатые строили **круглый дом** (фактически близкий к квадрату) под черепицей. Планировку таких домов, как и само название, заимствовали у зажиточного казачества Дона и Кубани. Жители победнее делали дома, напоминающие прямоугольник. Длинной стороной они стояли к улице. Состояли или из одной комнаты и сеней, или из двух комнат. По такому же типу строились дома, сдаваемые в наем, **«доходные»**. В них снимали квартиру железнодорожники. Для машинистов и помощников акционеры общества Ростово-Владикавказской железной дороги построили 36 **коттеджей** из кирпича. Каждое здание имеет выразительную внешнюю отделку и простой интерьер внутри: в 1-2 комнатах протекали сон, отдых, приготовление и прием пищи, воспитание детей. Специализированных помещений не было, как и подсобных. Печь топилась углем. Инженеры, начальник станции жили в двухэтажных домах с балконом, электрическим

освещением. Интерьер жилья ничем не отличался от быта чиновников центральной России, а управляющий дорогой И.Д. Иноземцев к тому же построил на ст. Каррас (ныне Иноземцево) прекраснейшее двухэтажное здание в стиле модерн.

Часть населения поселка составляли ремесленники и торговцы. Они платили высокую арендную плату за землю (60-120 руб.). К 1897 году здесь уже было 118 домохозяев. В поселке жили содержатель гостиницы, буфета, скупщик зерна, портной, сапожник. Они строили дома в соответствии с достатком. Тем, кто побогаче, в два этажа: на первом - лавка или питейное заведение, на втором – жилье. Была еще одна категория населения землевладельцы -помещики Султан - Гирей и Пеховский. В городе сохранился дом Султан - Гирея, а в поселке Ленинском - помещика Пеховского.

Изучение жилищного строительства поселка Султановского позволяет сделать выводы:

1) Раннее жилищное строительство в поселке Султановском приходится на период конца XIX - начала XX в. и связано с развитием железнодорожных транспортных путей на юге России. Сюда, в предгорья Кавказа, из центральных губерний России в поисках лучшей жизни устремились крестьяне, рабочие. Здесь уже проживали ногайцы, терские и донские казаки. Так из взаимодействия культур ногайского, украинского, русского народа родились такие типы жилищ, как турлучная хата, «круглый дом», прямоугольный дом с двускатной крышей. И в интерьере жилища четко прослеживались национальные особенности.

2) Жители поселка строили дома из турлука, самана, кирпича, редко из дерева.

3) Со временем поселок заселялся людьми разных сословий: здесь жили промышленники, помещики, инженеры-путейцы, рабочие, ремесленники, купцы и мелкие лавочники. В характере жилых зданий прослеживается сословная принадлежность. С одной стороны, это бараки для рабочих-путейцев, с другой стороны двухэтажные дома с множеством комнат различного назначения для инженеров. С одной стороны, «доходные дома», с другой – роскошные дома управляющих и помещиков. Обстановка также соответствовала материальному достатку и сословной принадлежности.

4) Поселок, выросший в степи, еще долго сохранял черты сельского поселения, как в характере жилых построек, так и в быту, он сильно отличался от городов КМВ, был грязным, неухоженным. Но наличие рабочего класса вносило элементы урбанизации. Об этом говорило наличие

рабочих коттеджей, «доходные дома», где квартиры сдавались внаем, бараки для путейцев, дома для мастеров.

5) Жилые сооружения придавали поселку Султановскому и Минеральным Водам своеобразный облик, поэтому в истории культуры города они занимают важное место.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ:

АКАК	– Акты Кавказской археографической комиссии
ВИ	– Вопросы истории
ГАНИСК	– Государственный архив новейшей истории Ставропольского края
ГАСК	– Государственный архив Ставропольского края
ГУ «МИИР»	– Государственное учреждение «Музей истории Изобильненского района
ГУК	– Государственное учреждение культуры
ИАА	– Историко-археологический альманах
ИИМК	– Институт истории материальной культуры Российской Академии наук
ЛГУ	– Ленинградский государственный университет
МГУ	– Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
ОФ	– Основной фонд
ПСЗ РИ	– Полное собрание законов Российской империи
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
РГИА	– Российский государственный исторический архив
РГАСПИ	– Российский государственный архив социально-политической истории
РЦХИДНИ	– Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории
САИ	– Свод археологических источников
СГМЗ	– Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник им. Г.Н. Прозрителева и Г. К. Праве
СГУ	– Ставропольский государственный университет
СМОМПК	– Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
СОИГСИ	– Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева
СОНИИИФЭ	– Северо-Осетинский научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики
ССКГ	– Сборник сведений о кавказских горцах
СССоСГ	– Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии
СУАК	– Ставропольская ученая архивная комиссия
СЭ	– Советская этнография
ЦГАДА	– Центральный государственный архив древних актов
ЦГВИА	– Центральный государственный военно-исторический архив